ВѢСТНИКЪ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. Говорскимъ.

ЯНВАРЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ III.

КІЕВЪ.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1863.

Печатать позволяется. Кіевъ. 27 Февраля 1863 года.

Цензоръ Малышевскій.

I.

№ 21.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ГОНЕНІЯ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ВЪ БЫВШИХЪ ПОДЪ ВЛАСТІЮ ПОЛЬШИ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ (1).

Выпись изъ варшавской королевской канцеляріи о гвалтовномъ нападеніи уніатскаго Генеральнаго инстигатора Андрея Глинскаго на мошногорскихъ числомъ пятнадцати монаховъ, между коими былъ одинъ Іеромонахъ и шесть работниковъ на земли правомъ наданной монастырю княземъ Любомирскимъ во время просяныхъ жнивовъ съ своими казаками, изъ коихъ поймавъ двѣнадцать монаховъ въ числѣ коихъ Іеромонахъ былъ а прочіе бѣгствомъ спаслись, велѣлъ забрать козакамъ одѣяніе монашеское, книгъ, воловъ двѣнадцать, каждой по пятнадцать рублей, коней четыре по четырнадцать рублей а одинъ шестьднадцать рублей, возовъ воловыхъ шесть а конскихъ два, воловые по два рубли а конскихъ по одному, канатовъ и другихъ хозяйственныхъ припасовъ на восѣмъ рублей, казановъ (котловъ) мѣдныхъ два цѣна двенадцать рублей, проса молоченнаго забрато возовъ два, а сноповъ сто двадцать копъ по забратіи монаховъ пропало; а когда тѣхъ монаховъ вьязанныхъ до Корсуна представлено, Офиціалъ Григорій Мокрицкій велѣлъ закинуть въ тюрму а потомъ всѣхъ заковавъ по два въ желѣза, отослалъ въ митрополитанскій радомишлскій консисторъ, въ которомъ его братъ ксендзъ Василій Мокрицкій засѣдателемъ велѣлъ тотъ жиду обрѣзать бѣднимъ монахамъ на послѣднее уничиженіе на головахъ и бородахъ волоса и

---

(1) Доставлено А. Е. Зайкевичемъ.

бить розгами безъ пощади, такъ что каждаго водою отливали, и такъ умученныхъ въ темницахъ содержалъ въ которыхъ едва мало вызъдоровѣли, велѣно тачками на валы землю возить, но его работою обремсняеми были безъ одѣянія и босы чрезъ лѣто и зиму, по забратіи монаховъ и скота монастырь остался вовсѣ опустошенъ и крайнѣ разоренъ, ибо оставшимся въ монастырѣ монахамъ застрахъ отъ нюдъ опротестоватся невозможно было, какъ же свѣдано, что россійскія войска вступили въ полскія границы, да при томъ празглашено отъ Его королевской милости и свѣтлѣйшой рѣчи посполитой ея императорскаго величества установленіе безъ препятственнаго исповѣданія кождому своей религіи, выпроважены тѣ монахи митрополитанскими казаками тайными изъ Радомишля въ свой монастырь дорогами, чтобъ случайно невстрѣтились съ россійскимъ войскомъ, тогда игуменъ Герасимъ Дубровскій прибывшу въ Варшаву всеподданнѣйше опрестостовалъ нанесенную монахамъ обиду въ 1767 году.

№ 22.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РАЗДѢЛЕНІЯ ПОЛЬШИ.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ВАРШАВСКОЙ ГАЗЕТѢ.

№ 41, 23 мая 1792 года

(Переводъ съ польскаго.)

Изъ Варшавы, 23 Мая. *Декларація русскаго* Двора, представленная нашему Двору, 18 числа настоящаго мѣсяца, чрезвычайнымъ посланникомъ и уполномоченнымъ министромъ ея императорскаго величества, Г. *Булгаковымъ*, а 21 того же мѣсяца читанная на *сеймовой сессіи*, въ присутствіи Гг. *представителей* (arbitrów), эта декларація заключается въ слѣдующемъ:

ДЕКЛАРАЦІЯ.

Свобода и независимость свѣтлѣйшой Рѣчи посполитой польской всегда и для всѣхъ ея сосѣдей были предметомъ особенной заботливости и ея величество императрица всей Россіи,

соединенная, кромѣ того, съ Рѣчью-посполитой натуральными и формальными союзами; тѣмъ болѣе считала своею обязанностію тщательно заботиться о неприкосновенномъ сохраненіи этихъ двухъ дорогихъ правъ, изъ которыхъ слагается ея политическій быть.

Эта-то постоянная и великодушная заботливость ея величества императрицы, возникающая столько же изъ любви къ порядку и справедливости, сколько тѣ ея доброжелательства тому народу, который такъ дорогъ въ ея глазахъ и по единству первоначальнаго происхожденія и языка и по многимъ другимъ натуральнымъ связамъ съ ея народомъ, эта заботливость не гармонировала, конечно, съ честолюбивыми тенденціями властолюбцевъ: недовольные той долей власти, какую дали имъ мѣстныя права, они стремились къ расширенію ея путемъ нарушенія этихъ же мѣстныхъ правъ. Для такихъ честолюбивыхъ цѣлей, люди эти не пренебрегали ни чемъ, что могло бы, съ одной стороны, ослабить дѣятельное вниманіе ея величества императрицы къ сохраненію правъ и прерогативъ почтеннаго польскаго народа, а съ другой—помрачить чистоту и благотворность ея намѣреній, давая имъ значеніе, совершенно противоположное ея тенденціями: они вѣроломно успѣли представить и изъяснить, какъ тяжелое и позорное иго тотъ актъ, по которому Россія гарантируетъ права и легальную конституцію польскаго народа, между тѣмъ какъ самыя могущественныя государства, въ томъ числѣ и Имперія Нѣмецкая, нетолько никогда не отвергали подобныхъ гарантій, напротивъ думали, старались объ нихъ и принимали ихъ, какъ самую прочную опору своихъ правъ и своей независимости.

Впрочемъ, свѣжо еще событіе, болѣе чѣмъ всѣ аргументы, показываетъ, на сколько эта гарантія можетъ быть полезна и необходима, оно показываетъ, что безъ нея Рѣчь-посполитая, павъ подъ ударами домашнихъ враговъ, не имѣла бы другихъ правъ на свое возстановленіе и покровительство со стороны ея величества императрицы, кромѣ ея дружбы и великодушія.

Тѣмъ не менѣе, люди издавна задумавшія уничтожить освященную вѣками народную свободу и ободренные успѣхомъ, съ какимъ удалось имъ увлечь нѣкоторую часть народа столькими обманами и распространенными ложными началами, выжидали только благопріятной минуты для исполненія своихъ

странныхъ замысловъ: они думали найти ее во время двухъ войнъ, которыми Россія была сразу обезпокоена. Въ это самое время собрался сеймъ въ Варшавѣ. Инструкціи, данныя всѣми воеводствами своимъ посламъ, показываютъ, что эти воеводства желали видѣть въ немъ сеймъ свободный и обыкновенный; однакожъ онъ вдругъ и безъ всякой причины дѣйствительной или мнимой принялъ характеръ конфедераціи. Обнародованный актъ этой конфедераціи заключалъ въ себѣ тѣ предметы, которые, какъ самые важные, должны были въ особенности затруднять сеймъ, именно: сохраненіе свободнаго республиканскаго правительства, сохраненіе магистратовъ съ ихъ должностями и наконецъ сохраненіе собственности помѣщиковъ. Пусть же теперь самъ польскій народъ судитъ, какъ далеко уклонялся сеймъ отъ этихъ предметовъ, предложенныхъ общественному довѣрію, своими послѣдующими дѣйствіями, діаметрально противоположными первымъ.

Не входя здѣсь въ подробный разсказъ о всѣхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, о всѣхъ нарушеніяхъ правъ и цѣлостности Рѣчи-посполитой, какія позволилъ себѣ этотъ сеймъ — конфедерація или, лучше, преобладавшая на немъ партія, достаточно сказать, что присвоивши и, такъ сказать, воплотивши въ себѣ всѣ власти,—которыхъ соединеніе въ одной рукѣ никогда не можетъ мириться съ формами республиканскими,—онъ злоупотребилъ каждою изъ нихъ самымъ страшнымъ образомъ, продолжилъ свое существованіе болѣе, чѣмъ на три съ половиною года,—продолженіе не имѣющее примѣра въ исторіи польской,—и наконецъ завершилъ всѣ свои печальныя предпріятія совершеннымъ разрушеніемъ въ одинъ день, 3 Мая 1792 года, всего правительственнаго строя, при которомъ столько и такъ благополучно существовала Рѣчь-посполитая. Возвысившаяся на его развалинахъ монархія представляетъ въ своихъ новыхъ и, по видимому, ограничивающихъ правахъ только противорѣчіе однихъ другимъ, не сообразность ихъ съ правами древними и совершенную недостаточность сравнительно со всѣми другими мѣрами; она не оставляетъ полякамъ даже тѣни той свободы, о которой они всегда заботились. Престолъ польскій изъ избирательнаго сдѣланъ наслѣдственнымъ, законъ о престолонаслѣдіи, который продиктовала мудрость ихъ предковъ, и которымъ запрещается при жизни короля думать объ избраніи его наслѣд-

ника, этотъ законъ нагло нарушенъ, подобно всѣмъ другимъ законамъ, обезпечивавшимъ непрерывное существованіе Рѣчи-посполитой. Самыя средства, употребленныя для исполненія стольких противозаконныхъ дѣйствій, указываютъ на насильственный революціонный характеръ послѣднихъ: крѣпость и сеймовая изба наполняются варшавскимъ посполитствомъ, сюда же вводится людъ, вооруженный выдвинутыми изъ арсенала пушками; для содѣйствія посполитству собираютъ полкъ артиллеріи и литовскую гвардію; возбуждаютъ въ народѣ ярость противъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ боязливо ожидали оппозиціи; многимъ посламъ, депутатамъ, неизмѣннымъ въ своихъ патріотическихъ чувствахъ, грозятъ лишеніемъ жизни. Посолъ калишскій, Сухоржевскій, униженно ползавшій предъ престоломъ, чтобы напомнить королю святость клятвъ, данныхъ имъ въ Pactis conventis, въ этомъ святомъ и ненарушимомъ союзѣ съ народомъ жестоко попирается ногами, съ презрѣніемъ священнаго характора его, какъ представителя народнаго и къ соблазну каждаго поляка, еще не вполнѣ потерявшаго чувство чести и свободы. И эту-то революцію, вызванную такимъ насильственнымъ образомъ, ея агитаторы стараются представить какъ свободное и единодушное выраженіе народной воли.

Однакожъ для нихъ недостаточно было этихъ внутреннихъ бѣдствій, внесенныхъ въ свое отечество, они старались еще навлечь на него несчастья внѣшнія, вводя его въ ссоры и даже въ открытую войную съ Россіею, »своею старою союзницею,« самымъ лучшимъ и самымъ постояннымъ другомъ Рѣчи-посполитой и народа польскаго. Только великодушіе императрицы, а въ особенности справедливость и совершенство ума, дающія ей возможность отличить дѣло интриги отъ дѣла общенароднаго, могли сдержать тѣ рѣшительныя дѣйствія, къ которымъ она была постоянно побуждаема. Краткій очеркъ событій ясно покажетъ справедливость этого представленія.

Когда Оттоманская Порта объявила войну Россіи, посланникъ великой императрицы представилъ министрамъ Рѣчи-посполитой ноту, извѣщая о переходѣ русскихъ войскъ чрезъ Польшу и предлагая назначить комиссаровъ въ воеводства, ближайшія къ позиціи этихъ войскъ; комиссаровъ, съ которыми бы можно было совмѣстно условиться и распорядиться относительно платежа, заготовленія жизненныхъ припасовъ и фуража,

предложеніе дружеское, выгодное для обоихъ сторонъ, не смотря на возникавшія и уже замѣтныя въ то время непріязненныя отношенія. Но какъ скоро сформировался сеймъ, какъ скоро проэктъ объ уничтоженіи Рѣчи посполитой сталъ обозначаться ясно и пересилилъ всѣ стремленія къ сохраненію внутренняго и внѣшняго спокойствія, тогда не только начали настоятельно требовать удаленія всѣхъ русскихъ войскъ, не исключая и лишняго числа оберегавшихъ запасные магазины, отъ границъ польскихъ, но и всячески старались препятствовать снабженію ихъ необходимыми жизненными припасами, не позволяли строить новыхъ магазиновъ, напротивъ требовали, что бы и прежде построенные были перенесены за предѣлы Рѣчи-посполитой. По этому государственная комиссія заявила противно всякой справедливости желаніе, чтобы съ этихъ магазиновъ, вывозимыхъ заграницу, и устроенныхъ съ такими издержками для Россіи и съ такими выгодами для польскихъ владѣльцевъ платима была пошлина на Днѣстрѣ. Подобныя требованія далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ отношеніямъ, какія должны существовать между двумя сосѣдними государствами, соединенными, кромѣ того, узами дружбы племяннагородства и мира. Всякаго рода стѣсненія, придуманныя для подданныхъ императрицы, дошли наконецъ до того, что нѣкоторыхъ изъ жившихъ въ областяхъ Польши часто для спекуляцій,—которыя они вели на основаніи трактатовъ и международнаго права,—обвинили въ возбужденіи мѣстныхъ жителей къ бунту, подъ этимъ предлогомъ брали ихъ и сажали въ тюрму, судьи, не находя ни какихъ слѣдовъ навязаннаго имъ преступленія, мученіями старались выпудить у нихъ признаки своей вины и, за это принужденное сознаніе, осуждали ихъ съ полною жестокостію на казнь и съ какою же жестокостію позволяли исполнить ее. Это первое проявленіе несправедливости негуманности и жестокости открыло пути всякаго рода инквизиціямъ, которыя всею своею тяжестію падали въ особенности на дворянъ тѣхъ провинцій, гдѣ исповѣдывали православно-греческую религію. Епископъ переяславскій и, вмѣстѣ, игуменъ слуцкій, подданный императрицы, палъ также жертвою этого преслѣдованія: не смотря на высокую ступень, на какой стоялъ онъ среди духовенства, не смотря на чистоту нравовъ и строгость правилъ, этотъ епископъ обвиненъ въ преступленіяхъ (которыя необходимо было изобрѣтать въ каждый мо-

ментъ злобы и стремленія къ безпорядку), схваченъ и увезенъ въ Варшаву, гдѣ и доселѣ держатъ его въ тяжеломъ плѣну. Не болѣе сохранены были международныя права по отношенію къ министрамъ императрицы въ самой столицѣ польскаго государства; ихъ церковь, составляющая, по видимому, часть занимаемаго ими дворца, представляетъ, по выставленному на ней русскому гербу, мѣсто привилегированное, и однакожъ она была осквернена: польскій солдатъ, напавъ на эту церковь, насильно вытащилъ одного изъ принадлежавшихъ къ ней и представилъ его, безъ всякой причины, въ судъ, къ которому онъ нисколько не былъ подчиненъ. Когда же русскіе министры потребевали справедливости въ этомъ дѣлѣ, имъ отказали подъ благовидными предлогами,—словомъ, не только нарушены были всѣ, самые торжественные трактаты, какіе Россія заключала, и притомъ въ самыхъ важныхъ пунктахъ, но, въ добавокъ ко всему этому, отправлено чрезвычайное посольство къ Портѣ, во время открытой войны ея съ Росіей, съ предложеніемъ наступательнаго союза, направленнаго исключительно противъ Россіи: очевидныя доказательства этого можно найти въ архивѣ министерскихъ корреспонденцій варшавскаго кабинета. Среди голосовъ, раздававшихся на сеймовыхъ сессіяхъ, не было сохранено даже уваженіе къ особѣ и столь знаменитому достоинству императрицы, и это легкомысленное неприличіе, вмѣсто заслуженнаго порицанія, встрѣтило еще одобреніе со стороны предводителей той партіи, которая ниспровергла право и правительство Рѣчи-посполитой.

Самая малая изъ этихъ обидъ, далеко неравная тѣмъ, которыя опускаются здѣсь для краткости показанія, достаточна, однакожъ, сама по себѣ для оправданія предъ Богомъ и иностранными государствами дѣйствій ея величества императрицы, какія бы ни предприняла она для ея удовлетворенія; но ея мысль далека отъ этого, свойственная ей справедливость не позволяетъ сливать весь народъ польскій съ тою его частію, которая измѣнила общественному довѣрію, она, напротивъ вполнѣ убѣждена, что большинство этаго народа нисколько неприкосновенно ко всему происходившему въ Варшавѣ, и направленному противъ ней и противъ Рѣчи-посполитой, ея стараго друга. Ея величества готова оставить свой справедливый гнѣвъ, надѣясь,—и эта надежда болѣе соотвѣтствуетъ ея благороднымъ

и миролюбивымъ чувствамъ,—что всѣ эти оскорбительныя для нея дѣйствія уже исправлены созваніемъ другаго сейма, болѣе вѣрнаго своимъ инструкціямъ и кореннымъ, неизмѣннымъ правамъ страны, чѣмъ сеймъ нынѣшній, который нарушилъ самымъ очевиднымъ образомъ всѣ эти права, и самъ собою, нелегально и съ презрѣніемъ всѣхъ законовъ, опредѣлилъ свои дѣйствія.

Но если ея величество такъ равнодушнакъ своимъ личнымъ оскорбленіямъ, она не можетъ, однакожъ, быть также равнодушна къ тѣмъ жалобамъ, какія занесены къ ней многими поляками, въ томъ числѣ нѣкоторыми, столькоже извѣстными своимъ знаменитымъ происхожденіемъ и общественнымъ значеніемъ въ Рѣчи посполитой, сколько своимъ благороднымъ патріотизмомъ и способностями къ служебной дѣятельности въ отечествѣ. Движимые чистою и похвальною ревностію къ спасенію своего отечества, къ возстановленію его прежней свободы и независимости, эти люди соединились между собою для образованія законной конфедерація, какъ чрезвычайнаго средства, необходимаго для противодѣйствія тѣмъ бѣдствіямъ, какія наложила на народъ конференція варшавская,—конфедерація незаконная, управляемая силою, а не правомъ. Они желали, для этой цѣли, содѣйствія и опоры со стороны императрицы, и она обѣщала имъ то и другое, движимая дружескими чувствами и благожеланіемъ Рѣчи посполитой, а болѣе всего заключенными съ ней трактатами,

Для исполненія этого обѣщанія императрица приказала одной части своихъ войскъ двинуться въ области Рѣчи-посполитой: они вступаютъ въ нихъ какъ друзья, для совмѣстнаго возстановленія Рѣчи-посполитой въ ея правахъ и прерогативахъ. И всѣ тѣ, которые признаютъ такими эти войска, будутъ обезпечены въ неприкосновенности своихъ личностей и собственностей. Ея величество императрица льститъ себя надеждою, что каждый полякъ, истинно любящій свое отечество, съумѣетъ оцѣнить ея намѣренія, убѣдиться у себя дома въ ихъ чистотѣ и за тѣмъ искренно, вполнѣ сочувствовать всѣмъ усиліямъ, какія подняты будутъ ею, съ общаго согласія всѣхъ истинныхъ патріотовъ, для возвращенія Рѣчи-посполитой ея свободы, ея правъ и прерогативъ, отнятыхъ мнимою конституціей 3 мая: каждый полякъ, дѣйствующій такимъ образомъ, будетъ служить своему собственному благу, своимъ интересамъ. Если кого при-

водитъ въ недоумѣніе и нерѣшительность присяга, данная имъ по принужденію, или вынужденная силою и обманомъ, тотъ пусть знаетъ, что та только присяга свята и справедлива, которая внушаетъ сохранять и защищать, хотя бы-то съ потерею самой жизни, свободное и древнее республиканское управленіе, и что возстановленіе этой старой присяги представляетъ единственное средство къ исправленію недавней ложной присяги. Но если кто останется непреклоненъ въ своихъ разрушительныхъ началахъ, которыми онъ допустилъ опутать себя, и будетъ противодѣйствовать благотворнымъ стремленіямъ императрицы и своихъ согражданъ, тотъ пусть самъ себя винитъ за тѣ несчастія и ту строгость, какимъ онъ подвергаетъ себя, тѣмъ болѣе, что отъ него же зависѣло уклониться отъ этихъ несчастій путемъ скораго, искренняго раскаянія и исправленія.

Нижеподписавшійся чрезвычайный посланникъ и уполномоченный министръ имѣетъ порученіе донесть о такихъ намѣреніяхъ ея величеству императрицѣ, и имѣетъ съ тѣмъ призвать почтенный народъ польскій къ возложенію всей своей надежды на великодушіе и безкорыстіе, которыя управляютъ дѣйствіями ея величеству и вызываютъ въ ней самое живое желаніе скорѣйшаго утвержденія Рѣчи-посполитой въ ея коренныхъ началахъ многоразумнаго равновѣсія, какъ самаго вѣрнаго средства къ сохраненію внутренняго и внѣшняго спокойствія, къ скрѣпленію добрыхъ сосѣдственныхъ отношеній и мира со всѣми своими сосѣдами.

Дано въ Варшавѣ, 1792 года, $^{7}/_{18}$ мая.

На подлинномъ написано: *Яковъ Булгаковъ*.

№ 23

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПОЛЬШИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Рѣчь, произнесенная покойнымъ государемъ императоромъ Николаемъ I въ Варшавѣ, въ Лазенковомъ дворцѣ

*/₁₆ октября 1835 года, по случаю аудиенции польскихъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій города.

Повелѣвъ войдти депутаціи города въ особую залу, его величество, въ присутствіи находившагося здѣсь генералъ фельдмаршала, намѣстника царства, когда одинъ изъ нихъ началъ отъ лица всѣхъ говорить рѣчь, прервалъ ее, сказавъ: «довольно!»

«Я знаю, господа, что вы хотѣли мнѣ сказать, я даже знаю содержаніе вашей рѣчи и остановилъ ее, чтобы не допустить васъ до лжи; ибо я знаю, что чувства ваши не такія, какими вы хотите представить ихъ мнѣ. Да, и могу ли повѣрить имъ, когда вы тоже самое говорили мнѣ на канунѣ мятежа.»

«Не вы ли сами говорили мнѣ, назадъ тому 5 лѣтъ, о вѣрности и преданности и обнаруживали предо мною самую непоколебимую приверженность? Какія же послѣдствія того? Вы нарушили клятву, вы произвели ужасныя дѣйствія.

«Императору Александру I, который сдѣлалъ для васъ болѣе, нежели долженъ былъ сдѣлать императоръ россійскій (я это говорю потому, что такъ думаю), который осыпалъ васъ благодѣяніями, давалъ вамъ преимущества болѣе, нежели собственнымъ своимъ подданнымъ и сдѣлалъ васъ народомъ счастливѣйшимъ и цвѣтущимъ, императору Александру вы заплатили самою постыдною неблагодарностію, вы никогда не могли довольствоваться самымъ выгоднымъ положеніемъ и, наконецъ, сами же разрушили ваше счастіе.»

«Я говорю вамъ здѣсь истину, для объясненія нашего взаимнаго положенія и чтобы вы хорошо знали чего держаться, потому что вижу васъ и говорю вамъ въ первый разъ послѣ возмущенія.»

«Господа! нужны ваши дѣйствія, а не слова, раскаяніе должно происходить отсюда (указывая на сердце); я говорю вамъ хладнокровно, вы видите меня спокойнымъ. я не злопамятенъ и буду благотворить вамъ противъ вашей воли Фельдмаршалъ, котораго видите здѣсь, выполняетъ мои намѣренія, содѣйствуетъ мнѣ въ моихъ видахъ и заботится о вашемъ благосостояніи (при этихъ словахъ, всѣ члены депутаціи поклонились фельдмаршалу). Императоръ возразилъ: а это что, господа? Что доказываютъ эти поклоны?—Вовсе ничего! Прежде всего вамъ должно исполнять свои обязанности, должно вести себя, какъ честнымъ людямъ.

Вамъ, господа, предлежатъ два пути или упорствовать въ вашихъ мечтахъ о независимой Польшѣ, или жить спокойно и, какъ вѣрнымъ подданнымъ, подъ моимъ правленіемъ. Если станете упорствовать въ вашихъ призракахъ объ утопіи отличительной народности, независимой Польшѣ и всѣхъ этихъ химерахъ, то только можете навле ь на себя большія бѣдствія. Я построилъ здѣсь александровскую цитадель, и объявляю вамъ, что, при малѣйшемъ возмущеніи, я велю разрушить городъ, я истреблю Варшаву и, конечно, не я возстановлю ее.»

«Мнѣ весьма прискорбно такъ говорить вамъ, весьма больно монарху обходиться такимъ образомъ съ своими подданными Но я говорю вамъ это для вашего собственнаго блага. Вы господа, должны подумать о томъ, чтобы заслужить забытіе прошедшаго, и поступками вашими и преданностью правительству можете только достигнуть этого.»

«Мнѣ извѣстно, что между вами есть сношенія съ заграничными злоумышленниками, что сюда пересылаются зловредныя сочиненія, чѣмъ стараются испортить духъ народа, но никакая въ свѣтѣ полиція, при такой границѣ, какова ваша, не можетъ воспрепятствовать тайному сношенію. Вамъ самимъ нужно наблюдать за этимъ и отклонять зло, воспитывая дѣтей вашихъ въ благонравіи, вливая въ нихъ правила религіи и вѣрности государю ихъ, такимъ образомъ вы можете достигнуть счастія. Среди всѣхъ смятеній, возмущающихъ Европу, и всѣхъ ученій, вездѣ потрясающихъ общественное зданіе, одна Россія остается сильною и неприкосновенною. Повѣрьте мнѣ, господа, что принадлежать къ этой имперіи и пользоваться ея покровительствомъ есть истинное счастіе. Увѣряю васъ, что я буду благодѣтельствовать вамъ противъ вашей воли. Если вы будете вести себя хорошо, если вы будете исполнять ваши обязанности, отеческое попеченіе мое распространится на всѣхъ васъ, не взирая на все прошедшее, правительство мое всегда будетъ заботиться о вашемъ счастіи, о вашемъ благосостояніи.»

«Помните хорошо все, что я вамъ говорилъ.»

№ 21.

Образчикъ еще неиспорченного польскимъ вліяніемъ древняго русскаго языка, временъ короля Сигизмунда 1-го, на которомъ говоряли и писали наши предки, обитавшіе на всемъ пространствѣ западной Россіи, доказывающій тождественность съ общерусскимъ (такъ называемымъ нынѣшними малоросійскими филологами великорусскимъ) языкомъ до петровскихъ временъ.

Жалованная подтвердительная грамота короля Сигизмунда 1-го городу Витебску на права и вольности, дарованныя сему городу прежними королями. 1509 г. февраля 18.

(Извлечена изъ книги привиллегій, находившейся въ архивѣ витебской градской думы.

Сигизмонтъ Божою милостію король польски, велики князь литовски, руски, княже пруское, жомойдски, мазовецки и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ кто на него посмотритъ, або зъ его чтучи вслышитъ нынешнимъ и напотымъ будучимъ, кому будетъ потреба ведати. Били намъ чоломъ князи и бояре витебскіе и вси мещане места витебского и вся земля витебская и поведели передъ нами штожъ пришедши злодеи зъ Великаго Новогорода, покрали у нихъ церковь Пречистые Богоматери и въ той церкви привеле и ихъ украли, которыхъ они отъ отца нашого короля его милости и копію того привилею предъ братомъ нашимъ королемъ Александромъ клали, и его милость на то имъ свой привилей далъ а тотъ оный привилей предъ нами указали и били намъ чоломъ абыхмо имъ на то нашъ листъ привилей дали, потомужъ ино мы зъ ласки нашое за ихъ къ намъ верную службу пожаловали есмо ихъ етымъ, дали есмо нашъ листъ. Потомужъ яко онъ нашъ король его милостъ имъ былъ далъ и такъ тежъ и привилеи брата нашого Александра короля его милости выписано, чтоб і намъ въ домы церковные, въ домъ Божій Святое Богородицы и въ домъ Божій Святаго Духа и тежъ въ домъ Божій Благовѣщеня Пречистое и во инныя церкви невступатися и въ купленаны,

которыи будуть куплены зъ нашимъ дозволенемъ и въ безарщини и въ отмѣрщизны ([1]) витебскіе тежъ немаемъ вступатися и жонъ ихъ силой замужъ недавати. А которы Витеблянинъ умираючи откажеть кому остатокъ своего имѣнія и въ то намъ невступатися ([2]). Ани въ подводы коней згородскихъ людей спосельскихъ путныхъ ([3]) небрати А холопу и рабе веры неняты, а обиды и справы дати. А продковъ нашихъ великихъ князей судовъ непосужовати, чинити намъ съ Витебляны по веспросу, а безъ спросу Витебляннна неказнити, а своихъ судовъ непосужовати ([4]). А вина придеть ино намъ ихъ повиненъ казнити, а чоломъ битье намъ у Витеблянъ прыймати, и черезъ паруку въ железа ихъ не сажаючи, а ни въ которую муку, а отчинъ у нихъ неотнимати. Такожъ въ села ихъ, въ поля купленныя невступатися, а на заочныя поведѣнія неверити, а хто имѣти ихъ обмовляти, того намъ Витебляномъ объявити. А въ зоставу ([5]) нигде Витеблянъ несажати. А на войну быти имъ поспол зъ нами готовымъ. А по волости Витебской Воеводе нашому неѣздити, а поѣдеть въ ловы ино его посланомъ недарыти. А станется у котораго Витебляниназтатба и дочуется лицомъ татбы ино Витеблянину татба вся лицомъ вернути. А чого лицомъ недочуется, которые татбы ино всцу съ татиного дому зъ жоною его и детми заплатити гибель его, а въ томъ тати оны вольны, а небудеть у тати чимъ платити татбы, ино его исцу выдати и где его исхочеть тамъ его денеть. А сябровъ ([6]) городскихъ у пригонъ негнаты, ани въ подводы въ ловы, такъ тежъ и у вѣсы витебскіе, ани въ локти намъ невступоватися. А коли которы Витеблянинъ у вѣса про-

---

([1]) *Отмърщизна*, отъ слова мѣрить, отмѣривать, означаетъ пошлину, собираемую съ городскихъ мѣръ, которыми продавцы отмѣривали покупателямъ зерновой хлѣбъ, крупу и проч.

([2]) Дозволяется умирающему отказывать свое имѣніе, кому онъ захочеть.

([3]) Путный—походный, дорожный.

([4]) Отмѣняется узаконеніе прежнихъ князей литовскихъ, по которому мѣщане судились въ судахъ шляхты, но теперъ будутъ судимы только судомъ королевскимъ.

([5]) Застава—сторожка, караульня; посадить въ зоставу значить взять подъ арестъ.

([6]) Сябръ—товарищъ, согражданинъ.

ступитъ, або въ локти, ино Витебляномъ самымъ казнити виноватого по своему праву и намъ въ то невступатися. А въ которого Витебланина забрякують воскъ въ Ризѣ, або где индей, а прiѣдетъ до Витебска, ино Витебляномъ самымъ казнити виноватого, а намъ въ то невступатися. А где чия отчина осельца, рѣки, або озера, намъ и въ то невступатися, а Витебляномъ нашимъ рѣкъ и озеръ нетаити, а хто потаитъ ино намъ тыхъ карати. Витебляны намъ недаритися никому. Также семо имъ и мыта (1) отпустили по всей нашей отчинѣ вѣчнѣ пожаловали есмо ихъ. Придали есмо имъ на седибу и на выгонъ Колитынъ въоръ, а Михайловски въоръ Заручевски въоръ (2). Тежъ которые Витебляне побьются межи собою а за Децкимъ (3) поѣднаются, ино намъ куница шерстiю, (4) змирщина (5), а коли о чомъ посварятся и выдаюся въ колѣцъ, то вина па насъ, а выдасца одинъ а други невыдаеця за то ихъ намъ неказнити, а закладную куницу на насъ брати по десяти грошей, а борцу (6) по два грошы, якъ тежъ и децкованя отъ рубля по чотыре грошы, а па милю по грошу. а владычному служе и боярскому потомужъ децкованiе и тежъ Владыцѣ на попѣхъ витебскихъ зборная куница, якъ тежъ и намъ давати.

---

(1) Мыто,—пошлина, каковую собирали на заставахъ за проѣздъ, или съ товаровъ,

(2) Въоръ,—пашня, възоранное поле.

(3) *Децкiй, дѣтцкiй*—княжескiй или королевскiй посланецъ въ известный городъ или село съ судною грамотою или какимъ либо государевымъ повелѣнiемъ, обязанный притомъ наблюдать и настоять о исполненiи оного. Въ Россiи въ древности, *дѣтскiе* выбираемы были изъ боярскихъ дѣтей и служили при Дворѣ, отправляя разныя должности; изъ нихъ определяли въ разные чины и должности придворныя, иногда и военныя... «*Уерѣте его дѣтскiй его сирѣчь дворецкiй и повѣда ему глаголя.*" Ник. Лѣт. ч. 2. 20.

(4) *Куница* или кунныя деньги. 1, Урочная подать, каковая была платима женихомъ за невѣсту помѣщику, или въ казну. 2, подать, пошлина и пеня, взимаемыя въ казну или пользу судей за разныя преступленiя, а въ тяжбахъ за примиренiе. Подать эта обыкновенно вносилась звѣриными шкурками, въ недостаткѣ же таковыхъ—деньгами.

(5) *Змирщизна*—мировая.

(6) *Борецъ* сборщикъ податей.

Воеводу *по старому* по ихъ воли. (1) А которы имъ будетъ неподобатъ Воевода, а обмовятъ его передъ нами, ино намъ Воеводу имъ иного дати по ихъ воли. А прiѣхавши Воеводѣ нашому первого дня къ Витебску цѣловати ему крестъ (2) и Витебляномъ на томъ что безъ права ихъ неказнити поводомъ ни въ чомъ. Также Витебляномъ жити у Витебску добровольнѣ всякому по старому покуде исхочетъ хто, а которому Витебланину одъ насъ будетъ насильно, а будетъ ему нелюбо, намъ его силою недержати, ино ему путь чистъ куды исхочетъ безъ всякое зачепки, а пойти ему въ нашу отчину въ Литву нетайно, Святому Благовѣщеню чоломъ ударивши и нашому Воеводѣ обвестившися и своей брати и мужомъ Витебляномъ, а въ своемъ имѣнiю воленъ во всемъ идя прочъ продастъ або откажетъ, намъ вто невступатися. Якожъ которы отъ насиля жаловати будутъ намъ Витебляни наши приѣхавъ въ Лытву и безъ исца намъ на него Децскаго неслати, зъ Литвы давати ему нашъ лиэтъ къ нашому Воеводѣ, хотябы о смертной винѣ, а ему судити по цѣлованю нашимъ судомъ досмотрети права зъ князи и бояри и зъ мещаны, а осудивши его казнити по ихъ праву у Витебску. Тежъ которы будетъ князь, або бояринъ, або слуга, або мѣщанинъ што выслужилъ на продкахъ нашихъ великихъ князей, того намъ у Витеблянъ неотымати по грамотамъ тыхъ князей. А местичовъ витебскихъ зъ города Витебска невести вонъ. Такожъ которы будутъ Литвинъ або Ляхъ крещенны были у рускую вѣру, а кто съ того роду и теперъ живетъ, того намъ нерушыти, права ихъ крестiанскаго ни въ чымъ не ламати. А на твердость тыхъ всихъ речей и печатъ нашу казалисмо привесити къ тому нашому листу. Писанъ въ Городне въ лѣто седмое тысячы седмоенадесять (т. е. отъ Р. Х. 1509 г.) Мсца Февраля восимнадцаты день, Индикта второгонадесять. NB. Грамота эта была подтверждаема и преемниками Сигизмунда I. именно: Сигизмундомъ II. Баторiемъ и Сигизмундомъ III.

---

(1) По *старому* Воеводы въ Витебскѣ были по выборамъ мѣщанъ, а не по королевскому назначенiю.

(2) *Цѣловать крестъ*—присягать.

II.

ХАРАКТЕРЪ

ЦЕРКОВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ ПРЕДЪ БРЕСТСКОЮ УНІЕЮ.

(Окончаніе.)

III.

Всюду злу свобода,
Права непризнанье,
Съ жизнью духъ народа,
Въ вѣчномъ отрицаньи!.....

Послѣ краткаго времени междуцарствія, по смерти Стефана Баторія, на польскій престолъ призванъ былъ (1588 г.), сынъ шведскаго короля, Сигизмундъ III, возлюбленнѣйшій сынъ іезуитовъ. Воспитанный тріумвиратомъ лучшихъ въ то время, въ Польшѣ, іезуитовъ—своего духовника Бернарда Голыньскаго, проповѣдника Петра Скарги и Андрея Боболи, коронпаго подкоморьяго, стоявшаго едвали не выше первыхъ двухъ, Сигизмундъ III находился постоянно подъ такою непосредственною опекою своихъ учителей, что въ ихъ рукахъ онъ былъ настоящимъ ребенкомъ, безъ всякаго значенія и самостоятельности. Безъ ихъ совѣта Сигизмундъ никогда ничего непредпринималъ важнаго и безъ ихъ согласія ничего недѣлалось въ Польшѣ, но все что ни дѣлалось, никогда немогло быть хуже (1). Іезуиты, разъ поставивъ Сигизмунда на ту дорогу, по ко-

(1) Унія Зубрицкаго стр. 10. Chronicon gestorum in Europa singularium. Craco. 1645 p. 358.

торой имъ хотѣлось, чтобы онъ шелъ, такъ искусно умѣли провести его по ней чрезъ все тридцатилѣтнее его царствованіе, что онъ, подъ ихъ руководствомъ дѣйствительно не пошатнулся ни направо, ни налѣво.

Въ царствованіе Сигизмунда III внутреннее состояніе Польши находилось въ самомъ жалкомъ положеніи. Почти каждая страница его царствованія наполнена безсмысленными съѣздами своевольной шляхты, вооруженными сборищами и мятежами. Всякій, кто только былъ силенъ и краснорѣчивъ, кто считалъ себя оскорбленнымъ отказомъ короля въ староствѣ или въ другомъ какомъ-нибудь прибыльномъ мѣстѣ,—сейчасъ же устраивалъ съѣздъ, называвшійся впослѣдствіи *конфедераціею;* около него собиралась толпа пьянаго панства, гулякъ и разнаго рода бѣдняковъ, подъ громкимъ именемъ *вольной* шляхты. Предводители ихъ выбирали изъ среды себя маршалка, совѣтниковъ, витій, издавали свои законы и опредѣленія, нарушали и уничтожали права, постановленные голосомъ народа на сеймѣ, налагали по своему произволу подати и повинности, посылали пословъ къ королю, который спокойно долженъ былъ выслушивать ихъ требованія и упреки и давать имъ отвѣты чрезъ своихъ канцлеровъ, вмѣсто того, чтобы посадить ихъ въ тюрьму. (1). Видимая законность сталкивалась въ это время въ Польшѣ съ самимъ крайнимъ своеволіемъ и произволомъ личностей. Каждый магнатъ, даже частный владѣлецъ былъ полнымъ королемъ въ своихъ владѣніяхъ: онъ завѣдывалъ и распоряжался всѣми дѣлами духовными, рѣшительно неопасаясь силы суда королевскаго. Ничто такъ не нравилось тогдашнему магнату, какъ вольность: она вынаруживалась дома, на сеймахъ и въ дѣлахъ государственныхъ. Магнатъ считалъ себя несвободнымъ, даже въ самой зависимости себя отъ статута: онъ тогда только былъ свободенъ, по его понятію, когда всякое желаніе находило у него полное удовлетвореніе, безъ всякихъ препятствій. Панскій *гоноръ* на сеймовыхъ совѣщаніяхъ въ это время доходилъ до смѣшнаго абсурда. Вспомнимъ при этомъ дѣйствіи великопольскихъ пановъ во время нашествія татаръ и турокъ на Польшу и южную Русь въ 1589 г. Турки и татары грабятъ Русь,

---

(1) Чтеніе въ Импер. общ. ист. и древ. россійскихъ 1848 г. N 7. стр. 6

жгутъ и опустошаютъ села и вездѣ распоряжаются какъ у себя дома, а вельможнымъ панамъ какъ будтобы нѣтъ до этого никакого дѣла. Львовскій арцибискупъ Суликовскій обращается къ великопольскимъ панамъ и проситъ помочь Руси деньгами, войскомъ и оружіемъ, съ которой они пользовались такими огромными доходами. Несчастіе отчизны какъ будтобы дѣйствительно становится близкимъ къ ихъ сердцу и они собираются для разсужденія объ этомъ съ Ленчицѣ; но здѣсь, послѣ долгихъ споровъ и несогласій, они краснорѣчиво откладываютъ просьбу бискупа до будущаго сейма (1), какъ будтобы въ самомъ дѣлѣ татары и турки, въ силу такого опредѣленія, станутъ дожидаться сейма вельможныхъ пановъ и оставятъ свои опустошительныя дѣйствія?... Въ это время, какъ говоритъ Бандтке, вошло въ обычай въ Польшѣ много совѣщаться, а ничего недѣлать (2); король хлопоталъ о католичествѣ, а паны о вельможной вольности.

Сигизмундъ III, смотря глазами іезуитовъ на различныя ереси въ Польшѣ, какъ на величайшее несчастіе, а на исповѣдующихъ православную вѣру, какъ на главныхъ враговъ своихъ, онъ нисколько не заботился о томъ, что его край былъ безъ всякой обороны отъ внѣшнихъ враговъ, а казна безъ денегъ, такъ что онъ не въ состояніи былъ доѣхать на свой счетъ къ отцу въ Швецію. Его нимало не тревожило то, что часъ отъ часу усиливалось своеволіе буйной шляхты: все это для него ничего не значило, лишь-бы только торжествовалъ католицизмъ и во всемъ можно было-бы угодить іезуитамъ. За то іезуиты, какъ бы съ посмѣяніемъ, приказывали королю вѣрить, что, находясь во власти шляхты и будучи ихъ слугою, которые въ свою очередь были слугами духовенства, онъ можетъ назвать себя наравнѣ *ego servus servorum* (3).

Къ Польшѣ со всѣхъ сторонъ начали прививаться теперь разлагающія начала католичества и вопросъ католической пропаганды сталъ выше всѣхъ интересовъ государственныхъ. По внушенію іезуитовъ и римскаго двора, польское правительство

(1) Чтеніе въ книгѣ. общ. ист. и древ. рос. 1848 г, № 7 стр. 10.
(2) Бандтке ист. пол. госуд. т. III. стр. 99.
(3) Olszewski w kazaniu: snopek Zygmunda III-go, Maciejewski, Polska do pierwszej połowy XVII wieku i. t. d. IV p. 182.

думало, что ему самою судьбою назначено было это время, чтобы привести къ подножію римскаго трона всѣ славянскія племена. Духовенство, противъ котораго недавно возставало польское дворянство, теперь было могущественнѣйшею партіею въ Польшѣ. Католическое духовенство, понимая по своему народное благо и благо отечества, все направляло къ одной цѣли: къ утвержденію и распространенію католичества на югозападѣ Руси, всевозможными путями характера іезуитскаго. Поляки, глубоко приверженные къ католицизму, немогли не вѣрить своему духовенству или вооружаться противъ его плановъ; потому что ихъ бискупы-сенаторы были прирожденные поляки, слѣдовательно не было основаній, по которымъ можно было бы упрекнуть ихъ въ нелюбьви къ отечеству. Все это давало полную свободу дѣйствіямъ іезуитовъ и они радовались, что въ ихъ рукахъ былъ теперь король и все польское правительство, принадлежавшее къ ихъ ордену. Имъ казалось, что они всего достигнутъ однимъ разомъ, но жизнь не такъ легко подчиняется всѣмъ выводамъ и теоріямъ, придуманнымъ въ глуши ученыхъ кабинетовъ: разумная жизнь нелюбитъ крутыхъ поворотовъ, а тѣмъ болѣе насилія. Вотъ въ какомъ состояніи было внутреннее устройство Польши при настроеніи польско-католическихъ умовъ, когда югозападному православному населенію нужно было защищать свою вѣру отъ насилій и хитростей іезуитскихъ и большей части своего духовенства!—

Но посмотримъ, что теперь дѣлаютъ іезуиты, а вмѣстѣ съ ними и югозападные іерархи, руководимые совѣтами и назиданіями *braciszków iezusowych*.

Ихъ дѣятельность направляется прямо къ развязкѣ, такъ давно начатой ими драмы. Мудрая предусмотрительность Іереміи II, какъ будтобы обезопасила югозападною церковъ отъ той страшной грозы, которая такъ близка была разразиться надъ нею и теперь еще она висѣла черной тучей. Чего, кажется, нужно было-бы лучшаго? Недостойные пастыри низложены, а тѣмъ изъ нихъ которые еще скрывались въ толпѣ, угрожала таже участь. Ежегодные соборы, на которые должны были собираться лучшіе пастыри и народные представители, строгій и единодушный надзоръ за всѣмъ ходомъ дѣлъ церкви и ея пастырей—братствъ, которые густою сѣтью раскинулись по всему югозападному краю, все это въ скоромъ времени должно

было очистить плевелы отъ пшеницы; главные іерархи избраны были самимъ патріархомъ, единодушнымъ голосомъ народа и лучшихъ представителей его патроновъ. Все это было такъ, все видимо направлялось въ православной церкви къ новому, лучшему порядку вещей, но все это, скажемъ словами братства, начато было поздно. »Поздно мы послѣдовали, говорятъ они, спасительному примѣру христіянъ апостольскихъ, поздно восхотѣли прозрѣть къ свѣту благоразумія, пробудившись отъ долговременнаго нерадѣнія и мрачной суеты мірской (1). Да, поздно! Внутреннее неустройство церкви, двусмысленныя отношенія между самими пастырями (2), безчиніе и развратъ между христіанами, все это такія явленія, которыя способствовали не къ уничтоженію задуманнаго іезуитами плана, но еще болѣе возбуждали у нихъ энергіи и давали имъ средства привести его въ исполненіе. Львовское братство, которое взяло на себя попеченіе слѣдить за внутреннимъ состояніемъ церкви и заботиться объ исправленіи ея недостатковъ, занято было теперь почти исключительно борьбою съ своимъ епископомъ Гедеономъ, за свои права и его притѣсненія.

Враждебныя отношенія Гедеона къ львовскому братству, чѣмъ далѣе, дѣлались все сильнѣе, несмотря ни на напоминанія, ни на убѣжденія, ни на угрозы Патріарха Іереміи (3), прекратить эту вражду, такъ соблазнительную для церкви. Въ 1590 г. на соборѣ въ Брестѣ Литовскомъ братство принесло жалобу на своего епископа и обвиняло его въ томъ, что онъ приказалъ священника благовѣщенской церкви Сімеона, публично привязалъ къ столбу, а богоявленскаго монаха, братскаго типографа *Мину* вытащить изъ Онуфріевскаго монастыря, заковать въ кандалы и отвести въ Галичь; послѣ, выпустивши его на волю, опять схватилъ и привязалъ его къ повозкѣ; преслѣдовалъ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ ученыхъ мужей: учителю Кирилѣ за то, что предъ патріархомъ говорилъ апологію по гречески, приказалъ вырвать бороду; въ церквахъ предавалъ братство анаѳемѣ и проч. (4). Такія отношенія Гедеона къ братству, ясно показывали, что для него недорого

(1) Пам. кіев. ком. т. 11, отд. 1. стр. 33-34.
(2) А. З. Р. т. IV. № 21.
(3) Лѣт. львов. брат. подъ 1590 г.
(4) Лѣт. львов. брат. стр. 59—60.

было православіе и что онъ былъ уже на сторонѣ враговъ его католиковъ и іезуитовъ. Другихъ епископовъ преслѣдованіями (1), угрозами лишенія сана вслѣдствіе суда патріаршаго и усиливающейся власти братствъ, клеветами на патріарховъ и на все состояніе югозападной церкви, которой епископы будтобы неимѣли никакого значенія, а были только слугами народа, іезуиты дотого расположили въ свою пользу нѣкоторыхъ епископовъ, что въ 1591 г. на соборѣ въ Брестѣ Литовскомъ, добровольно согласились и подписались на унію епископы: Кириллъ Луцкій, Гедеонъ Львовскій, Леонтій Пинскій и Діонисій Холмскій (2). Въ грамотѣ, предложенной королю въ согласеніи на унію и въ признаніи своимъ верховнымъ пастыремъ папу римскаго, подписавшіеся епископы ничего неупоминаютъ о согласіи на это народа: здѣсь онъ для нихъ какъ будтобы несуществуетъ; а между прочимъ, какъ видно изъ грамоты, они подчиняютъ главенству папы и весь народъ, потому что просятъ короля, чтобы оставлены были неприкосновенными всѣ церемоніи, службы и порядки, как ихъ восточная церковь издавна держала. Король съ особенною благосклонностію и радостію принимаетъ грамоту епископовъ, согласившихся на унію и даетъ имъ свою привилегію въ 1592 г., въ которой обѣщаетъ пріумножить къ нимъ свою ласку, обѣщаетъ не отнимать у нихъ епархій и другимъ при жизни ихъ не отдавать ни по какимъ обвиненіямъ и клятвамъ, и что еслибы кто нибудь изъ патріарховъ или митрополитовъ наложилъ на нихъ клятву, то эта клятва ни въ чемъ небудетъ вредить имъ, обѣщаны также вольность и свобода такая, какою пользовалось римское духовенство какъ имъ, такъ и каждому, кто склонился къ уніи (3).—Ежегодные соборы и строгій надзоръ братствъ за ходомъ дѣлъ церковныхъ, заставляютъ епископовъ рѣшать вопросъ объ уніи тайнымъ образомъ.

Іезуиты какъ будто-бы старались тамъ находить средства для достиженія своихъ цѣлей, гдѣ православные думали найти лучшій исходъ изъ своего незавиднаго положенія: они какъ будтобы посмѣивались надъ-югозападною церковью въ томъ,

---

(1) Арх. югозапад. Р. т. 1 ч. II N 69-72.
(2) Антидолитъ стр. 56—57.
(3) Апокриз. ст: 7; Supplementum; Synopsis стр. 19.

что ничего незначатъ всѣ ея предохранительныя мѣры. Они идутъ къ достиженію своей цѣли тѣмъ-же тайнымъ путемъ интригъ и хитростей, на которой вступили съ самаго начала задуманнаго ими плана. Они начинаютъ уже почти открыто ухаживать около православныхъ іерарховъ церкви, хлопочутъ о томъ, какъ-бы лучшихъ изъ нихъ уговорить хитростію и обѣщаніями на принатіе уніи. Весь-же католическій міръ, послѣ собора 1590 г., гдѣ разсмотрѣны были всѣ стороны жизни церковной, опредѣлены и утверждены всѣ постановленія виленскаго собора и положено было принять всѣ средства къ возвышенію вѣры и церкви, весь, говоримъ, католическій міръ вдругъ, по всѣмъ концамъ югозападной церкви, какъ-бы по извѣстному сигналу іезуитовъ, выступаетъ на преслѣдованія и мученія православнаго народа. Преслѣдованія принимаютъ теперь характеръ неслыханной жестокости и глубокаго презрѣнія къ святынѣ ([1]). Іезуиты какъ прежде, такъ и теперь необращали и не обращаютъ никакого вниманія на внутреннюю жизнь народа и его требованія: это было не въ ихъ духѣ и не входило въ ихъ планъ. Народъ, какъ нѣчто живое и дѣятельное, для нихъ несуществовалъ. Наука и жизнь, по правиламъ іезуитскимъ, никогда не имѣли никакой связи съ характеромъ и убѣжденіями народа, и развѣ тогда только сливались у нихъ, когда въ слѣдствіе іезуитскихъ козней, инстинктъ и требованія народныя дѣлались нечистыми, т. е. когда между наукою и жизнію іезуитскою, и истинктомъ и требованіями народными устанавливались таже связь и такое единство, какое бываетъ между зломъ и зломъ ([2]). На народъ они смотрѣли какъ на слѣпое орудіе власти духовенства, который всегда долженъ идти вслѣдъ за своими пастырями, склонивъ смиренно свою голову, не спрашивая зачѣмъ и куда они его поведутъ ([3]).

Іезуиты слишкомъ надѣялись на себя, а современное разстроенное состояніе церкви, давало ихъ дѣйствіямъ еще больше смѣлости и дерзости. Вотъ напримѣръ, что говоритъ львовское братство о церковномъ состояніи въ своемъ посланіи къ

---

(1) Арх. Югоз. Рос. Т. 1. Ч. 1. Стр. XXXIX-XLVIII. Suppl. ad hist. Rus: Monum. p. 153—154.

(2) Hist. Szkół. w Kor. i W. X. Litew. Łukaszewicza, t. 1 str. 252—266.

(3) А. З. Р. Т. IV. № 114; Апопр. стр. 67.

патріарху константинопольскому 1592 г: «Прежде всего да вѣдаетъ твоя святыня, что мнящіеся у насъ быти святители, на самомъ дѣлѣ сущіи сквернители, вопреки иноческому обѣту съ женами не возбранно живутъ; нѣкоторые многобрачніи святительствуютъ, другіе съ блудницами дѣтей прижили. Если такіе святители, то каковы должны быть простые священники? Когда митрополитъ открыто началъ обличать на соборѣ священниковъ и требовалъ, что-бы они отказались отъ священства, священники отвѣчали ему:» Пусть прежде святители откажутся отъ своего святительства, послушаютъ закона, тогда и мы ихъ послушаемъ. Когда же зашелъ вопросъ о монастыряхъ, то оказалось, что епископы похитили себѣ архимандритства и игуменства и ввели въ монастыри родню свою и урядниковъ мірскихъ; имѣнія всѣ церковныя пограбили, иночество испразднили, коней и псовъ въ монастыри ввели... Иноковъ необрѣтается въ монастыряхъ, мірскіе священники иногда совершаютъ тамъ службу. Православная церковь исполнена всякаго зловѣрія и зловонія, простой народъ находится въ какомъ-то смущенномъ недоумѣніи, какъ будто-бы настало время погибать ему... Безначаліе во многоначаліи нашемъ обрѣтается, законы отеческіе попраны и ложь, православіемъ лицемѣрствующихъ учителей, покрыла церковь» (1). Въ такомъ-же безотрадномъ положеніи представляетъ намъ состояніе югозападной церкви и князь Константинъ Острожскій, въ своемъ письмѣ къ Ипатію Поцѣю:» извѣстно всѣмъ вашимъ милостямъ, что люди нашей религіи упали нравственно, что господствуетъ у нихъ лѣность и нерадѣніе къ благочестію: нетолько не исполняютъ они своихъ христіанскихъ обязанностей, не защищаютъ церкви Божіей и своей старинной вѣри, но еще сами многіе, насмѣхаясь надъ нею, разбѣгаются по разнымъ сектамъ. Епископы несмотрятъ за своими пастырями, а пастыри, по своей лѣности и нерадѣнію, не проповѣдуютъ слова Божія. Нѣтъ у насъ учителей, нѣтъ проповѣдниковъ слова Божія, нѣтъ наукъ; отъ этого наступило истощеніе славы Божіей въ церкви его, наступилъ голодъ слушанія слова Божія, началось отступленіе отъ вѣры и закона; такъ что для простаго народа все равно, чтобы ему не говорили. Суевѣріе и волшебство вотъ главное, на что у нихъ обра-

(1) Ар. З. Р. Т. IV. N 33.

щено вниманіе и чемъ они живутъ. Дошло до того, что нѣтъ ничего, чѣмъ бы могли мы утѣшиться въ законѣ своемъ. Имѣемъ право сказать словами пророческими:» кто дастъ очамъ нашимъ источникъ слезъ, чтобы мы могли оплакивать упадокъ, истощеніе вѣры и закона своего день и ночь? Все ниспроверглось и упало, со всѣхъ сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда, и если дальше такъ пойдетъ, то Богъ знаетъ, что съ нами наконецъ будетъ (1)?!..».

Но напрасно Константинъ Острожскій, этотъ великій поборникъ православія, съ такою глубокою болью и горечью сердца указывалъ на современные недостатки церкви. Не тѣмъ заняты были теперь высшіе іерархи, чтобы исправлять эти недостатки; своею дѣятельностію и отношеніемъ къ братству, они какъ будто-бы заботились о томъ, чтобы еще больше увеличить эти недостатки.» Безпрестанными бѣдами томитъ насъ Гедеонъ епископъ львовскій, говоритъ львовское братство въ своей грамотѣ къ патріарху, людей раздѣлилъ и на братство наше вооружилъ, приказалъ всѣмъ подъ клятвою отвращаться отъ насъ; монастырь Св. Онуфрія, ставропигіонъ нашъ ктиторскій, подъ благословеніемъ митрополита находящійся, пограбилъ, игумена обезчестилъ. Архіепископъ съ епископами утвердили, что бы впредь священники братства львовскаго были подъ благословеніемъ архіепископскимъ и подъ защитою всего собора; но епископъ, по древному своему противленію, и теперь противится, и всюду между всякихъ чиновъ людьми клевещетъ, что мы неможемъ ни церкви строить, ни школы заводить и проч. и проч.» (2).—Глубокая привязанность народа, а особенно братствъ къ патріарху константинопольскому, довѣренность патріарха къ братствамъ, высокое значеніе братствъ въ церкви, вліяніе ихъ на народъ и внимательный надзоръ ихъ за жизнію и дѣйствіями своихъ пастырей, вотъ тѣ причины, которыя побуждали епископовъ ускорить дѣло уніи и ввести ее въ югозападную церковь такъ-или иначе. Они видѣли что имъ много не достаетъ для той роскошной и независимой жизни, какою пользовалось римское духовенство и что достигнуть этого, при настоящемъ участіи братствъ въ ходѣ дѣлъ церкви,

(1) А. З. Р. т. IV 45.
(2) Ibid N 33.

рѣшительно невозможно. Вотъ, наприм., что пишетъ хитрый и пронырливый Терлецкій къ Поцѣю, чтобы его сильнѣе расположить къ уніи:» на ласку князя Острожскаго полагаться опасно: ко мнѣ былъ ласкавъ, а теперь презираетъ. Патріархи будутъ часто ѣздить въ Москву за милостынею, а ѣдучи назадъ, насъ не минуютъ; Іеремія уже свергнулъ одного митрополита, братства установилъ, *которыя будутъ и уже суть гонители владыкъ*: чего и нѣтъ, и то взведутъ и оклевещутъ; *удастся имъ свергнуть кого-нибудь изъ насъ съ епископіи, —самъ посуди, какое безчестіе!* Господарь король даетъ должность до смерти, и не отбираетъ ни зачто, кромѣ уголовнаго преступленія, а патріархъ по пустымъ доносамъ обезчеститъ и санъ отниметъ: самъ посуди, какая неволя! А когда поддадимся подъ римскаго папу, то нетолько будемъ сидѣть на епископіяхъ нашихъ до самой смерти, но и въ кресла сенаторскія засядемъ, вмѣстѣ съ римскими епископами и легче отыщемъ имѣнія отъ церквей отобранныя (1). Отъ уніи непрочь былъ и Константинъ Острожскій, но его унія была римскою и исправленіе существовавшихъ недостатковъ въ православной церкви, безъ всякаго измѣненія существенныхъ обрядовъ и догматовъ православія при содѣйствіи римскаго духовенства и польскаго правительства. Но это дѣло уніи или, правильнѣе сказать, примиренія онъ хотѣлъ вести неиначе какъ съ согласія и при посредствѣ царства московскаго и волоховъ (2).» Терлецкій и Поцѣй, главные дѣятели при введеніи уніи, видѣли, что путемъ сношеній и соглашеній съ восточною церковью и восточною Русью, никогда несуществовать уніи, но что достигнуть этого можно только рѣшительнымъ шагомъ состороны духовенства, убѣжденіемъ, а если можно и обманомъ вліятельныхъ лицъ, насиліемъ и преслѣдованіемъ простаго народа. Съ этими мыслями приступлено было къ рѣшительному введенію уніи и 1594 г. 21 мая Терлецкій съ соборнымъ духовенствомъ, явился въ луцкій урядъ съ объявленіемъ, что по волѣ Бога, въ Троицѣ славимаго, по старанію короля, его милости, пановъ и сенаторовъ духовныхъ и свѣтскихъ, совершилось такъ давно желанное соединеніе и возстановленіе братской любви между восточною и западною церквами, съ признаніемъ

(1) А. З. Р, т. IV. N 50.
(2) Ibid N 45.

папскаго главенства въ церкви,—для окончательнаго-же утвержденія этаго соединенія и засвидѣтельствованія покорности папѣ, Терлецкій вмѣстѣ съ Поцѣемъ отправляются въ Римъ, по приказанію самаго короля. Сколько благовидности въ этомъ объявленіи, но еще больше лжи, коварства и святотатства. Чтобы получить права политическія, подобно римскимъ епископамъ, они ложно указываютъ на общее согласіе въ уніи!... Въ томъ же году, 2 декабря, Ипатій Поцѣй, Михаилъ Перемышльскій, Терлецкій и другіе, въ родѣ Іоны Гоголя, даютъ клятву дѣйствовать за одно въ присоединеніи къ уніи всего народа и духовенства—убѣжденіемъ и другими средствами (1).

Православные епископы какъ будтобы не хотѣли даже и думать о томъ, какія могутъ быть послѣдствія отъ такого образа введенія уніи. Преслѣдуя въ желанной уніи свои личные интересы, они забыли, что есть еще интересы народа, котораго жизнь, полная силы и свѣжести, жила въ новоустроенныхъ братствахъ.—Часть православнаго духовенства, согласившагося на унію, стала теперь на точку зрѣнія чистаго католицизма: оно слишкомъ уже увлеклось теоріями, а еще больше обѣщаніями іезуитизма. Своими поступками епископы отвергаютъ права личнаго разума и думаютъ воплотить непогрѣшимость церкви въ своей корпораціи. Вѣрованія и убѣжденія, по ихъ понятію, должны переходить сверху внизъ во все религіозное общество, безъ всякой самостоятельной оцѣнки ихъ. Но достигнуть этого въ обществѣ начинавшемъ развиваться самостоятельно и сознавшемъ уже разъ свободу мыслей и личности, чрезвычайно было трудно. Возвести такое деспотическое притязаніе въ принципъ было легко, да оно уже было готово въ той церкви, къ которой они теперь примкнули, рѣшительно не по глубокому убѣжденію въ истинности ея вѣрованія: они цѣликомъ взяли свой взглядъ на церковь и на свое отношеніе къ народу изъ католическаго ѳеократизма; но доставить этому взгляду дѣйствительное господство надъ умами и совѣстію цѣлаго общества, было нетолько трудно, но даже и невозможно. Львовское братство въ борьбѣ съ своимъ епископомъ Гедеономъ еще больше сознало свои права въ церков-

(1) А. З. Р. т. IV № 53.

номъ управленіи,—права, признанныя за нимъ патріархами и на соборахъ защищаемыя своими святителями, хотя подписавшимися уже на унію. Епископы, начавшіе дѣло уніи, видѣли всю силу братствъ, при ихъ настоящемъ положеніи подъ покровительствомъ патріарховъ восточныхъ, но эту силу они надѣялись сломать за разъ властію королевскою, какъ силу народа большею частію посполитаго, котораго права въ это время магнатство уничтожало безнаказанно. Кромѣ того, хотя эти права даны были братствамъ патріархами, съ вѣдома короля, но іезуиты научили теперь православныхъ епископовъ клеймить восточныхъ патріарховъ всевозможными преступленіями, чтобы лишить всякой законности ихъ распоряженія въ югозападной церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить и права братствъ, признанныя за ними патріархами.

Установивъ такой взглядъ на существовавшее внутреннее устройство церковнаго управленія, епископы, согласившіеся на унію, стараются прежде всего, чрезъ посредство польскаго правительства, уничтожить всякое вліяніе восточныхъ патріарховъ на дѣла югозападной церкви и въ тоже время начинаютъ запутывать, затемнять, прикрывать хитростію и обманами, начатое уже рѣшительно ими дѣло уніи, предъ лучшими въ то время патронами—Острожскимъ и Скуминымъ, воеводою новогрудскимъ, чтобы освободить себя такимъ образомъ отъ всякаго подозрѣнія въ уніи, хоть до извѣстнаго времени.

Но посмотримъ, какъ они будутъ приводить въ исполненіе свои планы, при существовавшей власти братствъ въ церковномъ управленіи, чтобы видѣть всю нелогичность ихъ дѣйствій по отношенію къ правамъ братства и патроновъ, а послѣ того, мы уже увидимъ, какъ отсюда, по необходимости, должно было явиться особенное устройство церковнаго управленія, такъ рѣзко высказавшееся предъ брестскою уніею въ различныхъ взглядахъ на духовенство и на отношеніе народа ко всей дѣятельности перваго.

На брестскомъ соборѣ 1594 г. мы находимъ въ первый разъ, что здѣсь присутствуютъ депутаты отъ всѣхъ братствъ: виленскаго, львовскаго, берестейскаго, красноставскаго, гольшанскаго, городецкаго, галицкаго, бѣльскаго, и многихъ другихъ (1). Львовское братство требовало здѣсь, чтобы его дѣло

(1) А. З. Р. т. IV. № 48.

съ епископомъ Гедеономъ разбиралъ соборъ ([1]), и чтобы яснѣе и точнѣе разграничены были его права и власть отъ правъ и власти его іерархіи. Всѣ вмѣстѣ требовали также, чтобы определены были ихъ отношенія къ духовнымъ мѣстностямъ и указанъ былъ-бы опредѣленный кругъ ихъ дѣятельности ([2]). Чтобы на будущее время неимѣть непріятныхъ столкновеній съ своими епископами, виленское братство предложило даже, чтобы въ Литвѣ былъ постоянный патріаршій экзархъ и освободиться такимъ образомъ изъ-подъ-зависимости мѣстныхъ епископовъ ([3]). Митрополитъ, епископы и все духовенство «священическаго и иноческаго чину», признаютъ за братствами всѣ права, данныя имъ патріархами и на будущее время обѣщаютъ учреждать подобныя братства отъ всѣхъ епископовъ *ухваленыя* ([4]).

И такъ мы видимъ, что голосъ братствъ уважается на соборѣ наравнѣ съ голосомъ епископовъ и духовная власть ихъ въ церкви признается законною и даже необходимою: но такое уваженіе къ братству оказывалось епископами только въ торжественныхъ случаяхъ — на соборахъ и въ офиціальныхъ къ нимъ посланіяхъ, на самомъ же дѣлѣ на власть братства и его значеніе въ церкви они смотрѣли какъ на случайное и временное явленіе. Они видѣли что братства стоятъ на перепутьи къ достиженію ихъ цѣли и они думаютъ уничтожить его власть совершенно. Въ томъ же году они просятъ короля запретить восточнымъ патріархамъ даже являться въ русскую землю, чтобы они неимѣли надъ ними ни какой власти, потому что они своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла церковныя только отнимаютъ у нихъ власть, надавая различные привилейные листы на братства, «такъ тежъ на *размаитые справы межи люди посполитые*, съ чего намножилося размаитыхъ (различныхъ) ересей и сектъ: *ижъ бы тое все знесено было* ([5])«. Въ слѣдующемъ году Кириллъ Терлецкій, Михаилъ Копыстенскій, Гедеонъ Балабанъ и Діонисій Збируйскій, объявивъ соборною грамотою о своемъ соглашеніи на унію, предаютъ про-

---

(1) Лѣт. Львов. Брат, подъ 1594 г.
(2) А. З. Р. т. IV. N 48.
(3) Synopsis подъ 1594 г.
(4) А. З. Р. т. IV. № 48.
(5) Ibid. № 55.

клятію всѣхъ, кто воспротивится этому дѣлу.— Простой народъ, по ихъ понятію, не долженъ вмѣшиваться въ религіозные вопросы, потому что »посполитый народъ мірскаго сана по своей простотѣ и великому неразумію много вредитъ своимъ вмѣшательствомъ духовнымъ распоряженіямъ и различнаго рода дѣламъ церковнымъ«. Въ силу грамоты короля, данной имъ въ Краковѣ, они опредѣлили: »единодушно поставляемъ мы въ епископіяхъ нашихъ—луцкой, перемышльской, львовской и хельмской и въ силу епископской нашей власти, хочемъ, чтобы никто изъ мірскихъ не вмѣшивался во справы духовныя и сего постановленія нашего не думалъ-бы никто уничтожать или противиться ему подъ страхомъ анаѳемы. Каждый же противящійся будетъ отлученъ отъ таинъ Христовыхъ и да не входитъ во храмъ Божій, и какъ членъ противящійся верховной власти, совершенно долженъ быть отлученъ ([1]).» Кто въ этомъ грозномъ и не христіанскомъ опредѣленіи, безусловнаго требованія покорности себѣ, не узнаетъ духа іезуитскаго и деспотизма католической церкви?!.. Зараза папства перешла всецѣло въ духъ вельможныхъ православныхъ епископовъ этого времени и они думаютъ господствовать надъ свободою совѣсти и мыслями всѣхъ безпрекословно. Глубокія и вѣковыя убѣжденія югозападнаго народа они думаютъ уничтожить насиліемъ и замѣнить ложью. Такія деспотическія отношенія духовенства къ народу, сжившемуся съ свободою, совершенно отчуждали пастырей отъ народа. Жизнь духовенства, сосредоточенная въ немъ одномъ, не могла уже имѣть ничего общаго съ жизнію народною.— Но чего хотѣли достигнуть нѣкоторые епископы насиліемъ и рѣшительнымъ шагомъ, все это уничтожалъ и признавалъ незаконность такого дѣйствованія слабый, нерѣшительный и трусливый митрополитъ Михаилъ Рогоза, постоянно колебавшійся, до послѣдняго брестскаго собора, между православіемъ и уніею. Тогда какъ окатоличившіеся епископы, руководимые іезуитами, требуютъ безпрекословнаго повиновенія міранъ своимъ распоряженіямъ.—Рогоза въ письмахъ къ Ѳеодору Скумину, обвиняя епископовъ, согласившихся на унію, и оправдываясь въ своей невинности, говоритъ: »что я никогда не могу согласиться на унію безъ согласія и воли на это ва-

[1]) А. З. Р. т. IV N 52.

шей милости, моего милостиваго пана и собратіи моей, *и позволенія посполитыхъ людей*, боясь для церкви нашей подступу и прелести (1).» Извѣщая Константина Острожскаго о поѣздкѣ Терлецкаго и Поцѣя въ Римъ, Рогоза говоритъ, что онъ послалъ къ нимъ нарочитыхъ, чтобы они не дѣлали этого,« иначе въ нашемъ народѣ христіанскомъ долженъ быть великій бунтъ, а чего добраго и кровопролитія ожидать можно (2). Трусливый митрополитъ, хотя и желалъ уніи и далъ уже на нее согласіе, что бы получить тѣ льготы, которыя обѣщаны были королемъ, но онъ все таки не могъ не признать правъ народа въ дѣлахъ вѣры и церкви, народа, которымъ онъ былъ избранъ на митрополью каѳедру. Такой противорѣчащій взглядъ пастырей церкви на права народныя, раскрывалъ еще больше народу всю недобросовѣстность и несостоятельность пастырей и заставлялъ его поглужбе сосредоточиваться въ себѣ самомъ, чтобы найти дѣйствительныя противодѣйствія всѣмъ незаконнымъ притязаніямъ.

Какъ дѣйствовали православные епископы, также нелогично поступало и польское правительство, дѣйствуя вмѣстѣ подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же, неокрѣпшихъ еще въ своей хитрости, іезуитовъ. Сигизмундъ, который такъ недавно далъ патріарху грамоту, призналъ въ ней всѣ распоряженія его въ югозападной церкви законными и позволилъ ему учредить братство, съ извѣстными намъ уже правами,—теперь, подъ вліяніемъ іезуитскихъ взглядовъ и требованій, какъ будто-бы опомнился отъ прежней своей ошибки и запрещаетъ, чтобы никакая мірская особа не вмѣшивалась въ дѣла религіозныя (3). Онъ убѣждаетъ даже Константина Острожскаго, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣхъ православныхъ, согласиться на унію, о которой уже порѣшили пастыри (sic!). »Мы, говоритъ онъ устами іезуитовъ, должны идти за пастырями своими, несправшивая ихъ куда; мы должны дѣлать то, чему они насъ учатъ: *ихъ далъ намъ Духъ Святый* чтобы они были нашими руководителями въ жизни«. Сигизмунду нехочется, чтобы объ уніи были народныя разсужденія и совѣты ихъ съ пастырями; по-

(1) А. З. Р. т. IV N 69.
(2) Ibid. № 80.
(3) А. З. Р. т. IV. N 82.

тому что это только затруднитъ дѣло и безъ нихъ уже давно порѣшенное (1). Съ такимъ же характеромъ убѣжденія онъ выступаетъ и въ окружной своей грамотѣ ко всему югозападному народу: ему запрещается признавать своими верховными пастырями восточныхъ патріарховъ и безпрекословно принять то, что рѣшено пастырами на брестскомъ соборѣ (2).

Какъ мелко было въ настоящее время католичество и польское правительство, въ сраненіи съ народомъ югозападнымъ! Іезуитское католичество XVI в., не хотѣло понять и уяснить себѣ внутренней жизни югозападнаго народа и того характера церковнаго управленія, который, съ устройствомъ братствъ, началъ развиваться въ югозападной церкви. Что бы ввести унію, они думаютъ дѣйствовать главнымъ образомъ чрезъ пастырей: имъ казалось, что если они привлекутъ на свою сторону іерарховъ, то народъ уже будетъ весь ихъ. Эта странная, древне-языческая мысль могла опять выступить въ жизни только на западѣ, въ средніе вѣка христіанства, гдѣ вся церковъ сосредоточивалась въ ея представителяхъ и во всей ея дѣятельности господствовалъ духъ принужденія и насилія. Духъ и направленіе іезуитизма этого времени показалъ ясно, что такое было католичество и чѣмъ оно можетъ быть въ послѣдующемъ своемъ развитіи, когда оно достигнетъ своего апогея.

Не такъ понималъ живыя истины христіанства югозападный народъ въ отношеніи къ своему спасенію, не такъ тупо смотрѣлъ онъ на современный порядокъ вещей, какъ это казалось католическому польскому правительству, а вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторымъ православнымъ епископамъ. Въ его жизни были совершенно другія требованія и иныя отношенія къ своей вѣрѣ и церкви, чѣмъ въ католичествѣ. Его жизнь тѣсно была связана съ жизнію церкви и вѣры и онъ никогда немогъ отдѣлить себя отъ нея, какъ и другіе славянскія племена— сербы и болгары, подобно ему развивавшіяся. Въ ученіи православной церкви югозападный народъ видѣлъ основу своей жизни и народности. Подъ руководствомъ этой церкви развился и укрѣпился его племенной характеръ: здѣсь онъ получилъ свою силу и живучесть, какую онъ далъ теперь и жизни

(1) Ibid. № 71.
(2) Ibid. № 114.

церкви въ характерѣ ея управленія.— Когда со всѣхъ сторонъ выступило насиліе польскаго католичества чтобы отказаться отъ православія, югозападный народъ немогъ теперь нестоять за свою вѣру, потому что сущность православія вполнѣ сродна была съ требованіями его свободнаго славянскаго духа и его бытовыхъ отношеній. Онъ чрезъ это какъ-то инстинктивно и тѣмъ сильнѣе привязывался къ нему, когда замѣчалъ, что истина божественной вѣры не только непротиворѣчитъ формамъ его общественнаго устройства, но напротивъ еще болѣе способна развить ихъ, укрѣпить и оградить неприкосновенность ихъ высшимъ не земнымъ авторитетомъ. Такъ понято было православіе и патріархомъ Іереміею II, какъ жизненный элементъ въ югозападной народности, когда онъ отдалъ братству церковно-административный характеръ.—Югозападный народъ доказалъ, на сколько онъ приверженъ къ православію еще въ XIV в., когда свирѣпый католикъ Ягайло воздвигъ на него гоненіе, по своей жестокости, равнявшееся гоненіямъ Домеціана (¹). Гоненія католичества всегда вѣрнаго своей идеѣ, начавшіяся теперь, (1595 г.) (²) чрезъ два вѣка послѣ этого, поставили православныхъ между двумя крайностями: или они должны были дать преимущество католицизму предъ православіемъ, или отказаться отъ перваго и терпѣть всѣ жестокости средневѣковаго фанатизма и поруганіе надъ своею вѣрою и церковью. Полякъ-католикъ началъ развивать теперь, что православіе есть достояніе одного только плебея (³), а часть православнаго высшаго духовенства, какъ бы въ доказательство мысли іезуитской отпала отъ вѣры своихъ предковъ. Іезуит-

(¹) Kraszew. t. II. str. 496 и 514. Kronika Pol. Stryjkow. t. II. str. 149.

(²) Supp. adhist. Rus. M. p. 153 и 154.

(³) Поляки и теперь называютъ православіе *вѣрою хлопскою*, но кажется они не понимаютъ того, что этимъ названіемъ они возвышаютъ православіе въ ущербъ панскому католичеству. Нашъ простолюдинъ—южноруссъ, когда зайдетъ разговоръ о православіи и католичествѣ, онъ непремѣнно назоветъ свою православную вѣру *мужицькою вѣрою* и высказываетъ это съ какою-то гордостію. Мы даже не желаемъ никогда, чтобы наше православіе развило въ себѣ когда нибудь хоть каплю аристократизма.

Нѣтъ гг. Поляки! мы необижаемся, а гордимся тѣмъ, что наша вѣра, какъ вы говорите chłopska. Православіе въ своей идеѣ стремится осуществить заповѣдь Спасителя равенства, братства, любви и единства. Въ православной церкви никто нескажетъ простолюдину: „поди прочь! отъ тебя воняетъ дегтёмъ, ты колбасы объѣлся,“ какъ это приходилось намъ слышать въ костелѣ отъ вельможныхъ паненъ и пановъ.

скія проповѣди, сочиненія, сближенія, различныя хитрости и угнетенія, увлекали на ихъ сторону также много знатныхъ, но слабыхъ лицъ. (¹)

Аристократія вообще какъ-то скоро способна дѣлаться безразличною къ интересамъ религіи и вѣковымъ преданіямъ народной старины, если это кажется почему либо выгоднымъ для ея сословныхъ и родовыхъ интересовъ: для нея гораздо тяжелѣ отказаться отъ послѣднихъ, чѣмъ отъ первыхъ. Кромѣ того русскіе вельможи неимѣли между собою надлежащей сплоченности и жили розно, каждый для себя. Ихъ интересы были внѣ своего народа: ихъ сословный кругъ былъ довольно широкъ, но чтобы занять приличное мѣсто въ этомъ кругѣ имъ нужно было примкнуться къ католичеству. И такъ какъ православное югозападное магнатство составляло только часть, меньшинство въ сравненіи съ магнатствомъ всей Польши,— то естественно, что первое стремилось приноровиться къ большинству, принадлежавшему къ иной вѣрѣ и иной народности. Ихъ обособленность ставила ихъ часто въ какое-то неловкое и невыгодное положеніе, въ отношеніи къ католическому панству,—а вельможному пану этого времени, хоть и православному, ни какъ не хотѣлось переносить какихъ-нибудь пустыхъ насмѣшекъ и безсмысленныхъ замѣчаній; потому что онъ немогъ осмыслить своей жизни, при ограниченности своего кругозора. Не понимая интересовъ своей народности и будучи не въ состояніи поглубже приглядѣться къ тому, во что онъ вѣровалъ, или лучше сказать, неимѣя основательныхъ убѣжденій въ вѣрѣ и глубокой внутренней привязанности къ ней, они, безъ всякой сердечной боли, переходили въ католичество, отказываясь отъ своего роднаго православія.

Но если іезуиты находили успѣхъ здѣсь, если къ религіознымъ убѣжденіямъ аристократіи они весьма легко могли примѣшивать свои, совершенно противоположныя, — то не такъ легко было приступить съ этимъ къ народу, который всегда глубоко держался православія (²). Въ немъ то исключительно жили и развивались коренныя начала югозападной народности и неразрывнаго съ нею православія, а потому онъ немогъ недорожить имъ.

(¹) Obr. Litw. t. II. str. 76.
(²) Obr. Litw. jarosz. t. III. str. 77.

Рѣшеніе вопроса между двумя крайностями, зависѣло конечно нестолько отъ догматическихъ споровъ, которые не совсѣмъ доступны были народу, сколько отъ внутренняго строя жизни общественной и церковной. Югозападный народъ долженъ былъ стоять за вѣрованія своей церкви и защищать ихъ; потому что въ этомъ хранились его общественныя права, тамъ онъ видѣлъ все свое счастье и идеалъ своей общественной жизни. Безконечно-разнообразныя явленія общечеловѣческой жизни и каждаго человѣка въ частности, опредѣляются отношеніями двухъ вѣчно-совмѣстныхъ и соприкасающихся началъ: прирожденной свободы всякому лицу и общественнаго мнѣнія, которое полагаетъ границы всякой безграничной свободѣ или невыясненнымъ еще стремленіямъ и желаніямъ и даетъ имъ направленіе, сообразное извѣстной идеѣ Въ православной церкви югозападный русскій народъ нашелъ и то и другое: онъ увидѣлъ тамъ всецѣло себя.

Югозападный народъ въ своей жизни всегда стремился къ тому, чтобы согласить эти два начала человѣческой жизни, не внѣшнимъ авторитетомъ, а внутреннимъ образомъ, и это есть существенная особенность его духа и его бытовыхъ проявленій, каковы на примѣръ братства въ церкви и сельскія общины въ народномъ управленіи. Югозападный народъ не хотѣлъ ограничивать личной свободы внѣшнимъ авторитетомъ аристократическаго права, нѣкоторыхъ членовъ этого общества, какъ думали теперь ограничить его права въ церкви нѣкоторые изъ его пастырей, при помощи польскаго правительства: онъ искалъ ограниченія личной свободы каждаго члена общества въ нравственномъ авторитетѣ и единодушной волѣ всѣхъ ея членовъ: свобода и единомысліе, вотъ стихіи этого народа. Не находя себѣ достаточнаго удовлетворенія среди внѣшнихъ условій и въ томъ обществѣ, съ которымъ онъ входилъ въ соприкосновеніе, — онъ ищетъ себѣ убѣжища въ сферѣ, недоступной этимъ условіямъ и находитъ его въ ученіи православной церкви.

Но пора намъ лучше обратиться къ самой исторической жизни и послушать живаго голоса самаго народа, у котораго думали теперь отнять силою все, что только было выработано имъ до сего времени свободною жизнію.

Теперь нужно было кому-нибудь начать борьбу съ іерархами церкви, согласившимися на унію, чтобы показать имъ всю несостоятельность ихъ дѣйствій, при существовавшемъ устрой-

ствѣ жизни общественной и церковной въ томъ народѣ, который они хотѣли теперь вести, какъ они думали, къ лучшей жизни новыми путями и при новыхъ началахъ.

Константинъ Острожскій первый выступаетъ на открытую и рѣшительную борьбу съ своими іерархами. Получивъ письмо отъ хитраго Поцѣя (16 іюня 1595 г), въ которомъ онъ, стараясь оправдать себя и своихъ сообщиковъ въ замыслахъ относительно уніи, а между тѣмъ убѣждаетъ его согласиться на соединеніе съ римскою церковью ([1]). Константинъ Острожскій пишетъ (24 іюня 1895 г), въ слѣдствіе этого, окружное посланіе ко всемъ православнымъ христіанамъ, убѣждая ихъ твердо стоять за православіе. Это окружное посланіе отъ начала до конца проникнуто живымъ и теплымъ чувствомъ любви и убѣжденія въ истинѣ православной вѣры, любви, готовой даже на страданія за вѣру. Искреннее религіозное чувство великаго подвижника православія было глубоко оскорблено двоедушіемъ Поцѣя и вообще *облудными и подступными пастырями* какъ выразился о нихъ Ѳедоръ Скуминъ, воевода новогрудскій, въ своемъ письмѣ къ Константину Острожскому ([2]). Но послушаемъ самаго Константина Острожскаго. Въ его посланіи высказанъ тотъ свѣтлый взглядъ на церковь и на отношеніе народа къ высшимъ іерархамъ, который скоро выступитъ еще сознательнѣе и обширнѣе: это посланіе есть какъ бы итогъ, слѣдствіе, той недостойной дѣятельности пастырей, которая высказалась до настоящаго времени. »Отъ преименитыхъ благочестивыхъ родителей съ младу я воспитанъ былъ въ наказаніи истинной вѣры, въ которой и теперь, укрѣпляемъ Божіею помощію, пребываю. Извѣстился я Божіею благодатію »и увѣрился въ томъ, что кромѣ единой истинной вѣры, »насажденной во Іерусалимѣ, нѣтъ другой вѣры. Но теперь, »злохитрыми кознями вселукаваго діавола, самые главные истинной »вѣры нашей начальники, прельстившись славою міра сего и »тьмою сластолюбія помрачившіеся, мнимые наши пастыри, »митрополитъ съ епископами, въ волковъ претворились, отверглись истинной вѣры святой восточной церки, отступились »святѣйшихъ патріарховъ, пастырей и учителей нашихъ вселен-

([1]) А. З. Р. т. IV N 70.
([2]) Ibid. N 34.

»скихъ и приложились къ западнымъ. А между тѣмъ, прикрывая свою волчью кожу овечью шерстью и скрывая въ себѣ »внутренняго волка, они не открываются, тайно согласившись »другъ съ другомъ окаянные, какъ христопродавецъ Іуда съ жидами, »задумали всѣхъ благочестивыхъ съ собою въ погибель ввергнуть, какъ объ этомъ говорятъ самыя пагубныя и скрытыя »ихъ писанія. Но человѣколюбецъ Богъ не попуститъ совершиться въ конецъ ихъ лукавому умыслу, если только ваша »милость въ любви христіанской и повинности своей пребудете. »Здѣсь идетъ дѣло не о тлѣнномъ имѣніи и преходящемъ »богатствѣ, но о вѣчной жизни, о безсмертной душѣ, дороже »которой ничего не можетъ быть. Многіе изъ обывателей здѣшней области, святой восточной вѣры послушники, считаютъ »меня въ здѣшнемъ краю начальникомъ православія, хотя я »самъ себя считаю не большимъ, но равнымъ каждому, въ »правовѣріи стоящему, то, изъ боязни, чтобы не взять на »себя вины предъ Богомъ и предъ вами, даю знать вашимъ »милостямъ о предателяхъ христовой церкви и хочу съ вами »за одно стоять, чтобы за помощію Божіею и вашимъ стараніемъ, они сами впали въ тѣ сѣти, которыя для насъ готовятъ... Можетъ ли быть что нибудь безстыднѣе и беззаконнѣе, какъ ихъ дѣла! Шесть или семь злонравныхъ человѣкъ »злодѣйски согласились на унію, своихъ пастырей, святѣйшихъ »патріарховъ которыми поставлены, отверглись, и считая насъ »правовѣрныхъ безсловесными, своевольно осмѣлились оторвать »насъ отъ истины и за собою низвергнуть въ пагубу: но у »насъ есть свой разумъ, своя воля!.. Какая намъ отъ нихъ »польза? Вмѣсто того, чтобы быть свѣтомъ міру, они сдѣлались »тьмою и соблазномъ для всѣхъ. Если татары, жиды, армяне »и другіе въ нашемъ государствѣ хранятъ свою вѣру не нарушимо, то не съ большимъ ли правомъ должны мы сохранить »свою вѣру, истинные христіане, *если только всѣ будемъ »стоять твердо за одно.* Еслибы даже всѣ пастыри оставили насъ, мы и тогда должны сохранить истину православія, »взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса Христа, »онъ глава нашей церкви. Подражайте Спасителю нашему »Іисусу Христу, который пострадалъ отъ неблагодарныхъ іудеевъ и послушайте апостола, который говоритъ: »терпѣливостію да течемъ на предлежащій намъ подвигъ, взирающе на

»начальника вѣры и совершителя спасенія Іисуса, который, »за предлежащую ему радость принялъ смерть и распятіе, о »грамотѣ же недумалъ!» А я, какъ до сихъ поръ служилъ »восточной церкви трудомъ и имѣніемъ своимъ, въ розмно- »женія священныхъ книгъ и прочими благочестивыми вещами, »такъ и до конца моей жизни всѣми моими силами *обѣщаюсь* »*служить на пользу братій моихъ* (¹).«

Вопросъ объ уніи сталъ уже всѣмъ теперь извѣстенъ. Ея сообщники, такъ долго скрывавшіеся и хитрившіе другъ предъ другомъ, были открыты совсѣмъ своими планами. Гедеонъ, усмирившись съ братствомъ, отказался отъ дѣйствій въ пользу уніи и началъ обвинять, въ судѣ владимирскомъ, въ недобросовѣстности Кирилла Терлецкаго и Поцѣя, которые, на подписныхъ бланкетахъ, вмѣсто просьбъ къ королю, написали соглашеніе на унію (²). Проповѣдникъ Стефанъ Зизаній, перешедшій изъ Львова въ Вильно, во время преслѣдованій Гедеона, волновалъ своими проповѣдями православныхъ этого города, убѣждая ихъ вооружаться противъ митрополита и епископовъ измѣнниковъ. » Великую войну велъ съ римлянами зизаній, говоритъ лѣтописецъ, нетолько на ратушахъ и при рынкѣ по дорогамъ, но и посрединѣ церкви святой (³). Митрополитъ Михаилъ, вслѣдствіе этаго окружною грамотою увѣряетъ всѣхъ мірскихъ и духовныхъ, что онъ не учавствуетъ въ замыслахъ на принятіе уніи, убѣждая и ихъ твердо стоять за истину православія. Волненіе поднятое въ Вильнѣ устрашило трусливаго Рогозу не нашутку и онъ посылаетъ членамъ виленскаго братства, чрезъ своего протонотарія Григорія, грамоту, въ которой, увѣряя ихъ, что онъ непричастенъ уніи, въ тоже время грозитъ своимъ духовнымъ судомъ виленскому братству, а особенно Зизанію, за распространеніе объ немъ ложныхъ слуховъ (⁴). Эта рѣзкость отношенія, смѣшанная съ недобросовѣстностію, вызываетъ посланіе виленскаго братства къ князьямъ Скумину и Острожскому, съ приложеніемъ документовъ, что митрополитъ дѣйствительно присталъ уже къ уніи вмѣстѣ съ другими владыками (⁵). Они жалуются, что ихъ

(¹) А. З. Р. т. IV. № 71.
(²) Руск. Бесѣда 1858 г. к. III. Науки стр. 39—41.
(³) Сборникъ Синод. библ. № 790.
(⁴) А. З. Р. т. IV. N. 72.
(⁵) Ibid. N 74.

владыки, собираясь на тайные соборы, дѣлаютъ тамъ распоряженія и соглашенія отъ всего народа и духовенства; перечисляютъ пять тайныхъ соборовъ (въ Брестѣ, Соколѣ, Красноставѣ, Кобринѣ и опять въ Брестѣ), на которыхъ они порѣшили дѣла уніи безъ ихъ согласія и участія. Католики въ своихъ костелахъ говорятъ уже открыто, что они должны согласиться на все это; потому что *ихъ владыки и митрополитъ соизволили согласиться на это*. Въ слѣдствіе чего они писали къ митрополиту и требовали, чтобы онъ *объяснился предъ ними, какъ и почему онъ согласился на унію?*. О томъ, что ихъ владыки и митрополитъ *списались предать ихъ католичеству* они протестовали предъ Богомъ и всѣмъ народомъ христіанскимъ, потому что все это сдѣлалось, «безъ вѣдома своихъ старшихъ и насъ меньшихъ всего духовенства и безъ вѣдомости вашихъ милостей, нашихъ милостивыхъ пановъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, сами, только четыри альбо пять особъ тое справуютъ?....» Но, предлагаютъ они, пусть себѣ отступаютъ высшіе пастыри, если имъ угодно; духовенство и народъ успокоиваютъ себя словами писанія: отступятъ нѣцыи отъ вѣры....и отъ васъ самихъ встанутъ мужіе, глаголюще развращенная (1 Тим. 4 Дѣян. 20 30) (¹).

Въ слѣдъ за виленскимъ, львовское братство высказало все недовольство на существовавшій порядокъ вещей въ церкви и на недостойныхъ пастырей своихъ.» Въ духовномъ сословіи, говоритъ оно, умножились безпорядки при худомъ пастырствѣ Кіевскаго и Галицкаго митрополита Онисифора Дѣвочка, двоеженца и человѣка вѣры сомнительной. Онъ дозволялъ епископамъ быть двоеженцамъ, а инымъ епископамъ быть съ женами, не смотря на монашескіе обѣты, и намножилъ нѣсколько сотъ поповъ двоеженцевъ, подозрѣваемыхъ въ разныхъ преступленіяхъ».

«Вселенскій патріархъ Іеремія, съ разрѣшенія его королевскаго величества, находясь въ Вильнѣ, митрополита низложилъ и на его мѣсто другаго отца Михаила Рогозу поставилъ и посвятилъ, приказавъ ему, подъ страхомъ лишенія сана и погибели души, негодныхъ владыкъ и поповъ отъ церкви отлучить, чего онъ не исполнилъ, хотя патріархъ строго ему подтверждалъ. Такіе владыки, по тайному между собою согласію, избѣгая

(¹) Ibid.

церковнаго наказанія, поддаются папѣ римскому, будтобы для соединенія церквей, а собственно для того, чтобы покрыть свое недостоинство. Производя соблазнъ между нами овцами христовыми....они, съ своими пріятелями, роскошествуютъ въ имѣніяхъ церковныхъ, святой церкви не приносятъ нималѣйшей пользы; всѣ неудобоносимыя тяжести возлагаютъ на простой народъ, а сами нехотятъ и перстомъ коснуться ихъ. Заграждая людямъ царство небесное, сами невходятъ и намъ возбраняютъ. Монаховъ женятъ, монахинь выдаютъ замужъ; сами владыки живутъ съ женами, и *мясо ѣдятъ* вопреки монашескихъ правилъ, да еще насъ, невинныхъ людей, предаютъ проклятію; наши домы и сундуки съ имуществомъ печатаютъ, затрудняя тѣмъ ходъ нашихъ дѣлъ и домашнюю жизнь, а поповъ нашихъ духовныхъ принуждаютъ къ свѣтскимъ обязанностямъ и тѣмъ лишаютъ насъ всѣхъ церковныхъ и свѣтскихъ правъ пашего древняго православія и проч. и проч...» [1]. Въ началѣ 1596 г. какъ православная югозападная церковь, такъ и польско-католическая были въ какомъ-то особенномъ, не нормальномъ состояніи. Католическая—съ лихорадочною дѣятельностію хваталась за всѣ незаконныя средства, въ надеждѣ поскорѣе достигнуть такъ давно желанной цѣли,—православные—съ нетерпѣніемъ ждали выхода изъ своего нерѣшительнаго и загадочнаго положенія въ которое они были поставлены своими іерархами. Они съ нетерпѣніемъ желаютъ собора, какъ послѣдняго судьи въ поднятомъ теперь вопросѣ [2]. Виленское братство проситъ князей Скумина и Острожскаго хлопотать предъ королемъ о соборѣ, гдѣ бы міряне съѣхались вмѣстѣ съ своими пастырями для суда [3]. Братство и всѣ міряне югозападной церкви стали теперь лицемъ къ лицу съ вопросами—объ отношеніи мірянъ къ пастырямъ церкви; о правѣ участія первыхъ въ рѣшеніи вопросовъ церковныхъ; объ отношеніи низшихъ пастырей къ высшимъ, а также,—объ отношеніи власти королевской вообще къ пастырямъ церкви. Съ этими вопросами неопредѣленно выступавшими въ церковной жизни на югозападѣ Руси, мы сталкиваемся постоянно съ появленіемъ братствъ, съ церковно-административнымъ ха-

---

(1) Ж. М. Н. Пр. Май. стр. 82—84. Объявленіе львов. братства.
(2) Ekthejis. л. 3.
(3) А. З. Р. т. IV. N 90.

рактеромъ, и эти, не установившіеся еще окончательно вопросы, всегда выступали, въ борьбѣ братства съ духовенствомъ, на первомъ планѣ,—брестская-же унія должна была рѣшить ихъ окончательно такъ-или иначе, потому что съ этихъ вопросовъ завязывается теперь вся полемика объ уніи.

Мы еще прежде видѣли, какъ Сигизмундъ III, глазами іезуитовъ, смотрѣлъ на участіе міряиъ въ дѣлахъ церкви. При рѣшеніи этого вопроса теперь—должно ли дѣло уніи состояться съ согласія міряиъ, или безъ нихъ,—іезуиты не могли долго задуматься: они видѣли, что братства съ своими правами, главнымъ образомъ стоятъ имъ на перепутьи къ достиженію ихъ цѣли. Они рѣзко начали отдѣлять барашковъ отъ овечекъ и высказывались прямо противъ собора, на которомъ учавствовали бы міряне,—потому что отъ него они не ждали для себя ничего утѣшительнаго.—Сигизмундъ III далъ приказъ пограничнымъ старостамъ, чтобы ни подъ какимъ условіемъ не пропускать въ Литву патріаршихъ пословъ (¹); а князю Острожскому онъ прямо говоритъ: «Несчитаемъ нужнымъ, чтобы, для рѣшенія вопроса объ уніи, былъ какой-нибудь съѣздъ, о которомъ просили насъ сами епископы ваши: дѣла, относящіяся къ душевному спасенію, подлежатъ власти ихъ пастырской, а мы должны повиноваться рѣшенію пастырей, *которыхъ намъ духъ панскій* (²) *далъ за вожи до живота* (³).—Но напрасно такъ думали и хлопотали іезуиты, а съ ними и польское правительство! Народъ не могъ уже остановиться предъ разъ созданнымъ идеаломъ церкви.—Братство, въ силу патріаршей грамоты, имѣло право слѣдить за поведеніемъ и религіозными убѣжденіями своихъ епископовъ и вообще всего духовенства. Это право народа перешло уже въ убѣжденіе и народъ поставилъ теперь для себя обязанностію свои убѣжденія, облеченныя правомъ, доказать самимъ дѣломъ.—Борьба, препятствія и безпомощность, заставили его искать помощи въ самомъ себѣ, въ своихъ внутреннихъ силахъ и поглубже призадуматься надъ тѣми вопросами, которые приходилось ему теперь отстаивать. Іерархическая жизнь церкви, какъ мы уже видѣли, недавала ему для борьбы никакихъ нравственныхъ началъ: его окружала одна только безнравствен-

(¹) А. З. Р. т. IV. N 75
(²) Господвій.
(³) Ibid. N 76.

ность, коварство и недобросовѣстность. Народъ желалъ видѣть лучшій порядокъ въ устройствѣ церковномъ и прямо это высказывалъ: »нѣкоторые, говоритъ львовское братство, желавшіе возвратиться къ своему правовѣрію, теперь отвращаются, порицая церковное безчиніе, люди же всѣ, единогласно восклицая, говорятъ: если только неустроится церковное развращеніе, разойдемся вконецъ, пристанемъ къ римской церкви и будемъ тамъ жить покойно и безмятежно (1)». Іерархи церкви потеряли всякое уваженіе въ глазахъ народа, когда онъ увидѣлъ, что-они своею безнравственною жизнію какбы насмѣиваются надъ тѣми божественными истиннами вѣры, предъ которыми онъ благоговѣлъ » Мнящіися быти святители сущіижъ по истинѣ скверните̇ли, иночествати обѣщавшіеся, и съ жонами невозбранно живуще: многобрачніи святительствуютъ, прочіе же съ блудницами дѣтей родили и проч. и проч».....И эти-то пастыри хотятъ теперь, чтобы народъ ввѣрилъ имъ неограниченную власть церкви и призналъ за ними не погрѣшимый авторитетъ въ дѣлѣ религіи!?..

Окончательное рѣшеніе вопроса объ уніи взяло на себя польское правительство. Что-бы придать нѣкоторую законность беззаконной уніи, король снисходилъ къ требованіямъ народа и дозволяетъ всѣмъ православнымъ съѣхаться на соборъ въ Брестъ-Литовскъ. Отвергнутое недавно право народа, признается польскимъ правительствомъ опять какъ бы законнымъ. Михаилъ Рогоза, по приказанію короля, пишетъ окружное посланіе ко всѣмъ духовнымъ, сановникамъ *и посполитому народу*, приглашая всѣхъ ихъ для совѣщанія о вѣрѣ Здѣсь же онъ жалуется на Терлецкаго и Поцѣя, которые, *безъ концесу* (безъ согласія) *рѣчи посполитой*, порѣшили уже въ Римѣ вопросъ объ уніи (2).—Соборъ состоялся въ назначенномъ мѣстѣ 6-го октября 1596 года. На сторонѣ православія были только два югозападныхъ епископа—Гедеонъ львовскій и Михаилъ перемышльскій, греческій архимандритъ Никифоръ Туръ и низшее духовенство, извѣстные намъ уже два епископа и митрополитъ—уніяты, нехотѣли явиться на соборъ, хотя недавно измѣнникъ митрополитъ приглашалъ всѣхъ духовныхъ, сановниковъ и мірянъ» для

(1) А. З. Р. т. IV. стр. 43, на 2-мъ столбцѣ.
(2) Ibid *N N* 89. 100.

прислухиванія и обмышливанія» дѣлъ церковныхъ ([1]). Когда соборъ православныхъ потребовалъ ихъ къ себѣ третій разъ, они отвѣтили: »—Что сдѣлано, то сдѣлано уже разъ на всегда; хорошо ли, дурно ли мы сдѣлали, предавшись римскому папѣ, только теперь передѣлать этого рѣшительно невозможно.» Такъ какъ митрополитъ и епископы—уніяты нехотѣли послушать ихъ *канопнаго позову* и нехотѣли стать предъ ними *на синодѣ*, чтобы дать отвѣтъ въ своихъ *безбожныхъ поступкахъ*, которые они осмѣлились учинить,—то соборъ православныхъ отлучаетъ ихъ отъ церкви и непризнаетъ ихъ больше своими пастырями ([2]). 9-го октября выданъ былъ соборный декретъ, въ которомъ сказано, что отступники отъ православія осуждены голосомъ патріарха, митрополита греческаго, епископами, архимандритами, игуменами, протопопами и пресвитерами числомъ 106, а также *папами и послами съ обѣихъ панствъ и огуломъ всѣми православными христіанами* ([3]).—Власть народная въ церкви высказалась прямо и рѣшительно на соборѣ; они, отвергнувъ непріятную для нихъ унію, поступили противъ воли правительства, которое такъ усердно хлопотало объ уніи и покровительствовало епископамъ, низложеннымъ и отвергнутымъ теперь голосомъ народа. Православной сторонѣ предстояла теперь борьба и борьба ужасная. Имъ нужно было отстаивать свои народныя права и защищать законность своихъ поступковъ, противъ незаконно поступившихъ іерарховъ церкви.—

Что же мы видимъ далѣе?

Извѣстный историческій фактъ, что чѣмъ глубже начинаетъ проникать нравственная порча въ извѣстное общество, и когда оно становится безнравственнѣе и пошлѣе, въ это время особенно выступаютъ нѣкоторыя глубоко нравственныя личности съ глубокимъ сознаніемъ, съ сильною жаждою и потребностью новыхъ, высшихъ началъ для общества. Это тѣ геніи, тѣ спасители общества, которые сильною внутреннею борьбою съ безнравственными насущными явленіями и всецѣлымъ погруженіемъ въ самое себя, выработываютъ и выясняютъ жизненныя начала для изживающагося общества и даютъ будущему новому поко-

---

([1]) А. З. Р. т. № 100.
([2]) Ibid. N 104.
([3]) Ibid. № 106.

лѣнію силу, мощь и крѣпость. Правда, бываетъ часто, что при усиленной борьбѣ нравственнаго общества съ противоположными началами глубоко нравственными, въ первомъ выступаютъ личности экзальтическія, которыя заражая цѣлое общество крайнимъ направленіемъ своихъ началъ, постепенно истощаютъ внутреннія силы общества и чѣмъ далѣе, тѣмъ блѣднѣе и слабѣе выступаютъ на поприще передовыя личности: борьба времени кладетъ на нихъ особенную печать какъ бы отъ рожденія и въ ихъ дѣятельности является запутанность и недовѣрчивость къ своимъ собственнымъ силамъ. Порывы ихъ воодушевленія не производятъ уже ничего сильнаго и всѣ ихъ нравственныя мученія разрѣшаются лишь одними лихорадочными судорогами. Требованія нравственности, стремленіе къ чему то лучшему у нихъ есть, но оно является чѣмъ то невыясненнымъ, крѣпость убѣжденій и художественность проявленія ихъ исчезаетъ и они, изнеможенные, падаютъ подъ давящимъ ихъ гнетомъ. Но подобныя безотрадныя явленія бываютъ только тогда, когда самыя начала, за которыя ратуетъ извѣстное общество бываютъ слабы, а еще болѣе, когда эти начала, для своей постановки и развитія, неимѣютъ твердой почвы и начинаютъ смѣшиваться съ другими нечисто нравственными началами, такъ что при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, само собою выступаетъ вся ихъ неустойчивость и шаткость.

Совершенно противоположное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ намъ югозападная православная церковь. Испорченность въ самомъ обществѣ православномъ, безнравственность и несостоятельность польско-католическаго правительства и всего общества, выдвигаетъ на борьбу и защиту началъ православной церкви братство, общество, основавшееся на чистыхъ началахъ христіанской нравственности, любви и всеобщаго братства. И тогда, какъ католичество стало противодѣйствовать его направленію и развитію, всею мелочностію латинской схоластики, и современной западной казуистики, православное общество сразу вступило на твердую почву древне-исторической жизни христіанской церкви: оно стало защищать себя не софизмами, но историческимъ смысломъ, духомъ евангельскаго и апостольскаго ученія и живою дѣятельностію всей церкви. Братства, съ напряженнымъ вниманіемъ обращаются теперь къ Востоку; ихъ дѣятельность усиливается: они начинаютъ совсѣмъ вниманіемъ прислушиваться къ святому голосу церкви первыхъ вѣковъ христі-

анства и находятъ тамъ удовлетворительные отвѣты на всѣ свои вопросы, желанія, стремленія и требованія. Вся лучшая дѣятельность греческихъ отцовъ церкви на поприщѣ православія, всецѣло наслѣдуется ими и въ этомъ источникѣ истины они начинаютъ провѣрять всѣ свои мысли и чувства. Чистый элементъ греческій начинаетъ родниться съ натурою славянина и приближается къ ней въ высокомъ сознаніи свободы личностей.—Прежній упадокъ просвѣщенія вызываетъ у нихъ жажду къ наукѣ; усилившееся зло, раждаетъ твердую рѣшимость уничтожить его въ церкви и *возвысить ее до образца первобытной церкви Христовой* (¹). Всѣ школы и училища принимаютъ характеръ и направленіе греческаго образованія, и лучшіе мужи Востока являются на югозападѣ для просвѣщенія юношества, съ чистою любовію къ наукѣ и безкорыстнымъ желаніемъ подать помощъ своимъ братьямъ по вѣрѣ. Взаимныя бѣдствія сближаютъ единодушнымъ сочувствіемъ всѣхъ членовъ общества, и они совсею твердостію духа идутъ навстрѣчу всѣмъ противо-поставляемымъ опасностямъ и препятствіямъ.—потому что *законы отеческіе были попраны*, а учители лицемѣрствуя православіемъ, покрыли церковь ложью (²). Поднятыя на нихъ гоненія и жертвы, павшія отъ католическаго фанатизма, еще болѣе воодушевляютъ ихъ въ твердости и непоколебимости въ вѣрѣ (³). Поднятое знамя братской любви и единства развертывается все шире и шире и дѣлается наконецъ знаменіемъ цѣлаго православнаго юго-западнаго народа, соединеннаго въ одно цѣлое, неразрывное братское общество. Аристократы забываютъ свои родовыя преимущества и достоинства и возстаютъ вмѣстѣ съ народомъ на защиту церкви и все ея управленіе берутъ въ свои руки. Ихъ роскошные домы обращаются теперь въ ученые кабинеты, гдѣ рядомъ съ знаменитымъ вельможею трудится простой міряninъ и смиренный инокъ для духовнаго просвѣщенія своей братіи (⁴) Лучшіе аристократы этого времени, не по одному только богатству и знатному происхожденію, но и по глубокимъ убѣжденіямъ какъ религіознымъ, такъ и нравственнымъ, каковы были: Константинъ Острожскій,

---

(¹) А. З. Р. т. IV. № 45.
(²) Ibid. № 33.
(³) Ibid. стр. 103 1-й столбецъ.
(⁴) Obraz. Litw. Jarosz. t. II, str. 82.

Өедоръ Скуминъ, Друцкій Горскій и другіе,—подаютъ руку последнему плебею и убѣждаютъ ихъ стать вмѣстѣ съ ними на защиту своей вѣры и за право народности. Въ своихъ протестаціяхъ, представляемыхъ въ судъ королевскій, они говорятъ, что епископы своимъ соглашеніемъ на унію, безъ согласія всѣхъ духовныхъ и *насъ всѣхъ* греческой религіи, *какъ дворянства*, такъ и *посполитаго народа*, а безъ согласія старшихъ своего духовенства, патріарховъ восточныхъ,—нарушили права рѣчи посполитой и свободу данную народу привилегіями прежнихъ королей и привилегіею короля, его милости, Сигизмунда III.

Неокатоличившіеся епископы недумаютъ таки отказываться отъ прежней своей власти надъ народомъ: они, по внушенію іезуитовъ, надѣются подчинить его себѣ силою своей пастырской власти и начинаютъ дѣйствовать еще болѣе нелогически, чѣмъ прежде. Митрополитъ Михаилъ, такъ недавно со всею силою защищавшій права братства, данныя патріархами, теперь, уже подъ вліяніемъ взглядовъ, жалуется, подобно прочимъ епископамъ измѣнникамъ, на патріарховъ греческихъ, что они заклеймили себя святотатствомъ, униженіемъ и отнятіемъ у нихъ власти, давъ власть и право вмѣшиваться въ дѣла церкви простымъ *холопамъ* (sic!) (¹). Въ Новогрудкѣ, на соборѣ, онъ уничтожаетъ всѣ прежнія рѣшенія свои и соборы, по дѣлу Ставропигіи съ Гедеономъ Балабаномъ,—признаетъ послѣдняго невиннымъ, подчиняетъ ему городскую Львовскую церковь и Онуфріевскій монастырь и присуждаетъ братство къ уплатѣ всѣхъ, понесенныхъ по этому процессу убытковъ. Но это ни къ чему не повело: ни братство, ни епископъ не обратили на это никакого вниманія (²). Польское правительство вмѣстѣ съ іезуитами увидѣло теперь, что отнята власть у братства силою, чтобъ ослабить его вліяніе на народъ, не такъ легко какъ имъ казалось, и они думаютъ привлечь ихъ на свою сторону хитростію. Король поручаетъ львовскимъ бурмистрамъ и радцамъ употребить всѣ средства, чтобы склонить братство на сторону уніи. Магистратъ, съ небывалою вѣжливостію, приглашаетъ старшихъ братчиковъ въ Ратушу; каждый Бурмистръ и Радца въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ представляли, что вступленіемъ въ унію

(¹) А. З. Р. т. IV № 110.
(²) Жур. М. Н. Пр. лѣт. Львов. брат. мон. стр. 74.

братчики обезпечатъ себя и своему потомству доставятъ покой и счастіе и будутъ на равнѣ со всѣми пользоваться правами— отправленіемъ торговли и ремеслъ. Молча, съ покорностію слушали русины соблазнительныя для нихъ рѣчи, кланялись, ни отказывались, ни соглашаясь, и ушли домой (¹). Подобныя обѣщанія не имѣли теперь для нихъ никакой цѣны. Православные со всѣхъ сторонъ слышали теперь голоса своихъ братьевъ твердо стоять за вѣру и искать себѣ счастья не гдѣ нибудь, но въ одной только истинѣ православія; они съ востока слышали теперь наставленія, въ какомъ отношеніи они должны стоять къ своимъ пастырямъ и указывалось имъ высокое ихъ значеніе въ церковномъ управленіи. »охраняйте, пишетъ къ князю Острожскому и »ко всѣмъ православнымъ христіанамъ югозападной церкви инокъ »Аѳонскій, Іоаннъ Вишенскій, охраняйте, православные, дѣтей »своихъ отъ католической латинской отравы; теперь вы явно по»страдали, когда на латинскую и мірскую мудрость разлакоми»лись... На священническую степень по правилу святыхъ отецъ »да всходятъ, а не по своему желанію, не ради имѣнія и пан»ства санъ восхищаютъ; не принимайте того кто самъ наска»киваетъ, королемъ назначается безъ *вашего избранія*; изго»няйте и проклинайте такого, потому что вы не въ папу кре»стились и не въ королевскую власть, чтобы вамъ король давалъ »волковъ и злодѣевъ; ибо лучше вамъ безъ владыкъ и безъ по»повъ, отъ діавола поставленныхъ, въ церковь ходить и пра»вославіе хранить, нежели съ владыками и попами, не отъ Бога »званными въ церкви быть, ей ругаться и православіе попирать. »Вы пастырей себѣ такъ избирайте: прежде назначьте нѣсколько »особъ, отъ житія и разумія засвидѣтельствованныхъ, потомъ »опредѣлите день и постъ, сотворите бдѣніе въ церкви и мо»литесь Богу, да дастъ вамъ и откроетъ пастыря, котораго жре»біемъ искупайте. Богъ милостивый моленія вашего не през»ритъ, вамъ пастыря дастъ и объявитъ; послѣ этого уже обра»щайтесь къ свѣтской власти, къ королю, чтобъ подтвердилъ »вамъ владыку, если же не захочетъ подтвердить, то увидите, »что оглохнетъ и пропадетъ; потому что поставленъ судъ правый »судить, а не прелестямъ своей вѣры потворствовать» (²).

(¹) Ibid. 75.

(²) Истор. Соловьева т. X. въ доцол. и прибав. къ X. тому.

Отъ тогоже инока Іоанна, въ другомъ его обличительномъ посланіи, еще сильнѣе и энергичнѣе раздался голосъ о той безнравственности, какою полна была въ то время польская земля. »Гдѣ теперь въ польской землѣ вѣра, гдѣ надежда, гдѣ любовь? Гдѣ правда и справедливость суда? Гдѣ покорность, гдѣ еванельскія заповѣди? Гдѣ апостольская проповѣдь, гдѣ свѣтскіе законы? Гдѣ непорочное священство? Гдѣ крестоносное житіе иноческое? Гдѣ благовѣйное и благочестивое христіанство?! .. Нынѣ въ польской землѣ священники всѣ, какъ нѣкогда Іезавелины жрецы, чревомъ, а не духомъ службу совершаютъ; паны надъ подручными своими сдѣлались богами, высшими Бога, вознеслись судомъ беззаконнымъ надъ Творцомъ. Вмѣсто евангельской проповѣди, апостольской науки и святаго закона, нынѣ поганскіе учители, Аристотели, Платоны и другіе имъ подобные мошкарники и комедійники водворахъ Христа Бога владѣютъ. Вмѣсто вѣры, надежды и любви,—безвѣріе, отчаяніе, ненависть, зависть и мерзость владѣютъ. Турки некрещенные честнѣе предъ Богомъ въ судѣ и правдѣ, нежели крещенные ляхи; а вы, православные христіане, нескорбите; Господь съ вами и я съ вами; имѣйте вѣру и надежду на Бога жива, на пановъ же вашихъ русскаго рода, на сыновъ человѣческихъ не надѣйтесь, въ нихъ нѣтъ спасенія: они отъ живаго Бога и отъ вѣры отъ его отступили. Да будутъ прокляты владыки, архимандриты, игумены, которые монастыри запустошили и фольварки себѣ изъ мѣстъ святыхъ подѣлали; гроши собираютъ съ доходовъ, данныхъ богомольцами христовыми, дочерямъ своимъ приданное готовятъ, сыновей одѣваютъ, женъ украшаютъ, слугъ умножаютъ, кареты дѣлаютъ, лошадей сытыхъ и одношерстныхъ запрягаютъ. а въ монастырѣ вмѣсто иноческаго чина, вмѣсто бдѣнія, пѣснопѣнія и молитвъ, псы воютъ. Владыки безбожные, вмѣсто правилъ книжнаго ученія и поученія во законѣ Господенъ, день и ночь надъ статутомъ сидятъ и во лжи весь вѣкъ свой упражняются (1)».

Сильный былъ голосъ отвнѣ, но неменѣе сильно и дѣятельно защищались и сами православные на югозападѣ отъ всѣхъ нападеній и хитростей іезуитскихъ, видя сами все то, на что такъ живо и рѣзко указывали ему другіе. Мы уже ска-

(1) Истор. Соловьева т. X. стр. 60—61.

зали съ какою ревностію югозападный русскій народъ принялся теперь выяснять себѣ свое положеніе и осмыслять ту исключительность, въ которую онъ былъ поставленъ своими іерархами. Отвергнутые имъ іерархи громили его проклятіями, доказывая ему, при помощи іезуитскихъ сочиненій, что онъ долженъ быть безгласенъ предъ своими пастырями; папское правительство тоже заставляетъ его подчиниться тѣмъ же требованіямъ, какъ своихъ подданныхъ. На всѣ эти возгласы и требованія народъ долженъ былъ дать свой отвѣтъ.

По мнѣнію Скарги о соединеніи церквей ненужно было бы даже и объявлять мірянамъ, такъ-какъ это дѣло пастырей. Скарга смотритъ на пастырей церкви, особенно на представителей ея епископовъ, какъ на прямыхъ посредниковъ между Богомъ и людьми, которые въ слѣдствіе этого никогда немогутъ погрѣшить. «Толковать о членахъ вѣры и изъяснять спасительный ихъ смыслъ, могутъ одни только духовные и епископы; ибо какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ, повелѣно слушать однихъ только духовныхъ властей и слѣдовать ихъ вѣрѣ, а свѣтскимъ, какъ овцамъ, идти за пастырями безпрекословно. И это справедливо. Они заблудить не могутъ: а если бы и заблудили, *чего быть не можетъ*, то слушатели ихъ были бы оправданы, а они осуждены. Ибо, если Богъ повелѣлъ слушать ихъ и вѣрить имъ, то самъ бы ихъ обманулъ, если бы приказалъ слушать заблуждающихъ (¹)». Вотъ мудрость іезуитско-католической схоластики!.. На это авторъ Апокрисиса говоритъ: «если однимъ пастырямъ ввѣрено охраненіе истинъ вѣры и заботливость о спасеніи стада ихъ, а мірскіе должны только безпрестанно слѣдовать за ними,-то пастыри церкви, сей часъ-же, какъ только узнали, что въ православной церкви ложь и заблужденіе, должны были объявить объ этомъ мірянамъ прежде, чѣмъ они отправились въ Римъ, что бы умирающіе въ это время, не отходили отъ этой жизни безъ спасительной вѣры, если же они этого не сдѣлали, то правы ли они въ спасеніи людскомъ?..—Моусей, мірской человѣкъ, не только разсуждалъ о Богослуженіи, но установилъ весь порядокъ, чинъ его и самъ Богъ поручилъ учредить это не Аарону іерею, но мірскому человѣку. По смерти Моусея Богъ

(¹) Апокр. стр. 67.

повелѣлъ вторично обрѣзать сыновъ израилевыхъ не Елеазару iерею, но мiрскому человѣку, отъ колѣна Ефремова, Iисусу Навину. Но эти доводы касательно власти мiрскихъ людей въ церкви очень слабы: ибо велика разность между временами ветхаго и новаго завѣта, между евреями, бывшими подъ закономъ и сѣнью и между христiанами, живущими подъ благодатью истинною. Тамъ одно только колѣно левитское призвано было къ служенiю iерейскому; здѣсь же, вѣрою во Iисуса Христа, царями и iереями Богу Отцу всѣ учинены (Апок. 1. 26). Тамъ одна только часть служила Богу и во одномъ только храмѣ iерусалимскомъ, здѣсь же всѣ христiане освящены во всемъ житiи, на всякомъ мѣстѣ, на всякое время, во всѣхъ дѣлахъ и судахъ на славославiе Христово, и чтобы они славили Бога и служили ему не только духомъ, но и тѣломъ, поелику они уды Христовы и прiобрѣтенiе Св. Духа. «Въ доказательство своихъ мыслей авторъ Апокрисиса приводитъ свидѣтельства Августина и Iеронима ([1]).

Народъ остановился теперь на нравственномъ уваженiи личностей и слушалъ одного только голоса нравственныхъ требованiй, а не тѣхъ, которые занимали высшiя мѣста въ iерархической лѣстницѣ. На всѣ возгласы и требованiя правительства и отверженныхъ имъ iерарховъ, народъ не обращаетъ никакого вниманiя: ему противнымъ кажется этотъ голосъ, какъ голосъ людей, неимѣющихъ въ себѣ нравственныхъ началъ.

Соборныя опредѣленiя окатоличившихся пастырей, неимѣли для народа каноническаго значенiя: онъ покорялся теперь не власти въ дѣлахъ вѣры, а голосу древней церкви и единомыслiю всѣхъ членовъ церкви, соединенныхъ между собою единодушiемъ и любовью христiанскою. Теперь онъ уже невѣрилъ въ судъ епископскiй, какъ это было прежде, потому только, что *судъ бо есть епископскiй.*—Народъ видѣлъ, что его православная вѣра не только неимѣетъ представительства въ Польшѣ, но даже не признаютъ за нею никакой исторической, законной опоры для существованiя его въ югозападномъ краѣ: все противъ нея и слово и дѣло ([2]). Отого-то мы видимъ, что не

([1]) ibid. стр. 67—70.

([2]) Читай у Нѣмцевича стр. 13—17; здѣсь показано все это очень ясно. Совѣтъ Ruggero, не хуже совѣтовъ Посевина или другихъ въ то время iезуитовъ.

число присутствующихъ на соборѣ епископовъ, ни власть, а требованіе короля покориться уніи, ни согласіе на унію старшихъ епископовъ, никакія наконецъ внѣшнія доказательства истинности собора и его рѣшеній,—не въ силахъ убѣдить народъ въ томъ, что этотъ соборъ имѣетъ характеръ православнаго. Православіе онъ не такъ понимаетъ: для него нужно не внѣшнее, а внутреннее доказательство истины, которая имѣла бы въ своей основѣ нравственность. Взглядъ на значеніе власти епископской въ церкви и вообще духовенства на соборѣ у него былъ таковъ: *общее мнѣніе должно быть судьею собора, а соборъ есть только выраженіе духовно-нравственнаго единства* (1). «Совершеннѣйшій соборъ, говоритъ авторъ Апокризиса, не есть судилище однихъ только епископовъ. Кто того не знаетъ, что есть различныя дарованія Божія и что между свѣтскими бываетъ много людей благочестивыхъ, одною простотою могущихъ сдѣлать многое? Много бываетъ между ними ученыхъ, а особенно въ настоящее время, болѣе разумнѣйшихъ нежели епископы,—тѣ говорю, епископы, которые кромѣ титла, облаченій, гордости и богатства, поистинѣ ничего неимѣютъ епископскаго, и о нихъ то можно сказать словами Св. Іеронима:» не всѣ епископы, суть епископы». Одному простому мірянину, неимѣющему посвященія, но знающему писаніе, надобно вѣрить больше въ поученіяхъ, нежели самому папѣ, больше вѣрить надобно одному мірянину изъ писанія доказывающему, нежели всему собору (2)». Изъ соборовъ апостольскихъ, вселенскихъ и помѣстныхъ доказывается теперь, что голосъ народа всегда уважался въ церкви и на соборахъ (3).—Пастыри недолжны управлять совѣстію міряпъ такъ, чтобы стѣснять своими требованіями ихъ свободу: пастыри обязаны только наблюдать за ихъ дѣлами и совѣстію и соглашать ихъ и свою жизнь съ закономъ евангельскимъ и постановленіями церкви. Въ церкви голосъ даже одного ея члена долженъ быть уважаемъ. Необратить на него вниманія невозможно,—въ противномъ случаѣ будетъ стѣсненіе совѣсти вѣрующаго и пренебреженіе имъ, а въ слѣдствіе этого отверженіе его на погибель безъ всякой разумной причины. Что касается

(1) Апокр. стр. 62.
(2) Ibid. стр. 64.
(3) Ibid. ccp. 60—63.

блага всѣхъ и спасенія души,—это должно быть всѣми постановлено съ общаго согласія и тогда уже принято ([1]). Каждый міряиинъ, если онъ только истинно содержитъ вѣру и вмѣшиваеться въ дѣла и суды церковные съ доброю цѣлію, нетолько не заслуживаетъ порицанія но достоинъ похвалы и одобренія ([2]). Въ силу грамоты Сигизмунда III, дозволившей Іереміи II учредить въ церкви братства,—за всѣми міряпами признается право присутствовать на соборахъ. Но это присутствіе не должно быть однимъ только страдательнымъ, иначе оно небудетъ имѣть ни какого смысла.—Если-же дѣла соборныя надлежатъ до всѣхъ міряиъ, то до нихъ подлежатъ и осужденіе и лишеніе достоинствъ тѣхъ духовныхъ властей, которые отступили отъ вѣры ([3]). Далѣе:—мірскимъ людямъ принадлежитъ право избранія епископовъ и священниковъ: а кто избираетъ, тотъ имѣетъ право и низвергать ([4]). Въ подтвержденіе этихъ мыслей авторъ Апокризиса приводитъ довольно характерное мѣсто изъ 4 письма 1 кн. Кипріяна: » простой народъ, слушая повелѣній епископскихъ и боясь Бога, долженъ отлучаться худаго властелина и не прикасаться приношеніямъ святотатца іерея, поелику онъ больше всѣхъ имѣетъ власти избирать достойныхъ іереевъ, а недостойныхъ избѣгать. Это вытекаетъ, продолжаетъ авторъ Апокризиса, изъ особеннаго благоговѣнія къ Богу, когда избраніе іерея совершается въ присутствіи цѣлаго народа, предъ глазами всѣхъ и достойный и способный іерей утверждается послѣ того общимъ голосомъ.— Міряне признаютъ за собою не отъемлемое право избирать достойныхъ іерарховъ и никто противъ ихъ воли не долженъ поставляться, на основаніи антіохійскаго собора ([5]). Кромѣ того, пастыри церкви избираются для народа, для него и надъ нимъ поставляется духовная власть, потомуто онъ долженъ и избирать ихъ самъ изъ среды себя, поелику только ему одному можетъ быть извѣстна жизнь избираемаго и его благочестіе ([6]).

([1]) Апокр. стр. 62—63. А. З. Р. т. IV. № 122.
([2]) Ibid. стр. 66.
([3]) Ibid. стр. 81. А. З. Р. т. IV. N 106. Арх. Югоз. Р. т. 1. № 123.
([4]) Ibid. N 104.
([5]) Апокр. стр. 84.
([6]) Ibid. стр. 82.

Но признавая законнымъ участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви и утверждая за мірянами права, данныя патріархами—смотрѣть за поведеніемъ іерархіи,—братства далеки были отъ того, что-бы свою власть уравнивать съ властію пастырей церкви (1). Ихъ права въ церкви уравнивались съ правами высшихъ іерарховъ только въ голосѣ и дѣлахъ, касавшихся управленія его церкви. Авторъ Апокрисиса гиворитъ: «мірскіе, согрѣшившихъ пастырей церкви и достойныхъ отлученія, неимѣютъ права проклинать, ни приговора надъ ними произносить, *но согласовать*, необнародовая своихъ постановленій о пастыряхъ, но свидѣтельствовать и наблюдать должны, чтобы не было учинено что-нибудь не справедливо, безрасудно по скорости и гнѣву (2).

За низшими монастырями признавалось законное право и такая же сила голоса на соборѣ и вообще въ управленіи церковью, какъ и за епископами, потому что» и ихъ, говоритъ авторъ Апокрисиса, Духъ Святый поставилъ устроять церковь Божію и Св. Апостолъ Петръ поручаетъ имъ пасти стадо Христово также какъ епископамъ. Св. Павелъ, управлять церковью Господа Бога, заповѣдываетъ равно епископамъ и пресвитерамъ и недѣлаетъ между ними ни какого раздѣленія, почитая ихъ за одно (3). «Голосу священника въ дѣлахъ вѣры, на соборахъ дается сила равная голосу епископа и на отступника епископа священникъ имѣетъ право изречь проклятіе, потому-что одинъ отъ другаго различаются только правомъ рукоположенія. Если священникамъ дано право пасти стадо Христово, гов. Авторъ Апокризиса, то отсюда само собою должно слѣдовать право охраненія отъ опасности потерять кого-нибудь изъ этого стада; если-же угрожаетъ его стаду видимая опасность,—то онъ долженъ принимать извѣстныя средства, чтобы предотвратить ее (4).

Власть королевская по отношенію къ церкви опредѣляется

(1) А. З. Р. т. IV. № 104.

(2) Апокр. стр. 86. *Примѣч. Редакціи.* «Извѣстно впрочемъ, что авторъ Апокризиса не вездѣ точенъ и правъ въ опредѣленіи *характера* участія мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ. Поспѣшность съ какою писано было это довольно объемистое сочиненіе въ разгарѣ полемики, необходимость защищаться противъ іерарховъ—отступниковъ, дружественныя сношенія и сдѣлки православныхъ съ протестантами для отпора общему врагу,—все это условило тѣ промолвки, какія допустилъ авторъ Апокризиса.»

(3) Ibid. стр. 65. Ibid. стр. 84.

(4) Ibid. стр. 65.

такъ: «король имѣетъ только награждать пастырей церкви землями и угодьями, можетъ и отнимать ихъ, но небольше.» Что-же касается духовной власти въ церковномъ управленіи,— король не имѣетъ здѣсь ни какого права (¹). Духовные представители по мимо короля отрѣшаются отъ должностей духовныхъ и народъ имѣетъ право отказываться отъ повиновенія этимъ представителямъ, необращая вниманія ни накакія приказанія короля, если только они дѣлаютъ принужденіе совѣсти—въ догматахъ ли вѣры, или обрядахъ церкви (²).

Д. Синицкій.

(¹) О невмѣшательствѣ королей въ вопросы религіозные и во внутреннее устройство православной церкви было еще нѣчто подобное постановлено 1509 г. на соборѣ вселенскомъ, который признанъ и утвержденъ закономъ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ. Тамъ говорится: «если государъ, или кто нибудь изъ вельможъ или свѣтскихъ властей дерзнетъ нарушить хоть одно изъ постановленій виленскаго собора, безъ замедленія должны всѣ съѣхатся на свой счетъ къ митрополиту или епископу и просить государя, чтобы не нарушать ничего изъ постановленнаго. Если-же кто изъ епископовъ или митрополитъ небудетъ защищать права церкви, да будетъ лишенъ сана.» (Опис. Кіев. Собор. Соб. Прилож. № 10). Въ заключеніи грамотъ, данныхъ братствамъ патріархами Іоакимомъ и Іереміею, мы находимъ тоже самое.

(²) Апокр. Стр. 14.

ГОЛОСЪ

СЛУЖИВАГО, ЦАРСТВОВАНІЯ НИКОЛАЯ 1-го (¹).

Нашъ вѣкъ прогресса, когда русскіе передовые люди, озаренные лучами просвѣщеннаго запада,—стремятся, по образцу его,—дать направленіе и жизни русскаго народа, отрадно встрѣтить мнѣнія тѣхъ скромныхъ дѣятелей въ нашей современной литературѣ, которые, хотя не менѣе передовыхъ людей сочувствуютъ всему полезному, вводимому современными преобразованіями въ Россіи, но съ энергіей отстаиваютъ многое и изъ своего прошедшаго, безъ котораго неможетъ быть понятно и естественно предстоящее-будущее Россіи.

(¹) Въ нѣкоторыхъ періодическихъ, заграничныхъ изданіяхъ распространяются иногда такія жалкія мнѣнія и прямыя клеветы о лицахъ и событіяхъ въ нашемъ отечествѣ, что не знаешъ чему отдать преимущество—невѣжеству ли или наглости ихъ распространителей. Эти извѣстія, при всей своей не состоятельности, не только вводятъ въ заблужденіе Европу, возбуждаютъ тамъ и здѣсь презрѣніе либо негодованіе къ Россіи, но, къ стыду нашему, находятъ между нашими же поклонниками всего чужаго, людей которые сочувствуютъ подобнымъ мнѣніямъ. Эта зараза особенно легко прилипаетъ къ незрѣлымъ умамъ такъ назвавшейся молодой, передовой Россіи.

Въ числѣ лицъ, по разнымъ личнымъ причинамъ особенно ненравившихся нѣкоторымъ заграничнымъ прессамъ, едва-ли не чаще, не безпричиннѣе другихъ подвергалось клеветѣ и униженію незабвенное для русскаго имя покойнаго императора Николая 1. Какъ для разсѣянія этихъ клеветъ и установленія вѣрнаго взгляда на услуги, оказанныя Россіи Николаемъ 1, такъ и потому, что мысль и дѣятельность его чаще и заботливѣй останавливалась на улучшеніи быта западнаго края Россіи, мы считаемъ себя обязанными дать этой статьѣ мѣсто на страницахъ нашего изданія. *Ред.*

Слѣдя за современной литературой и я служивый царствованія Николая 1-го, былъ пріятно удивленъ при чтеніи статей г-на М. С. о памятникѣ тысячелѣтію Россіи и дополненія къ ней Н. В. Ю. въ Кіевскомъ Тевеграфѣ 1862 года № 1 и другіе.

Привѣтствуя отъ всей (искренности) души, честныхъ и благородныхъ дѣятелей на поприщѣ исторической правды и я полагаю мою лепту на жертвенникъ великимъ двигателямъ судебъ Россіи.

Да, нельзя неподивиться промаху составителей проэкта памятнику тысячелѣтія России, почему періодъ времени отъ Іоана 1-го до Іоана IV включительно, не выразился въ одной приличной эмблеммѣ на памятникѣ; вѣдь это періодъ сплоченія русской земли и цѣлый рядъ великихъ князей московскихъ этаго періода нашей исторіи названъ собирателями русской земли.

Какой народъ можетъ похвалится, чтобы безпрерывный рядъ государей одной династіи, могъ такъ единодушно преслѣдовать одну мысль и собирать въ одно цѣлое, отечественную землю? А. Іоанъ IV покоритель царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, не ужели эта личность не имѣетъ значенія въ исторіи Россіи?—Эта личность опредѣлена подвластнымъ ему и терпѣвшимъ отъ него русскимъ народамъ: «грозный царь »посланъ намъ отъ Бога для наказанія насъ за наши грѣхи« и потому онъ молился и терпѣлъ.—

Умирая Іоанъ IV могъ смѣло сказать: я царь русскій, я наложилъ печать на сплоченіе Русси и кто осмѣлится сорвать эту печать?—

Іоанъ IV смѣсь добра и зла, человѣкъ судебъ.—Подобные люди посылаются свыше,—чрезъ нихъ совершается не обходимый историческій процесъ жизни цѣлыхъ народовъ —

Смуты междуцарствія, послѣдовавшія послѣ смерти Грознаго, неразрушили дѣла собирателей русской земли,—вотъ лучшее доказательство великой заслуги, оказанной Россіи династіей отъ Іоана Калиты до Іоана Грознаго,—окончательно утвердившаго единство Россіи и слѣдовательно давшаго ей новый путь для ея исторической жизни.—

Исторія не вправѣ выключить этого событія изъ своихъ страницъ; оно служитъ одною изъ самыхъ крѣпкихъ ея основъ.

Но что сказать о не помѣщеніи на памятникѣ тысячалѣтію Россіи Николая 1-го?

Чтобы понять и оцѣнить заслуги оказанныя Россіи императоромъ Николаемъ 1-мъ, необходимо хотя поверхностно обратить вниманіе на внутреннее состояніе Россіи при его воцареніи.—

Извѣстно-ли составителямъ проэкта памятника тысячелѣтія Россіи въ какомъ состояніи у насъ находилось законовѣдѣніе до 1826 года?

Извѣстно-ли имъ, что до Николаевскихъ временъ, участь честныхъ людей часто зависила отъ секретаря самоучки или старшаго писаря потому только, что эти личности были единственными нашими законовѣдами, играли законами по произволу и рѣшали дѣло въ пользу того кто больше дастъ?—

Извѣстны-ли имъ въ какомъ состояніи, находились наши учебныя заведенія вообще не исключая даже университетовъ, и что произвела наша академія художествъ до Николаевскаго вѣка?

Извѣстно-ли имъ какъ управлялись и продовольствовались наши арміи, въ какомъ составѣ и порядкѣ былъ нашъ флотъ?—

Извѣстно-ли имъ, какія были у насъ заводы, фабрики, въ какомъ состояніи находилась наша торговля и наше основное хозяйство—земледѣліе?

Извѣстны-ли имъ пути сообщенія, существовавшія въ нашемъ отечествѣ до 1826 года.—

Извѣстно-ли имъ, въ какомъ состояніи находились переправы на большихъ рѣкахъ и по направленіямъ самыхъ жизненныхъ дорогъ для Россіи,—какъ относительно продовольствія цѣлаго народа, такъ и движенія войскъ?—

Въ какомъ видѣ находились города: Кіевъ, Черниговъ, Полтава, Житоміръ, Минскъ и многіе другіе въ великороссіи, на кавказской линіи, за кавказомъ и въ сибири.—

Извѣстно-ли имъ, что въ губерніяхъ возвращенныхъ отъ польши помѣщики большихъ имѣній, а подъ ихъ эгидой и простая шляхта, ржондцы, экономы и тому подобная челядь, по собственному произволу располагали собственностію простаго православнаго русскаго народа, лишали его всѣхъ человѣческихъ правъ и часто и самой жизни?—

Извѣстно ли имъ, что еще въ царствованіе Александра 1-го православное духовенство платило многимъ помѣщикамъ католикамъ десятину отъ земли, ульями пчелъ и всякой всячиной; извѣстно-ли имъ, что въ этомъ-же возвращенномъ краѣ, кромѣ

Кіева, несуществовало школъ въ которыхъ бы предметы были читаны на русскомъ языкѣ и даже очень во многихъ, не смотря на громадную численность православнаго народонаселенія даже не преподавали русскаго языка и православнаго закона Божія?—И мало-ли что еще можно спросить составителей проэкта!; но перечислить всего невозможно.—

Николай 1-й при воцареніи своемъ, встрѣтилъ двухъ страшныхъ противниковъ великимъ своимъ предначертаніямъ для блага и славы Россіи, эти враги были:—1-е, западный революціонный духъ разлитый въ слояхъ русскаго общества обломками великой арміи Наполеона 1-го. Цѣлыя толпы бродячихъ французовъ, оставшихся въ предѣлахъ имперіи въ 1812 году, проникали въ самыя отдаленнѣйшія губерніи; вездѣ ихъ принимали съ распростертыми объятіями, предлагали имъ свое славянское гостепріимство, а доморощенные маркизы и бароны въ разноколиберныхъ мундирахъ, исправлявшіе обязанности въ полкахъ: поваровъ, музыкантовъ и даже простые солдаты, послѣ вороньяго супу, пресыщаясь вкусными блюдами велико думныхъ руссаковъ, предлагали себя имъ въ гувернеры, въ образователи русскаго юношества, и подшучивая надъ неожиданнымъ вниманіемъ къ себѣ своихъ хозяевъ, осмѣивали отсталость ихъ отъ запада, внушали имъ уваженіе и любовь къ его цивилизаціи и презрѣніе ко всему своему русскому.—Кому неизвѣстно, что эти отребіи великой арміи Наполеона 1-го составляли блистательныя партіи въ Россіи?—

Надобно присоединить ко всему этому еще то обстоятельство, что кромѣ войнъ 13 и 14 годовъ, увлекшихъ наши войска за границу, гдѣ они озарились лучами просвѣщеннаго запада, одинъ изъ корпусовъ русской арміи, вызванный въ 1815 году во Францію стодневной компаніей Наполеона 1-го и возвратившійся въ предѣлы имперіи,—со всѣми внѣшними атрибутами и внутренними убѣжденіями въ пользу цивилизаціи запада, усилилъ мнѣніе высшаго русскаго общества, что Россія отстала и что необходимо ее просвѣтить по образцу великой націи.—

Весь русскій народъ, обладающій средствами къ роскоши, бросился за границу для просвѣщенія, увозя съ собою огромные капиталы русскихъ денегъ, этого жизненнаго рычага для устройства народнаго хозяйства. Изъ всего этого вмѣстѣ взята-

го, составился олицетворенный первый врагъ, который предсталъ предъ глаза воцарившемуся Николаю 1-му.

2) Другой врагъ и быть можетъ еще страшнѣе, это была польская пропоганда, которая подъ руководствомъ потомковъ Игнатія Лойоллы, принявши только иной характеръ, не утомимо работала о ниспроверженіи православія и русской народности въ югозападныхъ предѣлахъ Россіи.—

Не угодно-ли кому нибудь (составителямъ проэкта памятника тысячелѣтія Россіи), прочитать выписку изъ польскаго журнала »Юная Польша« № «19-мъ (1).

Вотъ она: »Литва стала по духу польскою страною въ то »самое время, какъ въ адмистративномъ отношеніи она сдѣла- »лась русскою провинціей. Главнымъ орудіемъ употребленнымъ »провидѣніемъ къ развитію революціонной наклонности Литвы, »было университетское воспитаніе. Въ этомъ отношеніи (2) Чар- »торійскій и Чацкій, были главнѣйшими заговорщиками въ Лит- »вѣ, они были великими магистрами занѣманскаго патріотизма. »Мохнацкій (3) представилъ свѣту, какимъ образомъ въ Литвѣ »наука, сдѣлалась поэзіею, поэзія вѣрою, а вѣра братствомъ; —какъ »братство преобразилось въ апостольство, а сіе послѣднее въ тайное »общество, какъ воспитанники университета разсѣяли по цѣло- »му краю сѣмена свободы, полученныя въ Вильно и Кременцѣ.— »и какимъ образомъ наконецъ трехъ ученическихъ поколѣній »было достаточно, для проникновенія всей массы одинадцати мил- »ліоннаго народа«.—Вотъ что писали сами поляки, умалчивая, разумѣется, о томъ, что свобода, о которой они говорятъ, была далеко не то, что долженъ понимать подъ этимъ благороднымъ словомъ каждый образованный человѣкъ, что это было продолженіе прежней злоумышленной системы вторгшихся въ южную русь поляковъ—развить до послѣднихъ предѣловъ свое могущество и деспотически поработить во всѣхъ отношеніяхъ цѣлые милліоны православнаго южно-русскаго народа.

Немного надобно было времени для собранія данныхъ, что-

---

(1) Журналъ-Юная Польша выходилъ въ Парижѣ съ 1 января 1838 года.

(2) Чарторійскій былъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ императору Александру 1-му.

(3) Извѣстный публицистъ польскій.

бы удостовѣриться въ ошибкахъ своихъ предшественниковъ начиная отъ Петра 1-го.—Неисчисляя этихъ ошибокъ отъ начала и послѣдовательно до Александра 1-го включительно, назовемъ только нѣкоторыя изъ нихъ, сдѣланныя послѣднимъ императоромъ.—

Александръ 1-й Агамемнонъ въ ареопагѣ европейскихъ монарховъ, по великодушію своему.—

а.) Даровалъ границы Австріи и Пруссіи въ явный вредъ Россіи. Уступка праваго берега р. Сана Австріи и праваго берега р. Нѣмана Пруссіи, положила начало ввоза контрабанды въ наши границы въ ущербъ нашей торговли.—Чтобы остановить контрабанду, по крайней мѣрѣ на границѣ Пруссіи, предположено было провести каналъ по сухопутному пограничному рубежу отъ Юрбурга къ Балтійскому морю;—но потративъ многіе милліоны на это дѣло,—бросили его, какъ неудобо-исполнимое.—На обѣихъ сухопутныхъ границахъ началась кордонная война, точно такъ, какъ на кавказской линіи.—

На границѣ Пруссіи постоянно содержится цѣлый пѣхотный полкъ, а иногда употреблялась цѣлая бригада пѣхоты съ донскими казаками въ помощь пограничной таможенной стражѣ,—но это не останавливаетъ контрабандистовъ.—Какихъ это стоитъ издержекъ,—и нѣтъ надежды на возстановленіе порядка?—На Кавказѣ,—конецъ кордонной войнѣ—положитъ покореніе горцевъ; а на границѣ Австріи и Пруссіи продолжится она на не опредѣленное время.—

б.) Вмѣсто присоединенія или лучше сказать возвращенія къ Россіи червонной Руси,—Галиціи, императоръ Александръ 1-й взялъ себѣ Польшу, даровалъ ей конституцію и осчасливилъ ее на счетъ Россіи, (1) не только возстановилъ ту Польшу, которая съ сорокатысячнымъ корпусомъ своихъ войскъ, помогала французамъ громить Москву,—но еще позволилъ полякамъ держать въ своихъ рукахъ все южно-русское народонаселеніе. А сколько Польша доставила французамъ матеріальныхъ средствъ для войны; и за все это—Польша возстановлена, и подъ

(1) Высказано ясно императоромъ Николаемъ 1-мъ въ откровенной и правдивой своей рѣчи при пріемѣ польскихъ депутатовъ въ Лазенковскомъ дворцѣ 4/16 Октября 1835 года.

покровительствомъ польскихъ войскъ въ Варшавѣ и литовскаго корпуса въ Вильно, Чарторійскій съ своими подручниками: Чацкимъ на Волынѣ, Подоліи и Кіевѣ и Колонтаемъ въ Литвѣ— въ Вильно по день смерти Александра 1-го, сдѣлалъ такой переворотъ въ пользу польской пропаганды, какого клерикалы и неожидали.—

Они во всей Югозападной Россіи устраивали школы, въ которыхъ предметы читались на польскомъ языкѣ и внушались воспитанникамъ извѣстныя правила пропаганды.—По всюду воз двигались великолѣпные костелы, а православные церкви систематически приводились въ самое бѣдное положеніе, чтобы показать простому народу разницу панской вѣры отъ хлопской. Лучшимъ доказательствомъ всему этому, могутъ служить города и мѣстечки кіевской губерніи, бывшія нѣкогда мѣсто-пребываніемъ малороссійскихъ гетмановъ; эти города и мѣстечки, въ продолженіи четырехъ вѣковаго плѣненія Югозападной Россіи Польшею, отстояли свою самобытность, т. е. Православіе и русскую народность,—въ нихъ можно сказать,—духа польскаго небыло, а въ царствованіе Александра 1-го Чарторійскій и Чацкій украсили ихъ костелами и подчинили совершенно польской пропагандѣ.—

в.) Александръ 1-й дозволилъ водворенію езуитовъ въ Россіи;—въ С.-Петербургѣ они имѣли свою коллегію, захватывали по всюду въ свои руки воспитаніе высшаго класса русскаго общества и, хотя въ 1815 году они были высланы изъ обѣихъ столицъ, но имѣя въ Полоцкой академіи центръ своей администраціи, продолжали во всѣхъ своихъ школахъ безконтрольно дѣйствовать, и только въ 1820 году окончательно высланы изъ Россіи заграницу.—Впрочемъ они оставили въ католической пропагандѣ достойныхъ себѣ пріемниковъ.—

Къ несчастію Россіи, съ воцареніемъ Николая 1-го начались войны: Персидская, Турецкая, польскій мятежъ,—устраненіе которыхъ, независимо отъ императора, (1)—и его админист-

(1) По вмѣшательству въ венгерскую войну, Николай 1-й сознал свою ошибку, въ извѣстномъ разговорѣ съ одномъ изъ своихъ генералъ-адъютантовъ при проѣздѣ мимо памятника поставленнаго Собѣскому въ г. Варшавѣ.

ративная дѣятельность для преобразованій внутри имперіи, должна была раздѣлится на внутреннюю и внѣшнюю.

Окончивъ борьбу съ первымъ врагомъ печальной драмой 14 декабря, и сознавая въ душѣ своей всю тягость предстоявшихъ ему трудовъ, Николай 1-й вполнѣ предался имъ для возвеличенія Россіи.—За основаніе своихъ дѣйствій, Императоръ принялъ. »*Православіе и русскую народность*«. Для совершенія переворотовъ въ видахъ этой двойственной идеи, необходимы были единая власть и сила воли; эти качества сосредоточилъ онъ въ самомъ себѣ,—но самодержавную свою власть Императоръ Николай 1-й употреблялъ на дѣло общаго блага.

Произволъ самыхъ могущественныхъ въ правительственномъ отношеніи прежнихъ лицъ—рушился. Служа самъ примѣромъ для всѣхъ и во всемъ, онъ строго требовалъ честной службы и отъ своихъ подданныхъ,—начиная отъ собственныхъ Августѣйшихъ дѣтей.

За то замѣченные имъ честные слуги не боялись превратностей своей судьбы; за то они были отличаемы и одушевляемы на поприщѣ службы, только со свойственными одному Императору привѣтами, которые отзывались всѣмъ тѣмъ, что близко сердцу русскаго человѣка.—За то простой народъ и войско, видя въ его дѣйствіяхъ свое родное,—называли его, наше красное солнышко—и готовы были по слову своего православнаго царя батюшки—на подвиги самоотверженія; доказательство этихъ народныхъ чувствъ къ нему,—послѣдняя восточная война.

Съ перваго можно сказать дня его воцаренія, началась та самоотверженная дѣятельность Императора для блага и славы Россіи, которая неуклонно, неослабно продолжалась до самой его смерти.

Бросимъ же краткій взглядъ на эту дѣятельность Императора Николая 1-го и посмотримъ, достигнулъ ли онъ предположенной имъ цѣли?

Оставимъ безъ разбора ходъ военныхъ дѣйствій, скажемъ только, что онѣ окончены блистательно; орлы русскіе развивались до *Куфианку* и Забалканами, и если мы были слабы для занятія Константинополя и рѣшенія восточнаго вопроса въ 1829 году, то въ ослабленіи войскъ нашихъ, было причиною себялюбіе частныхъ людей. Все это разоблачить,—предстоитъ безпри-

страстному историку; но нельзя, въ военномъ отношеніи, пропустить здѣсь двухъ обстоятельствъ,—событій, которыя принадлежатъ къ блистательнымъ страницамъ исторіи царствованія Николая 1-го, я разумѣю здѣсь, мѣры принятыя покойнымъ Императоромъ, для покоренія Кавказа и расширенія Сибири, чрезъ занятіе сиръ—дарьинской линіи и при амурскаго края.

Наскучивъ медленнымъ и не рѣшительнымъ ходомъ военныхъ дѣйствіи на Кавказѣ при баронѣ Розенѣ, Головинѣ и Нейдгартѣ, Императоръ приказалъ усилить войска Кавказскаго корпуса, болѣе нежели пятидесятью тысячами штыковъ, и начать рубить просѣки (¹) чрезъ вѣковые дремучіе лѣса, для свободнаго движенія войскъ къ тѣмъ заповѣднымъ мѣстамъ, которые по мнѣнію горцевъ—должны были оставаться на всегда не приступными. Въ этомъ распоряженіи покойнаго Императора заключается секретъ покоренія лѣваго крыла Кавказа.

А что сказать про Сибирь? тамъ заняты пространства земли громадныя и брошены сѣмена на ней для будущей дѣятельности и жизни русскаго народа; пріобрѣтены замѣчательныя гавани для свободной и безопасной стоянки русскаго флота, и открытъ—забайкальскому краю водяной путь къ поселеніямъ на Амурѣ и въ восточный Океанъ,—и тамъ гдѣ нѣкогда азіатскіе завоеватели, воздвигали себѣ для памятниковъ,—пирамиды изъ

(¹) Генералъ лейтенантъ Фрейтагъ, бывшій въ 1843 и 1848 начальникомъ лѣваго фланга, офицеръ съ отличнѣйшими способностями, изучивъ, до своего назначенія, характеръ кавказской войны,—началъ прорубать просѣки чрезъ дремучіе лѣса съ Чечнѣ и Ичкеріи, для свободныхъ движеній войскъ какъ между укрѣпленіями нашими, такъ и къ стратигическимъ пунктамъ находившимся въ раіонѣ жилищъ горцевъ, пользуясь каждой экспедиціей. Робертъ Карловичъ Фрейтагъ, въ 1845 году во время даргасской экспедиціи,—предпринятой княземъ Воронцовымъ, спасъ отъ погибели даргосской отрядъ и князя Воронцова со всѣмъ его штабомъ отъ плѣна. Преждевременная смерть этаго офицера, въ званіи Генералъ-квартіймейстера дѣйствующей арміи въ Варшавѣ, лишила русскую армію прекрасныхъ надеждъ. Офицера Генеральнаго штаба и вообще знакомые и уважавшіе искренно Роберта Карловича за его просвѣщенный умъ, русскій патріотизмъ,—приказавъ налитографировать его портретъ, сдѣлали подъ нимъ надпись: **Нѣмецъ каковыхъ русскихъ мало.**

костей человѣческихъ, тамъ покойный Императоръ Николай 1 й положилъ начало мирной торговли и по державному его слову проповѣдывается слово евангелія, слово любви и мира.

Въ паралель военныхъ дѣйствій внѣ предѣловъ имперіи, начались внутри ея работы, преобразованія по свѣмъ отраслямъ управленія.

Скажите мнѣ, передовые русскіе люди, много ли вы найдете примѣровъ въ исторіи народовъ, что могущественнѣйшій властелинъ пространнѣйшей въ мірѣ имперіи, болѣе строгъ былъ къ себѣ въ своей домашней жизни какъ Николай 1-й? Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова спартанецъ по пищѣ, спалъ на соломѣ и одѣвался въ шинель почти изъ солдатскаго сукна.

Много ли онъ посвящалъ часовъ въ сутки для необходимаго, по природѣ человѣческой, отдыха и для развлеченія въ кругу своего семейства? Императоръ спалъ шесть часовъ въ сутки, а во время обѣда и чаю бесѣдовалъ съ своимъ семейтвомъ, остальноевремябыло посвященотяжкимътрудамъ-служеніюРоссіи.

Много ли насчитаете годовъ въ жизни царствованія Николая 1-го, въ которые бы онъ не объѣзжалъ своей имперіи, каждогодно проникая въ отдаленнѣйшія губерніи; увѣчья полученныя имъ, по путямъ разъѣздовъ, не останавливали его дѣятельности; зная, что безъ его взгляда все коснѣетъ, онъ хотѣлъ лично все видѣть, искоренять или покрайней мѣрѣ уменьшать по возможности ошибки и грѣхи, вкравшіеся при предшественникахъ его, и дать по возможности лучшее направленіе жизни русскаго народа.

Необходимо было заставить русское общество оглянуться на свое прошедшее, дурное оставить, а чистые, естественные выводы, истекшіе изъ народной жизни, принять за базисъ, чтобы будущее развитіе этой жизни, пошло по пути вѣрному-къ цѣли указанной Россіи Провидѣніемъ.—

1.) Правосудіе стояло на 1-мъ планѣ Императора, и потому, Русскій Требиніонъ—Сперанскій-вызванъ на поприще дѣятельности. Правдивая душа Императора хотѣла водворить правду и на землѣ Русской; Сперанскій, обласканный, возвеличенный-оправдалъ довѣріе Монарха; громадный трудъ составленія свода законовъ, имъ совершенъ. Приводя въ систему законы, надобно было заблаговременно подумать объ образованіи дѣятелей на поприщѣ правосудія, и потому повелѣно устроить: а.) Училище

правовѣденія, оно приготовило высшихъ законовѣдовъ, которымъ для анализа и усовершенствованія законовъ, не было надобности рыться въ архивной пыли, имѣя передъ собой сводъ законовъ.

б.) Авдиторское училище, которое даровало намъ молодыхъ образованныхъ судей; появленіе ихъ на поприщѣ военной службы, пріятно удивило всѣхъ; подсудимые нашли въ нихъ своихъ защитниковъ, адвокатовъ, а не грозныхъ судей, каковыми были авдиторы производившіеся изъ писарей.—

2.) Въ первую четверть 19-го столѣтія, образованіе въ Россіи находилось подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ стихій: русскаго мистицизма и езуитскаго прозелитизма: русскіе университеты распоряжались въ духѣ своей стихіи, а езуитская полоцкая академія-со всѣми своими школами, самобытно и безъконтрольно трудилась надъ ниспроверженіемъ православія и русской народности, въ доступныхъ ей предѣлахъ Россіи. При такомъ положеніи вещей, не могли процвѣтать наши учебныя заведенія. Мистицизмъ, въ особенности преобладавшій во время управленія князя Голицина министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, устранилъ отъ попечительства Уварова с.-петербургскимъ педагогическимъ институтомъ и отдалъ подъ верховный судъ лучшихъ тогдашнихъ профессоровъ (педагогического института): Германа, Равпаха, Галича и Арсеньева. (1) Мистическій духъ С.-Петербурга, тяготѣлъ и надъ остальными русскими университетами.

Судя по университетамъ, можно себѣ представить, въ какомъ состояніи находились наши гимназіи; грустно и смѣшно вспомнить о продѣлкахъ тогдашнихъ гимназическихъ учителей. Воспитанники гимназій, окончившіе курсъ въ этихъ заведеніяхъ, едвали выносили изъ нихъ что нибудь болѣе, кромѣ изученія русскаго языка, и то съ грѣхомъ пополамъ. Уѣздныя и приход-

---

(1) Арсеньеву позволено было читать лекціи частнымъ образомъ: въ инженерномъ и артиллерійскомъ училищахъ по особому ходатайству блаженной памяти императрицы Маріи Ѳедоровны и бывшихъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, которые какъ основатели этихъ двухъ учебныхъ заведеній, непосредственно занимались ихъ воспитанниками, какъ отцы своими дѣтьми.

4.

скія русскія училища, если гдѣ либо существовали, то болѣе номинально,-безъ всякой пользы для общества.

По воцареніи Николая 1-го, общественное образованіе приняло новый видъ. Первое, что поразило Императора, то это: недостатокъ въ дѣятеляхъ на поприщѣ науки,-въ талантливыхъ профессорахъ, безконечное разнообразіе въ учебныхъ уставахъ и отсутствіе всякаго порядка. С.-Петербургскій педагогическій институтъ, не задолго предъ тѣмъ переименованный въ университетъ,-былъ пустъ. Необходимо было устроить заведенія для приготовленія профессоровъ въ университеты и учителей въ гимназіи.

Заведенія эти устроены и вызванъ на поприще дѣятельности Уваровъ, стоявшій, по своему образованію, выше уровня тогдашняго развитія русскаго общества. Онъ понялъ желаніе и цѣль Императора, и неутомимо исполнялъ Его предначертанія. Молодые люди съ талантами и добрыми наклонностями, отправлялись заграницу, для изученія тамъ наукъ, въ современномъ ихъ развитіи, и возвращаясь домой, съ свѣжими силами, занимали кафедры въ университетахъ.

3.) Среднимъ заведеніямъ, созданнымъ Николаемъ 1-мъ, данъ видъ приличный ихъ назначенію: гимназіи начали приготовлять юношество для поступленія въ университеты, а реальныя школы, получившія начало при Николаѣ 1-мъ, образовывали техниковъ для народнаго хозяйства; учреждены институты для приготовленія спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ промышленности; уѣздныя и приходскія школы по всюду распространялись, сообразно предположенной Императоромъ цѣли,-однимъ словомъ, на всемъ пространствѣ Имперіи, началась новая жизнь: заморскіе наставники, безъ выдержанія экзамена въ русскихъ университетахъ, не имѣли права поступить въ образователи русскаго юношества; учреждены ученыя степени докторовъ и магистровъ,-безъ которыхъ нельзя занять кафедръ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; содержаніе профессоровъ и учителей увеличено, назначеніе срока службы профессорамъ и увольненіе ихъ съ значительными пенсіонами, открыло молодому поколѣнію дорогу къ будущей дѣятельности въ университетахъ и гимназіяхъ.

4.) Сознавая вполнѣ недостатокъ русской литературы по-части отечественной исторіи, Императоръ приказалъ переводить русскія лѣтописи на современный языкъ и напечатать ихъ ря-

домъ съ подлинниками-на казенный счетъ, и такимъ образомъ, историческіе матеріаы, бывшіе доступными только не многимъ спеціалистамъ, сдѣлались достояніемъ всего ученаго и учащагося міра. Образовались археографическія коммисіи, которыя изъ архивной пыли извлекли драгоцѣннѣйшіе матеріалы, пролившіе и продолжающіе проливать яркій свѣтъ на историческую жизнь Россіи и въ особенности на событія совершавшіяся въ югозападной Россіи, даже до первой четверти XIX столѣтія включительно. Въ слѣдствіе этихъ распоряженій, у насъ появились достойнѣйшіе и образованнѣйшіе дѣятели на исторической русской почвѣ; полемика между разными взглядами на историческія событія, породила критику, которая отдѣлитъ плевелы отъ пшеницы и выработаетъ правдивые матеріалы для исторіи Россіи. Борьба въ настоящее время на поприщѣ исторической литературы, между русскими и польскими публицистами, есть плодъ, взросшій отъ сѣменъ, посѣянныхъ Императоромъ Николаемъ.

5.) Императоръ Николай 1-й въ лицахъ: Державина, Карамзина, Пушкина и Крылова и многихъ другихъ торжественно высказалъ свое вниманіе и покровительство русской литературѣ и, этимъ вниманіемъ, поощрилъ къ трудамъ будущихъ литераторовъ, ученыхъ и художниковъ-по всѣмъ отраслямъ.—

6.) Въ духовныхъ православныхъ учебныхъ заведеніяъ прибавлены новые предметы для изученія: медицина сельское хозяйство и естественной науки, съ цѣлью изъ духовныхъ создать новыхъ дѣятелей въ общей народной жизни, (1) улучшить этимъ способомъ домашній ихъ бытъ и сдѣлать духовное званіе вполнѣ почтеннымъ и во всѣхъ отношеніяхъ благодѣтельнымъ въ глазахъ простыхъ поселянъ.—

Военно сухопутная часть. 7.) Законодательство преимуществовало коренпымъ преобразованіямъ и по военной части, которая управлялась, разновременно издававшимися, положеніями, начиная отъ устава Петра Великаго. Сводъ военныхъ законовъ, составлявшійся съ 1828 при II-мъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, вошелъ въ дѣйствіе 1 января 1840 года; въ 1836 году издано учрежденіе военнаго министерства. Въ 1846 году появилось въ свѣтъ управленіе арміями въ мирное и военное время;—преобразованы совершенно части инспекторская, провіантская, коммисаріатская, артиллерійская и инженерная, но исчисленіе всѣхъ улучшеній непринадлежитъ къ

(1) Впрочемъ, до Николая 1, они то и были почти главными дѣятелями. *Ред.*

нашей статьѣ, предназначенной для краткаго очерка дѣятельности покойнаго Императора. Во всякомъ случаѣ назовемъ хоть главнѣйшія: военныя поселенія совершенно преобразованы, учреждены за 15 за 8 и за 3 года безсрочные отпуски, неоспоримая польза которыхъ обнаружилась въ послѣднюю войну.— 230 тысячъ готовыхъ воиновъ, по одному слову, явилось для борьбы съ западомъ. Созданъ рекрутскій уставъ, за которымъ послѣдовали учрежденія частныхъ наборовъ съ восточной и западной полосы—вмѣсто прежнихъ общихъ. Причислены къ сословіямъ рекрутской повинности евреи 1827 г.; жители царства польскаго, граждане и однодворцы западныхъ губерній, малороссійскіе казаки 1834,—и военные поселяне 1835 года. Артиллерія совершенно переобразована согласно современнымъ усовершенствованіямъ за границей, огнестрѣльное ручное оружіе изъ кремневаго преобразовано въ ударное, сформированы стрѣлковые баталіоны и вооружены штуцерами, устроены ракетныя и капсульныя заведенія и арсеналы съ новѣйшими машинами.

8.) Славныя наши иррегулярныя войска управлялись кое-какъ.—Съ 1845 по 1846 годъ изданы штаты объ управленіи семи казачьихъ войскъ, и эти штаты, водворили порядокъ и благоденствіе между казаками, увеличивъ доходы и капиталы войскъ въ огромныхъ размѣрахъ.—

9.) Обмундированіе войскъ вообше упрощено и улучшено;—дарованы имъ на продовольствіе порціонные деньги, а офицерамъ два раза прибавлено жалованье.—

10.) До Николая 1-го, генеральный штабъ нашъ можно сказать не существовалъ, если не брать въ соображеніе частнаго заведенія въ Москвѣ Муравьева,—для образованія колоновожатыхъ; положеніе 28 марта 1832 года и основаніе военной академіи въ этомъ-же году,—было началомъ этой важной части военнаго управленія. Военная академія подарила Россіи множество образованныхъ офицеровъ. Николай Васильевичъ баронъ-Медемъ, былъ первымъ дѣятелемъ въ этомъ святилищѣ науки, по части тактики и стратегіи; онъ образовалъ школу военныхъ русскихъ литераторовъ,—труды которыхъ, быстро разлили между русскими офицерами новый современный взглядъ на военныя науки. Тригонометрическія и топографическія съёмки, военноученыя экспедиціи: въ среднюю Азію, въ европейскую и азіатскую Тур-

цію, Китай и Персію,—обогатили Россію топографическими картами и свѣдѣніями о малоизвѣстныхъ намъ странахъ.

11.) До Николая 1-го существовали у насъ: пажескій, 1 и 2 кадетскіе корпуса и дворянскій полкъ; а николаевскій вѣкъ создалъ десять кадетскихъ корпусовъ и много другихъ военныхъ школъ. Корпуса приняли совершенно другой видъ, какъ по управленію, такъ и по составу наставниковъ. Кадеты, уѣзжавшіе на службу въ армію, уносили съ собой незабвенныя воспоминанія объ отеческихъ попеченіяхъ о нихъ самаго Императора.—Намъ самимъ приводилось много разъ видѣть, какъ эти молодые люди, со слезами на глазахъ, расказывали о ласкахъ своего государя; за то они готовы были жертвовать собой для пользы службы, чтобы оправдать надежды своего благодѣтеля;—вообще, чтобы понять громадные труды по военному министерству, скажемъ только, что въ царствованіе Николая 1-го издано до 8 тысячь разныхъ постановленій для устройства этой части.—

Морское управленіе 12.) Императоръ Николай 1-й при воцареніи своемъ нашелъ въ русскомъ флотѣ, въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ, въ Каспійской и Охотской флотиліяхъ: 25 кораблей и фрегатовъ и 57 мѣлкихъ судовъ; параходовъ малосильныхъ было 5, а гребнаго флота не существовало. Морская часть управлялась адмиралитейство—коллегіею, учрежденной Петромъ Великимъ за полтора вѣка назадъ; а въ 1850 году состояло въ портахъ: 52 корабля, 23 фрегата; 22 военные боевые пароходы; 36 параходовъ портовыхъ; 157 легкихъ военныхъ судовъ; 111 судовъ гребного флота; и 226 портовыхъ судовъ всего 621 вымпелъ;—цыфры эти краснорѣчивѣе всѣхъ возгласовъ—говорятъ о дѣятельности Императора Николая 1-го. Управленіе морскою частію приведено въ одно цѣлое стройное. Для образованія морскихъ чиновъ учреждены вновь или получили коренныя преобразованія морскія учебныя заведенія, воспитанники которыхъ, въ настоящее время, замѣняютъ иностранцевъ механиковъ, какъ въ адмиралтействахъ и на параходахъ, такъ и при постройкѣ судовъ для флота, все создано свое, и ученый комитетъ морскаго министерства, слѣдитъ за всѣми усовершенствованіями заграницей по морской части.—

Фабрики и финансы. 13.) Заводы и торговля находились не въ завидномъ состояніи, а отъ этого и финансы наши были плохи до Николая 1-го.—

Послѣ тильзитскаго мира, Россія приняла континентальную систему—современно прекратившую сбытъ нашихъ сырыхъ произведеній и, слѣдовательно, притокъ заграничныхъ въ Россію капиталовъ. Тарифъ 1810 года, дозволившій ввозъ колоніальныхъ товаровъ подъ американскимъ флагомъ, усилилъ только вывозъ русской монеты заграницу и русскіе финансы постоянно приходили въ упадокъ,—въ то время, когда продолжавшіеся постоянно войны до 1815 года, требовали огромныхъ пожертвованій.—Контрабанда на югозападной сухопутной границѣ нашей усилилась до чрезвычайности, и существовавшіе кое гдѣ фабрики въ Россіи падали мало по малу. Тарифъ 1820 года дозволившій свободный ввозъ заграничныхъ товаровъ въ Россію окончательно убилъ наши фабрики и заводы. 1823 года, вступившій въ управленіе министерствомъ финансовъ Канкринъ, ничего немогъ сдѣлать до воцаренія Николая 1-го, который все пересоздалъ и въ этомъ министерствѣ.—

Для возрожденія нашихъ фабрикъ и заводовъ, необходимъ былъ охранительный тарифъ,—и онъ утвержденъ. Разныя поощренія, дарованныя заводчикамъ и фабрикантамъ, дали жизнь нашей мануфактурной дѣятельности. Преобразованіе таможеннаго управленія и вообще заграничной торговли Дмитріемъ Гавриловичемъ Бибиковымъ, остановило значительно контрабанду. Уничтоженіе правительственной монополіи на разработку драгоцѣнныхъ металловъ въ Сибири, сдѣлало огромный переворотъ въ денежной звонкой монетѣ; вмѣсто какой нибудь сотни пудовъ золота, поступавшаго каждо-годно на монетный дворъ, потекли туда тысячи пудовъ. Дѣятельность Канкрина въ управленіи министерствомъ финансовъ—удесятирила дѣятельность фабрикантовъ; появились свеклосахарные заводы и вообще фабрики наши развѣли. Карта мануфактурной промышленности Россіи, изданная при министерствѣ финансовъ, пріятно удивила русскихъ и показала коренной переворотъ въ пользу государственнаго хозяйства, а изобиліе денегъ въ звонкой монетѣ во всей имперіи, свидѣтельствовало, что императоръ Николай 1-й пересоздалъ Россію и въ финансовомъ отношеніи.—

Земледѣліе. 14.) До Николая 1-го и русское земледѣліе находилось въ патріархальномъ состояніи.—Министерство государственныхъ имуществъ, созданное Николаемъ 1-мъ, дало движеніе впередъ—къ лучшему и этому основному русскому хозяйству. Учрежденіе Горигорецкаго института, для образова-

ученыхъ агрономовъ, устройство фермъ для образцоваго сельскаго хозяйства, конноводство, овцеводство мериносовъ и, наконецъ, учреждение выставокъ по губерніямъ для сельскихъ произведеній, съ преміями за лучшіе образцы, породило соревнованіе между сельскими хозяинами и все пошло и продолжаетъ идти къ усовершенствованіямъ по пути прогресса. Однимъ словомъ, неосталось ни одной части государственнаго хозяйства, на которое бы императоръ Николай 1-й не обратилъ своего вниманія и недалъ бы ему движенія впередъ для развитія, усовершенствованія и слѣдовательно для пользы Россіи.

15.) Вѣкъ николаевскій создалъ въ Россіи знаменитѣйшихъ живописцовъ, ваятелей—скульпторовъ и зодчихъ; памятниками дѣятельности которыхъ украсилились столицы, губернскіе города и столицы заграничныя.—

16.) До николаевскихъ временъ въ Россіи по большимъ или губернскимъ дорогамъ ѣздили или по паскамъ, кочкамъ, или по настилкѣ на дорогу круглыхъ бревенъ; а николаевскій вѣкъ создалъ—шоссе на огромныхъ протяженіяхъ имперіи, часть желѣзныхъ дорогъ окончилъ и новыя началъ.

17.) Кому неизвѣстны тѣ страшныя затрудненія при переправахъ чрезъ рѣки, которыя встрѣчали транспорты и проѣзжающіе въ Россіи до николаевскихъ временъ, и особенно весною, при разлитіи рѣкъ! Не стану исчислять мостовъ устроенныхъ при немъ въ имперіи, по направленію отъ столицъ къ важнѣйшимъ пунктамъ; возмемъ одинъ изъ главнѣйшихъ жизненныхъ путей въ Россіи,—путь въ Грузію.—Слѣдовавшіе по этой дорогѣ весною, при переправѣ чрезъ р. Донъ, должны были проживать тамъ цѣлые мѣсяцы и, потомъ, переправляться на паромѣ до 20 и болѣе верстъ и приставать тамъ, куда паромъ теченіемъ воды будетъ занесенъ.—Проѣзжая чрезъ Кабарду въ г. Владикавказъ, надобно было переправляться чрезъ быструю нагорную рѣчку Бѣлую вплавь; сколько произшествій, сколько несчастій на этихъ двухъ переправахъ случилось съ проѣзжающими не для прогулокъ! Теперь въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ существуютъ постоянные мосты, созданы такіе же на Кавказѣ, за Кавказомъ и по всему пространству Россіи, по крайней мѣрѣ на главнѣйшихъ путяхъ, и все это сдѣлано по приказанію покойнаго императора Николая 1-го.

18.) Среди всѣхъ этихъ многочисленныхъ, громадныхъ преобразованій, императора Николая 1-го постоянно занимала мысль,

объ освобожденіи крестьянъ.—Говорили повсюду о препятствіяхъ и возраженіяхъ, встрѣчаемыхъ имъ отъ самыхъ значительныхъ лицъ въ государственномъ совѣтѣ; множество по этому предмету разказывали анекдотовъ о противодѣйствіяхъ императору и объ убѣжденіяхъ императора въ вѣрности своей идеи противорѣчившимъ лицамъ;—но изъ всего этого, замѣчательнѣе слова Николая 1-го, сказанныя напослѣдокъ возвражавшимъ ему: «старики, вы отстали отъ вѣка, вы непонимаете меня».—

Но какъ бы-то нибыло, Николай 1-й не найдя сочувствія въ самыхъ ближайшихъ къ нему лицахъ—къ освобожденію крестьянъ, ограничился согласіями нѣсколькихъ вельможъ, въ видѣ опыта, сдѣлать часть своихъ крестьянъ обязанными.—

Неимѣя особенно побудительныхъ причинъ не уважать просьбы русскаго дворянства,—оставить пока идею объ освобожденіи крестьянъ, за то тѣмъ съ большей энергіей принялся за дѣло улучшенія быта крестьянъ—въ югозападныхъ губерняхъ имперіи;—гдѣ этотъ классъ, въ полномъ смыслѣ слова, находился подъ гнетомъ польскихъ феодаловъ.

Императору извѣстны были всѣ теоріи, составлявшіяся польскими эмигрантами за границей, для будущихъ мятежей въ предѣлахъ югозападной Россіи.

Ему были извѣстны: »планъ партизанской войны« въ предѣлахъ бывшей Польши и »мысли о народномъ возстаніи« на той же мѣстности изъ газеты 3 мая, издававшейся польскими эмигрантами въ Парижѣ.

Вотъ нѣсколько заповѣдныхъ идей, заимствованныхъ изъ этой газеты, которыя своевременно были распространены между поляками вообще:

д). »Собирайте деньги, готовьтесь къ возстанію—и повино»ваться власти воплощеннаго короля, ибо не знаете ни дня ни »часа когда раздастся слово—возстаніе!«

е) »Если ты искренній и усердный патріотъ, то употреб»ляй всѣ зависящія отъ тебя средства, ибо за каждое изъ нихъ,— »какъ казначей за каждую копѣйку, отдашъ отчетъ Богу и оте»честву.—

»Тутъ употребляй деньги, тамъ дѣйствуй умомъ, тутъ »опять золотомъ—а тамъ снова хитростію и искуствомъ, гдѣ »идетъ дѣло обо всемъ,—не жалѣй ничего,—ставъ вобанкъ!«

Мѣры для преобразованія югозападной Россіи. На основаніи этихъ и множества другихъ данныхъ, по усмиреніи поль-

скаго мятежа, покойный императоръ все свое вниманіе обратилъ на преобразованіе края возвращеннаго отъ Польши,—началась борьба съ другимъ врагомъ Россіи.

Чтобы положить предѣлъ развитію духа польской пропаганды, дѣйствовавшей діаметрально противоположно жизни русскаго народа, необходимо было уничтожить разсадники полонизма въ Литвѣ и югозападной Россіи, каковыми были по словамъ польскаго же публициста Мохнацкаго, Вильно и Кременецъ,—вотъ для чего:

1.) Виленскій университетъ съ медицинской академіей и кременецкій лицей закрыты.—Но чтобы не лишить юношество югозападной Россіи образованія въ духѣ исторически соотвѣтственному значенію края открытъ университетъ съ медицинскимъ факультетомъ въ Кіевѣ, куда и перенесены всѣ пособія науки.

2) Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ кіевскаго и бѣлорусскаго округовъ приказано читать всѣ предметы на русскомъ языкѣ—кромѣ богословія для католиковъ (¹).

(¹) Да не подумаютъ передовые русскіе люди, что этими преобразованіями, дѣлалось какое либо насиліе кореннымъ жителямъ края; нѣтъ, императоръ Николай 1-й имѣлъ въ виду, воскресить только чисто русскую народность,—незаглохшую отъ четырехъ вѣковаго гнета польской пропаганды.

Изъ статистическихъ таблицъ, сообщенныхъ мѣстнымъ начальствомъ виленской, гродненской, минской губерніи и бѣлостоцкой области въ 1841 году, видно, что въ этихъ губерніяхъ въ то время обще населеніе было 3,371,927 душъ обоего пола и въ томъ числѣ состояло—дѣйствительныхъ, коренныхъ литовцевъ 600,000, съ небольшимъ, которые и въ настоящее время незнаютъ ни польскаго ни русскаго языковъ, а говорятъ своимъ природнымъ. Отдѣливъ изъ общаго числа 600,000 коренныхъ литовцевъ и 386,300 евреевъ и магометанъ,—получится 2,385,527 душъ, допустимъ, что въ послѣднемъ числѣ состоитъ 100,000 поляковъ-выходцевъ изъ Польши въ Литву, остатокъ покажетъ коренное населеніе этаго края изъ русиновъ или малоросіанъ и бѣлорусцевъ.—Чрезвычайно замѣчательный фактъ,—нашимъ археологамъ предстоитъ почетный трудъ разработать этотъ предметъ со всею подробностію и тогда откроется:

1.) Литовскіе князья не завоевали Волынь, Подоль, Кіевъ и Сѣверскую землю, но освободили эти области отъ татаръ.—Войска ихъ состояли преимущественно изъ руссиновъ, малороссіанъ и бѣлорусовъ, а на литовскихъ князей смотрѣли какъ

3) Униаты возвращены на лоно православной церкви, и таким образом вѣковые труды Игнатія Лойолы и его дѣтей клерикаловъ уничтожены тремя словами Императора Николая 1-го: »Благодарю Бога и принимаю«.

4.) По возсоединеніи униатовъ, униятскія церкви, на основаніи правилъ польской пропаганды, однѣ находились въ полуразрушенномъ состояніи, а другіе за ветхостію были закрыты.

По приказанію Императора Николая 1-го во всѣхъ югозападныхъ губрніяхъ Имперіи, тысячи церквей выстроены вновь вмѣсто развалившихся и поддержаны исправленіемъ тѣ изъ нихъ, которые могли быть надежны къ дальнѣйшему существованію (3).

5.) Назначено возсоединенному духовенству приличное содержаніе и этими мѣрами положены начала новому направленію давней русской страны; оно краснорѣчиво изображено, въ пламенномъ словѣ, виленскаго митрополита Іосифа, произнесенномъ имъ, по случаю освященія кафедральнаго Николаевскаго собора въ Вильнѣ 1840 года.

6.) Во всѣхъ губерніяхъ югозападной Россіи,—введены инвентари, ограничившіе произволъ помѣщиковъ поляковъ, и дарованы величайшія благодѣянія ихъ крестьянамъ, которые съ того только времени, начали понимать, что они люди, и что имъ наконецъ позволено различать произволъ отъ благодѣятельнаго закона.

на освободителей и встрѣчали ихъ съ хлѣбомъ-солью, съ образами и колокольнымъ звономъ.

2.) По отдѣленіи элемента польскаго отъ русскаго, откроется въ полномъ смыслѣ слова, ничтожность коренной Польши въ политическомъ значеніи. Она въ смутныя времена Россіи, была сильна русскими же, т. е. литовскою Русью, но угнетеніе православной вѣры, помѣшало ей въ продолженіи 4-хъ вѣковъ слиться въ одно цѣлое съ югозападными руссами. Теперь время образумить Польшу; ее надобно ввести въ естественныя, племенныя ея границы, и тогда придется отдѣлить отъ нея всю юговосточную часть люблинской губерніи съ городомъ Хелмомъ,—населенныя униатами. Вѣдь это аксіома: »гдѣ теперь униаты—тамъ было православіе, слѣдовательно тамъ и Русь.

(3) Въ польской пропогандѣ принято было за правило, неподдерживать униатскихъ церквей, до окончательнаго ихъ разрушенія, чтобы этимъ способомъ заставить прихожанъ обратиться съ молитвой въ католическіе косцелы и окончательно сдѣлать ихъ католиками.

Исполнителемъ воли Императора въ этомъ отношеніи, былъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, мужъ энергическихъ дѣйствій, для водворенія въ ввѣренномъ ему краѣ порядковъ, согласно предположенной Императоромъ цѣли.

7.) Уничтоженъ литовскій статутъ, столь долго разъединявшій формами судопроизводства, русскія области.

8.) Отобраны церковныя имѣнія отъ католическаго духовенства и слѣдовательно исторгнуты изъ рукъ ксендзовъ средства сѣять вражду между великимъ семействомъ русскихъ славянъ —Вотъ что по этому предмету напечатано было въ № 13 журнала Юная Польша »пишутъ изъ С. Петербурга, что вопросъ »касательно отобранія у католическаго духовенства церковныхъ »имѣній и назначенія ему по образцу русскихъ поповъ пенсій,— »окончательно рѣшенъ: этимъ нанесенъ послѣдній ударъ нашимъ »ксендзамъ, которые не только лишены будутъ приличнаго со- »держанія, но и сдѣлаются совершено зависимыми отъ правитель- »ства, получая хлѣбъ изъ его рукъ.«

9). Виленская духовно-католическая академія переведена изъ Вильно въ с.-Петербургъ, съ цѣлью—извлечь молодое поколѣніе католическаго духовенства изъ подъ вліянія злѣйшихъ враговъ Россіи. Тамъ—въ С.-Петербургѣ, воспитываясь подъ глазами самаго правительства, они могли скорѣе получить образованіе и развитіе своихъ религіозныхъ идей—въ духѣ христіанской любви которая одна только можетъ убѣдить въ пристрастныхъ и не справедливыхъ дѣйствіяхъ папистовъ и, слѣдовательно, можетъ примирить ихъ съ человѣчествомъ, которое они клеймятъ оскорбительными эпитетами: схизматиковъ и еретиковъ, какъ не принадлежащее къ римско-католическому міру.

10.) Императоръ Николай I-й, совершенно понимая идею польской пропаганды и предвидя, что для перерожденія, измѣненія этихъ идей въ молодомъ поколѣніи, необходимо время и неуклонное движеніе по пути имъ предначертанному, вознамѣрился фактически поддержать свои намѣренія.

На пространствѣ юго-западной Россіи, гдѣ поляки предполагали (газета 3-го мая) поднять послѣдній и рѣшительный мятежъ, для возстановленія Польши въ предѣлахъ раздвинутыхъ Россіи,—окончены и возведены новыя крѣпости: Динабургъ, Бобруйскъ, Брестская, Александровская, Цитадель при Варшавѣ, Новогеоргіевская, Ивангородская и начата была Михайло—го

родская, (¹) которыя составили наши грозные опорные пункты для военныхъ дѣйствій,—въ случаѣ открытія новаго мятежа и принятія участія въ немъ заграничныхъ нашихъ друзей, видѣвшихъ въ покойномъ Императорѣ истинно русскаго государя и слѣдовательно—страшную для себя грозу (²). Онъ повелъ свою Россію по родному,—самобытному пути, воскресилъ въ ней духъ самосознанія, увѣренности въ собственной силѣ, могущей отразить напоры чуждаго ей запада, и этимъ заповѣдалъ и всѣмъ русскимъ, не надѣяться на дружбу союзниковъ, но жить и дѣйствовать самобытно,—по русски.

Набросавъ слабую канву для начертанія дѣлъ Николая 1-го я спрошу теперь: что было бы въ настоящее время въ Россіи

(¹) Послѣдняя была начата съ цѣлью надзирать за долиною р. Припети, которую поляки по словамъ »газеты 3 мая« почитаютъ паладіумомъ своей независимости.

(²) Въ однихъ изъ писемъ какого то поляка изъ Бѣлоруссіи, помѣщенныхъ въ *Днѣ* за 1862 годъ, сказано, что Польша строила храмы Божіи на видныхъ мѣстахъ, а Николай Павловичъ строилъ только казематы. Быть можетъ многіе, въ простотѣ сердца, повѣрили этимъ словамъ поляка, а между тѣмъ сколько въ нихъ самой гнусной лжи! Во первыхъ, крѣпости—не казематы; крѣпости необходимы для обезпеченія границъ государства. Но однѣ ли крѣпости строены въ царствованіи Николая Павловича? Кто постарается навести справки, или распросить у знающихъ, тотъ какъ нельзя лучше убѣдится, какъ иногда самая безстыдная ложь одними распространяется, а другими принимается, какъ непреложная истина до такой степени, что даже лишнимъ считаютъ повѣрку ея. Надобно помнить, что именно покойный Императоръ обращалъ самое усиленное вниманіе на обновленіе старыхъ и на постройку новыхъ православныхъ церквей въ цѣломъ югозападномъ краѣ. Въ его царствованіе, и именно вслѣдствіе его вниманія, столько старыхъ церквей починено и выстроено новыхъ, что этотъ періодъ въ сравненіи съ прежними временами можно рѣшительно считать эпохою. Но что же значатъ слова: Польша строила храмы Божіи на видныхъ мѣстахъ? То, что православнымъ церквамъ, для уничиженія православной вѣры, отводили мѣста низменныя и въ разныхъ отношеніяхъ невидныя, а костелы, для возвышенія католичества, ставили на мѣстахъ видныхъ.

Ред.

безъ дальновидныхъ дѣйствій и предначертаній покойнаго императора?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на пространствѣ Россійской Имперіи, найдется много Голиковыхъ, которые соберутъ все, что Императоръ Николай 1-й гдѣ либо сдѣлалъ или говорилъ. (¹) Сводъ этихъ записокъ составитъ драгоцѣнный матеріалъ для русской исторіи.

Замѣчательнѣйшіе исполнители воли императора Николая 1-го: Сперанскій, Блудовъ, Уваровъ, Паскевичъ, Лазаревъ, Киселевъ, Бибиковъ, Канкринъ и весь народъ русскій, преданы были ему всецѣло и любили его потому, что видѣли въ немъ для себя образецъ, какъ слѣдуетъ служить отечеству.—Николай былъ великимъ работникомъ и работалъ за всѣхъ для пользы Россіи до самой своей могилы; и если своей работы, своей задачи, какъ онъ самъ сказалъ, не кончилъ, то это потому, что отъ громадныхъ трудовъ, отъ бѣдствій обрушившихся въ послѣднюю войну на его народъ, отъ оскорбленія чистой его души неблагодарностію—недавно спасеннаго имъ союзника,—изнемогъ и угасъ преждевременно.

Многіе, пожалуй, скажутъ, что и въ царствованіе Николая 1-го въ учебныхъ заведеніяхъ образованіе шло по выкройкѣ, и свободному развитію недавали хода, что не всегда провосудіе торжествовало въ русскихъ судахъ и представляло образцы лихоимства, рѣшавшаго дѣла вкривь и вкось, по вліянію сильныхъ или богатыхъ;—скажутъ о грабежѣ казны и множество другихъ представятъ доводовъ о бывшихъ злоупотребленіяхъ;—но да будетъ позволено отвѣтить заблаговременно: все это могло быть, но уничтожить зло вдругъ, вкорененное вѣками, не было ни какой возможности.—Одному Богу было возможно изъ хаоса создать въ шесть дней божьихъ—великолѣпную вселенную; но одному государю, въ одно царствованіе изъ хаоса создать цѣлое, стройное,—невозможно.

Довольно, что Императоръ Николай 1-й вывелъ Россію на родной путь. Неутомимая его дѣятельность, оставила русскому народу громаду матеріаловъ для будущей его жизни и для той программы, по которой должна идти его славная Россія къ цѣли назначенной ей провидѣніемъ.

Сообразивъ, въ какомъ видѣ Николай 1-й засталъ Россію и въ какомъ ее оставилъ, надобно удивляться, что сдѣлано имъ въ 30 лѣтъ.—Кажется не трудно отгадать въ чемъ не кончены

(¹) Благодареніе Богу, уже и нашелся одинъ, въ лицѣ г. Мамышева.

его работы,—полагаемъ: въ не освобожденіи крестьянъ и въ не проведеніи желѣзныхъ дорогъ къ западнымъ и южнымъ границамъ Россіи, по крайней мѣрѣ намъ такъ кажется.—Эту то слабую сторону и подстерегли враги Россіи и поспѣшили воспользоваться ею,—отрытіемъ цѣлой коалиціей—восточной войны. Быть можетъ скажутъ, что и еще многое не было сдѣлано для развитія внутреннихъ силъ Россіи. На это опять отвѣтимъ, что на все есть свое время и что то, что намъ понятно теперь, какъ очевидная потребность, не такъ было ясно въ прежнее время, а быть можетъ и встрѣтило бы много неодолимыхъ препятствій.

Припоминается намъ, какая то иностранная газета сказала: »сформированіемъ громадныхъ военныхъ силъ для восточной войны, императоръ Николай 1-й оказалъ послѣднюю услугу Россіи«—и эта мысль вѣрна во первыхъ потому, что она доказываетъ, на какіе подвиги русскій народъ способенъ, когда имъ управляетъ любимый монархъ;—на зовъ Николая 1-го поднялась вся русская земля.

Во вторыхъ, сформированіе громадныхъ войскъ, прекратило въ Россіи рекрутскіе наборы на восемъ лѣтъ, въ продолженіи которыхъ, наслѣдникъ Николая 1-го, нынѣ благополучно царствующій Алексанъръ II-й, безъ помѣхи можетъ совершать такія преобразованія внутри имперіи, которыя составятъ эпоху въ исторической жизни Россіи.

Всматриваясь въ исторію народовъ, невольнымъ образомъ приходится сравнивать послѣдній часъ жизни Николая 1-го и Августа римскаго императора. Но какая громадная разница въ предсмертныхъ словахъ того и другаго императоровъ!

Августъ къ собравшимся вокругъ его одра, въ послѣдней агоніи восклицаетъ:» рукоплещите друзья, я хорошо разыгралъ свою ролю.., а Николай 1-й, образецъ христіанина, семянина, государя и человѣка, исповѣдуетъ свои грѣхи:

«Благодарю всѣхъ меня любившихъ. Прощаю всѣхъ меня »ненавидѣвшихъ. Прошу всѣхъ, кого могъ неумышленно огор»чить, меня простить;»

«Я умираю съ пламенною любовію къ нашей славной Рос»сіи, которой служилъ, по крайнему моему разумѣнію, вѣрой и »правдой: жалѣю, что не могъ произвести того добра, котораго »столь искренно желалъ. Сынъ мой меня замѣнитъ. Буду молить

»Бога, да благословитъ его на тяжкое поприще, довершить вну-
»треннее ея устройство и отдалить всякую опасность извнѣ.»

Утѣшься тѣнь Великаго, незабвеннаго Николая 1-го, ты въ одно царствованіе свое не меньше сдѣлалъ для Россіи, чѣмъ цѣлый рядъ государей, собирателей русской земли-въ два съ половиною вѣка; они вещественно-физически- собрали въ одно сѣверовосточную русскую землю; а ты сплотилъ нравственно всю Россію. Какъ человѣкъ,-въ выборѣ средствъ, ты могъ ошибаться, но какъ государь, по цѣли возвеличить, сдѣлать счасливою твою Россію, ты не погрѣшилъ. Ты указалъ ей путь къ достиженію назначенія опредѣленнаго ей свыше, ты положилъ краеугольный камень будущему ея величію и возсоединенію великой русской семьи.

Больные мелкими, ничтожными страстями, силятся запятнать Твои великія дѣла, но ихъ голосъ, все ровно, что пятна на солнцѣ, отъ кружащихся во кругъ него астероидъ, это пятна кажущіяся.—

Включенный съ тобою разомъ въ памятникъ тысячелѣтію Россіи, пѣвецъ Бога правды Державинъ, какъ бы по творческому вдохновенію своему, предчувствуя событія 1862 года, написалъ подражаніе Горацію и изъ этой пѣсни, каждый русскій внемлющій голосу правды, съ гордостью предъ твоимъ ликомъ, можетъ повторить-первые два куплета:

Ты памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ.
Ни вихръ его, ни громъ несломитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушитъ:
Такъ весь ты неумрешъ, но часть тебя большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ твоя не увядая,—
Доколь словяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Такъ Николай 1-й воздвигъ себѣ невещественный памятникъ въ сердцахъ русскаго народа, но благодарный русскій народъ докажетъ, что онъ достоинъ былъ его любви, его заботъ и воздвигнетъ ему вещественный памятникъ. Гдѣ же избрать для него мѣсто?

До николаевскихъ временъ Кіевъ былъ заброшенъ, и если не брать въ соображеніе великолѣпныхъ его храмовъ божіихъ, представлялъ собою—видъ большой разбросанной деревни; но покойный Императоръ, въ 30 лѣтъ своего царствованія, изъ

большой деревни,—создалъ великолѣпный городъ и возвратилъ ему его историческое значеніе первопрестольной столицы христіанской Руси, украсилъ великолѣпными зданіями: университета святаго Владиміра, двухъ гимназій, кадетскаго корпуса, института благородныхъ дѣвицъ, сосредоточилъ въ этихъ заведеніяхъ возможно лучшія средства для образованія молодаго поколѣнія, и перекинулъ чрезъ Днѣпръ одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ мостъ, благодѣтельность котораго ощутительна для всякаго посѣтителя матери городовъ русскихъ.

Въ 1852 году Императоръ Николай 1-й, послѣдній разъ посѣтилъ созданный имъ Кіевъ и осматривая зданія университета святаго Владиміра, любуясь окресностями его, замѣтилъ что квадратная площадь прилежащая этому зданію была изрыта оврагами, приказалъ выравнять ее. Вотъ мѣсто для памятника Николая 1 го.

Почему же именно въ Кіевѣ? Потому, что здѣсь онъ положилъ прочныя основы единству русской земли. Здѣсь воздвигнуть памятникъ Государю, возстановителю православія и русской народности во всей югозападной Россіи.

Инициатива этой мысли, лежитъ на обязанности гражданъ-обывателей г. Кіева, а окончаттльное осуществленіе,—на всемъ русскомъ православномъ народѣ.

Памятникъ этотъ долженъ быть оконченъ гораздо прежде 1882 года, т. е. прежде окончанія тысячелѣтней эпохи, когда Олегъ Вѣщій, изъ Новгорода перенесъ столицу въ Кіевъ, который съ тѣхъ поръ, по словамъ русскаго лѣтописца Нестора, названъ матерью русскихъ городовъ.

Служивый царствованія Николая 1-го вноситъ, начиная съ 1863 года, по двадцати пяти рублей каждогодно, на возведеніе памятника, и увѣренъ, что голосъ его не останется голосомъ—вопіющаго въ пустынѣ.

Георгій Новицкій

10 декабря 1862 года.
Г. Кіевъ.

ПОСЛѢДНЕЕ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ПОЛЬШИ,

съ 1764 по 1814 годъ.

(Краткій историческій очеркъ.)

Sine ira et studio.....

Послѣднее междуцарствіе, предъ выборомъ послѣдняго короля польскаго (Станислава-Августа), продолжалось одинадцать мѣсяцевъ—съ 4 октября 1763 по 7 сентября 1764 года.— Тогда Польша такъ уже низко упала въ глазахъ Европы, что *одинъ только кандидатъ* явился на ея престолъ—сынъ умершаго короля, саксонскій курфирстъ, да и тотъ не по собственному желанію, но изъ угожденія своей честолюбивой супругѣ.

Благоразумнѣйшіе поляки хотѣли избрать королемъ природнаго поляка изъ потомковъ Пяста, но не надѣясь на свои силы, просили россійскую императрицу Екатерину II прислать въ Польшу русское войско для подкрѣпленія ихъ намѣреній,—вотъ въ какомъ жалкомъ и безпомощномъ состояніи находились самые благоразумные изъ нихъ.—Императрица исполнила просьбу ихъ, и повелѣла своимъ посламъ *Кайзерлингу* и князю *Репнину* предложить сейму въ короли стольника в. княжества литовскаго, графа *Станислава Августа Понятовскаго.*

Созывательный сеймъ (Konwokaciyny seym) принялъ это предложеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ еще одно превосходное постановленіе, чтобы впредь всѣ дѣла были рѣшаемы по большинству голосовъ, и—слѣдовательно—прежде буйное «*не позваллмъ*» было устранено, къ горькому сожалѣнію многихъ любителей этаго своеволія.

Избирательный (elekciyny) сеймъ начался 27 августа; а 7 сентября 1764 года былъ избранъ королемъ *Станиславъ Августъ.*—Всѣ были довольны, кромѣ графа *Браницкаго*, который самъ хотѣлъ быть королемъ. Не успѣвши въ этомъ, онъ

хотѣлъ-было взбунтовать в. литовское княжество; но когда и это не удалось, заперся въ своемъ замкѣ, въ Бѣлостокѣ.

Что же принялъ Станиславъ-Августъ вмѣстѣ съ польскимъ скиптромъ?

Историкъ Польши, *Нарушевичъ*, лично говорилъ ему, во всеуслышаніе всей націи [1]), что «онъ съ этимъ скиптромъ принялъ несогласіе внутри республики, слабость Польши, нищету казны, безправье въ мелкомъ войскѣ, опустѣлые замки, обнищавшіе города, правленіе безъ связи и рады, безтолковые сеймы, и при этихъ явленіяхъ, предшествующихъ страшному паденію государства, грозное вокругъ сосѣдство!—Ежели (продолжаетъ Нарушевичъ) не могъ совладѣть съ такими безпорядками и потомственно-наслѣдственный король Казиміръ великій, имѣвшій въ своихъ рукахъ право суда и законодательства, войско и казну; то что добраго можетъ сдѣлать въ Польшѣ избирательная верховная власть, ограниченная въ правахъ и всегда подозрѣваемая?.. Ничего больше, какъ только терпѣть за чужіе грѣхи, и быть мишенью для выстрѣловъ ненависти, потому что на высокомъ мѣстѣ стоитъ.»—«*Трудно обманывать себя: мы (поляки) никогда не имѣли правленія, и никогда не были счастливы.*»—А позднѣйшій историкъ такъ описываетъ тогдашнюю

---

[1]) Ale cożeś wziął, Panie, z tym berłem? to, co niegdyś Kazimierz: niezgody w domu: słabość kraiu' ubóstwo skarbu: nierząd w drobney milicyi: zpustoszałe zamki: odarte miasta: rząd bez związku i rady: nieczynne seymy: przemoc w magistraturach: a przy tych poprzedzających zawsze straszną ruinę znakach, potęgę zagraniczną i groźne na około sąsiedstwo. Nie zdołał zaradzić co takim przeciwności ogromie dziedzic i monarcha, mający w ręku swoim sądy, woysko, skarb i legislacyą. Coż może uczynić u nas elekcyina zwierzchność, prawami skrępowana, zawsze podeyrzana?.. Chyba cierpieć gdy się źle dzieie, za cudze przewinienia, i być na celu postrzałom nienawiści dla tego że wyżey siedzi....» *Adama Naruszewicza Historya narodu Polskiego*, Tom VI. (1803.) Стр. 11.—«Trudno sobie pochlebiać, Nayiaśnieyszy Panie; nigdyśmy nie byli narodem systematycznie rządnym, a zatym i szczęśliwym.» Tom VII. (1804.) do Króla... Стр. 8.

Польшу: [1]) «небыло тогда въ Польшѣ ни высшихъ постоянныхъ судебныхъ мѣстъ, ни порядка. Магнаты воевали между собою, какъ будто въ XI, или XII вѣкѣ. Разстройство и безпорядокъ были повсемѣстны, и Польша была похожа на заѣзднную корчму, въ которой всякъ, что хотѣлъ, то и дѣлалъ.»

Послѣ коронаціи Станислава-Августа, бывшей 25 ноября, послы дворовъ петербургскаго и берлинскаго и нѣкоторыхъ другихъ предложили сейму желаніе своихъ государей, чтобъ всѣ диссиденты (иновѣрцы) пользовались въ Польшѣ свободою вѣроисповѣданія и были допущены въ государственную службу, и чтобъ епископы грековосточнаго исповѣданія имѣли мѣста въ польскомъ Сенатѣ, подобно католическимъ епископамъ. Казалось бы, нѣтъ ничего естественнѣе, справедливѣе и даже необходимѣе для благоденствія Польши, какъ исполненіе этихъ требованій,—требовали, какъ видите, чтобъ она была благоразумна и счастлива. Въ нынѣшнее время даже трудно вѣрить, по крайней мѣрѣ хотѣлось бы не вѣрить, чтобъ такія справедливыя требованія могли быть отвергнуты—тѣмъ болѣе, что до 1717 года большею частію письменныя постановленія польскихъ сеймовъ *были въ пользу диссидентовъ*, и даже каждый король, при возшествіи на престолъ между прочими pacta conventa присягалъ соблюдать и права диссидентовъ ненарушимыми. Но—въ Польшѣ давно уже было такъ заведено, что *одно писали, а другое дѣлали;* и несчастные диссиденты, особенно со времени короля Сигизмунда III-го, были страшно преслѣдуемы и угнетаемы за ихъ вѣру. А съ 1717 года *перестали даже и писать* въ пользу диссидентовъ, но начали издавать притѣснительные для нихъ законы: запретили имъ строить новыя церкви и поправлять старыя; перестали допускать ихъ на сеймы, и наконецъ въ 1733 году рѣшили удалить ихъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей, какъ будто какихъ-нибудь отверженныхъ *паріевъ*.... Если бы нужно было собрать въ *одномъ словѣ* всѣ тѣ причины, которыя погубили Польшу, то, безъ всякаго спора, это слово было бы—*католицизмъ*, такъ точно какъ теперь, для изображенія горестнаго состоянія нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ державъ достаточно одного слова: *индиферентизмъ*.—А Европѣ то и

---

[1]) Dzieje Królestwa Polskiego przez J. S. Bandtke. 1820. Томъ II. стр. 515.

любо, что славяне ни въ чемъ не знаютъ мѣры,—одни изъ нихъ фанатики заклятые, а другіе до того *гуманны* и терпѣливы, что—кто ни захочетъ, садится верхомъ на нихъ и погоняетъ ихъ, какъ лошадокъ.

По случаю заступничества петербургскаго и берлинскаго Дворовъ за несчастныхъ диссидентовъ, въ Варшавѣ 6-го октября 1766 года начались бурныя засѣданія сейма. Служители алтаря Господня, долженствующіе проповѣдывать миръ и христіанскую любовь, краковскій епископъ *Каэтанъ Солтыкъ* и папскій нунцій *Висконти*, грозно возстали противъ диссидентовъ и требовали уничтоженія ихъ правъ *церковныхъ*, *служебныхъ* и *гражданскихъ*. А защитники этихъ несчастныхъ, желая вразумить гонителей, что отнятіемъ сихъ правъ у своихъ согражданъ они разрушаютъ собственное свое отечество, стали требовать самой труднѣйшей уступки съ ихъ стороны: чтобы возстановлено было буйное «*не позволямъ*» въ прежней его силѣ. Къ удивленію исторіи и потомства, сеймъ, руководимый духовенствомъ, согласился даже и на эту разрушительную уступку, лишь бы только затопталъ всѣ права диссидентовъ.

Любопытно происхожденіе этого польскаго «veto.» До 1642 года всѣ дѣла на сеймахъ вершились по большинству голосовъ, хотя для формы и была соблюдена фраза о «*единогласномъ рѣшеніи*.» Но въ 1642 году депутатъ упицкаго повѣта, нѣкто *Сицинскій* (знаменитый, какъ Геростратъ), первый закричалъ на сеймѣ «*не позволямъ!*» и остановилъ рѣшеніе сейма, или—какъ говорятъ поляки—*разорвалъ сеймъ*. Этотъ, новый тогда, родъ своеволія понравился панамъ и шляхтѣ; и хотя нѣкоторые благомыслящіе поляки хотѣли—было противиться введенію этого новаго своеволія, но оно всегда было поддерживаемо большинствомъ. Теперь же это своеволіе было возстановлено въ противоположность уничтоженію всѣхъ правъ диссидентовъ, какъ последнее, отчаянное средство для защиты ихъ. Могъ сыскаться хоть одинъ добросовѣстный человѣкъ, который этимъ словомъ останавливалъ бы иногда опредѣленія сейма, клонившіяся къ окончательному истребленію диссидентовъ: другой защиты для нихъ уже не оставалось.

Потерявши свободу вѣроисповѣданія и права гражданства, диссиденты начали собираться въ вооруженныя конфедераціи, сперва въ Торнѣ и Слуцкѣ, а потомъ и въ разныхъ другихъ

мѣстахъ. Такихъ конфедерацій было тогда въ Польшѣ до 200. Предводители ихъ соединились въ *Радомѣ*, и избрали князя *Радзивила* главнымъ вождемъ всего возстанія. Противъ диссидентовъ вооружилась другая часть Польши, католическая.— Несчастному королю Станиславу-Августу жалко было и той и другой стороны; но какъ сторона диссидентовъ была обиженная и страждущая, то онъ, изъ состраданія къ своимъ подданнымъ, присталъ къ Радомской конфедераціи, и самъ просилъ россійскую Императрицу прислать ему войско для усмиренія крамолъ въ погибавшемъ его королевствѣ. Трудно было вообразить себѣ состояніе болѣе жалкое, какъ *состояніе польскаго короля.*

Русское войско, подъ начальствомъ *Салтыкова* и *Кречетникова*, вошло въ Польшу; и подъ его защитою король назначилъ въ Варшавѣ чрезвычайный сеймъ на 5 число октября 1767 года. На этомъ сеймѣ, продолжавшемся по мартъ мѣсяцъ слѣдующаго года, епископъ *Каэтанъ Солтыкъ* свирѣпствовалъ противъ диссидентовъ и даже позволилъ себѣ говорить дерзско о рос. Императрицѣ, покровительницѣ ихъ. Безразсудному примѣру его подражали куявскій епископъ *Іосифъ Залуцкій*, краковскій воевода *Вацлавъ Ржевускій* и сынъ его *Северинъ*. Въ слѣдствіе чего, посолъ русскій князь Репнинъ принужденъ былъ принять рѣшительную мѣру: приказалъ арестовать этихъ дерзскихъ фанатиковъ и отправилъ ихъ въ Россію [1]).

Прочіе фанатики смирились, и 13-го февраля 1768 года сдѣлали на сеймѣ постановленіе: 1) всѣ законы, изданные съ 1717 года противъ диссидентовъ, отмѣнить и предоставить имъ право свободнаго богослуженія,—позволить имъ строить церкви, заводить училища, присутствовать въ сенатѣ, и участвовать въ совѣщаніяхъ сейма; 2) правленію въ Польшѣ быть избиратель-

[1]) Нельзя не пожалѣть о томъ заблужденіи и фанатизмѣ, въ которомъ и теперь *нѣкоторые отцы* воспитываютъ своихъ дѣтей, обучая ихъ Польской Исторіи по той элементарной книгѣ, въ которой о Солтыкѣ сказано такъ: «stanął *na czele w obronie Religii* Sołtyk Biskup i na żądanie dyssydentów domagaiących się wolnego wyznania Religii, używania wszelkich praw, swobod i prerogatyw obywatelskich przystać nie chciał....» Развѣ это значитъ—*защищать религію*, а не разрушать отечество?....

ному, и дѣла рѣшать *единогласнымъ* приговоромъ сейма; 3) съ Россіей заключить вѣчный миръ и предоставить россійской императрицѣ право оберегать и защищать какъ диссидентовъ въ Польшѣ, такъ равно и самую Польшу. — Договоръ объ этомъ былъ подписанъ; сеймъ закрытъ; русскому войску велено было возвратиться въ Россію.

Если-бы Польша остановилась на этомъ договорѣ, она могла бы еще продлить свое существованіе, могла бы со временемъ окрѣпнуть, усилиться, развиться, и быть порядочнымъ государствомъ въ кругу другихъ державъ. Но—опять одинъ изъ служителей алтаря, забывши заповѣдь мира и любви, возмутилъ Польшу: каменецкій епископъ *Адамъ Красинскій*, переодѣтый, изъѣздилъ всю Польшу и вездѣ возбуждалъ ненависть къ диссидентамъ, къ Россіи, и къ своему королю. Единомышленникъ Красинскаго, староста *Іосифъ Пулавскій* началъ собирать безпокойныхъ людей, и составилъ изъ нихъ въ городѣ *Баръ* вооруженную конфедерацію противъ короля Станислава-Августа. Подобное же возмущеніе противъ законной власти и противъ здраваго разсудка обнаружилось въ Галичѣ, Люблинѣ, Краковѣ и въ другихъ мѣстахъ. Конфедераты огнемъ и мечомъ истребляли своихъ согражданъ—диссидентовъ, и преимущественно исповѣдниковъ грекороссійской вѣры,—между тѣмъ какъ жиды по всей Польшѣ пользовались полною свободой своей вѣры, и — смѣялись надъ христіанами, истреблявшими другъ друга....... Замѣтимъ, къ стыду цивилизаціи, что отъ этого времени еще не прошло и ста лѣтъ.

Началась ужасная религіозная война, рѣзня безъ пощады пола и возраста, убійство многихъ тысячъ ближнихъ, покланявшихся одному и тому же Спасителю, распятому за всѣхъ на крестѣ; и—увы—*это убійство было возбуждено въ Польшѣ епископами католическими, сперва Солтыкомъ и Залуцкимъ, потомъ Красинскимъ!!*

Дворянъ, исповѣдующихъ гонимую грекороссійскую вѣру, тогда уже мало было въ Польшѣ: почти всѣ, отъ страха гоненій, перешли сперва въ унію, потомъ въ католичество [1]). Оставался

---

[1]) Почти всѣ нынѣшніе дворяне въ западныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, именующіе себя поляками и католиками, суть *потомки русскихъ православныхъ жителей тѣхъ странъ*,

только простой народъ, не хотѣвшій отречься вѣры своихъ праотцевъ; но и среди этого загнаннаго народа, заклейменнаго именемъ «*хлоповъ*,» нашлись свои предводители, которые вооруженною рукой начали защищать своихъ братьевъ и свою вѣру. Извѣстнѣйшіе изъ такихъ предводителей были тогда *Гонта* и *Желѣзнякъ*, о которыхъ память и теперь еще живетъ въ народѣ. За жестокость платили ужасающею жестокостью; и Польша тогда была обагрена (буквально) своею собственною кровью....

Станиславъ-Августъ и нѣкоторые благомыслящіе сенаторы, не имѣя средствъ прекратить междоусобіе и кровопролитіе въ своемъ гибнувшемъ отечествѣ, опять просили россійскую императрицу прислать имъ войско, которое и не замедлило придти въ Польшу. А епископъ *Красинскій* обратился за помощью къ французскому Двору, и получилъ оттуда деньги, искусныхъ офицеровъ и генерала *Дюмурье* для предводительства надъ конфедератами. Сверхъ того французское правительство, чрезъ своего посла при Оттоманской Портѣ, склонило султана турецкаго *Мустафу III* къ войнѣ съ Россіей, чтобъ отвлечь силы этой державы отъ защиты диссидентовъ.

Отряды русскаго войска, гоняясь за конфедератами по всему пространству Польши, загнали одну шайку ихъ въ пограничное татарское мѣстечко *Балту*, и по военной неосторожности сожгли это мѣстечко. Маловажный этотъ случай былъ поводомъ, по которому турецкій султанъ, яко верховный покровитель татаръ, въ 1768 году объявилъ войну Россіи.

Начавши воевать съ Турціей, Екатерина II приказала отряду своего войска, дѣйствовавшему въ Польшѣ противъ конфедератовъ, возвратиться въ Россію; но Станиславъ-Августъ упросилъ императрицу оставить при немъ нѣсколько полковъ, тѣмъ болѣе что барскіе конфедераты уже объявили его — ***лишеннымъ польскаго престола!!***

Давно уже существовало въ Европѣ всеобщее убѣжденіе о невозможности существовать Польшѣ при такомъ безпокойномъ и буйномъ характерѣ ея жителей. Еще въ царствованіе Сигизмунда III, эта мысль родилась въ умѣ молдавскаго господаря

о чемъ не рѣдко свидѣтельствуютъ собственные ихъ документы о дворянствѣ и метрика предковъ ихъ.

Михаила; а теперь эта мысль часъ отъ часу болѣе и болѣе дѣлалась настоятельнымъ требованіемъ времени. Даже и султанъ турецкій понималъ эту *невозможность существованія*, и въ 1770 году предлагалъ австрійскому посланнику *Тугуту* свергнуть, общими силами, Станислава-Августа съ престола, и раздѣлить Рѣчь Посполитую между Австріей и Турціей.

Со всѣхъ сторонъ была чувствуема потребность рѣшительныхъ мѣръ. Барскіе конфедераты, видя безуспѣшность своего приговора о низведеніи Станислава-Августа съ престола, *рѣшили по своему:* 3 го ноября 1771 года напали на короля среди улицы, схватили его, и хотѣли было увезти изъ Варшавы. Но онъ почти чудомъ спасся изъ рукъ своихъ убійцъ, получивши только рану въ голову.

Что оставалось тогда дѣлать сосѣднимъ государствамъ, смотря на такое неистовство подданныхъ противъ своего короля?.. *Пруссія и Австрія*, хотя жестоко и больно, но достойно и праведно *рѣшили: раздѣлить Польшу между собою!*

Рѣшительная мысль о раздѣлѣ этой несчастной страны, *не умѣвшей существовать*, теперь вышла изъ головы *Фридриха II-го короля прусскаго*, который склонилъ къ тому же и *австрійскую императрицу Марію-Терезію*. Оставалось только склонить третьяго сосѣда, россійскую императрицу, которая тогда блистательнымъ образомъ кончила войну съ Турціей, и въ вознагражденіе военныхъ издержекъ хотѣла присоединить къ Россіи Молдавію и Валахію. Австрійскому Двору чрезвычайно непріятно было предстоявшее присоединеніе дунайскихъ княжествъ къ Россіи; а потому нѣмцы и начали стараться, чтобъ Россія, вмѣсто Молдавіи и Валахіи, согласилась присоединить къ себѣ часть Польши.

Первое раздѣленіе Польши началось съ того, что Марія-Терезія повелѣла своимъ войскамъ занять польскую область—*староство Спижское* съ соляными копями *Велички* и *Бохніи*, подъ тѣмъ предлогомъ, что оно нѣкогда составляло часть венгерскаго королевства, принадлежавшаго теперь Австріи. А король прусскій ввелъ свои войска въ *воеводства Кульмское и Познанское*, подъ предлогомъ кордона для охраненія своихъ областей отъ свирѣпствовавшей тогда моровой язвы, и вслѣдъ за тѣмъ отправилъ въ С.-Петербургъ брата своего Генриха убѣждать Екатерину II, чтобъ и она согласилась на раздѣлъ Польши.

Екатерина видѣла, что между Австріей и Прусіей это дѣло уже улажено. Противиться имъ значило бы—начать съ ними войну изъ-за Польши. *Россійская императрица позже всѣхъ согласилась, и при томъ не на совершенное уничтоженіе и раздѣленіе Польши, какъ хотѣли того Австрія и Пруссія, но только на отдѣленіе отъ нея нѣкоторыхъ провинцій:* эти слова нужно бы ставить вмѣсто эпиграфа надъ сочиненіями тѣхъ современныхъ, рьяныхъ публицистовъ польскихъ, которые, плохо зная исторію своего отечества, кричатъ, что Россія погубила Польшу.

И такъ—договоромъ 25 Іюля 1772 года было постановлено: 1) къ Россіи отдѣлить древнее достояніе ея, землю между Днѣпромъ, западною Двиною и Дручемъ, или такъ—называемую *Бѣлоруссію,* 2) къ Австріи—Галицію, 3) къ Пруссіи—Померанію, за исключеніемъ Гданска и Торна, и часть Великой Польши до рѣки Нетцы. Постановленіе это было объявлено варшавскому Двору; а Станиславъ—Августъ имѣлъ прискорбную обязанность объявить о томъ Сейму, который послѣ безполезнаго сопротивленія и криковъ, принужденъ былъ въ 1775 году окончательно согласиться на принятіе этаго наказанія отъ промысла Божія за свои безпорядки, самоуправство, и за униженіе власти своего короля. Отъ Польши отошло 3,925 квадратныхъ миль земли, а осталось еще у нея болѣе 10 тысячъ миль съ 8-ю милліонами народонаселенія. Всѣ три союзники ручались въ неприкосновенности остальныхъ ея областей, однакожъ *съ условіемъ, ежели поляки не будутъ притѣснять диссидентовъ.* Охраненіе Польши приняла на себя Екатерина II.—Порядокъ правленія, съ согласія самыхъ поляковъ, былъ установленъ такой: a.) право избирать короля осталось въ прежней своей силѣ; b) положено было выбирать короля только изъ потомковъ Пяста; c) дѣла рѣшать на сеймѣ единогласнымъ приговоромъ; d) при королѣ быть непремѣнному совѣту, подъ его предсѣдательствомъ, изъ нѣсколькихъ сенаторовъ по выбору сейма; e) диссидентамъ была предоставлена свобода богослуженія, съ правомъ поступать въ государственную службу и также въ депутаты сейма; f) войску польскому состоять изъ 30 тысячъ человѣкъ.

Хотя въ этой конституціи, какъ и во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, были свои недостатки, но не смотря на то, *Польша* съ этою конституціей, отъ 1775 до 1788 годъ, *въ продол-*

женіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ наслаждалась тишиною, безпримѣрною въ ея исторіи!—Промышленность и науки проснулись въ ней. Станиславъ—Августъ учредилъ кадетскій корпусъ, *котораго ни одинъ король неуспѣлъ учредить, хотя каждый обѣщалъ при возшествіи на престолъ.* Сверхъ того король—всѣ фундуши уничтоженнаго тогда ордена іезуитовъ обратилъ на воспитаніе юношества. Варшава украсилась прекрасными зданіями. Для соблюденія правосудія, канцлеръ *Замойскій*, по порученію короля, занялся новымъ собраніемъ законовъ. Польская литература, подъ перомъ *Нарушевича*, *Красицкаго* и другихъ писателей, начала обращать на себя вниманіе Европы.

Еслибы Польша продолжала такимъ образомъ, подъ родственнымъ покровительствомъ Россіи, совершенствовать свой внутренній бытъ, она скоро достигла бы цвѣтущаго состоянія, и исподоволь моглабы поправлять свою конституцію. Но. . у славянъ всегда было много недоброжелателей, которые, для своихъ выгодъ, всегда ссорили ихъ между собою и недопускали ихъ до соединенія и дружбы. Начиная съ Карла Великаго, который дѣйствительно былъ *великимъ* недоброжелателемъ всей славянщины, императоры нѣмецкіе Оттонъ I, Оттонъ III, Генрихъ II, и многіе другіе позднѣйшіе императоры, постоянно сѣяли раздоръ между славянами и старались или онѣмечить ихъ, или окатоличить, или по крайней мѣрѣ поддерживать между ними взаимную вражду, чтобъ не дать имъ соединиться въ *одно цѣлое*, страшное для германскаго міра. Въ слѣдствіе такого враждебнаго противъ Россіи направленія, сообщеннаго полякамъ отъ нѣмцовъ, польскій сеймъ собравшійся въ концѣ 1788 года началъ оскорблять россійскую императрицу: отказалъ въ свободномъ переходѣ русскаго войска чрезъ польскія владѣнія въ Молдавію и Валахію, по случаю бывшей тогда новой войны у Россіи съ Турціей,—не давалъ продовольствія этой арміи вопреки обѣщанію и договору,—и сверхъ того, вмѣсто установленнаго числа 30 тысячъ, увеличилъ польское войско до 100 тысячъ человѣкъ. Этого мало: сеймъ заключилъ даже, противъ Россіи, союзъ съ королемъ прусскимъ, державшимъ сторону Турціи, и даже съ Турціей вошелъ сеймъ въ переговоры, желая помочь ей въ войнѣ съ Россіей.—

Приготовившись такимъ образомъ къ возстанію противъ Россіи, безъ всякаго повода съ ея стороны, поляки сочинили и

обнародовали новую *конституцію 3-го Мая 1791 года*, по которой наслѣдство польскаго престола, послѣ будущей смерти Станислава—Августа, должно было перейти въ домъ саксонскаго курфирста; дѣла вершить положено было по большинству голосовъ, а liberum veto было уничтожено, и непремѣнный совѣтъ при королѣ такъ же былъ уничтоженъ.—Въ этой конституціи было, безъ сомнѣнія, много добра, *но добра преждевременнаго и насильственнаго*, которое въ политикѣ почитается великимъ зломъ. Уничтожить безумное liberum veto и сдѣлать свой престолъ наслѣдственнымъ, Польша легко могла бы въ свое время, не раздражая Россію и не предпринимая противъ нея войны.—

Конституція 3-го маія раздѣлила Польшу на двѣ взаимно-враждебныя части: одна часть восхищалась ею и стояла за нее грудью, другая ненавидѣла ее отъ души. Члены одного и того же семейства были раздѣлены въ мнѣніяхъ по этому предмету: такимъ образомъ *Игнатій Потоцкій* былъ главнымъ виновникомъ и приверженцемъ этой конституціи, а братъ его *Феликсъ Потоцкій*—непримиримымъ врагомъ ея. Къ Феликсу Потоцкому присоединились *Северинъ Ржевускій*, гетманъ *Браницкій* и многіе другіе паны, и въ городѣ *Тарговицахъ* составили вооруженную конфедерацію; а въ Вильнѣ составилась другая такая же конфедерація.—Въ слѣдствіе просьбы тарговицкихъ конфедератовъ, россійская императрица приказала своему войску вступить въ польскіе предѣлы. А Франція, Австрія и Пруссія поддерживали другую сторону Польши: прусскій король даже обѣщалъ объявить отъ себя войну Россіи, *если только поляки уступятъ ему Гданскъ и Торнъ*. Когда же поляки отказали ему въ томъ, то онъ—*заключилъ противъ Польши союзъ съ петербургскимъ кабинетомъ, и свои войска такъ же двинулъ въ польскіе предѣлы*.—Франція, сама тогда погибала отъ своей революціи, и только пышными фразами хвалила распоряженія польскаго сейма, но помощи не прислала, *а Австрія, подобно Пруссіи, соединилась съ Россіей*.—Такимъ образомъ—*совѣтники Польши*, вооружившіе ее противъ Россіи, *не только оставили ее одну безъ помощи, но еще и сами перешли на сторону той державы, противъ которой вооружили ее*....

Отряды поляковъ не могли долго противиться русскому вой-

ску, и были разбиты по частямъ въ два мѣсяца. Станиславъ-Августъ просилъ пощады, и самъ присоединился къ торговицкимъ конфедератамъ: примѣру короля послѣдовали сенаторы и депутаты сейма, кромѣ *Игнатія Потоцкаго, Колонтая Заіончека* и не многихъ другихъ.—Подъ предсѣдательствомъ короля, наконецъ 6-го іюня 1793 года былъ составленъ *въ Гродно* новый сеймъ для устройства Польши.—

Екатерина II, убѣдясь опытомъ, что Польша неумѣетъ пользоваться благодѣяніями мира и ея покровительства, нашлась въ необходимости возвратить ее въ тѣ границы, въ какихъ она была до соединенія своего съ великимъ княжествомъ русско-литовскимъ, т. е. разорвала ту насильственную связь, посредствомъ которой Польша, въ прежніе годы, привязала къ себѣ древнюю часть Россіи, наслѣдіе св. Владиміра—русскія древнія княжества, оставшіяся навсегда русскими, какъ ни старалась Польша полонизировать ихъ и окатоличить. Въ слѣдствіе сего, гродненскій сеймъ 11/22 іюля долженъ былъ согласиться на *второй раздѣлъ Польши*, по которому *Волынская* область, *Подольская* и *Минская* были возвращены Россіи; а Пруссія, *при этомъ удобномъ случаѣ*, получила то, о чемъ давно хлопотала—Великопольскія воеводства съ городами *Гданскомъ* и *Торномъ*. Отдѣленіе отъ Польши и возвращеніе къ Россіи древнихъ русскихъ областей, *волынской, подольской* и *минской*, было для Польши важнымъ историческимъ урокомъ, изъ котораго она должна была бы научиться, что *безъ соединенія съ Русью она никогда не могла и не можетъ существовать, но если и въ соединеніи съ Русью она, по необузданному самолюбію, захотѣла бы взять на себя непринадлежащую и неприличную ей роль старшей сестры, то и это ни къ чему другому не повело бы, только развѣ къ окончательному и совершенному ея уничтоженію.*

Послѣ втораго раздѣла, королевство польское имѣло только 4 тысячи квадратныхъ миль пространства и около четырехъ милліоновъ жителей. Прежній порядокъ правленія и непремѣнный совѣтъ при королѣ былъ возстановленъ, и положено было содержать Польшѣ постояннаго войска 15 тысячь человѣкъ. Для водворенія порядка въ королевствѣ, была оставлена въ немъ, на нѣкоторое время, часть русскаго войска, подъ командою генерала *Игельстрома*.—

Вмѣсто должнаго смиренія предъ наказывающею и вразумляющею десницею промысла, и вмѣсто раскаянія въ своихъ политическихъ грѣхахъ и неустройствахъ, Польша пришла въ отчаяніе, и всю ненависть свою обратила теперь на Россію, которая менѣе всѣхъ виновна была въ ея несчастіи, и съ 1775, по 1788 годъ искренно старалась поддержать самобытность ея. Сама существенная причина раздѣленія Польши заключалась въ несчастномъ [чтобъ не сказать безумномъ] образѣ правленія ея, не допускавшемъ никакого благоустройства [rzecz pospolita, ale razem i królestwo!!!],—въ фанатизмѣ духовенства ея, желавшаго истребить съ лица земли Христіанскую Греко-восточную вѣру,—и въ самоправствѣ ея магнатовъ и шляхты, не уважавшихъ своего короля. Второю *орудною,* причиною—были берлинскій и вѣнскій кабинеты, первоначально рѣшившіе судьбу Польши, безъ предварительнаго сношенія съ петербургскимъ кабинетомъ, а потомъ своими интригами вооружившіе ее противъ Россіи. Впрочемъ поляки не должны забывать, что при раздѣленіи Польши, Россія взяла у нея *не польскія провинціи населенныя польскимъ народомъ*, но свои древнія *русскія области съ русскимъ народомъ, съ русскимъ языкомъ и русскою вѣрою*. Русскій народъ этихъ провинцій благословлялъ свою судьбу, избавившись отъ поляковъ и возвратившись въ свое отечество—единокровную и единовѣрную себѣ Россію. *Козацкія войны* прошлаго времени давно уже приготовляли отпаденіе этихъ областей отъ Польши.—Не такова была судьба *польскихъ провинцій*, доставшихся нѣмцамъ.

Польша, къ удивленію и къ сожалѣнію, не угадала, *кто* былъ и *что* было причиною раздѣленія ея, равномѣрно не угадала и тѣхъ спасительныхъ средствъ, какими, послѣ двухъ раздѣловъ, она моглабы еще сохранить свою самобытность: она ухватилась за совершенно-противоположныя средства. О несчастномъ ея состояніи ближе всего напоминалъ ей видъ отряда русскаго войска, квартировавшаго въ Варшавѣ и въ окрестностяхъ ея, для водворенія спокойствія: поляки *рѣшились вырѣзать этотъ отрядъ*, и—*временемъ для этого братоубійства избрали страстную седмицу великаго поста*!! напали на русскихъ солдатъ врасплохъ на ихъ квартирахъ, и *зарѣзали ихъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ:* отчаянная, безполезная и чрезвычайно вредная мѣра! Истребивши двѣ тысячи русскихъ, они чрезъ это

еще неистребили всю русскую армію, но только сами на себя накликали справедливое мщеніе Россіи.—Нашлись же писатели, впрочемъ не польскаго, кажется, но нѣмецкаго происхожденія [*Фалькенштейнъ*, *Форстеръ*, и др.] которые и это ужасное братоубійство не стыдятся называть *»священнымъ долгомъ любви къ отечеству*, и *даже болѣе священнымъ (plus sacré)*, *нежели поклоненіе страстямъ Господнимъ.«* »Это было въ страстную пятницу—пишутъ они—и въ этомъ день уже не христіанство, но *свобода была религіей поляковъ.«* ([1]) Удивительно ли, что потомки такихъ братоубійцъ, наставляемые подобными учителями, и теперь не боятся богохольствовать—призывая религію и употребляя крестъ Спасителя для освященія своихъ постыдныхъ манифестацій противъ Россіи? Безъ всякой желчи говоримъ объ этомъ, по единственно изъ состраданія къ заблуждающимъ.

Истребленіе отряда Игельстрома было началомъ всеобщаго возстанія Польши, предводителемъ котораго съ званіемъ диктатора, былъ объявленъ *Ѳаддей Костюшко*, храбрый литвинъ, съ рѣдкими качествами ума и сердца, и достойный лучшаго поприща, нежели на какое довелось ему выступить.

Костюшко вооружилъ польскій народъ, и выступилъ первоначально противъ прусскаго войска, которое *первое вошло въ Польшу и осадило Варшаву.—Домбровскій*, возмутивши познаньскую область въ тылу прусаковъ, заставилъ ихъ отступить отъ Варшавы.—Возстаніе распространилось по всей Польшѣ, охватило литву, поколебало Волынь, грозило Бѣлоруссіи, и даже приближалось къ берегамъ Днѣпра. Впрочемъ »*повстанцы*« торжествовали не долго. Кровь русскихъ воиновъ, убитыхъ въ Варшавѣ, вопіяла объ отмщеніи. Екатерина II выслала въ Польшу свое войско, подъ командою *Суворова* и *Ферзена*, и приказала возстановить въ ней спокойствіе.—Суворовъ съ своимъ

---

[1]) C'etait le vendredi saint. En ce jour les Polonais visitent d'habitude pieu sement dans les églises le sépulcre du Seigneur, et un morne silence régne dans la ville entiere. Mais cette fois c'est la voix du pays, qui appelle les habitants au dehors, et de même que ta foi catholique remplissait jusque – la tous les instants d'une journée aussi solennelle, plus sacré peut- etre est encore pour eux le devoir de defendre contre l'ennemi les femmes, les enfants, le foyer domestique et la patrie. En ce jour leur religion est– la libérté. *Pologne, par M. Charles Forster*, стран. 154, 155.

отрядомъ, состоявшимъ изъ 7 тысячъ человѣкъ, быстро прошелъ всю Волынь и обезоружилъ нѣсколько десятковъ тысячъ повстанцовъ, не проливши капли крови. Потомъ подъ Брестомъ напалъ онъ на отряды *Сѣраковскаго* и *Макрановскаго* и разбилъ ихъ на голову; послѣ сего онъ спѣшилъ соединить свой отрядъ съ отрядомъ Ферзена, чтобъ вмѣстѣ идти въ Варшаву. Но Костюшко рѣшился недопустить эти отряды до соединенія, и $\frac{30 \text{ Сент.}}{10 \text{ Окт.}}$ 1794 года, при *Мацѣовичахъ* (12 миль отъ Варшавы) вступилъ съ Ферзеномъ въ отчаянный бой. Поляки показали необыкновенную храбрость, достойную лучшей цѣли и участи, но—были разбиты на голову; при чемъ и Костюшко попалъ въ плѣнъ. Бросивши свою саблю, онъ съ горестью сказалъ: finis Poloniae!.. Поляки, какъ »*добрые католики*,« не могутъ не вѣрить въ безсмертіе и въ продолжающуюся за гробомъ любовь усопшихъ братій къ земной отчизнѣ. Неужели же они и своего благороднаго Костюшка хотѣли бы сдѣлать лжецомъ? Неужели же еще не finis?...

Соединившись съ Ферзономъ, Суворовъ подступилъ къ Прагѣ; три дня только приготовлялся, и $\frac{24 \text{ Окт.}}{3 \text{ Ноябр.}}$ 1794 года взялъ ее приступомъ, послѣ кровопролитной битвы, продолжавшейся только 4 часа.—Послѣ сего, главные зачинщики польскаго возстанія, клявшіеся своимъ согражданамъ погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, *бѣжали за границу, похитивши казну, собранную съ обманутаго народа:* безъ сомнѣнія, ими руководило извѣстное іезуитское правило: prima charitas ab ego. Въ Варшавѣ остался только несчастный король, вѣрный своему долгу.—Варшава сдалась на капитуляцію; за нею покорилась и остальная Польша.—

$^{15}/_{25}$ Ноября 1795 года Станиславъ—Августъ отказался отъ польскаго престола; а вслѣдъ за нимъ и бывшій вассалъ Польши, Курляндскій герцогъ *Петръ Биронъ* отказался отъ своего достоинства.—Польша дошла до невозможности управлять собою и быть независимою,—такъ точно какъ человѣкъ впавшій въ разстройство умственныхъ силъ, которому связываютъ руки, и котораго, со всѣмъ его имѣніемъ, отдаютъ на попеченіе родственникамъ или сосѣдямъ —Бывали примѣры, что подобные люди иногда выздоравливаютъ; но вообще они всегда ненадежны и опасны, и выздоровленіе ихъ всегда подозрительно.—

Австрія, Пруссія и Россія окончательно раздѣлили *больную*

Польшу слѣдующимъ образомъ: области *Литовская* и *Гродненская* и сверхъ того *Курляндія* были присоединены къ Россіи; воеводство *Краковское*. *Сендомірское* и *Люблинское*—къ Австріи; а остальная часть Польши съ городомъ Варшавой—къ Пруссіи.—Жители всѣхъ, присоединенныхъ къ Россіи, областей были совершенно сравнены въ своихъ правахъ съ прочими жителями Имперіи: полная свобода вѣроисповѣданія была предоставлена всѣмъ.—Въ началѣ 1796 года австрійцы заняли Краковъ, а прусаки Варшаву.—

Станиславъ—Августъ выѣхалъ сперва въ Гродно, а потомъ въ С.-Петербургъ. гдѣ получалъ приличное содержаніе до смерти, постигшей съ $\frac{24\ \text{Генв}}{2\ \text{Февр.}}$ 1798 года, на 66-мъ году его несчастной жизни.—Надобно сохранить для потомства слѣдующую характеристическую черту изъ послѣднихъ годовъ жизни короля: у него осталось много бланковъ для патентовъ на ордена св. Станислава и Бѣлаго Орла. Приближенные, пользуясь старостью и слабостью экс-короля, открыли—было въ Петербургѣ особенный родъ торговли: продавали полякамъ патенты на ордена, за подлиннымъ подписомъ и печатью королевскою. Бывшіе сыны Рѣчи Посполитой, стоявшіе грудью за »равенство и неподлеглость,« съ жадностью покупали себѣ эти патенты, надѣвали ленты и звѣзды, и прегордо подписывались »*кавалеры ордеровъ*«...

Послѣ окончательнаго раздѣленія Польши, имя ея, съ 1796 по 1807 годъ, было исключено изъ географіи.—Вся Европа была наполнена польскими эмигрантами, которые были похожи на *овецъ неимѣющихъ пастыря*. Наконецъ эмигранты начали строиться въ легіоны, и примкнули къ французской революціи, которая на своихъ кровавыхъ волнахъ выносила простыхъ солдатъ на степень маршаловъ и герцоговъ, а одного артиллерійскаго поручика вознесла сперва на высокое мѣсто перваго консула французской республики, потомъ и—на императорскій престолъ! Это было необыкновенное время, допущенное Богомъ для наказанія и вразумленія людей. *Наполеонъ Бонапарте* сперва произвольною рукой обращалъ завоеванныя имъ государства въ республики, а потомъ, сдѣлавшись императоромъ, изъ республикъ дѣлалъ королевства, и подобно судьбѣ перемѣнялъ, уничтожалъ и возстановлялъ государства. Можно ли было и полякамъ не увлечься надеждою, что творецъ Голландскаго, Веетфальскаго,

Италіанскаго, Баварскаго и Саксонскаго королевствъ можетъ, однимъ почеркомъ пера, возстановить и Польское королевство?...

Поляки съ благоговѣніемъ и надеждою смотрѣли на Наполеона и были готовы пролить за него свою кровь до послѣдней капли, лишь бы онъ возстановилъ отечество ихъ. Когда онъ, бывши еще консуломъ, послалъ къ Сентъ-Доминго экспедицію съ 30 тысячами войска, подъ начальствомъ зятя своего *Леклерка*; то въ это войско поступило очень много поляковъ, изъ которыхъ немногіе возвратились въ Европу. Послѣ того гибли поляки въ Испаніи, сражаясь, въ рядахъ французскаго войска, за честолюбивую мысль Наполеона посадить на испанскомъ престолѣ одного изъ своихъ братьевъ. Но главное поприще для воинственной дѣятельности поляковъ открылось во время войны Наполеона съ Пруссіей въ 1806 и 1807 годахъ. Послѣ *іенской побѣды* ²/₁₄ Октября 1806 года, Наполеонъ, завоевавши всю почти Пруссію, взволновалъ Польшу, желая поставить ее противъ Россіи, защищавшей Пруссію. *Янъ-Генрихъ Домбровскій* и *Іосифъ Вибицкій*, въ угодность Наполеону, сдѣлали воззваніе къ польскому народу, приглашая его къ поголовному вооруженію, чтобы подъ командою *Костюшки* возстановить свое отечество. Хотя Костюшко, по слабости здоровья, и отказался принять начальство, но не смотря на то, поляки сформировали четыре полка въ Познани и примкнули къ французской арміи.— Подъ *Пултускомъ* и *Голыминомъ* поляки сражались противъ русскихъ; но послѣ этихъ сраженій, не удовлетворившихъ Наполеона, онъ принужденъ былъ отвести свое войско на зимнія квартиры и самъ съ досадою возвратился въ Варшаву.—Сраженіе при *Прейсишъ-Эйлау* $\frac{27 \text{ Генв}}{8 \text{ Февр.}}$ 1807 года такъ же неудовлетворило Наполеона. Хотя же онъ, вслѣдъ за тѣмъ, и одержалъ надъ русскими побѣду подъ *Фридландомъ*, но эта побѣда слишкомъ дорого стоила ему, и онъ рѣшился покамѣстъ примириться съ россійскимъ императоромъ Александромъ 1-мъ 25 Іюня 1807 года въ *Тильзитѣ*. Александръ 1-й, вооружившись для спасенія Пруссіи, успѣлъ отстоять самобытность этаго королевства, которое Наполеонъ хотѣлъ—было исключить изъ числа европейскихъ державъ. Но при этомъ случаѣ императоръ французовъ отдѣлилъ отъ Пруссіи тѣ области, которыя она съ 1772 года присоединила къ себѣ отъ бывшаго польскаго королевства, и изъ нихъ

составилъ *варшавское герцогство*, въ зависимости отъ новопожалованнаго тогда изъ курфирстовъ *саксонскаго короля*, вѣрнаго своего союзника. Поляки восхищались, получивши *нѣчто* похожее на самобытность подъ именемъ *герцогства*, пространствомъ въ 1,800 квадратныхъ миль: надежда сулила имъ впереди гораздо больше, хотя Наполеонъ тогда же въ Тильзитѣ далъ слово императору Александру не расширять этого герцогства и не содѣйствовать къ возстановленію польскаго королевства.

Въ апрѣлѣ 1809 года австрійскій императоръ, выведенный изъ терпѣнія властолюбіемъ Наполеона, въ четвертый разъ поднялъ противъ него оружіе; но будучи побѣжденъ отъ него при *Ваграмѣ* 6-го іюля, принужденъ былъ заключить съ нимъ мирный трактатъ, по которому отказался отъ многихъ своихъ владѣній—въ томъ числѣ и отъ западной части Галиціи, т. е. отъ воеводствъ *подляхскаго*, *люблинскаго* и *сендомірскаго*. Всѣ три эти воеводства Наполеонъ, вопреки своему слову, присоединилъ къ варшавскому герцогству, расширившиего такимъ образомъ на 2,700 квадратныхъ миль пространства. Поляки пришли въ энтузіазмъ, и уже мечтали о возвращеніи къ нимъ всей Литвы и Волыни. Въ слѣдствіе чего, петербургскій кабинетъ требовалъ отъ Наполеона формальнаго обязательства, что онъ, согласно прежнему своему обѣщанію, не будетъ болѣе обольщать поляковъ несбыточными мечтами. Наполеонъ уполномочилъ посла своего въ П-бургѣ, *Коленкура*, увѣрить русское правительство что онъ не только не думаетъ о возстановленіи Польши, но «*даже согласенъ самое имя ея истребить изъ актовъ и исторіи*,»—однакожъ онъ не утвердилъ договора, заключеннаго Коленкуромъ.—Замышляя войну противъ Россіи, Наполеонъ хотѣлъ привязать къ себѣ поляковъ для того только, чтобъ въ ихъ странѣ имѣть для себя постоянное депо рекрутовъ; а поляки въ своемъ заблужденіи думали, что онъ будетъ спасителемъ ихъ, и — съ неописаннымъ восторгомъ услышали наконецъ о разрывѣ Наполеона съ Александромъ.

Началась необыкновенная, страшная война 1812 года.— При нашествіи Наполеона на Россію съ 700-тысячною арміей, составленною изъ двадцати побѣжденныхъ имъ народовъ, варшавское герцогство вооружилось поголовно, и, не смотря на свои скудныя средства, доставило Наполеону 80 тысячъ храбрыхъ

воиновъ, подъ командою *Іосифа Понятовскаго*, племянника послѣдняго короля польскаго.—Поляки дрались съ русскими подъ стѣнами *Смоленска* и на поляхъ *Бородина*, потомъ въ занятой Наполеономъ *Москвѣ* усердно помогали французамъ истреблять священные предметы народнаго русскаго благоговѣнія. Варшава блистательно торжествовала Наполеоновы побѣды, какъ будто свои собственныя, но.... такое торжество продолжалось не долго.

Наполеонъ, попавши въ сѣти, разставленныя ему *Кутузовымъ*, не зналъ что ему дѣлать въ Москвѣ, и самъ предложилъ Россіи миръ. Но Императоръ Александръ I объявилъ, что онъ дотолѣ не положитъ оружія, пока хоть одинъ вооруженный непріятельскій воинъ будетъ въ Россіи. Послѣ напрасныхъ переговоровъ о мирѣ, Наполеонъ вышелъ изъ Москвы и изъ Россіи обратно во Францію, растерялъ по дорогѣ всю свою армію, которая была истреблена русскими штыками, холодомъ и голодомъ, и какъ бѣглецъ возвратился во Францію. Вслѣдъ за нимъ, Александръ I повелъ свое войско за границу, чтобъ подписать миръ въ Парижѣ.—Вся Германія, вооруженная Наполеономъ противъ Россіи, отстала отъ него и вошла въ союзъ съ россійскимъ императоромъ; но Наполеонъ успѣлъ еще собрать новую армію въ 300 тысячъ человѣкъ, и опять выступилъ противъ Александра. Послѣ многихъ нерѣшительныхъ сраженій на поляхъ Германіи, наконецъ вся Европа, подъ предводительствомъ двухъ своихъ представителей, Александра и Наполеона, раздѣлившись на двѣ арміи, вступила въ отчаянную битву при *Лейпцигѣ*. Ужасный бой продолжался три дня (4, 6 и 7 октября 1813 г.); наконецъ—Наполеонъ былъ разбитъ и бѣжалъ съ поля битвы. Остатки польскаго войска пребыли вѣрны ему, а предводитель ихъ, храбрый Понятовскій, при переправѣ чрезъ рѣку *Эльстеръ*, запечатлѣлъ безполезную свою храбрость смертью своею.

1814 годъ, подобно двумъ предъидущимъ годамъ, былъ такъ же исполненъ кровавыхъ битвъ и кровавой славы. Послѣ неимовѣрныхъ усилій, наконецъ союзные государи принудили Наполеона отречься отъ французскаго престола, и занялись благоустройствомъ Европы, въ которой все было взволновано, какъ будто послѣ урагана.—Польское войско, сражавшееся за Наполеона, осталось теперь *безъ предводителя*, *безъ отечества*,

и безъ всякой цѣли. Александръ Благословенный сжалился надъ этими храбрыми, но *заблудшими* единоплеменниками своими, принялъ это войско подъ свое покровительство и поручилъ въ начальство брату своему, цесаревичу Константину.

Варшавское герцогство такъ же незнало, что съ нимъ будетъ. Судя по естественнимъ слѣдствіямъ войны и побѣды, поляки ожидали, что отъ нихъ потребуютъ величайшей контрибуціи, нарядятъ надъ ними судъ и военную расправу, которая кончится казнью, или по крайней мѣрѣ ссылкою многихъ изъ нихъ. Они ожидали еще худшей участи, думая, что союзные государи раздѣлятъ герцогство на три части между собою. А потому депутаты отъ всѣхъ воеводствъ герцогства, тайно отъ нѣмцовъ, пришли ночью къ императору Александру, *пали предъ нимъ на колѣни, хватали цѣловать ноги его, и со слезами просили его, чтобъ онъ не отдавалъ ихъ нѣмцамъ, но чтобъ принялъ Польшу въ нераздѣльный составъ россійской Имперіи.* (¹) Минута торжественная, монументальная, и едвали не единственная въ исторіи польскаго народа! Жаль только, что такія минуты слишкомъ кратковременны, скоро забываются, и рѣдко повторяются. (²)

Великодушный Александръ рѣшился *воскресить Польшу*, хотя, къ сожалѣнію, надобно признаться, что обыкновенные люди, хотябы даже и цари, не имѣютъ небеснаго дара *и божественной силы воскрешать умершихъ....*

Въ концѣ 1814 года начался въ Вѣнѣ великій *конгресъ* изъ государей и ихъ уполномоченныхъ. Надобно было перестроить Европу послѣ того всеобщаго разстройства, въ которое привелъ ее Наполеонъ. Между многими предметами конгресса не послѣднее мѣсто занималъ вопросъ о Польшѣ: *быть ли ей, или не* быть? Австрійскій и англійскій уполномоченные предложили раздѣлить варшавское герцогство на три равныя части между Австріей, Пруссіей и Россіей; но Александръ 1 велѣлъ объявить конгрессу, что министры могутъ, какъ имъ угодно, дѣлить Польшу,—

(¹) Это событіе въ связи съ другими обстоятельствами достойно вниманія для насъ, потому что оно было причиною, что юго-западная Россія была оставлена въ прежнемъ положеніи до 1831 г.

(²) Очевидный свидѣтель этой *минуты*, покойный канцлеръ, графъ Н. П. Румянцовъ разсказывалъ объ этомъ своимъ приближеннымъ, отъ которыхъ и мы слышали.

только напередъ надобно *вынать* оттуда русскія войска. Австрія, Франція, Англія и нѣкоторыя нѣмецкія державы, забывши, *чѣмъ* они обязаны своему благодѣтелю, императору Александру, во время того же конгресса составили между собою отдѣльный тайный договоръ, чтобъ общими силами не допустить соединенія Польши съ Россіей. (Теперь, когда уже прошло почти полстолѣтія отъ этого договора, не знаешь: радоваться ли, или сѣтовать должно на то, что эти державы не успѣли настоять на исполненіи своего намѣренія.) Александръ исполнилъ то, что обѣщалъ полякамъ, и—варшавское герцогство (за исключеніемъ Познаньской области, отшедшей къ Пруссіи, и Кракова объявленнаго вольнымъ городомъ) было присоединено къ Россіи подъ именемъ *королевства*, или говоря правильнѣе по—славянски, подъ именемъ *царства* польскаго. ([3]) Вѣнскій конгрессъ рѣшилъ, что *царство Польское присоединяется къ Россійской имперіи съ неограниченнымъ правомъ всероссійскаго императора дать ему учрежденіе такое, какое онъ самъ* заблагорасудитъ.—

Александръ Благословенный имѣлъ полное право, раздѣливши Польшу на нѣсколько русскихъ губерній, сплотить ее въ одно тѣло съ Россіей,—и благоразумнѣйшіе поляки, какъ это ни горько было имъ, сами тогда по—тихоньку признавались, что въ этомъ состояло единственное средство сдѣлать ихъ счастливыми—хотя бы даже противъ ихъ воли. Но—Александръ даровалъ полякамъ, 12 Декабря 1815 года, *учредительную хартію;* и хотя за это получилъ отъ нихъ единогласное названіе »*воскресителя Польши*,« однако въ самомъ этомъ названіи поляки сами себѣ произнесли приговоръ: ибо мертвые воскреснутъ нѣкогда только на страшный судъ Божій, *а иначе теперь невоскресаютъ*.—Какъ бы то ни было, но поляки сами себѣ почти не вѣрили отъ радости и восторга, получивши новое бытіе.—

Александръ I отказался отъ всѣхъ *коронныхъ имѣній*, принадлежавшихъ лично ему, какъ королю польскому, и обратилъ ихъ въ государственныя; равномѣрно и всѣ доходы царства предоставилъ въ пользу Польши. Для учрежденія въ Польшѣ *національнаго банка*, онъ даровалъ свои собственные капиталы,

---

([3]) Слово *король* kral, król, произошло отъ имени *Карла* Великаго (Carolus). Собственное имя сдѣлалось нарицательнымъ.—

и тѣмъ содѣйствовалъ быстрому развитію всѣхъ отраслей промышленности. Устроилъ въ Польшѣ армію, арсеналъ, университетъ, гимназіи и *обводовыя* училища.—Поля, осушенныя каналами, покрылись въ Польшѣ богатою жатвою; села и города обстроились; и по всему пространству царства возникли фабрики; обиліе и довольство сдѣлались въ царствѣ повсемѣстны. Законы, дарованные Александромъ, водворили въ Польшѣ правосудіе, тишину, и всеобщую безопасность. ***Въ 10 лѣтъ царствованія Александра благословеннаго народонаселеніе царства польскаго почти удвоилось.*** [1])

На исторіи позднѣйшаго времени лежитъ обязанность разсказать: *какъ* воспользовалась Польша такимъ благосостояніемъ подъ мирною сѣнью своей единоплеменницы—Россіи, и *какъ* она опередила и превзошла *даже* Австрію въ *благодарности* за благодѣянія.

Таже исторія должна будетъ разрѣшить и слѣдующій мудрёный вопросъ: что это—за народъ такой русскій, который все терпитъ и переноситъ отъ своихъ недоброжелателей, и неблагодарность и клевету, и ненависть и брань, и даже выстрѣлы изъ—за угла, да нетолько переноситъ, но еще иногда и самъ какъ будто подтакиваетъ всѣмъ, устремленнымъ на него, оскорбленіямъ,—поглаживаетъ свою бороду и говоритъ, осклабляясь: »такъ—съ, такъ—съ, много благодарны за ваше вразумленіе,—мы дѣйствительно не стоимъ добраго слова, да и что добраго въ насъ есть? Вотъ вы, съ западной Европой, такъ ужъ подлинно сказать—вы наши отцы и благодѣтели, вы и насъ наставите на путь истинный«....

Что это такое? »простота ли хуже воровства?« или—что либо другое неразгаданное?...

И. Кулжинскій.

---

[1]) Императоръ Николай 1 началъ свое царствованіе въ Польшѣ такимъ благодѣяніемъ, на которое не рѣшился Александръ—ея воскреситель. Онъ призналъ, въ лицѣ Европы, ея автономію, торжественно короновавшись въ Варшавѣ короною польскихъ королей, и Польша за это отблагодарила ему 1831 годомъ!

ПАДЕНІЕ ШЛЯХЕТСКАГО ГОСПОДСТВА ВЪ УКРАИНѢ ОБѢИХЪ СТОРОНЪ ДНѢПРА, ВЪ XVII ВѢКѢ.

Окончаніе IV й главы.

Лишь только Павлюкъ узналъ о низложеніи Томиленка и выборѣ Савы Кононовича на гетманство, онъ, по примѣру Конашевича-Сагайдачнаго, изъ кошевого атамана превратился въ гетмана войска запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра и распорядился по конашевичевски на счетъ Савы Кононовича, котораго считалъ похитителемъ гетманской власти. Выступивъ во всеоружіи въ Крыловъ, онъ отправилъ въ Переяславъ нѣсколько тысячь «добрыхъ молодцовъ», подъ предводительствомъ Карпа Скидана и Семена Быховца. Войсковой проповѣдникъ при Николаѣ Потоцкомъ, Симонъ Окольскій, участвовавшій въ походѣ жолнеровъ противъ козаковъ, объясняетъ поступки павлюковцевъ одною злобою и, заимствуя сравненіе изъ св. Берната, говоритъ, что колесница злобы состоитъ изъ четырехъ колесъ, которымъ имена: жестокость, нетерпѣливость, смѣлость и безстыдство. Управляемые, по мнѣнію Окольскаго, всѣми этими страстями, Скиданъ и Быховецъ явились въ Переяславѣ и прочли тамошнимъ жителямъ слѣдующій универсалъ своего гетмана:

»Павелъ Михновичъ Бутъ, гетманъ съ войскомъ его королевской милости Запорожскимъ.

»Пану отаману переяславскому и всему товариству, черни, то есть, посполъству, и всей братіи нашей добраго здоровья отъ Господа Бога искренно желаемъ. Увѣдомляемъ съ любовью нашихъ истинно преданныхъ намъ товарищей, что, съ позволенія и приказанія войска, посылаю въ Переяславъ двухъ пановъ полковниковъ, пана Карпа Павловича Скидана и пана Семена Бы-

ховца, по поводу великихъ войсковыхъ тягостей, и съ ними нѣсколько тысячъ войска его королевской милости Запорожскаго; о чемъ ваша милость, яко вѣрные наши товарищи, не тревожьтесь и сами надъ собой сжальтесь и вокругъ пановъ полковниковъ собирайтесь, а тѣхъ измѣнниковъ войсковыхъ, сколько ихъ есть у васъ, которыхъ панъ Жолкѣвскій угощалъ обѣдами, ужинами и банкетами, а они за то повыдавали ему нашихъ товарищей, и не одинъ изъ нихъ, съ обрѣзанными ушами, отправленъ былъ въ Гадячъ сыпать валы,—этихъ измѣнниковъ войсковыхъ не обороняйте; пусть ихъ поймаютъ и приведутъ въ войско къ арматѣ для суда и расправы. Вы же, панове отаманы, объ этомъ не тревожьтесь и панамъ товарищамъ своимъ велите не тревожиться, а равно и панамъ мѣщанамъ; но помогайте намъ противъ этихъ измѣнниковъ, ибо эти измѣнники надѣлали много зла. Возстаньте всѣ единодушно и, соединясь съ панами полковниками, приходите всѣ въ войско. Тамъ мы посовѣтуемся между собой обо всемъ добромъ. Если королю его милости понадобится на какую нибудь услугу войско, то мы всѣ готовы будемъ идти единодушно. Но, сохрани Богъ, еслибы вы вздумали оборонять этихъ измѣнниковъ и сами не захотѣли присоединиться къ войску; тогда мы двинемся въ Переяславъ со всѣмъ войскомъ и со всею арматою,—увидимъ тогда, кто будетъ оборонять нашихъ измѣнниковъ.» (¹)

Переяславъ издавна былъ самымъ многолюднымъ и богатымъ козацкимъ городомъ. Поэтому-то дѣятельность королевскихъ коммиссаровъ сосредоточена была преимущественно здѣсь. По этому онъ былъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ лѣвобережныхъ козаковъ. По этому и полковникъ переяславскій всегда бывалъ богаче и могущественнѣе другихъ полковниковъ. Переяславскіе мѣщане, предпочитая, какъ и всѣ вообще мѣщане, козацкую юрисдикцію шляхетской, служили ему не малою подмогою въ трудныхъ обстоятельствахъ. Но Сава Кононовичъ возвысился не въ силу избирательнаго начала и, покровительствуемый панами, естественно стремился дать перевѣсъ шляхетской привиллегированной силѣ надъ силою народнаго самоуправленія (за что и Конецпольскій рекомендовалъ его королю, какъ человѣка «добраго,

(¹) Okolski, *Dyaryusz*, etc. 12.

спокойнаго и рыцарскаго»). По этому онъ не нашелъ поддержки противъ Павлюковыхъ полковниковъ ни въ козакахъ, ни въ мѣщанахъ, а домашнія его средства оказались безсильными противъ нѣсколькихъ тысячъ запорожцевъ. Скиданъ и Быховецъ, схвативъ его вмѣстѣ съ писаремъ Опушкевичемъ и многими другими старшинами, забрали на войско все движимое ихъ имущество и представили вмѣстѣ съ ними своему гетману, который поджидалъ исхода переяславскаго дѣла за Днѣпромъ, въ мѣстечкѣ Боровицѣ, принадлежавшемъ князю Вишневецкому. Войсковой судъ надъ ними былъ скоръ и рѣшителенъ: самозванецъ-гетманъ и лукавый писаръ (котораго не даромъ Адамъ Кисѣль рекомендовалъ коронному гетману) были разстрѣляны на выгонѣ, передъ мѣстечкомъ, прочіе тоже лишены жизни разными способами. Между тѣмъ запорожцы продолжали преслѣдовать козаковъ, преданныхъ шляхетскому правительству. Богатѣйшіе старшины, захвативъ съ собой кой-какое имущество, скрывались по лѣсамъ, въ которыхъ у нихъ заведены были хутора съ пасѣками; но завзятые Павлюковцы находили ихъ и въ этихъ убѣжищахъ. Раздѣлившись на небольшіе отряды, они наполняли ужасомъ и смятеніемъ всѣ зажиточныя козацкія семейства, помирившіяся съ панскими порядками. Мы знаемъ, какова была военная шляхта въ отношеніи къ мирнымъ жителямъ. Козаки были ученики жолнеровъ и не уступали своимъ образцамъ ни въ жестокосердіи, ни въ хищничествѣ, (¹) особенно, когда поступки ихъ оправдывались местью надъ врагами украинской республики, надъ угодниками ея притѣснителей и надъ личными своими врагами. На этотъ разъ грабежъ прикрывался еще заготовленіемъ разныхъ снарядовъ и запасовъ для предстоящей войны. Одинъ изъ отрядовъ, «грасовавшихъ» по окрестностямъ Переяслава для отысканія «отчизныхъ недруговъ и ляцкихъ похлѣбцевъ», наскочилъ на засаду. Илья Караимовичъ, богатый реестровый товарищъ переяславскій, схватилъ двоихъ изъ своихъ преслѣдова-

---

(¹) Конецпольскій, аттестовавшій такъ хорошо военную шляхту (см. главу I), приглашая казаковъ на помощь коронному войску, считалъ необходимымъ назначить къ нимъ на время похода коммиссара, который бы защищалъ отъ нихъ убогихъ людей во время переходовъ. Объ этомъ писалъ онъ къ королю отъ 14-го августа.

телей, Смолягу и Ганжу, отважныхъ морскихъ вожаковъ павлюковыхъ флотилій, и привезъ ихъ къ Конецпольскому, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ десятковъ преданныхъ себѣ казаковъ. Доставленные имъ коронному гетману вѣсти изъ Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра ужаснули шляхетское правительство. Павлюковцы грабили не только козацкіе, но и шляхетскіе дома. Дворы знатныхъ пановъ и шляхетскіе города находились въ большой опасности. Многіе паны уходили уже изъ своихъ имѣній. Другіе ограблены въ своихъ замкахъ до нищеты и съ каждымъ днемъ опасаются новыхъ и новыхъ ужасовъ. Запорожцы угрожаютъ костеламъ огнемъ, а ксендзамъ и монахамъ—саблею. Ходитъ между ними молва о вызовѣ въ Украину донцовъ, о соединеніи съ татарами, о признаніи своимъ паномъ *Московскаго* (какъ они называли царя) и о походѣ на море, для котораго заготовили уже 50 чаекъ ([1]). Между тѣмъ чернь и всѣ своевольные люди собираются къ Павлюку въ Черкасы, чтобы получить отъ него право на козацкое званіе,—право, освобождавшее отъ ненавистной народу шляхетской юрисдикціи и отъ неволи, въ которой деспотическіе владѣльцы городовъ и селъ держали такъ называемыхъ своихъ подданныхъ.

»Предупреждая дальнѣйшее зло, говоритъ наивно-лжестивый историкъ панскихъ подвиговъ Окольскій, бдительный его милость панъ гетманъ прежде всего разослалъ къ реестровымъ козакамъ такіе универсалы:

»Станиславъ на Конецполю Конецпольскій, каштелянъ краковскій, гетманъ великій коронный, русскій, барскій, ковельскій, переяславскій и проч. староста.

«Всѣмъ вообще ихъ милостямъ панамъ старостамъ, державцамъ, подстаростіимъ, намѣстникамъ и урядникамъ украинскимъ объявляю. Получилъ я извѣстіе, что, не взирая на присягу, вѣру, добродѣтель и долгъ послушанія маестату его королевской милости, нѣкоторые злодѣи произвели въ запорожскомъ войскѣ бунтъ и, совершивъ надъ своими старшими ужасныя преступленія, привлекаютъ къ себѣ много своевольныхъ людей. Чтобы остановить дальнѣйшія неистовства, убѣждаю именемъ его королевской милости, что бы тѣхъ, которые примѣшались

([1]) Okolsky, *Dyaryusz*, etc. 14.

къ этой своевольной купѣ и не раскаются съ этого времени въ теченіе двухъ недѣль, не считать больше козаками, не дозволять имъ пользоваться никакими вольностями, принадлежащими козакамъ, вписаннымъ въ реестръ и исполняющимъ свои обязанности, всячески ихъ преслѣдовать и отсылать ко мнѣ. Если бы же вы не могли ихъ схватить, то чтобы карали ихъ на ихъ женахъ и дѣтяхъ, а домы ихъ обращали въ ничто. Лучше пусть на томъ мѣстѣ ростетъ бурьянъ, нежели будутъ размножаться измѣнники его королевской милости и Рѣчи Посполитой» [1].

Когда знаешь, какъ стояли тогда вещи въ Украинѣ, какъ переполошились всѣ паны по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; то нельзя читать безъ улыбки этого грознаго универсала, написаннаго Богъ знаетъ какъ далеко отъ Украины—въ Барѣ, между одной и другой шумной магнатской трапезою. Когда знаешь характеръ козаковъ и всѣхъ, стремившихся освободиться отъ панской юрисдикціи, лучше, нежели знали надменные магнаты; то дивишься, какъ слѣпо поджигали они пожаръ, который старались погасить. Каждый панъ, увѣренный въ близкомъ торжествѣ шляхетскаго права, естественно позволялъ себѣ, послѣ подобнаго воззванія, что способствовало къ увеличенію его богатства на счетъ козацкихъ семействъ. Каждый козакъ, надѣявшійся на повсемѣстность возстанія или отчаявшійся въ примиреніи съ властями, долженъ былъ, послѣ такой прокламаціи, предавать огню и мечу все, что напоминало ему миновавшія притѣсненія или грозили нарою въ будущемъ. Такимъ образомъ пропасть, раздѣлявшая двѣ разнородныя республики, расширялась болѣе и болѣе, и не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать панской и козацкой Украинѣ то, что ей предсказывали [2] и что сбылось—на вѣчное горе одного и другого общества, одного и другого народа.

Заглянемъ теперь въ письмо *бдительнаго* гетмана, писанное имъ къ королю чрезъ четыре дня послѣ приведеннаго нами универсала. Онъ доносилъ, что войска турецкія прибли-

---

(¹) Id.

(²) См. Варшавскій Анонимъ, изд. Войцицкимъ, I, 163. Онъ уже въ 1632 году предсказывалъ то, возможность чего не представлялась Конецпольскому и во времена Павлюка и Остряницы.

жаются уже къ Тегинѣ, что для Крымцевъ готовятся ужъ переправы на Днѣпрѣ и что вскорѣ будетъ извѣстно навѣрное, куда двинется вся эта сила. «Съ нашей же стороны, писалъ Конецпольскій, приготовленія идутъ очень медленно; потому что жолнеры, по причинѣ страшной дороговизны съѣстныхъ припасовъ, не слишкомъ спѣшатъ къ обозу. Паны помогавшіе отъ собственной охоты войску вашей королевской милости, еще не отзываются, кромѣ одного его милости пана воеводы русскаго, который собралъ уже своихъ людей. Была надежда на козаковъ, но и та исчезаетъ послѣ того, какъ этотъ измѣнникъ Павлюкъ вышелъ изъ Запорожья въ Украину. (Тутъ онъ разсказываетъ объ участи Савы Кононовича и пр.) Потомъ послалъ я къ нимъ ротмистровъ вашей королевской милости пана Коморовскаго и пана Сокола, чтобы отуманивъ ихъ еще какъ-нибудь сообразно съ обстоятельствами (etiam dissimluando accommoduiąc się czasowi), успокоили между ними волненіе и пригласили ихъ на службу вашей королевской милости. Но мало надежды, чтобы вышло что нибудь доброе изъ разыгравшейся такимъ образомъ своволи.«

Сообразно съ обстоятельствами, польскіе государственные люди готовы были на все — и на угрозы, скрывающіе безсиліе власти, и на потачку, уничтожающую все ея достоинство, и на обманъ, къ какому прибѣгаютъ плохіе гувернеры съ непослушными дѣтьми. Политика съ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ начала примѣняться къ Павлюку. Dissimulando, его приглашаютъ на помощь коренному войску, глядя сквозь пальцы и на морскіе походы, которыми очевидно предводительствовали его подручники, какъ Смоляга и Банжа, обвиненные въ этомъ Ильею Караимовичемъ, и на казнь гетмана реестровыхъ козаковъ, переданныхъ правительству, и на присвоеніе титула гетманскаго, и на все, что совершилось въ Украинѣ послѣ недавняго возстанія.

Послы Конецпольскаго застали Павлюка въ Чигиринѣ, на пути въ кошъароматою. Въ Украинѣ онъ оставлялъ на своемъ мѣстѣ переданныхъ себѣ полковниковъ, Скидана и Быховца, для приготовленій къ войнѣ съ коронымъ войскомъ, а самъ считалъ полезнымъ сидѣть по ближе къ татарамъ, на которыхъ расчитывалъ, въ случаѣ крайности. Притомъ же въ этой позиціи онъ былъ страшенъ для пановъ со стороны Турціи, которую могъ поднять къ походу въ Польшу морскимъ побѣгомъ; а у

него, какъ мы знаемъ, было уже заготовлено 50 чаекъ. Одинъ изъ королевскихъ ротмистровъ, панъ Коморовскій, по отзыву Окольскаго, очень хорошо зналъ Украину и козаковъ, и на него-то больше всего расчитывалъ Конецпольскій. Вмѣстѣ съ паномъ Соколомъ, онъ принялся убѣждать Павлюка сложить съ себя гетманство. Но Павлюкъ отвѣчалъ, что дѣйствуетъ по волѣ всего войска и безъ его воли, не можетъ отказаться отъ старшинета. По мнѣнію Окольскаго, этого *хлопа* ослѣпляла cupiditas dominandi (страсть къ государству), которую шляхта считала законною только въ своемъ сословіи. Хорошо, однакожъ, зналъ панъ Коморовскій козаковъ, если могъ думать, что они, выбившись изъ подъ панскаго деспотизма и стоя во всеоружіи возстанія, способны, безъ кроваваго принужденія, признать господство, противное основному ихъ правилу, что гдѣ соберутся два козака, тамъ они могутъ судить третьяго (¹)! Такъ всѣ паны разумѣли тѣхъ, отъ которыхъ зависѣла судьба ихъ сословія и и будущность Польши вообще. Несчастное презрѣніе къ хлопамъ ослѣпляло ихъ во всѣхъ транзакціяхъ съ козаками еще больше, нежели cupiditas dominandi. Послы Конецпольскаго, какъ истинные представители панства, наивно повторяли передъ Павлюкомъ избитыя уже смѣшныя фразы: что козаки, настаивая на своей независимости отъ распоряженій панской республики, рискуютъ своими вольностями, своими почетными званіями въ войскѣ, своимъ имуществомъ и наконецъ потерю самаго имени запорожскихъ козаковъ на вѣчныя времена (²). Когда же убѣдились паны ротмистры, »опытные въ сношеніяхъ съ козацкими«, что для козаковъ ихъ рѣчи были все равно, что вѣтеръ, овистящій мимо сухого дерева, то начали зазывать ихъ на службу его королевской милости. Павлюкъ былъ не прочь явиться надъ

(¹) Вспомнимъ первыя слова козацкаго договора съ Москвою: »Въ началѣ изволь твое царское величество подтвердить права и вольности наши войсковыя, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ Запорожскомъ, что своими правами суживалися и вольности свои имѣли въ доброхъ и въ судахъ,— чтобъ ни воевода, ни бояринъ, ни стольникъ въ су ы войсковые не вступалися, но отъ старшихъ своихъ чтобъ товариство сужены были,— гдѣ два человѣка козаковъ, тогда третьяго судити должны«. *Собр. Госуд. Грам. и Догов.*

(²) Okolski, *Dyaryusz*, etc. 15

Бугомъ или Днѣстромъ въ томъ видѣ, какъ являлся Конашевичъ-Сагайдачный, и одною численностію своего войска доказать равенство украинско-козацкой республики съ польско-шляхетскою; но просилъ, чтобы ему сперва прислали булаву, знамя и литавры вмѣстѣ съ королевскою грамотою. »Знамена наши обветшали, говорилъ онъ, и мы не хотимъ ходить слѣдомъ за шматьемъ». Согласиться на это не могъ Конецпольскій, не унижая достоинства всей Рѣчи Посполитой, или другими словами — не давая хлопамъ права овладѣть всѣмъ, что отняла у нихъ шляхта. Послы воротились къ нему ни съ чѣмъ и привезли на бумагѣ оправданія и требованія козацкія, за подписью новаго войскового писаря, Стефана Домарадскаго.

Въ этомъ актѣ Павлюкъ объясняетъ, что онъ вышелъ изъ Запорожья для того, чтобы вступиться за убогихъ людей, на которыхъ насѣли покровительствуемые шляхетскимъ правительствомъ старшины козацкіе и, подъ видомъ законныхъ сборовъ на содержаніе войска, давали себѣ волю притѣснять и грабить беззащитныхъ, а также и для того, чтобы покарать виновныхъ въ непослушаніи войску запорожскому и въ оскорбленіи его достоинства. На этомъ основаніи, писалъ онъ, казненъ и похититель гетманской власти Сава Кононовичъ съ своими соучастниками. Онъ выражалъ надежду, что все это не будетъ вмѣнено козакамъ въ грѣхъ со стороны короннаго гетмана, такъ какъ они не сдѣлали ничего противнаго маестату его королевской милости. Другими словами это значило: что королю нѣтъ дѣла до козацкаго самоуправленія, лишь бы козаки служили ему противъ общихъ враговъ. Далѣе онъ свидѣтельствовалъ, въ общихъ мѣстахъ, свое почтеніе и преданность коронному гетману, но на его предложеніе — загладить свои проступки готовностію, мужествомъ и отвагою, явясь на помощь коронному войску, — отвѣчалъ: во-первыхъ, что не было извѣстно это приглашеніе раньше и потому они вышли на Украину только съ малою частью войсковой арматы; во вторыхъ, что у нихъ ужъ нѣтъ знаковъ королевскихъ, то есть хоругви, булавы, бубновъ, и имъ стыдно ходить слѣдомъ за обносками старыхъ знаменъ, и, наконецъ, въ третьихъ, что армата козацкая находится въ разстроенномъ состояніи и лошади арматныя — весьма слабы для дальняго похода. Въ заключеніе онъ напоминалъ о королевскомъ обѣщаніи отпускать деньгю изъ государственнаго казначейства

на содержаніе козацкой арматы и писалъ, что еслибы козаки получили это вспоможеніе да королевскіе знаки, то немедленно выступили бы изъ коша всѣмъ войскомъ проливать кровь свою за достоинство его королевской милости и цѣлость Рѣчи посполитой.

Это требованіе предъявлено было послѣ того, какъ коронный гетманъ писалъ королю, что не можетъ вывести войска въ поле, пока король не расплатится съ нимъ за нѣсколько недоплаченныхъ четвертей года, что отечеству угрожаетъ imminentissimum periculum по недостатку денегъ и что онъ готовъ сдѣлать манифестацію предъ всѣмъ королевствомъ, что войско не по его винѣ не выведено въ поле. Павлюкъ не былъ такъ простъ, какъ его до сихъ поръ воображали. Онъ умѣлъ пользоваться затруднительными обстоятельствами шляхетской республики, сохраняя видъ покорнаго слуги его королевской милости и показывая коронному гетману внѣшніе знаки почтенія, безъ малѣйшей уступки въ своихъ правахъ и требованіяхъ. По его расчету, паны неизбѣжно должны были воевать съ Турціею, а въ такомъ случаѣ они не могли не предоставить ему такого господства въ Украинѣ, какимъ пользовался Конашевичъ-Сагайдачный, и тогда козацкая юрисдикція обняла бы въ Украинѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, всѣхъ несоблазненныхъ привиллегіями шляхетства, всѣхъ незаклейменныхъ панскими гербами. Такъ долженъ былъ думать Павлюкъ, удаляясь на Запорожье, гдѣ продолжались приготовленія къ морскому походу, гдѣ гостили у него донцы-молодцы и откуда ему удобно было вести переговоры съ татарами. По крайней мѣрѣ въ этомъ убѣжденъ былъ Конецпольскій, который писалъ отъ 21 сентября къ королю, что лишь только весною тронется на Днѣпрѣ ледъ, козаки непремѣнно спустятся огромною флотиліею на море и втянутъ Польшу въ турецкую войну, которая ужъ отчасти и началась. »По этому, продолжалъ онъ, надобно намъ воспользоваться зимнимъ временемъ. Хотя въ Украинѣ теперь большой неурожай, но еслибы двинуть въ нее войско, которое бы предупредили строгіе универсалы вашей королевской милости, то навѣрное козаки принуждены были бы возвращаться въ свои дома (то есть поспѣшили бы спасать свои семейства и имущества отъ истребленія). Тутъ бы легче было привести ихъ въ повиновеніе, а съ весны мы бы вложили имъ въ ротъ мунд-

штукъ на Кодакѣ, который если хорошенько вооружить, то, я увѣренъ, козаки не будутъ больше становиться на-дыбы. Но если не будетъ у насъ войска больше нынѣшняго и оно не въ силахъ будетъ противостать многочисленнымъ бунтовщикамъ, то мудрено объ этомъ и думать. Въ такомъ случаѣ не благоразумно и унизительно было бы для насъ отдавать силы Рѣчи Посполитой на поруганіе хлопамъ, а лучше ужъ назначить зимнія квартиры гдѣ нибудь по глубже въ Польшѣ, хотя это тоже будетъ сопровождаться большими для насъ непріятностями, потому что въ тѣхъ краяхъ мы не знаемъ, какъ сохранить въ теченіе зимы нашихъ подданныхъ отъ голодной смерти: гдѣ же тутъ возможность содержать войско?«

Между тѣмъ чернь, нерабочіе панскіе подданные, выписчики и непослушные реестровые козаки, обрадовавшись замѣшательству мѣстныхъ властей шляхетскихъ, быстро собирались въ купы, наѣзжали на панскіе дворы, на города и замки, составлявшіе имѣнія князя Іереміи Вишневецкаго и другихъ украинскихъ магнатовъ, бунтовали подданныхъ противъ пановъ, низпровергали заведенную шляхтою администрацію и, кто только когда-либо козакивалъ, кто только былъ способенъ владѣть оружіемъ, всѣхъ вписывали въ реестръ и грозили местью панамъ, которые бы осмѣлились препятствовать своимъ подданнымъ готовиться къ войнѣ. Окольскій приводитъ въ своемъ современномъ разсказѣ слѣдующій листъ, писанный въ этомъ смыслѣ полковникомъ Скиданомъ къ Адаму Киселю.

»Ясновельможный мости пане Кисѣль, пане подкоморій черниговскій! Свидѣтельствуя вамъ наше рыцарское усердіе и готовность къ услугамъ во всемъ, пишу о товарищахъ Запорожскаго войска, которые живутъ въ Дѣвицѣ, имѣніи вашей милости, чтобы, продавши свою худобу, какъ можно скорѣе пришли по ближе къ войску и чтобы съ вашей стороны не было имъ въ этомъ препятствія. Они бывали на службѣ короля его милости, и могутъ ли не имѣть воли распоряжаться своими худобами? Надѣюсь, что ваша милость ни въ чемъ не будете имъ препятствовать и усмирять ихъ. Войко и я самъ готовы за это васъ награждать. Въ Чигиринѣ, 27 октября, 1637 г. Карпъ Павловичъ Скидонъ, полковникъ войска его королевской молости Запорожскаго, на всей Украинѣ.«

»Такихъ листовъ говоритъ Окольскій, разослано было множество и къ другимъ державцамъ. Нѣкоторыхъ, пріѣхавъ толпою въ городъ, козаки увозили съ собою насильно. Другимъ оставляли въ домахъ (въ знакъ войскового повелѣнія) кіи и палки, вмѣсто *комышинъ* (бунчуковъ) [1]; а инымъ приказывали заготовлять и выдавать для козаковъ одежду и сабли, огнестрѣльные снаряды, лошадей и съѣстные припасы. Какъ то тяжело было терпѣть все это вольной шляхтѣ отъ подданныхъ и хлоповъ, но, по обычной своей политикѣ, она кой-какъ терпѣла, то откладывая, то обѣщая, лишь бы выиграть время. Но съ чуждыми всякой политикѣ, грубыми хлопами не поможетъ ни какая политика, и потому его милость панъ подкоморій черниговскій, за Коростелемъ и Пирогомъ, и его милость панъ староста овручскій, при всемъ своемъ богатствѣ и средствахъ къ защитѣ, не рѣшились противиться взбунтовавшимся подданнымъ своимъ, Муркѣ и Носку, и принуждены были спасаться бѣгствомъ изъ своихъ имѣній, объѣзжая большую дорогу. То же самое дѣлали и другіе паны, а особливо въ Вишневечинѣ. Лычаная жизнь лучше шелковой смерти. Но у такого хлопства и смерти шелковой нѣтъ; напротивъ, она полна всякаго безчестія и тиранства« [2].

Пока еще возстаніе народа украинскаго противъ польской и ополяченной шляхты не проявилось во всѣхъ своихъ чертахъ, Павлюкъ отправилъ къ Конецпольскому послами отъ запорожскаго войска Василя Бѣлоцерковца и Степана Зосименка, своего зятя. Врученный имъ листъ былъ почти повтореніемъ того, что было писано черезъ его собственныхъ пословъ, Коморовскаго и Сокола, но одно мѣсто въ немъ характеризуетъ козацкія понятія объ отношеніи магнатовъ къ государству, какъ са-

(1) Слово *комышина* употребляется въ этомъ смыслѣ и у Окольскаго, и въ рукописяхъ Петербургской публичной библіотеки; но въ польскомъ словарѣ Линде его нѣтъ. Надобно думать, что встарину мохнатые прутья комыша употреблялись такъ точно, какъ и искуственные бунчуки, и что по этому безразлично назывались бунчуки *комышинами*, хотя бы даже рѣчь шла объ избраніи гетмана по врученіи ему знаковъ его достоинства.

(2) *Dyaryusz*, etc. 16.

мостоятельныхъ корольковъ къ общей федераціи подъ главенствомъ самаго богатаго магната—короля. (На свою республику они также смотрѣли, какъ на status in statu, и потому не считали дѣломъ преступнымъ сражаться съ тѣми силами, какія выставляла противъ нихъ панская федерація). Павлюкъ, упоминая о переяславскомъ дѣлѣ, говоритъ, что въ староствѣ Конецпольскаго никому не причинено убытка, такъ что козаки, схватившіе Саву Кононовича, не взяли въ Переяславщинѣ ни у кого и хлѣба даромъ. Этимъ фактомъ онъ всего больше надѣялся смягчить короннаго гетмана въ пользу Смоляги и Ганжи, о которыхъ пощадѣ ходатайствовало войско.

Мы знаемъ изъ переписки Конецпольскаго съ королемъ, въ какомъ жалкомъ состояніи находилось коронное войско, котораго не на что было содержать и котораго нечѣмъ было прокормить въ теченіе зимы. Въ отвѣтѣ своемъ на козацкій листъ, Конецпольскій запугиваетъ украинскую республику такими словами: »Еслибы вся Украина взбунтовалась и соединилась съ вами, то не воображайте, чтобы такъ были слабы силы Рѣчи Посполитой, чтобы она не только не могла васъ усмирить, но истребить. По милости Божіей, она до сихъ поръ не только давала отпоръ великимъ монархамъ, но приводила ихъ въ затруднительное положеніе и завоевала саблею цѣлые народы.« Пѣтушась такимъ образомъ передъ козаками, чрезъ которыхъ давно бы москали открыли себѣ въ Польшу путь съ сѣвера, а турки съ юга, великій коронный гетманъ негодовалъ на то, что они «берутъ украинцевъ подъ свою опеку, которая принадлежитъ одному только королю, такъ какъ онъ призванъ на это отъ Господа Бога, и этимъ» нарушаютъ права Божіи, права королевскія, права Рѣчи-Посполитой «(то есть права такихъ, какъ онъ, самовластныхъ пановъ.» Если вы забыли, продолжалъ онъ, круковскую коммиссію, то или ее снова прочитайте, или, если не хотите ее понять, то я вамъ буду ее читать и объяснять. На Запорожьи должна находиться обыкновенная стража для наблюденія за переправами и для добыванія вѣстей о татарахъ. Старшій долженъ находиться при полкахъ, живущихъ въ городахъ и волостяхъ его королевской милости. Ему ввѣрена армата, ему предоставленно управленіе и всякая власть надъ войскомъ. Войсковые знаки и пословъ не трудно прислать къ вамъ его королевской милости; потребовать этого поддан-

нымъ отъ государя дѣло не только неприличное, но и вредное. Кто монарху и пану своему предписываетъ право? Кто можетъ ему приказывать? Если не будете исполнять своихъ обязанностей относительно маестата его королевской милости и Рѣчи Посполитой, если не будете соблюдать постановленій круковской коммиссіи, то знайте, что вся Рѣчь Посполитая займется тѣмъ, чтобы не только ужъ больше не терпѣть вашего своевольства, но истребить и самое имя козацкое. Припомните себѣ круковщину, переяславщину, которая, по милости небольшаго числа вихреватыхъ головъ, пожрала такое множество добрыхъ молодцовъ. Ибо у его королевской милости сабля длинная, и не защитятъ васъ отъ нея покрытыя зарослями дороги (¹). Не поддавайтесь наущеніямъ тѣхъ, которые ведутъ васъ къ окончательной вашей гибели. Окажите должное послушаніе тому старшему, который будетъ назначенъ вамъ отъ его королевской милости, а не тому, который самъ себѣ присвоитъ несправедливую власть. Отдайте ему армату и клейноты, которыми неприлично овладѣла своеводя, а при этомъ сожгите всѣ ваши чайки и возьмите мѣры, чтобы морскихъ походовъ не было. Пусть злобный бунтовщикъ, которому не нравится благочестивое пановавье его королевской милости, ищетъ себѣ иной земли, иного пана, а васъ пусть не туманитъ и не доводитъ до послѣдняго столкновенія съ жолнерами«.

Когда Конецпольскій писалъ этотъ отвѣтъ (26 октября), между рáдными панами и королемъ было уже рѣшено задобрить во что бы то ни стало турокъ и обратить коронное войско на козаковъ. Сохранилась копія переписки короля съ кримскимъ ханомъ, которому турецкій султанъ поручилъ это дѣло. Точная цифра денегъ, посланныхъ хану, не была почему-то обозначена въ подлинникѣ (оставленъ въ копіи пробѣлъ), но видно не мало было отправлено, когда по договору съ ханомъ деньги должны были быть доставлены въ Бакчисарай на *возахъ*.

(¹) Конецпольскій намекаетъ на козацкій обычай звставлять коронное войско гоняться за козаками по лѣсамъ и топкимъ зарослямъ, которыми тогда была еще полна Украина и которые затрудняли передвиженіе артиллеріи и тяжелыхъ возовъ, безъ которыхъ паны не ходили въ походы, не любя ни въ чемъ себѣ отказывать.

Королевская канцелярія, посылая тяжкую для Польши дань врагамъ христіанства, включила въ письмо къ хану слѣдующую истинно шляхетскую фразу: »Но знай, что мы это дѣлаемъ не по обязанности, а по доброй волѣ своей, въ награду за твою пріязнь.» Заплативъ хану и султану *по доброй волѣ* огромную сумму, шляхетское правительство не имѣло денегъ для войска, которое должно было двинуться противъ козаковъ, и прибѣгнуло къ обычной своей уловкѣ—обѣщанію выдать жалованье тогда-то и тамъ-то. Много было ропоту и угрозъ со стороны жолнеровъ. Великій коронный гетманъ не смѣлъ явиться въ войско и поручилъ уладить съ нимъ дѣло лицу, менѣе отвѣтственному коронному гетману, Николаю Потоцкому. Войско разошлось бы тутъ же по домамъ, но, не дослуживъ четверти, на которую присягнуло, повиновалось нехотя гетманскому приказанію выступить въ новый походъ. За то рѣшились по окончаніи четверти, въ концѣ ноября, составить войсковой союзъ (związek) и постоять за свои права противъ короля и его радныхъ пановъ. Это пахло возстаніемъ, подобнымъ козацкому, и потому паны не радовались избавленію своему отъ турецкой войны: они находились теперь въ болѣе затруднительномъ положеніи, нежели когда-либо. Республикѣ ихъ угрожала полная анархія и самая гибельная безурядица.

Не весело и жолнеры направляли стопы свои по словеси панскому. «Косо (non dextro oculo) поглядывали они на дорогу отъ Днѣстра до Днѣпра, говоритъ Окольскій. Одни припоминали себѣ experientia docti (наученные опытомъ) круковщину, Медвежьи Лозы и неоднократныя битвы подъ Переясловомъ, что съ этими бунтовщиками война не очень легка, коротка и безопасна. Другіе размышляли о недавной сеймовой конституціи, по которой они должны были быть распущены отъ колесъ изъ обоза. Третьи желали не служить далѣе конца четверти, какъ объ этомъ они объявили и пану польному гетману въ генеральномъ сборѣ, предъ выступленіемъ изъ лагеря. Всю надежду возлагали паны на Божіе покровительство, которое со временемъ можетъ послать спасительное средство въ безнадежномъ положеніи дѣлъ,» [1]—и, какъ каждый (прибавилъ отъ

---

[1] Dyaryusz, etc. 17.

себя) воображаетъ себѣ Бога по своему, то шляхта и не сомнѣвалась, что *шляхетскій Богъ* вступится за шляхетскіе интересы.

Все войско, стоявшее надъ Днѣстромъ, въ ожиданіи турокъ, раздѣлено было на три полка, и каждый полкъ шелъ особою дорогою: одинъ—на Винницу, Погребище и Бѣлополье; другой—на Литынъ и Острожокъ мимо Махновки; третій—на Тывровъ и Липовецъ, влѣво отъ Бѣлой Церкви. Вести все войско одной дорогой значило бы опустошить въ конецъ королевскія, шляхетскія и духовныя имѣнія, черезъ которыя она пролегала, потому что жолнеры, не получая заслуженнаго жалованья, считали себя въ правѣ брать контрибуцію съ тѣхъ, кого они защищали отъ непріятелей. Имѣя при себѣ такъ называемые *почты*, то есть почетную дружину, состоящую изъ домашнихъ слугъ (нѣчто въ родѣ волонтеровъ подъ названіемъ luznych, то есть праздношатающихся, вольныхъ), каждый *жолнеръ* или *товарищъ* разсылалъ ихъ по сторонамъ дороги въ видѣ татарскихъ загоновъ для мародерства, и этимъ способомъ вознаграждалъ себя за службу *отечеству*,—слово, имѣвшее въ Польшѣ не опредѣленное значеніе, по причинѣ взаимной враждебности ея національностей, вѣроисповѣданій, сословій и корпорацій. Кромѣ жалованья, извѣстнаго подъ названіемъ кварты, отпускавшагося на каждаго товарища, правительство выдавало еще *супплементъ*, или дополнительную сумму на пополненіе войска почтами, или почетными дружинами. Въ послѣднее время, нуждаясь въ деньгахъ, оно постановило уменьшить почты, то есть ограничить число волонтеровъ, сопровождавшихъ каждаго пана товарища. Жолнеры приняли эту мѣру, какъ оскорбленіе ихъ личнаго достоинства, какъ униженіе ихъ въ глазахъ козаковъ, и громко упрекали Рѣчь Посполитую въ неблагодарности. Прійдя на мѣсто, подъ Бѣлую Церковь, на границу козацкой Украины, они занялись совѣщаніями въ такъ называемыхъ рыцарскихъ *колахъ*, или кругахъ, о томъ, какъ имъ постоять за себя противъ злоупотребленій высшаго класса дворянъ или собственно такъ называемыхъ пановъ. Польскій гетманъ Николай Потоцкій не могъ и думать о томъ, чтобы вести ихъ на козаковъ при такихъ обстоятельствахъ Онъ проживалъ въ своихъ имѣніяхъ и три раза ѣздилъ въ Баръ, на совѣщанія съ великимъ короннымъ гетманомъ о томъ, какимъ бы образомъ удержать войско на

службѣ, послѣ окончанія четверти, которая истекала въ двадцатыхъ числахъ ноября. Конецпольскій между тѣмъ сносился съ королемъ и убѣждалъ его оставить при жолнерахъ почты еще на одну четверть, пока кончится война съ козаками, и обратить на суплементъ жалованье, которое слѣдовало реестровымъ козакамъ, за 1637 годъ, такъ какъ они морскими походами, избіеніемъ вѣрныхъ правительству старшинъ, отказомъ придти на помощь коронному войску и своимъ бунтомъ потеряли на него право. Тревожилъ обоихъ коренныхъ гетмановъ больше нежели возстаніе козацкое, этотъ, какъ они выразительно называли fremitus (грозный шумъ) въ войскѣ. Полковники доносили Николаю Потоцкому, подласкиваясь къ нему при семъ удобномъ случаѣ, что развѣ только власть вождя да любовь къ нему войска могутъ успокоить жолнеровъ, и умоляли его поскорѣе пріѣхать въ лагерь, пока онъ не разъѣхался по домамъ въ виду непріятеля. Потоцкій писалъ къ Конецпольскому, что надобно во что бы то ни стало успокоить жолнеровъ полнымъ суплементомъ, потому что ихъ конфедерація и отрѣченіе отъ дальнѣйшей службы сдѣлаютъ козаковъ еще болѣе опасными для Рѣчи Посполитой. Жолнеры между тѣмъ бушевали въ лагерѣ и бранили пановъ за ихъ скаредность, по поводу ограниченія почтовъ: »Мы теперь еще нужны имъ, и они, не заплативъ намъ выслуженныхъ денегъ, прогоняютъ насъ: чего то ожидать намъ на будущее время?«.

Не дождавшись королевской резолюціи, такъ какъ на выдачу изъ казначейства денегъ каждый изъ рáдныхъ пановъ былъ— выражаясь ихъ же языкомъ—anxius y trudny bardźo (не рѣшителенъ и очень тугъ), польскій коронный гетманъ Потоцкій явился въ Бѣлую Церковь 22 ноября, когда уже кончилась четверть года, которую жолнеры обовязались прослужить на извѣстномъ жалованьи и суплементѣ. Много было потеряно дрaгоцѣннаго времени по пусту, отъ безпорядочной системы управленія военными силами государства. Какъ хорошій полководецъ, онъ понималъ это вполнѣ и желалъ по крайней мѣрѣ теперь, когда козаки еще не успѣли соединиться и окончательно приготовиться къ войнѣ, ударить на нихъ всѣми своими силами; но къ нему явились отъ нѣкоторыхъ хоругвей послы съ вопросомъ: какъ они могутъ идти далѣе въ Украину, когда они ужъ дослужили четверти? Само собою разумѣется, что польскій

гетманъ, отъ имени короля и Рѣчи Посполитой, приглашалъ пановъ жолнеровъ продолжать службу еще четверть. »А гдѣ же плата за нашу службу? Гдѣ ассикурація короля и Рѣчи-Посполитой на новую четверть? Гарантируютъ ли намъ службу съ полными почтами и съ полнымъ на нихъ суплементомъ?« Потоцкій приготовился отвѣчать на всѣ эти вопросы. Онъ убѣждалъ жолнерскихъ депутатовъ продолжать службу еще три недѣли, пока получится королевская резолюція и идти противъ козаковъ, а за жалованье ручался своимъ гетманскимъ словомъ. Мало значило бы это слово въ глазахъ раздраженныхъ жолнеровъ, когда бы его милость ясновельможный панъ гетманъ не обладалъ обширными вѣчистыми и ранговыми имѣніями, съ которыхъ жолнеры, составивъ между собой zwiazek, могли бы взять какую угодно контрибуцію; а доходовъ съ одного богатаго староства, по замѣчанію современнаго писателя, было бы достаточно на содержаніе двухъ тысячъ кварцянаго войска (¹).

Успокоивъ кой-какъ жолнеровъ, Потоцкій готовился уже вести ихъ противъ козаковъ, какъ узналъ отъ своего сына Стефана, что слуги пана Корвецинскаго, предводительствовавшаго гусарами покойнаго канцлера въ качествѣ его поручика (т. е. намѣстника), по всѣмъ полкамъ бѣгаютъ съ листками, возбуждающими войско къ союзу противъ правительства, или, какъ тогда говорили до związku cofederaticy. Каждый полкъ долженъ былъ выслать своихъ представителей изъ каждой хоругви къ Хвастову, гдѣ генеральное рыцарское коло рѣшитъ, какъ поступить имъ съ Рѣчью Постолитою. Панская распублика, имѣвшая во главѣ своей зависимаго отъ нея короля, именемъ котораго присвоивала небольшому числу пановъ-магнатовъ почти всю государственную собственность, удѣляя изъ огромныхъ добычъ малыя добычи зависимымъ отъ магнатовъ—патроновъ панамъ-кліентамъ,—панская республика въ отношеніи къ шляхтѣ, унаслѣдовавшей себѣ военное ремесло, шляхтѣ большею частію убогой и неспособной къ составленію себѣ карьеры путями болѣе хитрыми, стояла почти такъ, какъ вся землевладѣтельная шляхта—въ отношеніи къ козакамъ. Правъ былъ Радзивиллъ, упрекавшій военное сословіе Рѣчи Посполитой въ хищничествѣ, по случаю возвращенія войска изъ московскаго похода (²). Правъ

(¹) Siarczynski, *Obraz Wieku Panowania Zygmunta* III. t. II. str. 200.
(²) См. выше, главу I.

былъ и Конецпольскій, гремѣвшій противъ походнаго мародерства жолнеровъ. Правы были и повѣтовые послы, хлопотавшіе на сеймахъ о строгихъ мѣрахъ противъ хищничества и грабежа со стороны вооруженной толпы, называйшейся кварцянымъ войскомъ. Но всѣ они были правы такъ, какъ монахи богатаго съѣстными припасами монастыря, внушающіе притекающимъ къ нимъ богомольцамъ воздержаніе отъ вина и елея. Правило: divide et impera (раздѣляй и господствуй) помогало союзу знатныхъ пановъ держать въ повиновеніи вооруженную силу многочисленной мелкой шляхты; но когда она соединялась въ конфедерацію, то раздирала покровъ великихъ заслугъ отечеству и древняго происхожденія, который обыкновенно набрасывался передъ глазами сравнительно убогой массы на присвоенныя панскимъ фамиліямъ цѣлые государства въ государствѣ, и добиралась, сквозь туманъ всеоправдывающаго католичества, до истинной причины общихъ бѣдствій. Вотъ слова, прорывавшіяся сквозь fremitus коронняго войска и сообщенныя самымъ Потоцкимъ въ донесеніи великому коронному гетману: »Рѣчь Посполитая неблагодарна къ намъ: столько сеймовъ занимается она только постановленіями противъ жолнеровъ да выдумываетъ, какимъ бы способомъ стѣснить военныхъ людей. Съ каждымъ сеймомъ выдумываетъ она новые и новые противъ насъ законы. Трибуналы за вязанку сѣна лишаютъ насъ *гоноровъ*. Панскіе банкеты начинаются и оканчиваются нашимъ униженіемъ. Называютъ насъ нищими и бродягами. У колесъ въ обозѣ отказываютъ намъ въ службѣ и велятъ намъ разлетаться по воздуху въ наши дома, потому что по землѣ намъ возвращаться не возможно: надобно миновать панскія имѣнія изъ почтенія къ панамъ и по неволѣ, такъ какъ вездѣ разосланы универсалы, чтобы съ нами поступали, какъ съ непріятелями. Духовныя имѣнія ограждены отъ насъ церковнымъ проклятіемъ, шляхетскія—наслѣдственнымъ правомъ, а королевскія находятся подъ панскою администраціею, какъ ранговыя. Проси и грози, какъ хочешь, только уважай данные панамъ права, минуй ихъ владѣнія, умирай съ голоду, ходи въ изодранномъ платьи, служи въ долгъ и жди послѣдняго своего разоренія, пока не снесетъ головы острая смерть.«

Всѣ эти рѣчи и сопровождавшія ихъ угрозы въ генеральныхъ колахъ, собиравшихся то въ Хвастовѣ, то въ Рокитной,

въ четырехъ миляхъ отъ Бѣлой-Церкви, (деревушкѣ состоявшей тогда только изъ нѣсколькихъ хижинъ), до того смущали ясновельможнаго пана польнаго гетмана, до того тревожили его панское сердце справедливыми предчувствіями паденія шляхетскаго господства въ Украинѣ, что по словамъ одного преданнаго панской партіи шляхтича, онъ часто плакалъ передъ своими приверженцами (¹). Онъ упрашивалъ жолнеровъ по крайней мѣрѣ двинуться впередъ хоть до Корсуня, чтобъ не смѣялись надъ ними хлопы, и тамъ уже составить генеральное рыцарское коло. Но жолнеры на это ни какъ не согласились, а нѣкоторыя хоругви начали уже обратный походъ въ Польшу и, остановясь въ Коростышовѣ, въ 18 миляхъ отъ Бѣлой-Церкви, поджидали только своихъ пословъ, отправленныхъ въ генеральное коло къ Хвастову. *Цнотливая* шляхта, преданная своему плачущему вождю, пришла къ убѣжденію, что развѣ только »*панъ Богъ* чудеснымъ способомъ успокоитъ завзятость« представителей взволнованнаго войска.

При такихъ обстоятельствахъ всякое новое извѣстіе о движеніяхъ козаковъ приводило цнотливыхъ пановъ въ большее и большее отчаяніе. Наконецъ въ польскомъ обозѣ узнали, что и кіевскіе козаки, остававшіеся позади короннаго войска, убѣдясь, что ляхи не смѣютъ воевать съ Павлюкомъ и опасаясь отъ него кары, выступили всѣ, подъ предводительствомъ Кизима, за Днѣпръ, гдѣ, какъ было слышно, приняты мѣры, чтобы не дать полякамъ переправиться для охраненія отъ козаковъ королевскихъ и шляхетскихъ имѣній. Тогда уже всѣ опустили руки: всѣ начали думать, что придется войску постыдно воротиться изъ Бѣлой Церкви и оставить козаковъ независимыми обладателями Украины. Между тѣмъ голодъ, по случаю неурожая, былъ такъ великъ во всей Бѣлоцерковщинѣ, что, жолнеры, не смотря на свое мародерство, которое теперь ужъ незнало ни какой узды, часто принуждены бывали довольствоваться хлѣбомъ, спеченнымъ пополамъ съ желудями. Мѣрка муки

(¹) Zaczym, w iakim żalu P. Hetman Polny owdzie prawie często przed nami płacząc, w Białeycerkwi czekaiąc ieszcze tego nieprzystoynego koła zostawa, snadnie wm M. M. P. rozumiec raczysz. (Изъ рукописи, которая, вмѣстѣ со многими другими, напечатается въ приложеніяхъ.

продавалась въ Мліевѣ по 30 злотыхъ съ лишкомъ. Съ наступленіемъ Филипова поста, русскіе священники разрѣшили своимъ прихожанамъ ѣсть мясо. Замедливъ походомъ въ глубину козацкой Украины, Потоцкій далъ козакамъ время перемолотить хлѣбъ, хранившійся по гумнамъ отъ прежнихъ урожайныхъ годовъ и спрятать въ разныхъ мѣстахъ по лѣсамъ и полямъ, въ ямахъ, которыхъ примѣты составляли бы непроницаемую тайну для голодныхъ жолнеровъ, хотя бы они и восторжествовали надъ козацкимъ ополченіемъ. Легко вообразить положеніе польскаго полководца, смотрѣвшаго на все это, изъ Бѣлой-Церкви, какъ онъ выражался, со связанными руками! Въ обозѣ надъ Днѣстромъ ему удалось утишить волненіе въ войскѣ и убѣдить жолнеровъ оставаться въ повиновеніи до конца четверти. Великій коронный гетманъ, увѣдомляя объ этомъ короля, писалъ, что Потоцкій достоинъ ласки его королевской милости и благодарности всей Рѣчи Посполитой,— намекъ на пожалованіе новаго староства, которое, въ рукахъ королевскихъ державцевъ давало королю только десятую долю доходовъ, какіе могъ извлечь изъ него для себя староста. Теперь надежда на блистательную награду изчезала, и имя Потоцкаго должно было подвергнуться поруганію всей шляхты, такъ какъ жолнеры говорили ему въ глаза, что они не хотятъ больше подчинятся постановленіямъ сеймовыхъ конституцій, что они unita manu (соединенными силами) заставятъ отмѣнить ихъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобъ усмирить козаковъ, Потоцкій напустилъ бы на Польшу раздраженныхъ жолнеровъ, предписывающихъ законы самому сейму шляхетскому. Въ такой крайности, истощивъ мольбы и убѣжденія, видя, что не помогаютъ и слезы въ кружкахъ войсковыхъ депутатовъ ([1]), прибѣгнулъ Потоцкій къ послѣднему средству пассивнаго мужества. Выходя изъ рыцарскаго кола, онъ объявилъ, что отступить изъ Бѣлой Церкви значило бы ободрыть козаковъ на самыя дерзкія предпріятія, и потому онъ идетъ противъ нихъ съ нѣсколькими хоругвями да съ наемными нѣмцами, предпочитая смерть такому постыдному отступленію. Тутъ-то шляхетскій богъ сотворилъ чудо, котораго чаяла цнотливая шляхта, и повернулъ жолнерскія сердца къ гетману.

([1]) Потоцкій самъ писалъ къ Конецпольскому: «Ja przecie w modlitwach nie ustaie, o takich, ktore y łzy musiały mi wycisnać.»

Дѣло въ томъ, что почти всѣ войсковые товарищи, за мародерство, до котораго доводимы были безденежьемъ, были покрыты инфатіями и баниціями, то есть объявлены въ шляхетскихъ трибуналахъ лишенными чести и покровительства законовъ. Пока они находились въ войскѣ, законъ былъ противъ нихъ безсиленъ. Но когда они расползутся по всей Польшѣ, тутъ должностные паны возстанутъ на нихъ съ своими драбами, съ своими шляхетскими конфедераціями и начнутъ выбирать изъ пшеницы куколь», то есть хватать виновниковъ походныхъ грабежей и участниковъ въ битвахъ съ мирными гражданами, которые выходили на встрѣчу жолнеровъ, какъ противъ непріятелей, чтобы не дать имъ занять квартиръ въ городѣ. Опасеніе подобной расправы заставило жолнеровъ присоединиться къ преданнымъ Потоцкому хоругвямъ и просить его быть посредникомъ между ними и правительствующею шляхтою. Experientia docti, они знали, что этимъ путемъ гораздо легче возвратить себѣ утраченные *гоноры*, такъ какъ паны имѣли дома много средствъ всѣять между конфедератовъ рознь, разъединить интересы предводителей и сдѣлать ихъ угрозу—manu—unita не дѣйствительною. Потоцкій съ своей стороны торжественно обѣщалъ имъ снять съ нихъ отвѣтственность передъ законами, при посредствѣ великаго короннаго гетмана, и поспѣшилъ въ Богуславъ съ лучшими хоругвями, отправивъ другія впередъ, а третьимъ отдавъ приказъ идти за собою.

Война съ козаками началась такимъ образомъ въ началѣ декабря 1637 года.

П. Кулишъ.

(*Продолженіе впредь.*)

III.

—

УСТАВЪ

національнаго революціоннаго союза и польская народность въ европейскомъ равновѣсіи. Сочиненіе Людвика Мирославскаго. 1856 г.

(De la nationalité polonaise dans l'equilibre Européen. Paris 1856)

Наконецъ и мы, не посвященные въ тайны подметной польской пропаганды, прочли въ газетахъ уставъ національнаго революціоннаго союза и отъ души благодаримъ за ознакомленіе насъ съ затѣями польской заграничной демагогіи. Этотъ уставъ есть произведеніе того-же Людовика Мирославскаго, который въ 1856 г. издалъ въ Парижѣ книгу: «Польская національность въ европейскомъ равновѣсіи» и, раньше того, въ 1848 году, другую: «Борьба въ Польшѣ революціи съ контръ революціею»,—обѣ на французскомъ языкѣ. Всѣ эти сочиненія носятъ на себѣ печать желчной, несдерживаемой ни фактами, ни литературнымъ приличіемъ, фантазіи. Авторъ глубоко опустился въ демократизмъ *староѫитнаго* шляхетства, но ни живое его слово, ни злобное остроуміе, ни пылкая фантазія не переиначатъ судебъ Польши, не возмутятъ текущей жизни. Мы долго умѣряли себя въ тѣхъ даже случаяхъ, гдѣ пониманіе истины, наука, интересы отечества и собственное наше достоинство требовали ожесточенной борьбы съ заносчивостію, происками и домогательствомъ нашихъ противниковъ; опытъ пока-

залъ, что эта мѣра не примѣнима къ полякамъ.—Напоръ польской претендательности продолжается, затѣи, интриги и прямыя низости и преступленія плодятся и плодятся, русское имя подвергаютъ поруганію; будемъ же и мы, по долгу чести и правды, подводить подъ микроскопъ нашего воззрѣнія тѣ продукты задорной мысли и безпокойнаго чувства поляковъ патріотовъ, которые лучше всякихъ споровъ, содержаніемъ своимъ, опредѣлятъ—поведутъ ли они къ разложенію мертвеца, или къ его воскресенію.

Къ числу такихъ продуктовъ, мы относимъ уставъ Мирославскаго. Мы уже были нѣсколько предварены въ пользу устава, слыша, что уставъ этотъ есть сколокъ съ уставовъ тайныхъ обществъ и массонскихъ ложъ двадцатыхъ годовъ и надѣялись открыть въ немъ связь нынѣшняго демократическаго польскаго общества съ обществами двадцатыхъ годовъ; но ничего подобнаго не оказалось. Уставъ Мирославскаго, по нашему убѣжденію, не болѣе какъ сѣть, раскинутая на ловъ не столько легковѣрныхъ патріотовъ, сколько принадлежащихъ имъ *грошей*, замаскированный пуфомъ патріотизма, ключь къ польскимъ шкатулкамъ, находчивая мѣра къ обобранію шляхетства—и болѣе ничего! Мы не войдемъ въ подробности устава, ибо имѣемъ въ виду повести бесѣду о другомъ произведеніи Мирославскаго, а высказываемъ здѣсь лишь нѣкоторыя наши о немъ мысли: духъ устава чисто іезуитской—руководить и управлять обществомъ издали, тайно развивать фанатизмъ къ принципамъ и цѣлямъ хотя и несбыточнымъ и, подъ предлогомъ національнаго интереса, преслѣдовать свой частный. Раздробленіе союза на кружки отъ пяти *до пяти* съ сохраненіемъ, хотя слабой, между ними связи и съ предосторожностію, чтобъ одинъ кружокъ не зналъ состава другого,—есть мѣра весьма замысловатая, совершенно замаскировывающая составъ союза и его развѣтвленія. Такая

организація союза сама въ себѣ заключаетъ трудность къ раскрытію организаціи цѣлаго общества и къ одновременному противу него дѣйствію; но не избавляетъ союзъ отъ пораженія его по частямъ. Съ другой стороны, мысль замаскироваться, укрыться отъ преслѣдованія, видимо взяла верхъ надъ всѣми другими цѣлями, внесла въ общество такую слабость, такое безсиліе, что оно неизбѣжно должно признать себя внѣ всякой возможности предпринять что нибудь собща, вдругъ, значительными силами. Таже причина до такой степени парализуетъ цѣлость общества, его связь и быстроту сношеній, что въ случаѣ отлученія отъ общества одного только кружка всѣ прочіе подъ нимъ кружки отпадаютъ сами собою. Вообще союзъ такъ организованъ, что его ближе всего уподобить паутинѣ; отдѣльныя личности могутъ попадать и путаться въ ней; но для общества, для собирательной силы, для нашей русской народности, сѣтка эта не крѣпче паутинной,—она обратится въ прахъ при малѣйшемъ со стороны нашей движеніи. Содержаніе устава имѣетъ скорѣе характеръ министерскаго наказа, нежели систематическаго уложенія, въ немъ есть кое какіе намеки на обязанности, есть и программа дѣйствій союза, но за тѣмъ въ уставѣ мы не находимъ ничего опредѣленнаго—ни о средствахъ, ни о сферѣ дѣйствій, ни объ отношеніяхъ агентовъ и членовъ союза, какъ къ своему обществу, такъ и къ тому, противъ котораго они идутъ; рѣзче всего выдается въ уставѣ бюрократическій формализмъ и канцелярская рутина, въ сношеніяхъ агентовъ съ революціоннымъ комитетомъ. Деспотизмъ Мирославскаго въ комитетѣ безпримѣренъ. Онъ удержалъ за собою право состава революціоннаго комитета и предоставилъ себѣ полный произволъ въ движеніяхъ и распоряженіяхъ. Низшіе кружки союза обязываются къ исполненію невѣдомо откуда исходящихъ распоряженій и къ отвѣтственности предъ лицами,

тоже имъ неизвѣстными. Отъ тѣхъ же неизвѣстныхъ лицъ будутъ нисходить приговоры измѣнѣ, наказанія за преступленія и всякаго рода кара. Эта статья устава переноситъ наше вниманіе за 700 лѣтъ назадъ, къ тому обществу ассасиновъ, которое нѣкогда существовало въ Левантскихъ горахъ, позволяетъ надѣяться, что европейская цивилизація съ негодованіемъ изгонитъ изъ среды своей старѣйшихъ революціоннаго союза. Программа собиранія различныхъ статистическихъ свѣдѣній кажется цѣликомъ скопирована съ первой попавшейся подъ руку инструкціи офицеру генеральнаго штаба, командированному для рекогносцировки непріятельскаго края. По всему видно, что уставъ редактированъ слишкомъ небрежно: въ немъ встрѣчаются такіе вопросы, которые или постоянно будутъ оставаться безъ отвѣтовъ, или отвѣтъ на нихъ будетъ состоять изъ однихъ и тѣхъ же фразъ. Къ такимъ вопросамъ мы относимъ между прочимъ: о количествѣ оружій и военныхъ снаряженіяхъ, о взаимномъ настроеніи простаго народа, о путяхъ сообщенія и т. п. Забавнѣе всего въ уставѣ взглядъ на непріятелей; сперва намъ вѣрить не хотѣлось, чтобы насъ, живущихъ у себя дома, на своей русской землѣ, въ средѣ своей русской народности, называли непріятелями, неизвѣстные намъ поляки и вызывали на бой людей, на сторонѣ которыхъ и правда и сила. Но смѣлость комитета вызываетъ на бой не одну Россію: изъ устава видно, что перчатка бросается и Австріи и Пруссіи. По неволѣ воскликнешь, sina ira sine viribus!

Но лучше всего, разумнѣе и практичнѣе обдумана въ уставѣ часть финансовая. Сюда не прорвалась ни одна идейка современныхъ публицистовъ о свободной торговлѣ. Да и зачѣмъ? Прямой, подушной налогъ, (мѣра хоть и варварская, но прямо ведущая къ цѣли),—обиранію польскихъ патріотовъ, принять за единственный нормальный источникъ пополненія кассы союза.

безконтрольное опредѣленіе количества подати падающей на недѣлимыхъ, принадлежитъ комитету и провинціяльнымъ агентамъ союза. Данниками союза могутъ быть и посвященные и непосвященные въ общество лица. Усердіе агентовъ оцѣнивается количествомъ сбора; имъ приказано не пренебрегать никакими источниками къ извлеченію капиталовъ изъ той среды, въ которой они дѣйствуютъ отъ имени союза. Повторяемъ, что обираніе патріотовъ едвали не составляетъ основной цѣли даже самаго союза. Составитель устава только изъ приличія и легчайшаго уловленія легковѣрныхъ прикрылъ свои намѣренія патріотическою цѣлію,—возстановленіемъ Польши, а подлинные виды и побужденія устава сходятся къ одной практической цѣли—очистить на сколько можно шкатулки легковѣрныхъ патріотовъ.

Въ стремленіи къ своей офиціальной цѣли—воскресенію шляхетской Польши, союзъ еще находитъ нужнымъ безпокоить насъ, прирожденныхъ жителей западныхъ русскихъ губерній, своими подпольными затѣями, оглушать Европу драматизмомъ своей патріотической игры, и всѣмъ намъ собща—какъ русскимъ, такъ и благоразумнымъ, благонамѣреннымъ и дружно съ нами здѣсь живущимъ полякамъ, мѣшать правильному теченію жизни, останавливать образованіе народа, улучшеніе земледѣлія, задерживать благія преобразованія и прогресивный путь законодательства, словомъ—тормозить ходъ нашей независимой цивилизаціи. Не сомнѣваемся, что подпольная литература и кротовыя усилія патріотовъ могутъ до нѣкоторой степени благопріятствовать темнымъ замысламъ союза, но вопросъ нашъ въ томъ, много ли отъ того подвинется польское дѣло, легко ли будетъ патріотамъ выйдти изъ норъ своихъ и стать лицомъ къ лицу съ силами Россіи? Союзу пора бы сознаться, что всѣ попытки его усердныхъ служителей—у насъ и за границею—

поставить Польшу на ноги и вдохновить ее жизнію Рѣчи посполитой вѣнчаются балаганнымъ гаерствомъ, комизмомъ патріотическихъ манипуляцій и опошленіемъ самаго вопроса. Какихъ, дѣйствительно, небыло пущено въ оборотъ идей и лжи съ цѣлію овладѣть общественнымъ мнѣніемъ, электризовать національность, экзальтировать женщину и ребенка. Къ этимъ продѣлкамъ присовокуплены: искаженіе исторіи, образованіе тайныхъ обществъ, сѣяніе раздора и сепаратистскихъ стремленій, и чѣмъ же все это кончилось? На сколько ослабило Россію? Привлекло ли по крайней мѣрѣ на сторону патріотовъ хоть народъ польскій? Далеко нѣтъ! Народъ и шляхта стали другъ къ другу въ совершенно противуборствующія стремленія— не много у нихъ общаго въ интересахъ, тенденціяхъ, въ политической совѣсти, въ преданіяхъ, связующихъ съ прошедшею жизнію, въ надеждахъ на будущее, въ соприкосновеніи къ совершающимся реформамъ, въ отношеніяхъ къ правительству и закону? Народу нужна поземельная собственность, а панъ всю землю держалъ за собою и туго надѣляетъ ею крестьянъ даже и теперь. Народъ 800 лѣтъ не имѣлъ гражданскихъ правъ, пришла пора получить ихъ, а дворянство заглушаетъ голосъ истины и прогресса крикомъ о своихъ вольностяхъ и привилегіяхъ. Дворянство жалуется на стѣсненіе образованія въ Польшѣ, а народъ тайкомъ отъ пана посылалъ дѣтей въ гминныя школы, а теперь слава Богу идетъ открыто въ школу, устроенную духовенствомъ и правительствомъ, но *не дворянствомъ* Народъ въ восторгѣ отъ того, что можетъ, наконецъ, свободно располагать своими силами и трудами для себя, а помѣщикъ сѣтуетъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права и мечтаетъ о pańszczyznie. Народъ съ признательностію принимаетъ всѣ преобразованія въ краѣ, а дворянство силится ихъ останавливать и хлопочетъ о томъ только, чтобы удержать за собою болѣе об-

мирное вліяніе на народъ. Народъ признателенъ и преданъ правительству, полагаетъ въ немъ залогъ будущаго своего счастія, а дворянство мечется противъ него и враждуетъ за одно съ заграничными поджигателями революціи и насильственныхъ переворотовъ; наконецъ, народъ вѣренъ закону и порядку, а дворянство скорѣе рѣшается эмигровать, нежели признать благодѣтельную силу закона одинаковаго надъ собою и надъ холопомъ. Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, польское дворянство составляетъ одну Польшу, именно ту Рѣчь посполитую, съ шляхетскимъ произволомъ, сеймовыми и сословными привилегіями и жизнію на счетъ народа, о которой народъ и слушать нехочетъ; *) народъ, съ своей стороны, вполнѣ полагаясь на опеку правительства и гарантію закона, носитъ въ себѣ зерно другой Польши, не той панской, крикливой, извѣстной намъ по исторіи Лелевеля; но Польши изъ народа и въ народѣ. Не зачѣмъ и говорить о народѣ русскомъ западныхъ губерній. Онъ никогда не былъ за одно съ полякомъ, ни разу и нигдѣ не заявилъ желанія къ сближенію съ нимъ, ихъ навсегда оттолкнула другъ отъ друга исторія и различіе національностей. Если народъ нашъ не ополячило почти 500 лѣтнее господство Польши, то можно ли допустить, чтобы затѣи хлопомановъ патріотовъ и ксендзовъ оторвали его въ настоящее время отъ Россіи и сплотили съ Польшею?

И такъ, старой Польши нѣтъ, а новая можетъ вырости и только въ народѣ, и когда выдетъ на сцену исторіи, то, нѣтъ

---

*) Въ подтвержденіе нашей мысли, указываемъ на современное происшествіе въ городѣ Ряпинѣ, царства Польскаго, гдѣ, по случаю конскрипціи, явно обнаружилось, какъ относится народъ къ русскому правительству и къ своему привилегированному сословію съ горожанами, производившими въ царствѣ демонстрацію.

сомнѣнія, ни сколько не будетъ походить на ту, которую революціонный союзъ мечтаетъ воскресить.

Могутъ обвинить меня за то, что я умолчалъ о духовенствѣ и евреяхъ—городскомъ населеніи царства Польскаго? Духовенство польское, прежде всего, имѣетъ въ виду свои узкіе интересы—интересы касты; оно, конечно, сильно сочувствуетъ и много содѣйствуетъ (что показали намъ бывшія демонстраціи патріотовъ) идеѣ и дѣлу возстановленія старой Польши, но только лишь для того, чтобъ занять то блистательное положеніе, ту политическую роль, которую оно занимало въ Рѣчи посполитой. *)

Они довольно равнодушно относятся къ политическому положенію обществъ, среди которыхъ пріютились. Но евреи польскіе нѣсколько вышли въ послѣднее время изъ этой политической апатіи. Въ числѣ польскихъ патріотовъ начали попадаться и, такъ названные поляками, поляки **starego** или **Mojzeszowego wyznania**. Причина весьма понятна. У жида, вмѣстѣ съ паномъ, вырываютъ изъ рукъ холопа,—общую ихъ поживу, общій субъектъ ихъ пресса, выжимавшаго безъ остатка всѣ соки и весь потъ беззащитной жертвы. У пана, съ другой стороны, вѣчно факторъ еврей на услугахъ. Они съ трудомъ уживаются другъ безъ друга. Общность ихъ интересовъ закрѣплена вѣками. Неудивительно, поэтому, если панъ царства польскаго могъ втянуть въ патріотическія сѣти и своего агента, фактора, арендатора, коммиссіонера, разсыльнаго—жидка.

---

*) Припомнимъ, что архіепископъ варшавскій былъ первымъ по королѣ лицемъ и въ случаѣ смерти короля заступалъ его мѣсто въ качествѣ примаса, до избранія новаго короля. При такой постановкѣ главы польскаго духовенства, нѣтъ сомнѣнія, что и всѣ члены его имѣли большое вліяніе на общество, и едва ли еще не большее значеніе въ дѣлахъ гражданскихъ.

Буржуазія польская еще легче могла втянуться въ водоворотъ польскихъ агитацій. У нихъ очень много общихъ примѣтъ съ паномъ и физіологическихъ и психологическихъ. Иная городская шляхта считаетъ себя не хуже какого нибудь пана и не отстанетъ отъ него ни за что въ дѣлѣ патріотической заядлости; другую легко расположить къ ней убѣжденіями или всего лучше деньгами. Вотъ почему въ числѣ уличныхъ агитаторовъ попадается такъ много буржуазіи. [1])

Какъ бы то ни было, Польша не имѣетъ никакихъ лич-

---

[1]) Предлагаемъ извлеченіе изъ письма одного благоразумнаго поляка, служащаго въ войскахъ и по обязанностямъ службы близко соприкасающагося съ народомъ польскимъ. Письмо отъ 1 марта 1862 г. изъ Радома: „Здѣсь все спокойно, теперь только „въ томъ убѣждаюсь. Военное положеніе тяготитъ только дворян„ство и буржуазію; сельскому населенію вовсе нечувствительно, „ибо оно на это время избавлено отъ постоя и всѣхъ стѣсненій „при выдачѣ паспортовъ и легитаціонныхъ билетовъ. Въ Польшѣ „разладъ совершенный, крестьяне готовы хоть сейчасъ вырѣзать „помѣщиковъ, да войска мѣшаютъ. Помѣщики готовы всѣхъ кре„стьянъ уморить съ голоду, не давая и не продавая имъ земель, „да боятся крестьянъ и ихъ доносовъ, безпрерывно поступаю„щихъ къ военному начальству. Ксендзы и женщины—вотъ нас„тоящій революціонный элементъ; первые получаютъ большія „деньги отъ послѣднихъ, а этихъ волнуетъ любовь къ нимъ.

„Буржуазія дурно расположена къ правительству, особенно „пролетаріи чиновнаго и торговаго класса.

„У поляковъ теперь нѣтъ ни силъ, ни ума, ни умѣнья, всѣ „они живутъ традиціями и безъ всякаго толка кричатъ о грани„цахъ 1772 года. О патріотизмѣ польскомъ я очень дурнаго „мнѣнія.“

Мы отъ себя прибавимъ что писавшее эти строки лицо, отъѣзжая въ Польшу, было совсѣмъ другихъ понятій о краѣ и единодушіи дворянства польскаго съ славянами.

ныхъ средствъ къ своему возрожденію—ни моральныхъ, ни физическихъ. Ктожъ ея союзники, кто желаетъ ее возстановить, кто симпатизируетъ ей? Ужъ не Франція ли? Туда, по преимуществу, устремлены надежды, оттуда выносится вся мозаика доктринъ, разные продукты праздной мысли, оковывающіе умъ и разнуздывающіе фантазію патріотовъ. Упованіе на Францію до того глубоко въѣлось въ складъ польскаго шляхетскаго смысла, что аристократы поляки, не смотря на свою спѣсь и чванство, съ пріятнымъ самодовольствомъ и подобострастнымъ смиреніемъ, дарятъ французу названіе старшаго брата, оставляя за собою скромную кличку младшаго. Но къ чему ведетъ это искусственное, насильственное родство, если Провидѣнье въ своихъ высокихъ цѣляхъ не связало кровнымъ братствомъ славянина ни съ галломъ, ни съ нѣмцемъ. Такое братство, какъ искуственное, какъ затѣя пустаго празднаго тщеславія или мечтательнаго расчета не можетъ и повести ни къ чему серьозному. Франція имѣетъ свои блистательныя эпохи и великія заслуги въ исторіи цивилизаціи и жизни человѣчества, но все-таки остается при своихъ родовыхъ примѣтахъ, остается вѣрною своему римско-галлскому призванію. Такъ ли жилось младшему брату? Изъ своихъ ли источниковъ черпалъ онъ струи жизни и цивилизаціи? Можетъ быть Австрія и Пруссія протянутъ Польшѣ руку помощи! О нѣтъ, съ этой именно стороны патріотамъ и ждать нечего. Мы просимъ патріотовъ только обратить вниманіе на рядъ статей познанскаго поляка, помѣщенныхъ въ «Днѣ», и онъ осязательно пойметъ, по какому широкому плану развиваются замыслы и махинаціи нѣмцевъ, направленныя къ онѣмеченію славянъ и изглажденію ихъ народности. И такъ, надежды на нѣмцевъ нѣтъ, Франція высказалась противъ возстановленія Польши, въ лицѣ Наполеона I (о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить впослѣдствіи), остается одна Россія, не-

избѣжная во всѣхъ случаяхъ для поляка, Россія! Съ удовольствіемъ и мы скажемъ, что если Польша и будетъ позвана къ самостоятельности, то не иначе какъ чрезъ Россію, въ Россіи, съ Россіею. Государь Императоръ сказалъ полякамъ, что они дороги его сердцу, столько же, какъ и мы, русскіе; мы, съ своей стороны, раскрыли бы объятія наши для поляка, для искренняго союза двухъ славянскихъ народовъ, разрозненныхъ когда-то враждебными обстоятельствами, еслибы уличныя движенія польскихъ патріотовъ, затѣи, протесты, адрессы и разнообразныя волненія не оттолкнули ихъ отъ насъ далѣе той точки, на которой стояла ихъ къ намъ антипатія. Мы призвали на помощь все наше великодушіе, ничто не могло образумить неразумныхъ. На нашу кротость и справедливость, патріоты отвѣчаютъ враждебностію, отрицаніемъ даже нашей народности и революціонными затѣями. Отрезвитесь, гг. патріоты! Осмотритесь вокругъ себя, да поищите хорошенько вашей Польши ниже себя! Сойдите сами къ ней, а не тратьте безполезныхъ усилій притянуть ее къ себѣ. Ваше зрѣніе до того притупилось, что вы ищете Польшу не тамъ, гдѣ она есть; вы ее такъ затеряли въ разныхъ мечтахъ о сословныхъ вольностяхъ и шляхетскихъ преданіяхъ, что и слѣдъ къ ней вами потерянъ. Пойдемте же за нами къ Польшѣ, мы васъ введемъ въ нее, сблизимъ съ нею, напомнимъ всѣ пропасти, образованныя вѣками и институтами между вами и Польшею. Перестаньте лишь глумиться надъ нашею народностію и трезво посмотрите на международную нашу распрю и тогда вы сами скажете: да, если когда либо настанетъ часъ возстановленія Польши, то развязать узелъ нашей распри, умиротворить и развести тяжущіяся стороны есть прямой долгъ Россіи, а не Европы, и тѣмъ менѣе какого нибудь союза тайнаго общества, фантазирующаго воскресить Польшу бунтомъ и рѣзнею и навязывающаго націи

силачей свою хрупкую волю, свои жалкія убѣжденія. Протяните же, гг. патріоты руку братскаго союза и скажите вмѣстѣ съ нами: прочь революціонный союзъ, прочь всѣ его козни и разрушительные замыслы пропаганды. Мы дадимъ примѣръ крѣпкаго союза, неразрывной дружбы съ Россіею. Мы видимъ въ ней, вмѣстѣ со всѣми славянами, представительницу независимаго славянизма и отъ нея чаемъ ввода въ народную жизнь настоящей Польши. Мы убѣждены, что время и обстоятельства приведутъ нашу междоусобную борьбу къ той развязкѣ и желаемъ, чтобъ она наступила скорѣе, а пока это будетъ, возвратимся къ союзу революціоннаго общества.

Союзу недостаетъ исторической совѣсти, иначе онъ сознавалъ бы, вмѣстѣ съ нами, что молодая Польша не можетъ вырости изъ началъ, которыя убили старую Польшу и закрыли для нея навсегда роль на сценѣ всемірной исторіи. Въ уставѣ союза не совсѣмъ явственно обозначены эти начала; но другія сочиненія президента революціоннаго комитета знакомятъ насъ съ ними. Вотъ они: «Соціальная демократія» и «Религіозная Унія.» Изъ нихъ-то, по увѣренію Мирославскаго, предки его выработали цивилизацію для всѣхъ славянъ; они же, подъ фирмою Польши, составляютъ свѣточь истины и цивилизующій элементъ Россіи и другихъ славянъ. На этихъ-то аппробованныхъ элементахъ разрушенія, поляки-демократы, поляки-патріоты и поляки-іезуиты основываютъ прогрессъ польскій, главенство Польши между славянами, ея нравственную силу, ея вліяніе и ея живучесть. Что касается насъ русскихъ, мы, по ихъ мнѣнію, варвары, турки, варяги; и это потому, что не внимаемъ герольдамъ Польши, не покланяемся ея трупу, опрокинули (тоже, по ихъ мнѣнію) даже въ лицѣ Рѣчи посполитой жертвенникъ, на которомъ не только очищалась славянская цивилизація, но

будто бы лилась ляшская кровь за міровую цивилизацію, сторатъ священнаго для Польши и просвѣщающаго, Запада.

Каково первое начало, мы предлагаемъ читателю судить о немъ по сочиненію хоть Токквиля—Демократія Америки, отъ себя же добавимъ, что такъ восхваляемый поляками демократизмъ Польши никогда не былъ демократизмомъ въ точномъ значеніи этого слова, похожимъ, на примѣръ, на малороссійскій, гдѣ демократическое начало во всей силѣ проникло народъ, выражалось козачествомъ, неподатливостію ляху и, наконецъ, побѣдами надъ нимъ. Пресловутый польскій демократизмъ былъ собственно аристократизмомъ, безурядицею панскаго сословія, посягавшаго даже на королевскія права и власть и, въ тоже время, топтавшаго народъ въ грязь. Демократизмъ этотъ противенъ славянской натурѣ, какъ самый безобразный и безправный олигархическій деспотизмъ, гибельный для всякаго политическаго тѣла.

Что касается латино-польской уніи, какъ цивилизующаго начала, отсылаемъ читателя къ польскимъ историкамъ и мыслителямъ каковы: Лелевель, Морачевскій, Сарчинскій, Гуровскій, Мацѣевскій, Трентовскій и другіе, а также къ собранію актовъ объ уніи, изданныхъ Кіевскою Археографическою Коммиссіею и къ историческимъ документамъ нашего журнала, которые вопіютъ противъ этого историческаго преступленія Польши и даютъ нынѣ возможность каждому спокойно оцѣнить, по достоинству, горькіе плоды уніи—этого порожденія іезуитизма, какъ для Россіи, такъ и для Польши. Сколько писатели польскіе, столько-же и собранные нынѣ документы доказываютъ, что унія хотѣла обезличить, органически измѣнить нашу народность и такимъ образомъ подготовить преграду къ соединенію Западной Россіи съ Восточною, которая въ ту самую эпоху стала крѣпнуть, собирать растраченныя прежде области и угрожала Польшѣ борьбою за русскія земли, вѣру и народность.

Сами мы того убѣжденія, что пресловутый польскій демократизмъ и латинская унія, вмѣсто того, чтобъ служить живыми началами польской національности, оторвали Польшу отъ славянскаго ея дерева, предали ее на жертву внутренней деморализаціи и внѣшней анатоміи и, слѣдовательно повели и, пожалуй, могутъ повести другой разъ къ результатамъ радикально противоположнымъ тѣмъ, какихъ ожидаетъ отъ нихъ отчаянная фантазія Мирославскихъ.

Революціонный союзъ, поставивъ себѣ задачею—возстановленіе Польши, не ограничивается тою Польшею, которая на картѣ Имперіи занимаетъ пространство не болѣе двухъ нашихъ губерній, а хочетъ видѣть Польшу въ границахъ до 1772 г., или, что тоже, создать ее на счетъ Россіи. Для Мирославскаго и его революціонной собратіи предѣлы Польши—понятіе условное, отвлеченное, эластическое, зависящее отъ произвола и притязанія. Предѣлы эти союзникамъ грезятся всюду, куда когда либо проникала нога польскаго пана, хотя бы то для *полеванья* (охоты). Мы не понимаемъ, зачѣмъ союзники революціи такъ церемонятся. Если ужъ претендовать на русскія земли и народъ, такъ почему за предѣлы Польши принимать только границы ея 1772 года,—почему бы, наприм., не требовать губерній приволжскихъ, гдѣ также найдутся паны на жительствѣ и гдѣ также живетъ русскій народъ, какъ и на правой сторонѣ Днѣпра? Почему, наконецъ, Мирославскій, какъ глашатай атакующаго насъ элемента (конечно, польскаго) видитъ Польшу и въ Сибири, и за Кавказомъ, и въ Оренбургскихъ степяхъ. а какъ президентъ революціоннаго комитета, далѣе границъ 1772 года не идетъ? А казалось бы, если брать (хотя бы то и на словахъ), такъ ужъ брать такъ, чтобы и слѣдъ Россіи исчезъ (хотя бы то на картѣ). Но отъ фантазіи—къ дѣлу. Мирославскій и польская патріотическая пропаганда право свое на гра-

ницы 1772 года выводятъ изъ безправности, будто бы, раздѣловъ Польши. Но развѣ раздѣлы послѣ 1772 года не были утверждаемы сеймами, какъ и предшествовавшія имъ уступки земель? Развѣ сеймы позднѣе 1772 года были составлены не изъ вашихъ, гг. патріоты, дѣдовъ и отцовъ—кровныхъ поляковъ? Развѣ постановленія ихъ не записаны въ исторіи, не внесены въ европейское международное право, не гарантированы позднѣйшими трактатами, обезпечившими равновѣсіе и спокойствіе Европы? Далѣе, развѣ раздѣлы Польши послѣ 1772 года не были результатами проигранной борьбы, потерянныхъ сраженій? Кто же виноватъ, что ваши предки, польская аристократія или, какъ вы хотите ее именовать, польская демократія, не понимала политики, мутила въ своемъ государствѣ, не давала спокойствія другимъ, впутывалась во всѣ раздоры, не умѣла ни начать войны порядочно, ни вести ее дружно и ни окончить, какъ другіе то дѣлаютъ, съ выгодою, приличною твердостію и достоинствомъ? Мы васъ еще спросимъ мимоходомъ, гг. посягатели на присвоеніе русскихъ областей, почему вамъ такъ памятенъ актъ люблинскаго договора 1569 г., состоявшагося триста лѣтъ тому назадъ, тогда какъ, въ примѣненіе къ другимъ трактатамъ и конвенціямъ, ваша историческая память оказывается такъ короткою? Отъ чего вы не вчитаетесь въ договоры, предшествовавшіе 1569 году, промежуточные между 1569 и 1772 г.? Вы бы, по крайней мѣрѣ, убѣдились въ шаткости притязаній, основанныхъ на другихъ договорахъ, если бы вы, напр., вычитали, что деулинскимъ договоромъ 1618 г., мы уступили Польшѣ Смоленскъ и Черниговъ съ Сѣверскимъ краемъ,—Андрусовскимъ договоромъ 1667 г. Россія возвратила себѣ Смоленскъ, Сѣверію и удержала Кіевъ съ Украиною лѣвой стороны Днѣпра,—по варшавскому договору 1773 г., границею Россіи указана Двина и Березина, намъ достались Полоцкъ,

Витебскъ и Могилевъ съ провинціями,—по гродненскому трактату 1793 года, нами возвращены Подолія, Волынь и часть Полѣсья съ Минскомъ, по источники Виліи и Нѣмана до Стыри,—по конвенціи 1797 г., возвращены и прочія земли русскія по нынѣшнюю границу царства польскаго,—наконецъ, актомъ вѣнскаго конгресса 1815 года, присоединено къ Имперіи и самое Царство. Мы опустили нѣкоторые промежуточные договоры, а между тѣмъ одинъ изъ нихъ былъ бы для насъ весьма важенъ, еслибъ мы менѣе дорожили историческою истиною, позволяли давать фактамъ значеніе, по капризу, опираясь на выгодныхъ для насъ въ подкрѣпленіе нашихъ теорій документахъ, выводили бы изъ нихъ наши домагательства. Мы разумѣемъ здѣсь договоръ царя Алексѣя Михайловича съ гетманомъ Хмѣльницкимъ. Договоръ этотъ имѣлъ бы для насъ болѣе сильное юридическое значеніе, нежели для пропаганды актъ люблинской уніи. Люблинскимъ договоромъ Польша притянула къ себѣ русскія провинціи, а этимъ договоромъ великая Русь *добровольно* соединилась съ Малою, однако мы объ этомъ договорѣ умалчиваемъ, потому что позднѣйшій за тѣмъ договоръ Андрусовскій иначе разверсталъ Малороссію обѣихъ сторонъ Днѣпра и тѣмъ уничтожилъ дѣйствіе предшествующаго. Мы думаемъ и, надѣюсь, съ нами согласятся и историки, и юристы, что брать, по произволу, по фантазіи, одинъ или другой международный трактатъ, договоръ, не обращая вниманія на то, дѣйствуетъ ли онъ и доселѣ или утратилъ свою силу за дѣйствіемъ позднѣйшаго,—невѣжественно и легкомысленно по отношенію къ международному праву, а основывать на какомъ нибудь вырванномъ изъ исторіи листкѣ домагательство, которымъ можетъ быть нарушена цѣльность жизни и состава всего общества,—неуважительно къ самому обществу и, скажемъ болѣе, дико и несмысленно. Не было примѣра, чтобъ кто либо пытался перестроить

европейское общество по старымъ бумагамъ. Таково именно домогательство поляковъ возвести въ силу договоръ, послѣ котораго, позднѣйшими трактатами, совсѣмъ иначе поставлена историческая жизнь общества, отвергая притомъ значеніе послѣдняго трактата, какъ факта существующаго. Европейское международное право, обязательное для всѣхъ, признаетъ дѣйствіе тѣхъ только трактатовъ и договоровъ, изъ которыхъ вылилась настоящая жизнь общества и коими опредѣлились современныя отношенія народовъ, всѣ же предшествовавшіе трактаты сдаются въ архивъ, какъ достояніе исторіи, а не жизни, иначе претензіямъ, раздорамъ и войнамъ не было бы конца. Такъ парижскій трактатъ 1856 года, измѣнивъ нѣкоторыя отношенія и цѣли, которыя были навязаны европейскимъ державамъ вѣнскимъ договоромъ, уничтожилъ дѣйствія послѣдняго и тѣмъ лишилъ права кого бы то ни было простирать свои претензіи назадъ—за 1856 годъ. Историческое международное право есть право условное, временное, переходное, опирающееся на послѣднемъ не уничтоженномъ договорѣ. Безъ этого въ мірѣ послѣдовало бы всеобщее переселеніе народовъ, поминутное измѣненіе границъ ихъ и всемірныя смуты и безурядицы. Безъ этого Франція стала бы домагаться границъ тильзитскаго міра и, пожалуй, границъ имперіи Карла Великаго; Римъ потребовалъ бы сѣверной Германіи; австрійскіе Императоры—имперіи Карла Великаго; Испанія захотѣла бы возвратить Бельгію и Голландію; Турція—Венгрію; Алжирія—Грецію и Крымъ; Швеція—Померанію и Остзейскія губерніи; словомъ что въ Европѣ не осталося бы на своемъ мѣстѣ, при своемъ названіи.

И такъ, несостоятельность претендательства Мирославскаго и компаніи оказывается равносильною несостоятельности самаго историческаго права, а это въ устахъ легковѣрныхъ патріотовъ можетъ имѣть не больше значенія, какъ вѣрованіе нашихъ до-

мороіщенныхъ космографовъ въ стояніе земли на трехъ китахъ.

Въ заключеніе, предлагаемъ слышанные нами, весьма умѣстные здѣсь отзывы умныхъ и уважаемыхъ поляковъ о своихъ соотечественникахъ. Въ 1846 году, въ эпоху краковской революціи, временное республиканское правленіе приступило къ избранію министровъ. Дѣло какъ-то не клеилось: кандидатовъ на финансовый портфель было много, на прочіе портфели ни кого; кому ни предлагали ихъ, никто не хотѣлъ ихъ принять. Объ этомъ избраніи было много толковъ и на словахъ и на бумагѣ. Какъ-то, однажды, разговаривая съ весьма умнымъ полякомъ, знакомымъ мнѣ, я просилъ его объяснить мнѣ продолжительность краковскихъ выборовъ. Вотъ его отвѣтъ, тогда же мною записанный: «Вѣрьте мнѣ, я моихъ соотечественниковъ хорошо «знаю и имѣю право произнести имъ приговоръ. Мое увѣчье «доказываетъ, что, когда требовали обстоятельства, я не тру«силъ идти умирать за Польшу, [1]) но никогда не довѣрялъ «горячимъ патріотамъ, тайнымъ обществамъ и поджигателямъ «революцій. Они то и сгубили мое отечество. Вы развѣ недо«гадываетесь отчего въ Краковѣ такъ туго идутъ выборы? Всѣмъ «имъ, кто тамъ ни есть, хотѣлось бы добраться до финансовой «портфели или, точнѣе, овладѣть кассою и распорядиться ею по

---

[1]) Это нѣкто Г. К..., командовавшій въ 1830 году полкомъ и честно исполнившій долгъ военной присяги. $^{17}/_{29}$ ноября онъ привелъ свой полкъ къ великому князю, но, получивъ приказаніе возвратиться въ Варшаву, считалъ уже, и весьма справедливо, разрѣшеннымъ себя отъ прежнихъ обязательствъ. К. явился на банковую площадь съ полкомъ; но толпа не хотѣла даже слушать его, бросилась на него, стащила съ лошади, изувѣчила и, конечно, убила бы его, если бы, въ это время, не вышелъ на террасу банка ораторъ. Слово его остановило ярость толпы и призвало ее къ сознанію справедливости. Но было поздно. Несчастный на всю жизнь остался увѣчнымъ.

«своему, а при случаѣ и скрыться». Не помню, оправдались ли предсказанія поляка.

По поводу революціи 1831 года, другой почтенный полякъ, генералъ нашей службы, такъ выражался: «Знаете ли, что Л. теперь въ Варшавѣ только и кричитъ, что поляки сдѣлаютъ такъ, что Императоръ Николай будетъ воевать съ королемъ Николаемъ. Но къ сожалѣнію такая черта моихъ соотечественниковъ, что они все начинаютъ собща, пыломъ и крикомъ, а кончаютъ порознь и въ частныхъ капитуляціяхъ»! Если эта черта дѣйствительно была въ государственныхъ дѣятеляхъ покойной Польши, то пусть потомки ихъ догадаются на кого имъ должно сердиться, гдѣ имъ надлежитъ искать причинъ паденія Польши, завѣнчавшихся ея раздѣломъ и кого обвинять въ томъ: своихъ или чужихъ, насъ или кого либо другаго?.....

Недавно мы слышали расказъ, тто Людвигъ Мирославскій лишенъ званія президента національнаго комитета за обращеніе будто бы имъ въ свою собственность кассы союза и за пріобрѣтеніе на нее какой-то недвижимости. Если это правда, то мы полагаемъ, что на вакантное мѣсто много будетъ кандидатовъ, какъ и въ 1846 году на финансовый портфель въ Краковѣ. Можетъ быть преемнику Мирославскаго касса уже не ввѣрится, но что таковой будетъ, въ томъ почти не сомнѣваемся, иначе на кого же въ Европѣ падетъ обязанность провозглашать обществу соціальный демократизмъ и стучать подъ окнами домовъ, съ предложеніемъ: не угодно ли сдѣлать революцію—мы къ вашимъ услугамъ!!!!

П. Саковичъ.

(***Продолженіе будетъ***).

ЗАМѢТКА

на замѣтку: „о церковно-приходскихъ училищахъ кіевской епархіи", помѣщенную въ 238 № Санктъ Петербургскихъ Вѣдомостей 1862 года.

На широкомъ полѣ нашей литературы и журналистики, среди разнообразныхъ по содержанію и достоинству явленій, самымъ жалкимъ и пустымъ занятіемъ намъ кажется фельетонная полемика, которая, къ сожалѣнію, слишкомъ разростается у насъ. Это точно репейникъ, который хочетъ плодится въ ущербъ хорошимъ и полезнымъ растеніямъ. У фельетонной полемики есть свой характеръ и своя физіономія, совершенно не похожія на добросовѣстный литературный трудъ. Вы не видите здѣсь вниманія къ правдѣ дѣла и стремленія къ ясной, доброй цѣли. Вы не читаете здѣсь горячо прочувствованныхъ и глубоко продуманныхъ строкъ и выводовъ. Мелкіе интересы, личныя страсти, сословныя предубѣжденія, закулисныя отношенія и кабинетныя дрязги—вотъ тѣ рычаги, какими живетъ, движется и работаетъ эта полемика. Критикъ (если только здѣсь можно употребить это слово, не профанируя его) вовсе не заботится о томъ, чтобы сказать нѣчто живое и содержательное; онъ во что бы то ни стало хочетъ только отдѣлать своего противника, поставить на своемъ и бросить грязью въ него или то учрежденіе, ту идею, какія онъ защищаетъ. А что будетъ изъ этого,—ему нѣтъ никакого дѣла. Когда подумаешь объ этомъ, подъ вліяніемъ какой нибудь извѣстной, свѣжей фельетонной критики,

чувство грусти ложится на душу еще тяжелѣ, негодованіе на фельетонную критику становится еще отчетливѣе и законнѣе.

Такія мысли пришли намъ въ голову, когда мы въ С. П. Б. Вѣдомостяхъ прочитали замѣтку: «по поводу статьи г. Крамарева: о церковно-приходскихъ училищахъ кіевской епархіи, помѣщенной во 2 № Вѣстника югозападной и западной Россіи за 1862 годъ». Мы не принадлежимъ къ любителямъ фельетоннаго чтенія, но, какъ жители Кіева, естественно заинтересовались этою замѣткою, по одному ея заглавію. Статья, какъ видите, имѣетъ нашъ мѣстный интересъ: намъ нельзя обойдти вниманіемъ того, что говорятъ о нашей скромной сторонѣ и нашей дѣятельности, въ столичныхъ газетахъ.

Но что это за замѣтка, и для чего она? Какой смыслъ и какая цѣль ея? Что побудило автора явиться предъ публикой съ своимъ жидкимъ словомъ, въ столичной газетѣ о статьѣ, скромно и безъ всякихъ затѣйливыхъ претензій разсказывающей о мѣстномъ явленіи, болѣе или менѣе извѣстномъ всякому жителю кіевской губерніи?

На эти и подобные вопросы статья не даетъ яснаго отвѣта, и вы можете только догадываться, какія намѣренія какая задняя мысль скрывается за словами автора, богатыми одними полу-намеками и прикрытыми туманомъ неопредѣленности.

Неизвѣстный авторъ, въ началѣ своей статейки, хотѣлъ что-то сказать касательно ея цѣли и намѣренія. «Мы желали бы (говоритъ онъ) высказать нѣсколько мыслей, пришедшихъ намъ въ голову, при чтеніи статьи, заглавіе которой нами выписано. Осмѣливаемся думать, что онѣ не будутъ некстати, при всеобщемъ вниманіи теперь нашего общества къ вопросу о народномъ образованіи». Въ добрый часъ, сказалъ бы вамъ читатель, особенно заинтересованный въ дѣлѣ народнаго образо-

ванія, надѣясь, что вы, руководясь чисто разумными мотивами, намѣреваетесь силою своего сознанія сколько нибудь разъяснить тяжелыя думы нашего времени надъ вопросомъ о народномъ образованіи! Вамъ будутъ очень благодарны, если вы дадите добрый совѣтъ въ дѣлѣ, живо интересующемъ всѣхъ, если укажете что нибудь новое касательно способовъ и средствъ къ облегченію важнаго и труднаго дѣла. Въ совѣтахъ, въ руководствахъ очень нуждаются наши сельскіе учители народа. Но сюда ли мѣтятъ ваши нѣсколько мыслей! Хотятъ ли онѣ сказать что нибудь серьезное по вопросу о народныхъ школахъ? Мы не видимъ этого. Отсутствіе положительнаго интереса и содержанія слишкомъ замѣтно отражается въ «нѣсколькихъ мысляхъ», записанныхъ въ газету по поводу статьи: «о церковно-приходскихъ школахъ, кіевской епархіи». Всѣ мысли направлены къ тому, чтобы уколоть людей чужаго прихода и произвесть въ нихъ хоть мгновенное ощущеніе боли. Авторъ весьма неловко придирается къ выраженіямъ разскащика о кіевскихъ церковно-приходскихъ школахъ. старается подмѣтить его обмолвки усиливается воспользоваться ими для того, чтобы доброе дѣло перевесть въ область комическаго и уронить его въ глазахъ публики. «Какъ можно хвалить духовенство за распространеніе грамотности и за заботу о народномъ образованіи (хочетъ сказать авторъ замѣтки: это противно его желанію и почему-то очень непріятно ему)? Его совершенно напрасно заставляютъ браться за это дѣло; у него нѣтъ охоты къ этому, да, пожалуй, и времени, а главное, оно совершенно не умѣетъ вести это дѣло какъ слѣдуетъ. Авторъ самъ слышалъ отъ довѣренныхъ лицъ, производившихъ неоффиціально испытанія, да и самъ имѣлъ случай видѣть, какъ дурно, съ какими старосвѣтскими замашками оно ведетъ себя въ школахъ, съ какою неумѣлостію исполняетъ возложенное на него дѣло просвѣщенія

народа. У насъ же есть министерство *народнаго* просвѣщенія, которое изъ желанія добра народу должно открывать и открываетъ школы по деревнямъ и селамъ и, конечно, лучше можетъ распоряжаться этимъ дѣломъ, чѣмъ духовенство». Чтоже? Это сказано изъ желанія добра народу? Изъ безкорыстнаго служенія дѣлу народнаго образованія? По сознанію долга и правды? Нѣтъ, авторъ самъ не хочетъ становиться на ходули, а проговаривается довольно ясно, что у него есть какіе-то личные счеты съ духовенствомъ по дѣлу о народныхъ школахъ, и что онъ имѣетъ основаніе антипатично относиться въ томъ случаѣ къ духовенству не по однимъ разсчетамъ безстрастной мысли.

Еслибы вы истинно ревновали по дѣлу народнаго образованія, если бы вы хотѣли оказать поддержку трудящимся на этомъ поприщѣ, то зачѣмъ чернить, безъ видимыхъ основаній, брата и сотрудника? Зачѣмъ бросать въ него насмѣшкою и колкостями? Научите его, если вы мудрѣе его, укажите ему лучшіе способы дѣйствованія, но не браните его, не корите его съ злобою за недостатки, если вы ихъ въ немъ замѣчаете. Всякій, мало-мальски благомыслящій, человѣкъ согласится, что духовенство взялось за доброе дѣло, когда начало открывать и заводить школы при церквахъ. Можетъ быть, здѣсь, на первыхъ порахъ, съ какой нибудь стороны, были такія или другія неловкости. Можетъ быть, въ методахъ обученія, у нашихъ сельскихъ учителей нѣтъ той современной моды, какую узаконяетъ теорія педагогіи. Но мы надѣемся на силы и усердіе духовенства и смѣемъ думать, что время, опытъ и добрые люди научатъ его болѣе успѣшному веденію съ честію начатаго дѣла. И какъ же не жалѣть, что эти люди, на доброту которыхъ столько разсчитываетъ духовенство, вмѣсто благожеланія и совѣтовъ, шлютъ ему укоры, антипатію и оскорбительное недовѣріе. Духовенство чѣмъ богато, тѣмъ и радо. Какъ знаетъ и умѣетъ, оно, по мѣрѣ силъ сво-

ихъ, трудится надъ дѣломъ народнаго образованія, и только скорбитъ о томъ, что со стороны людей, владѣющихъ средствами, ему нѣтъ ни поддержки, ни одобренія. Безъ средствъ, безъ денежныхъ пособій, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ оно взялось за это дѣло, и, можно сказать, что успѣхи этого безкорыстнаго служенія духовенства, въ глазахъ людей, имѣющихъ очи видѣть, превзошли самыя смѣлыя ожиданія.

Министерство народнаго просвѣщенія, естественно, должно было показать полное сочувствіе предпріятію духовенства касательно заведенія школъ и распространенія грамотности,—и по вѣдомству его сдѣланы были распоряженія, клонящіяся къ той-же цѣли, какую намѣтило себѣ духовенство. Но, то было, если не ошибаемся, уже тогда, когда слишкомъ много и громко начали говорить о церковно-приходскихъ школахъ, учрежденныхъ духовенствомъ. Значитъ, иниціатива въ этомъ дѣлѣ совершенно не ему принадлежитъ: оно явилось здѣсь какъ бы подражателемъ духовенства и хотѣло идти по готовому пути. Оно по этому не должно предвосхищать у нашего духовенства доброй славы за первоначальное осуществленіе мысли о заведеніи сельскихъ школъ и распространеніи грамотности и просвѣщенія въ массѣ деревенскаго народонаселенія.

Во всякомъ случаѣ, когда бы ни начато дѣло народнаго образованія со стороны министерства просвѣщенія, мы не можемъ охуждать его стремленія, достойнаго уваженія по самой цѣли. Мы думаемъ, что и духовенство обрадовалось содѣйствію со стороны свѣтской власти, когда услышало о его стремленіяхъ и распоряженіяхъ. Одна сила дѣлаетъ добро народу,—къ ней присоединяется другая: онѣ вмѣстѣ сдѣлаютъ гораздо больше. И духовенство радовалось, когда услыхало, что оба вѣдомства, и свѣтское и духовное, соединились между собою, что-

бы дружными усиліями, безъ споровъ и зависти, идти къ доброй цѣли, къ образованію народа.

Но, видите, какъ портится дѣло, когда въ него замѣшаются страсти человѣческія! Исполнители предписанія министерства народнаго просвѣщенія, какъ чиновники, тотчасъ же повели дѣло по формѣ и начали думать о поставленіи въ школу своихъ начальниковъ, которые безконтрольно заправляли бы ея дѣломъ. Школы, основанныя безъ ихъ воли и вѣденія, и потому не думавшія подчиняться ихъ властительской регламентаціи, возбуждають противъ себя ихъ сердитое негодованіе, и они становятся въ жаркій антагонизмъ къ нимъ, какъ явленіямъ, не узаконеннымъ ихъ начальственною волею и ускользающимъ отъ ихъ чиноначалія. По силѣ этого антагонизма, отстраняютъ дѣтей отъ посѣщенія школъ, заведенныхъ духовенствомъ, если эти послѣднія не выражаютъ желанія отказаться отъ своей автономіи. Хотя мы и не можемъ указать въ подобномъ случаѣ фактовъ прямаго насилія, за то комическихъ продѣлокъ, въ которыхъ ревнители собственно свѣтскаго просвѣщенія, отъ избытка своего усердія, разными обѣтованными благами силились сманить себѣ людей изъ чужаго лагеря, довольно подмѣтила народная наблюдательность. По силѣ этого антагонизма, непрошенные и никѣмъ не призванные люди стараются пускать въ народныя массы дурную молву и презрительные отзывы о дѣятельности и способностяхъ нашего духовенства къ дѣлу народнаго образованія. Этотъ антагонизмъ прибѣгаетъ, наконецъ, и къ печатной гласности съ неосновательнымъ и пристрастнымъ протестомъ противъ дѣятельности духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія. Какъ хотите, а это дѣло нечистое. Если кому не угодно признать силы законности за совершившимся фактомъ, если кому не нравится зданіе, добросовѣстно начатое духовенствомъ, тотъ, по долгу честнаго уваженія къ чужой личности и чужому труду, пусть

не перебиваетъ работы домашнихъ дѣятелей, пусть не хлопочетъ о совершенствахъ чужой постройки,—тѣмъ болѣе—пусть не раскидываетъ камней, положенныхъ другими въ основаніе зданія, а, если считаетъ нужнымъ, пусть строитъ новое зданіе, независимо отъ того, которое строится другими. Мы привыкли обращаться съ народомъ слишкомъ безцеремонно и мало полагаемся на его разсудительность, въ дѣлахъ, касающихся его личной пользы. Самоправно и нелогично! Въ дѣлѣ народнагоо бразованія, народу нужно предоставить главную распорядительность. И свѣтскимъ никто не мѣшаетъ заводить свои школы, но пусть же они не мѣшаютъ и духовенству продолжать начатое дѣло, тѣмъ болѣе, что оно правительству не стоитъ никакихъ издержекъ. А народъ самъ знаетъ, къ кому ему лучше обратиться за удовлетвореніемъ пробуждающейся въ немъ потребности просвѣщенія. Навязывать ему извѣстное, ему неугодное, образованіе и образователей, повторимъ снова, и самоправно и нелогично.

Но духовенство, представляетъ неизвѣстный авторъ, не умѣетъ учить, и потому въ его распоряженіи нельзя оставлять школъ народныхъ, хотя бы они и имъ были заведены. Лучше это предоставить намъ, людямъ свѣтскимъ, которые, по смыслу указанной нами статьи, лучше образованы, чѣмъ сельское духовенство, и болѣе знакомы съ новѣйшими, легчайшими методами обученія. «Изъ собственнаго опыта (говоритъ онъ), изъ «словъ лицъ, производившихъ неоффиціально испытанія, лицъ, «которымъ мы вполнѣ довѣряемъ, мы знаемъ о приходскихъ «школахъ такіе факты: дитя отлично читаетъ часословъ, знаетъ «его даже наизустъ, и ни одного слова не можетъ прочесть въ «другой книгѣ славянской, по которой не училось; дитя отлично, «быстро читаетъ всякую славянскую книгу, поетъ цѣлую обѣдню «и не можетъ понять и объяснить ни одного слова изъ прочи-«таннаго,—даже сдѣлаетъ вамъ большіе глаза, если объ чемъ

«нибудь подобномъ вы его спросите. Мы сами имѣли случай ви-
«дѣть (продолжаетъ авторъ, замѣтно любуясь картинностію сво-
«его выраженія), какъ рука учителя коснулась съ размаху щеки
«дитяти, какъ не-разъ не съ розмаху, а колебательно касалась
«она волосъ дѣтей. Слышали мы еще отъ довѣренныхъ лицъ
«кое-что о стояніи колѣнами на кирпичахъ, съ поднятыми въ
«рукахъ кирпичами же, и стояніи многовременномъ....»

Авторъ, какъ видно, нарочно собиралъ разные слухи касательно метода обученія и дисциплины, господствующихъ въ приходскихъ школахъ, и слухъ его, руководимый внутреннимъ расположеніемъ сердца, показывалъ чуткость и воспріимчивость только къ тому, что въ этихъ слухахъ, на основаніи, можетъ быть, давнихъ преданій, есть дурнаго и нерекомендующаго. Наши свѣденія по этому предмету нѣсколько новѣе и достовѣрнѣе. Одинъ изъ дѣльныхъ студентовъ университета, вовсе не предубѣжденныхъ въ пользу духовенства описывая свою поѣздку по кіевской губерніи, съ восторгомъ разсказывалъ о видѣнныхъ имъ сельскихъ школахъ, управляемыхъ духовенствомъ, какъ о явленіяхъ особенной замѣчательности. По его словамъ, есть чему поучиться у забытыхъ сельскихъ учителей—священниковъ и намъ, людямъ высшаго образованія. «Среди живой дѣятельности, говорилъ онъ, у нихъ сами собою родятся особенные педагогическіе пріемы, и достигаютъ у иныхъ такого совершенства, что ихъ просто можно ставить въ образецъ современной педагогической науки.» Онъ называлъ намъ даже фамиліи этихъ педагоговъ, особенно одного, священника Пр—ва, который въ этомъ отношеніи могъ поучить, пожалуй, самыхъ лучшихъ нашихъ педагоговъ. И мальчики, вообще, учащіеся въ такихъ школахъ, быстро развиваются, и не только усвояютъ простую грамоту, но и показываютъ смыслъ, пониманіе..... Кто хочетъ составить себѣ надлежащее понятіе о

приходскихъ школахъ, тому не мѣшало бы, кромѣ дурныхъ толковъ, подсказанныхъ предубѣжденіемъ и стародавними преданіями, быть повнимательнѣе къ живому и разнообразному голосу современной дѣйствительности. Конечно, не всѣ одинаково учатъ, не всѣ одинаково воспринимаютъ ученіе. Но вѣдь и у свѣтскихъ учителей, зависящихъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, бываютъ разные пріемы и способности. Кто по совѣсти броситъ камень осужденія въ духовенство за то, что оно дѣйствуетъ (и дѣйствуетъ успѣшно) на образованіе народа тѣми, а не другими средствами! Если захотѣть подмѣчать дурное, то развѣ нельзя найдти его и въ свѣтскихъ хваленыхъ школахъ? Мы жалѣемъ о тѣхъ опытахъ механическаго обученія (кто бы ни училъ такъ—свѣтскіе или духовные), на которые съ торжествомъ указываетъ авторъ, и при которыхъ дитя, знающее наизусть часословъ, ни слова не можетъ разобрать въ славянской книгѣ, или—умѣющее пѣть цѣлую обѣдню и бойко читающее всякую славянскую книгу, не въ силахъ объяснить ни одного слова изъ прочитаннаго. Но авторъ далъ намъ поводъ усомниться въ правдивости его приговора, и опыты, имъ представленные, признать слишкомъ рѣдкими и не въ такой мѣрѣ чуждыми смысла, какъ это угодно было представить воображенію автора. Умѣнье читать, отъ часослова, хорошо знакомаго мальчику, незамѣтно можетъ возрасти и перейдти на другія книги. Точно также незамѣтно можетъ развиться и сила пониманія. Лейбницъ разсказываетъ же о себѣ, что онъ въ дѣтствѣ любилъ смотрѣть латинскія книги, въ которыхъ ничего не понималъ сначала; а потомъ, когда онъ повторялъ и учащалъ свое обращеніе съ ними, онъ началъ кое-что понимать въ этихъ книгахъ,—дальше и дальше,—и онъ, наконецъ, овладѣлъ ихъ смысломъ вполнѣ. Тоже самое можетъ случиться и съ мальчикомъ, читающимъ мало понятную ему славянскую книгу: со

временемъ, при учащенномъ вниманіи, въ этихъ книгахъ для него сдѣлается все яснымъ и понятнымъ, какъ будто безъ особенныхъ усилій съ его стороны. Да притомъ, не перемѣшалъ ли нѣсколько факты авторъ и не увеличилъ ли съ другой стороны ихъ механической мертвенности. Можетъ быть лица, производившія *неофиціяльныя* испытанія, заставляли дѣтей читать наизусть молитвы, которыя выучиваютъ малолѣтнія и неграмотныя дѣти со словъ матери или учителя (дѣло, конечно, не заслуживающее порицанія)? Автору показалось, что они по книгѣ могутъ читать только то, что заучили наизусть. Мы не вѣримъ далѣе, чтобы мальчикъ, быстро читающій всякую славянскую книгу и поющій цѣлую обѣдню, не понималъ *ни одного* слова изъ прочитаннаго. Ну, напримѣръ, молитвенное обращеніе: *Господи помилуй*, едвали не понятно такимъ мальчикамъ и многое, тому подобное. А что дѣти простолюдиновъ не все въ состояніи объяснить, за это не слѣдъ винить ихъ. Намъ случалось говорить съ людьми, имѣющими ученую университетскую степень, которые откровенно признавались, что они ни іоты не понимаютъ въ пѣсни: «Иже херувимы тайно образующе... и въ нѣкоторыхъ другихъ». Отъ чего это зависитъ, когда здѣсь нѣтъ возможности свалить вину на механическую методу обученія, конечно, не примѣнимую къ студенту или кандидату университета?

Сколько намъ приходилось слышать: мы не имѣемъ основанія возлагать большихъ надеждъ на новыя методы, которыми будто вооружены свѣтскіе сельскіе учители. Многіе изъ этихъ учителей только слыхали о новыхъ легчайшихъ методахъ обученія, но не знаютъ ихъ сущности и не могутъ себѣ выяснить ихъ характера; многіе и изъ знающихъ кое-что объ нихъ не умѣютъ прилагать ихъ къ практикѣ. Въ нашей памяти доселѣ свѣжъ разговоръ, который намъ приходилось слышать еще лѣ-

томъ. Одинъ изъ ревнителей свѣтскаго просвѣщенія и ненавистниковъ школъ, заведенныхъ духовенствомъ, еще участвующій, кажется, непосредственною дѣятельностію въ созданіи и приготовленіи скороспѣлыхъ просвѣтителей народа, старался восхвалить свою систему обученія, которую онъ вмѣстѣ съ другими, передаетъ людямъ, выразившимъ желаніе быть учителями въ сельскихъ школахъ. Дѣло, какъ водится у насъ, началось бранью духовенства, которое, по его словамъ, только портитъ народъ въ своихъ школахъ, и со вредомъ для мысли забиваетъ головы мальчиковъ своими старыми пріемами. Но, когда разговоръ завязался и отъ него потребовали выясненія своей новой методы, онъ, сколько ни бился, а не могъ выпутаться изъ сферы общихъ фразъ, ходячихъ въ нашемъ обществѣ, и ровно ничего не выяснилъ.—Что дурнаго (спросили его) собственно въ тѣхъ пріемахъ обученія грамотѣ, какіе вызываютъ у него столько негодованія на наше духовенство?—Да, помилуйте (отвѣчалъ онъ) тамъ, въ приходскихъ школахъ, учатъ дѣтей азбукѣ такъ, какъ учили въ старину, именно заставляютъ говорить, смотря на буквы: азъ, буки, вѣди, глаголь...... и т. д.—Ну, а вы какъ учите?—А мы: «а, бе, ве, ге...... и пр. Но тутъ еще (замѣтили ему) не большое усовершенствованіе: результатъ, вѣроятно выйдетъ изъ этого тотъ же, какого достигаетъ и духовенство со своими азъ, буки, вѣди..... И не все ли равно, выучусь ли я читать по а, бе, ве,—или по азъ, буки, вѣди.....?»— Современный педагогъ не зналъ, что отвѣчать на это и только, смѣшавшись, пробормоталъ сквозь зубы: «Такъ, но....все какъ будто голова меньше забита», оказавшись несостоятельнымъ защитить это шаткое положеніе.— Послѣ, его навели на мысль о вещественномъ обученіи и чрезъ изображеніе предметовъ, рисуемыхъ въ новыхъ азбукахъ, возбуждающихъ воображеніе дитяти, и заохочивающихъ ихъ къ

ученію,—и педагогъ началъ въ неумѣренныхъ похвалахъ отзываться объ этой наглядной методѣ обученія. Его оппонисты замѣтили ему на это, что и старая азбука не безпредметна, и тамъ при каждой буквѣ стоитъ названіе такого или другаго предмета. Только вотъ въ чемъ разница: тамъ при А стоитъ названіе ангела, архангела, при Б имя Бога, а въ новой азбукѣ—при буквѣ А нарисованъ ананасъ, который для нашего крестьянина почти не существуетъ, при Б, вмѣсто Бога,—быки, при С свинья и т. п. Едва-ли нашему народу, смотрящему на дѣло грамоты болѣе или менѣе съ религіозной точки зрѣнія, нравится такой выборъ предметовъ въ пособіе къ первоначальному изученію азбуки: онъ скорѣе уронитъ въ глазахъ народа дѣло грамоты, чѣмъ привлечетъ его къ ней, и, встрѣчаясь съ быками, да свиньей въ самый первый періодъ своего образованія, мальчикъ можетъ установить взглядъ на книжное дѣло, какъ на нѣчто шуточное, безцѣльное и забавное.—Нападалъ современный педагогъ на духовныхъ и за то, что они не умѣютъ выбирать книги для первоначальнаго чтенія дѣтямъ: они-де даютъ мальчикамъ въ руки какія нибудь непонятныя славянскія книги. Ему отвѣчали на это, что духовные даютъ въ руки дѣтямъ не какія нибудь непонятныя славянскія книги, а такія, какія нужнѣе и полезнѣе всякихъ другихъ каждому христіянину, именно книги священныя и богослужебныя, а во главѣ ихъ божественное Евангеліе.—Но, что пользы въ этомъ, когда нашъ народъ нисколько не понимаетъ этого мертваго, стараго языка?—Нашъ народъ, правда, не говоритъ древнимъ церковно-славянскимъ языкомъ (отвѣчали ему), но онъ на первыхъ же годахъ своего сознанія, болѣе или менѣе свыкается и освоивается съ нимъ; потому что онъ ходитъ въ церковь, и въ церкви постоянно слышитъ древнюю церковно-славянскую рѣчь, которая чрезъ то дѣлается ему родною и понятною. Осо-

бенно—возьмите Евангеліе: вы не найдете тамъ слова или пункта, смыслъ котораго былъ бы вообще непонятенъ народу; въ этомъ отношеніи, крестьянскій мальчикъ, пожалуй, не уступитъ иному воспитаннику свѣтскаго городскаго учебнаго заведенія. Притомъ же, Евангеліе есть и въ русскомъ переводѣ; а русскій переводъ Евангелія такъ простъ и удобопонятенъ, такъ дешевъ и доступенъ, что, мы надѣемся, онъ есть въ каждой сельской приходской школѣ.—А вы (спросили его) по какимъ книгамъ хотите учить народъ?—«Мы дадимъ ему наши, которыя бы способствовали развитію разсудка, воображенія, напримѣръ, сказки...» Но едвали (возразили ему) здравая педагогія признаетъ болѣе полезною для умственнаго и нравственнаго развитія какія нибудь сказанія о Бабѣ-Ягѣ и Жаръ-Птицѣ, чѣмъ полную мудраго и благоплоднаго смысла исторію Божественнаго Основателя нашей вѣры и нашего Искупителя, умѣвшаго говорить самыя глубокія истины понятно для всякаго дѣтскаго ума.....» Но мы наскучили бы читателю, если бы захотѣли передать все разнообразіе шаткихъ положеній и несостоятельныхъ возраженій современнаго свѣтскаго педагога; и изъ нашихъ немногихъ словъ уже ясно видна вся его мудрость и та цѣль, къ которой онъ, безъ долгихъ размышленій, хотѣлъ бы тянуть народное образованіе.

Что касается «размашистаго и колебательнаго движенія руки учителя приходской школы», такъ живописно изображеннаго авторомъ замѣтки, направленной къ униженію церковно-приходскихъ школъ,—то мы, не отвергая безусловно возможности подобнаго явленія, смѣемъ думать, что оно представляетъ рѣдкость въ свободныхъ школахъ, заводимыхъ духовенствомъ, куда отдаютъ дѣтей родители по доброй волѣ, а быть же не можетъ, чтобы эта добрая воля напрашивалась на размашистое и колебательное движеніе учительской руки къ щекѣ и головѣ

мальчика и на другія спартанскія казни. Если такія вещи авторъ слышалъ отъ достовѣрныхъ лицъ, то не представляютъ ли онѣ «дѣла давно минувшихъ дней, преданій старины глубокой?» И по ассоціаціи представленій, не перенесъ ли авторъ на новую сферу того, что разсказывали ему о другомъ далекомъ кругѣ? Если разсказъ автора и примѣнимъ къ педагогіи какого нибудь старика—дьячка, то въ сельскомъ быту его, въ пріемахъ, при которыхъ совершалось его личное образованіе много есть условій, нѣсколько извиняющихъ его негуманное обращеніе съ своими учениками. Негуманное обращеніе сельскаго учителя—простяка не должно казаться слишкомъ позорнымъ преступленіемъ тѣмъ людямъ, которые помнятъ, что самъ знаменитый Пироговъ, вмѣстѣ со всѣмъ педагогическимъ совѣтомъ кіевскаго учебнаго округа, призналъ розгу для благородныхъ гимназій и пансіоновъ необходимымъ средствомъ нравственнаго преуспѣянія, дѣйствующимъ чрезъ физическое сотрясеніе нервной системы. Духовенство, сколько помнится, никогда не выступало на нашихъ дняхъ въ защиту розги и пощечинъ; это знакъ, что оно не сочувствуетъ этимъ педагогическимъ средствамъ, и потому частныя уклоненія отъ гуманности обращенія съ учениками должны считаться только исключеніями, а не такимъ явленіемъ, за которое нужно винить все и всѣхъ.

На кого же возлагаютъ свои надежды ревнители свѣтскаго просвѣщенія, желающіе вырвать дѣло народнаго образованія изъ рукъ духовенства? Людей съ истиннымъ просвѣщеніемъ изъ свѣтскаго круга мало найдется для этой миссіи: они были бы слишкомъ дороги для нашихъ деревень; для такихъ у насъ и въ городахъ много мѣстъ, съ хорошимъ обезпеченіемъ, съ богатыми средствами къ саморазвитію, и съ видами на лучшую будущность. Мѣстомъ учителей сельскихъ школъ польстятся только недоучки всякаго рода, негодные для другаго употребле-

нія, именно: исключенные или уволенные до окончанія курса по разнымъ обстоятельствамъ, воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній. У такихъ людей менѣе всего можно ожидать нравственнаго содержанія, и менѣе всего можно располагать на ихъ благотворное вліяніе на дѣтей. Это большею частію люди съ порядочною долею распущенности, съ закаломъ отрицанія и недовольства: въ скромный и тихій сельскій бытъ они скорѣе всего могутъ внести дисгармонію и сѣмя нравственнаго раздора, вмѣсто желаннаго примиренія и просвѣтленія. Эти недозрѣлые бобыли педагоги для народа могли бы быть истинною язвою, если только дать имъ среди него свободный просторъ.—Лучше нѣсколько распоряжаются, когда выбираютъ сельскихъ учителей изъ среды самыхъ поселянъ, и приглашаютъ ихъ мѣсяца на четыре въ губернскій городъ, для педагогическаго просвѣщенія. Но четыре мѣсяца губернской жизни пересоздадутъ ли весь строй міровозрѣнія простаго селянина? И сравнится ли онъ, въ своемъ образованіи и познаніяхъ съ священникомъ, прошедшимъ полный учебный курсъ? Онъ будетъ также недалекъ, и также безсиленъ нравственными средствами, какъ и дѣти, порученныя его учительскому надзору. Короче: лишать священника, первое образованное лице въ деревнѣ, должнаго вліянія на школу, значитъ отнимать у крестьянъ возможность пользоваться самымъ важнымъ и сподручнымъ нравственнымъ вліяніемъ, какое только мыслимо въ его быту, и даже сочинять препятствія, устраняющія это благодѣтельное вліяніе. И имѣя готовую силу, зачѣмъ еще стараться выискивать другую силу и ей приписывать преобладающее значеніе, не смотря на то, что, по всѣмъ соображеніямъ, она никакъ не можетъ сравниться съ первою въ своемъ содержаніи, глубинѣ и широтѣ міровоззрѣнія и правильности направленія?

Авторъ соблазняется тѣмъ, что духовное начальство сдѣ-

лало распоряженіе касательно заведенія школъ при церквахъ кіевской епархіи. Тутъ, значитъ (заключаетъ онъ) дѣйствуетъ принужденіе, неволя. А извѣстно, какъ ведутся дѣла по принужденію. Но въ существѣ дѣла здѣсь нѣтъ ничего соблазнительнаго; распоряженіе духовнаго начальства о школахъ, не выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей. Начальственное распоряженіе обыкновенно тогда можетъ имѣть надлежащую состоятельность, когда оно опирается на общее сознаніе настоятельной потребности времени, и само служитъ выраженіемъ этого сознанія. Мы знаемъ, что и въ вѣдомствѣ свѣтскомъ дѣлаемы были распоряженія касательно заведенія школъ по селамъ, по примѣру распоряженій кіевскаго епархіальнаго начальства; знаемъ, что для этого дѣла нарочно ѣздили по кіевской губерніи особенные чиновники, и ѣздили, какъ нужно полагать, не по внушенію своего собственнаго расположенія, а скорѣе по указанію свыше,—думаемъ, что имъ для этого отпущены были надлежащія прогоны; слышали, что министерствомъ отпущено даже нѣсколько тысячъ для поддержанія новаго дѣла и поощренія кого слѣдуетъ къ дѣятельности. Между тѣмъ признаютъ же заслугу за тѣми лицами, которыя дѣйствуютъ по учрежденію народныхъ школъ, слѣдуя указанію свыше и при пособіи правительственныхъ средствъ,—и мы ея не отрицаемъ. Тѣмъ болѣе нельзя ничего сказать противъ свѣтскаго начальства, если оно подвѣдомственнымъ лицамъ даетъ указанія и дѣлаетъ распоряженіе касательно добраго дѣла по народному образованію. Такъ и должно быть.—Говоримъ это для того, чтобы поставить въ надлежащемъ свѣтѣ распоряженіе о школахъ кіевскаго епархіальнаго начальства: аналогія здѣсь, намъ кажется, очевидна; бросая тѣнь на одно, вы не смѣете одобрять и другаго, если хотите быть послѣдовательными. Но если признаете достойнымъ награды человѣка, что нибудь сдѣлавшаго для народ-

наго образованія, въ слѣдствіе начальственнаго распоряженія и при пособіи денежныхъ средствъ, данныхъ правительствомъ: то тѣмъ болѣе вы должны отдать справедливость дѣятельности духовенства, которое безъ средствъ и пособій сдѣлало больше, чѣмъ другіе съ деньгами и пособіями правительства.

Указывая на распоряженія кіевскаго епархіяльнаго начальства о заведеніи школъ при церквахъ, авторъ заподозрѣваетъ усердіе сельскаго духовенства по этому дѣлу,—въ доказательство этого ссылается на то, что онъ *«собственными ушами изъ устъ не одного духовнаго лица слышалъ рѣчи»* о трудности выполненія этого начальственнаго распоряженія.... Мы не ѣздили по кіевской губерніи и не разговаривали съ священниками, о томъ, о чемъ снисходительно бесѣдовалъ съ ними авторъ. Но судя по результатамъ сдѣланнаго распоряженія, о какихъ извѣщаютъ насъ газеты, въ особенности «Кіевскія Епархіяльныя Вѣдомости» въ послѣднихъ №№ своихъ, недостатка въ усердіи духовенства къ дѣлу народнаго образованія не было. Въ самомъ дѣлѣ, вдругъ столько школъ, такія цифры учащихся, что люди, живущіе на сторонѣ, не вѣрятъ такимъ цыфрамъ, тогда какъ для людей, знакомыхъ съ мѣстною жизнію, онѣ несомнѣнный фактъ въ очію совершающійся! Видно, что сознаніе долга слишкомъ живо было въ духовенствѣ; стоило только возбудить его, намекнуть ему такъ или иначе. Если бы въ духовенствѣ не было охоты къ дѣлу, на которое вызвало его начальство, это распоряженіе повело бы къ самымъ скуднымъ результатамъ. Спору нѣтъ, что духовенство, приступая къ этому дѣлу, встрѣтило для себя едва одолимыя трудности, особенно когда помѣщики и мѣстное и свѣтское вѣдомство не оказали имъ нужнаго содѣйствія. Предоставленный самому себѣ и своимъ скуднымъ средствамъ, иной священникъ съ скорбнымъ чувствомъ могъ, пожалуй, говорить рѣчи, подобныя тѣмъ, какія

слышалъ нашъ авторъ: «У насъ у самихъ помѣщенія нѣтъ, времени нѣтъ, а тутъ, какъ хочешь, открывай школу. .» Но кого винить здѣсь прежде всего? Конечно, не духовенство и не начальство, лишенное матеріяльныхъ средствъ къ обезпеченію подвѣдомственныхъ ему лицъ, а скорѣе всего тѣхъ, которые должны заботиться о матеріяльномъ благосостояніи народа и содѣйствовать ему въ удовлетвореніи его нуждъ, хоть, напримѣръ, устройствомъ помѣщенія для училища, пріобрѣтеніемъ школьныхъ пособій, учебниковъ и т. п.

Авторъ разбираемой нами замѣтки, думаетъ будто народъ относится не дружелюбно къ церковно-приходскимъ школамъ, и смотритъ на нихъ, какъ на учрежденія совершенно безполезныя: «Оно-то хорошо отдавать (слышалъ авторъ будто отъ родителей учащихся); да время тратится, дома могъ бы что нибудь сдѣлать, а то у пономаря вонъ цѣлый день полютъ огородъ, носятъ воду—когда некогда ученіе!»

Лучшимъ отвѣтомъ на это сомнительное свидѣтельство можетъ служить фактъ, не допускающій кривыхъ толкованій, о которомъ сообщаютъ Кіевскія Епархіяльныя Вѣдомости. Именно, по извѣстіямъ, напечатаннымъ въ №№ 20, 21, 22 и 23 К. Еп. Вѣдомостей, въ большинствѣ приходовъ сельскія общины добровольно ассигнуютъ ежегодно извѣстную сумму денегъ по общей складкѣ, въ обезпеченіе содержанія своего церковно-приходскаго училища, другія пріурочиваютъ къ училищу по нѣскольку десятинъ пахатной земли и усердно строятъ нарочитыя помѣщенія для школъ. Такой фактъ былъ бы для насъ необъяснимъ, если бы мы вполнѣ довѣрили голословному показанію автора, нерасположеннаго къ церковно-приходскимъ школамъ. Народъ, конечно, увидалъ пользу отъ приходскихъ училищъ и призналъ за ними лучшее просвѣтительное значеніе, когда отъ своего скуднаго достатка жертвуетъ иногда, можетъ быть, по-

слѣднюю лепту для поддержанія добраго дѣла, пришедшаго по его душѣ. Такая жертва со стороны поселянъ на пользу приходскихъ школъ, заведенныхъ духовенствомъ заставляетъ предполагать въ нихъ совершенно иныя отношенія къ школѣ и ея руководителямъ, какія рисуются въ глазахъ предубѣжденнаго противъ нихъ ревнителя свѣтскаго просвѣщенія. И эти иныя отношенія намъ кажутся весьма естественными. По нашимъ сельскимъ воспоминаніямъ прежнихъ лѣтъ, если кто, такъ это именно духовенство, можетъ возбудить въ народѣ расположенность къ дѣлу своего самообразованія и заслужить его уваженіе и довѣріе. На сюртукъ и фракъ наши селяне доселѣ смотрятъ съ нѣкоторою подозрительностію и боязливостію. Въ этой формѣ они привыкли видѣть то суроваго нѣмца—управителя, то становаго пристава, и подобныхъ имъ лицъ, которыя не имѣли съ ними внутреннихъ, существенныхъ связей, основанныхъ на душевной симпатіи, на взаимномъ довѣріи, а были для него представителями суда, притѣсненій и наказанія, и отъ которыхъ по этому онъ всегда старался держаться подальше. Отъ близкихъ служебныхъ лицъ народъ перенесъ свой недовѣрчивый и боязливый взглядъ на всѣхъ, кто по внѣшнему виду похожъ на этихъ старинныхъ своихъ знакомцевъ. Тутъ, безъ сомнѣнія много слѣпаго предубѣжденія; но вѣдь мы не можемъ однимъ повелительнымъ взглядомъ уничтожить его. Жизненныя привычки, сложившіяся исторически, закрѣпленныя вѣками не падаютъ мгновенно отъ давленія чьей бы то ни было воли. Дальше, люди, являющіеся въ сюртукѣ народу и, значитъ, помазанные городскимъ свѣтскимъ просвѣщеніемъ, извѣстны и памятны ему еще тѣмъ, что они обыкновенно не соблюдаютъ постовъ, не такъ-то любятъ ходить въ церковь и подъ часъ не прочь поглумиться надъ тѣми священными предметами, къ которымъ онъ по внутреннему убѣжденію, относится не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Поручить

такимъ лицамъ воспитаніе дѣтей больно будетъ сердцу нашего народа, и онъ не вдругъ рѣшится довѣриться тому, кто, по его воззрѣнію, такъ явно расходится съ его завѣтными убѣжденіями и нравственными началами. Намъ разсказывали, что въ иныхъ мѣстахъ учредители сельскихъ школъ, предлагая громадѣ о новомъ учрежденіи, обѣщали ей должное вспомоществованіе на это дѣло и сулили ей лучшіе методы обученія, съ какими незнакомы духовные, завѣдывающіе приходскими школами; но громада отказалась и отъ денежнаго пособія и не плѣнилась новыми методами обученія, а рѣшила лучше держаться своего *батюшки*, котораго она уже давно знаетъ...., а тамъ еще, Богъ вѣсть, кто и что будетъ. И это, говорятъ достовѣрные люди, было не въ одномъ и не въ двухъ мѣстахъ. Потому, если въ иныхъ селеніяхъ при школѣ являлась иногда другая школа,—свѣтская, въ нее не стремились ученики изъ церковной школы, и она не могла соперничать во вниманіи народа и въ числѣ учениковъ съ школою, заведенною и управляемою священникомъ.

Сомнительными намъ кажутся извѣстія о жалобахъ родителей учениковъ церковно-приходскихъ школъ на то, что ихъ вмѣсто ученія заставляютъ по цѣлымъ днямъ полоть огородъ, да носить воду,—и сожалѣніи о томъ, что школа только отвлекаетъ дѣтей отъ домашней работы. На такія распоряженія народъ не сталъ бы смотрѣть апатично, и тогда кто и что заставляло бы его посылать дѣтей своихъ въ безполезную школу? Притомъ въ горячую рабочую пору, когда для крестьянина пригодны и дѣтскія руки, кажется, не полагается классическихъ занятій въ школѣ. Въ лѣтній сезонъ мальчики и дѣвочки свободны отъ ученія, и родители могутъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію.

Въ послѣдней тирадѣ статьи, нами разбираемой, проры-

вается наружу и подлинное чувство и задняя мысль, руководившая перомъ автора. «За чѣмъ усердно добиваетесь (обращается онъ къ духовенству) взять образованіе народа въ свои руки. У васъ и своихъ занятій довольно: исполняйте хорошо свои насущныя обязанности. *Кійждо, въ неяже призванъ бысть, братіе, въ томъ да пребываетъ предъ Богомъ.* Для распоряженія школами нарочно и устроено у насъ министерство народнаго просвѣщенія.» Эти слова, можно сказать, составляютъ основной нервъ и квинт-эссенцію всей статьи; въ нихъ указана та главная цѣль, для которой она написана, хотя указана, можетъ быть, помимо воли автора.

Мы вполнѣ признаемъ тѣ высокія цѣли, для которыхъ устроено у насъ министерство народнаго просвѣщенія, и желали бы, чтобъ оно болѣе и болѣе становилось извѣстно массѣ нашего народонаселенія и по своему имени и по своимъ дѣйствіямъ. Никто не будетъ отрицать, что оно владѣетъ для этого всѣми нужными средствами, и матеріяльными и тѣмъ болѣе нравственными. Между тѣмъ нашъ авторъ отъ излишней, непрошенной услужливости сильному и самосознающему учрежденію готовъ дойти до искаженія его стремленій и поставить его въ невыгодномъ свѣтѣ предъ глазами публики. Министерство, сильное своими средствами, всегда можетъ завести свои школы, которыми будетъ и должно распоряжаться ко благу общему,—къ развитію нашей народности и утвержденію православія. Оно едва ли было бы довольно, если бы какой нибудь недогадливый исполнитель его стремленій и намѣреній усиливался подчинить его контролю и регламентаціи чужія, готовыя школы, не имъ основанныя. И очень можетъ быть, что оно сочло бы для себя нѣкоторымъ конфузомъ, если бы кто нибудь, во имя его, вдругъ нахлынулъ на школы, учрежденныя, помимо его вѣдома и содѣйствія духовенствомъ, и старался

прибрать къ своимъ рукамъ то, что вышло изъ свободной воли народа и усердія къ своему дѣлу людей другаго самостоятельнаго вѣдомства. Это было бы нѣкотораго рода посягательствомъ на чужую собственность, какъ скоро другое вѣдомство имѣетъ особыя гарантіи своей самостоятельности, и давало бы поводы протестовать весьма законно на насиліе. Въ этомъ случаѣ шло бы къ дѣлу давнее сравненіе, по которому одни сѣютъ, а другіе хотятъ пожинать то, что не ими посѣяно.

Авторъ тономъ начальника указываетъ духовенству *хорошо исполнять свои насущныя обязанности*, и не совѣтуетъ мѣшаться въ чужія дѣла. Мы не разберемъ и не поймемъ требованій и толковъ нашего общества касательно духовенства. Когда оно исполняло свои богослужебно-церковныя требы и обязанности, и въ этомъ полагало главную задачу своего служенія,—объ немъ говорили, что оно апатично, что оно ничего не дѣлаетъ ... Когда оно начало заводить школы и ревностно трудиться надъ образованіемъ народа,—на него посыпались нареканія, его винятъ уже за то, что оно не апатично—къ народному образованію, за то, что оно мѣшается не въ свое дѣло, и говорятъ ему, что для этого есть министерство народнаго просвѣщенія. Но вѣдь духовенство начало заводить школы, когда еще у насъ не слышно было о распоряженіи со стороны министерства народнаго просвѣщенія о крестьянскихъ школахъ по деревнямъ и селамъ. Люди благонамѣренные истинно обрадовались этому явленію и надѣялись, что радость ихъ раздѣлитъ съ ними все наше общество. Но вотъ, какъ видно изъ статьи, еще есть люди, которые сердятся за это на духовенство. Мы, кромѣ того, не думаемъ соглашаться съ авторомъ въ томъ, чтобы обученіе народа не составляло прямой обязанности духовенства. Народъ нашъ если желаетъ образованія, то религіозно—нравственнаго: обиліе свѣтской мудрости для него

не такая насущная потребность, какъ знаніе божественнаго содержанія религіи. Если такъ, то кому надлежитъ вѣдать эту часть, кому должно принадлежать распоряженіе ею, какъ не священнику, главному представителю сельской общины, религіозно-нравственному руководителю ея? На него народъ уже привыкъ смотрѣть какъ на своего учителя, и относиться къ нему съ вопросами и требованіемъ совѣтовъ тамъ, гдѣ нужно для него наставительное и руководительное слово. Отъ чегожъ этому значенію, признанному народомъ, не остаться во всей своей силѣ, въ примѣненіи къ школѣ и другимъ проявленіямъ народной жизни? Зачѣмъ устранять отъ народа готоваго наставника и руководителя, и предлагать ему другаго, къ которому еще, можетъ быть, не будетъ у народа достаточной симпатіи?

Министерство народнаго просвѣщенія, конечно, прекрасно дѣлаетъ, когда заботится о сельскихъ школахъ. Но если бы нашъ голосъ что нибудь значилъ для него, и если бы мы стояли къ нему въ какомъ нибудь замѣтномъ отношеніи, мы совѣтовали бы ему для пользы дѣла народнаго образованія, нарочно обратиться къ священникамъ, приглашать ихъ въ свои посредники и представители при сношеніяхъ съ народомъ, по дѣлу устроенія сельскихъ школъ и распоряженія ими, и снабдить ихъ матеріяльными средствами, необходимыми для процвѣтанія сельскихъ школъ. Это самое вѣрное средство для того, чтобы ему завязать съ народомъ живыя и крѣпкія, непосредственныя соотношенія и заслужить у него довѣріе и признательность; это далѣе самое легкое средство для приведенія въ исполненіе добрыхъ намѣреній министерства народнаго просвѣщенія; потому что оно освобождаетъ его отъ борьбы съ народными симпатіями, отъ напраснаго исканія порядочныхъ людей для завѣдыванія сельскими школами; это наконецъ болѣе всего сообразно съ уваженіемъ къ той свободѣ, какая должна

быть предоставлена народу въ дѣлѣ его образованія; потому что автономія сельскихъ общинъ, еслибы ее не стѣсняли и не пугали, скорѣе поручила бы надзоръ за своею школою своему священнику, первому и самому образованному своему представителю, чѣмъ присланному со стороны какому нибудь пану или полу-пану или малоученому крестьянину.

Въ дѣлѣ устройства школъ намъ могли бы служить образцемъ обычаи германскіе, о которыхъ разсказано въ одной книжкѣ «Православнаго Обозрѣнія.» Тамъ пасторъ, при участіи сельской приходской общины, главный распорядитель сельской школы, и полномочный надзиратель за нею. Ему предоставленъ выборъ учителей, и эти учителя отъ него обыкновенно въ такой зависимости, въ какой стоятъ низшіе клирики къ священнику, и они же выполняютъ при церквѣ и въ церквѣ обязанности, лежащія на низшихъ клирикахъ. Отъ чего бы и у насъ подобнымъ образомъ не поставить дѣла?

Наше духовенство (представляетъ авторъ) *и такъ обременено занятіями*. Но вѣдь и въ Германіи пасторы живутъ не безъ занятій; этихъ занятій у нихъ иногда и больше, чѣмъ у нашихъ священниковъ, особенно, когда они тамъ обязанны непремѣнно въ каждое воскресенье говорить проповѣдь. Между тѣмъ пастырскія занятія не мѣшаютъ германскому духовенству заниматься и распоряжаться школами. Мы думаемъ притомъ, что учителя въ свѣтскихъ школахъ заводимыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, трудятся и будутъ трудиться не безмездно. Если передать эти деньги священнику, развѣ онъ не могъ бы вмѣстѣ съ сельскою общиною, пріискать себѣ помощника, который облегчалъ бы его труды по школѣ, среди другихъ его занятій? Если бы, напримѣръ, сельская школа давала кое-какое вѣрное обезпеченіе, то весьма легко мы могли бы увидать на низшихъ степеняхъ клира болѣе свѣдущихъ и обра-

зованныхъ людей, чѣмъ какихъ видимъ теперь, и они были бы хорошими пособниками священнику въ дѣлѣ народнаго образованія. Да и сами священники, въ слѣдствіе своего не очень обезпеченнаго положенія, часто ищутъ работы внѣ своихъ прямыхъ обязанностей, и находятъ время и возможность заниматься обработкою земли и другими матеріяльными трудами. Если бы школа давала вознагражденіе за трудъ, развѣ бы онъ не промѣнялъ черной работы въ полѣ на болѣе благородное занятіе въ школѣ? Наконецъ и самый сезонъ обученія въ сельскихъ школахъ, совпадающій съ свободою отъ земледѣльческихъ занятій, есть такая эпоха въ жизни священника, въ которую онъ особенно свободенъ отъ обыденныхъ занятій и безъ всякой помѣхи можетъ посвятить лишніе часы досуга умственно-религіозному развитію дѣтей своего прихода.

Авторъ позволяетъ себѣ смѣяться надъ опасеніемъ, которое высказываютъ иныя, что религіозное направленіе народа можетъ пошатнуться, если вырвутъ завѣдываніе образованіемъ дѣтей простолюдья изъ рукъ духовенства. Но намъ не кажется шуткою и призракомъ напуганнаго воображенія это опасеніе. Мы уже говорили, на кого могутъ разсчитывать сельскія школы, если устранить отъ нихъ духовенство. Недоучки разнаго рода, изверженные изъ цивилизованнаго городскаго общества, и зараженные современною болѣзнію отрицанія, будутъ лѣзть въ сельскія школы на мѣста учителей и распорядителей.... Подумайте!.. Вѣдь они «будутъ имѣть вліяніе (говоримъ словами автора) на ходъ образованія въ школѣ, на количество и качество преподаваемыхъ въ ней предметовъ, слѣдовательно они будутъ имѣть несомнѣнное вліяніе на поколѣніе будущее и на настоящее!! Сообразите: какую религію, какую нравственность и какую общественность они будутъ внушать и внѣдрять въ чистыя, довѣрчивыя дѣтскія души!... Мы не хотимъ распро-

страняться объ этомъ, но когда думаемъ о тѣхъ плодахъ, какіе можетъ сулить образованіе, распространяемое людьми подобнаго закала,—намъ почему-то становится и грустно и боязно и жалко. Пусть не успокоиваютъ насъ тѣмъ, что высшее начальство будетъ же слѣдить за движеніемъ образованія въ сельскихъ школахъ. Живя гдѣ-то далеко въ городѣ, можетъ ли оно хорошо и своевременно знать, что дѣлается въ далекомъ захолустьѣ? А если разъ и случится ему исправить одну изъ тысячи невольную ошибку, то кто можетъ завѣрить, что это ошибка единственная, что сѣмя не приноситъ въ свое время плодовъ по виду своему? Не нужно забывать при этомъ, что нравственное направленіе не есть дѣло осязательной видимости. Будучи свойствомъ чисто духовнымъ, оно незамѣтно протерлается въ души и бросается въ глаза уже тогда, когда оно довольно окрѣпло и не поддается на исправленіе. Каждодневно обращаясь и бесѣдуя съ учениками въ школѣ, учитель сообщаетъ имъ не одно механическое знаніе, а незамѣтно передаетъ имъ свой духъ и долю своихъ нравственныхъ убѣжденій. Этого отвергать нельзя: а когда такъ, то съ какою осторожностію намъ нужно вести себя въ дѣлѣ народнаго образованія!

«А пока школъ не было» (спрашиваетъ авторъ, желая подорвать мысль о необходимости предоставить духовенству завѣдываніе сельскими школами), «что было съ религіею народа? «Вы въ школахъ только можете имѣть сношенія съ народомъ, «а всѣ другія отношенія ваши къ нему не могли и не могутъ «развить и поддерживать религіозныхъ началъ въ народѣ? Отъ «чего же непремѣнно тогда только удержатся религіозныя начала «въ народѣ, когда вы удержитесь во главѣ народныхъ школъ? «Другихъ способовъ развивать религію нѣтъ у васъ? Да и отъ «школъ васъ никто не удаляетъ: вы будете преподавать тамъ «Законъ Божій, но оставаться пастырями духовными, развиваю-

«щими въ народѣ религіозность жизнію своею, богослуженіемъ, «словомъ къ паствѣ и всѣми отношеніями къ ней. Или всѣ эти «способы не подходящи, и годится только тотъ, когда у васъ «въ рукахъ будутъ школы? Какъ хотите мы этого не понимаемъ.»

Напрасно авторъ притворяется непонимающимъ дѣла, и усвояетъ себѣ странную, нерекомендующую его непонятливость! Есть у духовенства способы для дѣйствованія на народъ, и оно пользуется ими по мѣрѣ силъ и возможности. Но школа, какъ скоро она существуетъ, есть одна изъ главныхъ нравственныхъ силъ, опредѣляющихъ характеръ и направленіе сельской общины. Одно изъ главныхъ средствъ для воспитанія и укрѣпленія нравственнаго начала въ народѣ. Здѣсь въ молодыя души полагаются ростки ихъ будущей нравственной жизнедѣятельности; здѣсь кладется первый основный камень всего міровоззрѣнія человѣка; школа, какъ говоритъ самъ авторъ, имѣетъ вліяніе на поколѣнія настоящія и будущія. Какъ же не хотѣть духовенству, ревнующему о религіозно-нравственномъ направленіи народа, пользоваться для своихъ цѣлей тѣмъ нравственно-образовательнымъ средствомъ, какое оно видитъ въ школѣ? Какъ не стараться поставить его въ прямое отношеніе къ себѣ? Если не оно будетъ руководителемъ этой нравственной силы,—эта сила должна подчиниться чужому вліянію, и тогда (не говоримъ, что непремѣнно будетъ,) но, весьма можетъ во главѣ ея стать человѣкъ, который сообщитъ ей направленіе, совершенно противное тому, какое желалось бы видѣть духовенству. Тогда священникъ, обязанный слѣдить за нравственнымъ развитіемъ своихъ прихожанъ, будетъ имѣть противъ себя тѣхъ, которые безъ этого покорно бы выслушивали его религіозныя наставленія; тогда ему придется напрасно тратить время и силы на то, чтобы исторгать плевелы, посѣянныя чужою рукою,

вмѣсто того, чтобы съ спокойною совѣстію разчищать и воздѣлывать вертоградъ, ввѣренный Христомъ его заботливости и охраненію. Вы хотите представлять духовенство слишкомъ слѣпымъ, если надѣетесь убѣдить его отказаться отъ завѣдыванія тою нравственною силою, которая можетъ быть самою лучшею пособницею въ дѣлѣ его служенія. Оно, безъ сомнѣнія, очень хорошо видитъ, что лучше имѣть за себя эту силу, чѣмъ противъ себя; лучше ее принаровлять къ своимъ цѣлямъ, чѣмъ отстранять отъ нихъ, или прямо видѣть ее во враждебномъ отношеніи къ нимъ.

Священника не вознаградитъ, за устраненіе его отъ завѣдыванія школою, возможность преподавать въ ней Законъ Божій. Когда не онъ здѣсь будетъ главнымъ, не отъ него должно будетъ зависѣть главное направленіе школы. И тогда, все равно, могутъ вторгаться въ школу противоборственные ему нравственные элементы, и отъ него могутъ потребоваться лишнія силы на борьбу съ вреднымъ направленіемъ, что вовсе не было бы, еслибы онъ былъ начальникомъ школы и распорядителемъ ея, вмѣстѣ съ своими прихожанами. Очень можетъ статься при томъ, что главные начальники школъ, въ случаѣ такихъ или другихъ столкновеній, постараются всячески освободить его вліяніе на учениковъ и унизить его предъ ними. Не придется ли тогда священнику и испытывать горечь своего положенія и сожалѣть объ утратѣ главнаго способа вліянія на паству? Какъ же послѣ этаго не понять, отъ чего это духовенство вяжется къ школамъ и не хочетъ отказаться отъ завѣдыванія тѣми училищами, которыя оно завело? Мы предоставляемъ уже автору и читателямъ судить о сообразности того положенія, которое ему угодно защищать, и по которому какой нибудь недоучка, иногда и сомнительной нравственности, былъ бы главнымъ распорядителемъ и руководителемъ школы, и священникъ уважа-

емый пастырь своего прихода, всегда кончившій полный семинарскій курсъ, и владѣющій болѣе или менѣе значительнымъ образованіемъ, имѣлъ здѣсь только страдательное значеніе и былъ въ подчиненномъ отношеніи къ пришлому учителю. По представленію автора, священникъ будетъ преподавать Законъ Божій въ сельской школѣ, а другіе—учителя свѣтскіе предметы. Какъ будто въ сельской школѣ будутъ преподавать разные предметы по университетской или гимназической программѣ! И какъ будто Законъ Божій не долженъ быть тамъ главнымъ и преимущественнымъ предметомъ изученія!

Въ заключеніе своей статьи нашъ авторъ хочетъ прикрыть правду своихъ словъ именемъ министерства народнаго просвѣщенія, открывающаго школы и не отдающаго ихъ въ распоряженіе духовенства, и именемъ правительства, согласно съ которымъ дѣйствуетъ министерство народнаго просвѣщенія. Но самъ онъ пишетъ и понимаетъ дѣло согласно ли съ волею и видами министерства и правительства? Мы знаемъ волю Государя Императора по этому предмету, и она вовсе не устраняетъ духовенство отъ завѣдыванія сельскими школами, а напротивъ хочетъ открыть ему больше доступа къ участію въ дѣлѣ народнаго образованія. Указомъ Его Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода дано знать духовенству, что «по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія въ совѣтѣ министровъ, по вопросу, въ чьемъ вѣдѣніи должны находиться народныя училища, Государь Императоръ, выслушавъ сужденіе Совѣта, 18 января 1862 года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) нынѣ и впредь учреждаемыя духовенствомъ народныя школы должны оставаться въ завѣдываніи духовенства, съ тѣмъ, чтобы министерство народнаго просвѣщенія оказывало содѣйствіе преуспѣянію оныхъ, по мѣрѣ возможности, и 2) оставить на обязан-

ности министерства народнаго просвѣщенія учреждать
имперіи, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, на
училища, которыя и должны находиться въ вѣдѣніи мини
ства; при чемъ министерству слѣдуетъ пользоваться содѣйс
емъ духовенства во всѣхъ случаяхъ, когда министерство на
роднаго просвѣщенія признаетъ сіе нужнымъ, и когда духовенство найдетъ возможнымъ оказать ему содѣйствіе».

В—скій.

емый па
нарскій
образ
бы
во всей
родныя
стер-
тві-

IV.

ХАРАКТЕРИСТИКА

церковныхъ православныхъ братствъ.

Историческія свѣденія наши о церковныхъ православныхъ братствахъ очень еще ограничены. Какъ явленіе чисто духовной жизни, братства долго ускользали отъ вниманія ученыхъ, относившихся къ исторіи только со стороны государственной, и лишь въ послѣднее время сдѣлались предметомъ серьезныхъ изысканій. Главнѣйшимъ плодомъ этихъ изысканій должно признать открытіе живыхъ остатковъ братствъ, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, между сельскимъ населеніемъ, на всемъ нашемъ западѣ. Это обстоятельство расширяетъ вопросъ о братствахъ, внося его изъ области исторіи въ область дѣйствительности; оно придаетъ ему такое же жизненное значеніе, какое имѣлъ еще недавно на нашемъ сѣверо-востокѣ вопросъ о сельскихъ общинахъ. Найденные остатки братствъ имѣютъ даже для насъ смыслъ особенной современной важности: свидѣтельствуя о повсемѣстномъ существованіи братскихъ союзовъ на всемъ пространствѣ литовской и украинской Руси и объясняя положительно, какою сѣтью связывалась вся наша западная Русь въ ту громадную православно-русскую духовную силу, которая вывела нашу вѣру и народность изъ вѣковой борьбы торжествующими,—эти остатки, съ тѣмъ вмѣстѣ, указываютъ, гдѣ намъ искать и теперь той общественной опоры, которая, въ настоящее время, при чисто-духовномъ характерѣ снова возникающей борьбы съ тѣми же враждебными намъ началами, быть можетъ для насъ еще нужнѣе, чѣмъ въ былое время. Въ отношеніи научномъ теперь дѣлается окончательно ясно, что братства были самобытнымъ продуктомъ русской жизни, а не были, какъ предполагаютъ до сихъ поръ нѣкоторые, произведеніемъ пришлыхъ къ намъ общественныхъ формъ, и, притомъ,

явленіемъ случайнымъ, возникшимъ изъ внѣшнихъ причинъ, и, вмѣстѣ съ ними, изчезнувшимъ изъ жизни, т. е. уже отжившимъ.—Не будь братства органическимъ продуктомъ жизни, т. е. не имѣй они съ нею органической связи, они не моглибы просуществовать, безъ искуственной поддержки, до настоящаго времени, а тѣмъ менѣе при обстоятельствахъ вовсе имъ не благопріятстовавшихъ.

Причина ошибочности взгляда на происхожденіе братствъ заключается въ ихъ внѣшности. Дѣйствительно, по своей внѣшней организаціи, они во многомъ совпадаютъ съ цеховымъ устройствомъ, вошедшимъ въ жизнь всей западной Руси съ магдебургскимъ правомъ. Но должно принять въ соображеніе, что, во первыхъ, два главныя братства: Виленское и Львовское, существовали до введенія въ Русь магдебургскаго права и что, во вторыхъ, цеховое начало никогда у насъ не сливалось съ жизнью органически, т. е. производительно. Напротивъ, ежели братства приняли отъ цеховъ свою оболочку, въ слѣдствіе ли признаннаго удобства послѣдней или же для лучшаго обезпеченія своей неприкосновенности подъ ея формой, то цеховыя корпораціи на нашей почвѣ до того прониклись ихъ духомъ, что сами, повсемѣстно, превращались въ братскіе союзы.

Да и какая надобность прибѣгать для объясненія происхожденія братствъ къ чужому элементу, когда у насъ въ древней жизни есть свое самобытное явленіе, тождественное съ ними и исторически дознанное и признанное: я разумѣю *братчины*. Общія коренныя черты братчинъ и братствъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ первоначальномъ тождествѣ. Въ добавленіе къ тому, въ древнихъ историческихъ памятникахъ сѣверной Руси есть извѣстія, что братчины, какъ и братства, имѣли свой судъ »судили какъ судьи,« т. е. имѣли правильную организацію. Новгородская братчина, устроенная въ XII вѣкѣ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ при Ивановской церкви, была самостоятельною, самоуправлявшеюся и самосудившеюся общиной, какъ и западныя наши братства. *) Слѣдова-

*) См. Русскую Бесѣду: 1857 г., книгу 4-ю, отдѣлъ смѣси, статью Соловьева „Братчины" и 1858 г., книгу 1-ю, отдѣлъ критики, статью объ исторіи братствъ Флёрова, а также Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1862 г., №№ 8, 9 и 10-й, статью Ѳ. Лебединцева: „Братства, ихъ прежняя и нынѣшняя судьба и значеніе."

тельно, сѣверныя братчины объясняютъ происхожденіе западныхъ братствъ совершенно удовлетворительно: тѣ и другія возникли изъ общиннаго начала, служившаго въ жизни русскаго народа всему основаніемъ. Но на сѣверѣ братчины существовали и изчезли какъ обычай, утратившій мало по малу свою приложимость. На западѣ-же, напротивъ, въ слѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, братства приняли характеръ болѣе серьезный, характеръ глубокой духовной потребности, которая довела ихъ до полноты правильно и сильно организованныхъ общественныхъ учрежденій. Мнѣ кажется не трудно объяснить себѣ процесъ возникновенія и развитія нашихъ западныхъ братствъ: извѣстно, что общинный бытъ, на всемъ нашемъ западѣ, былъ подавленъ внѣшнимъ насиліемъ; но когда это насиліе коснулось самыхъ вѣрованій народныхъ и пробудило на борьбу съ собою духовную народную силу, тогда жизнь естественно обратилась къ своему коренному связующему началу и воплотила эту силу въ древнюю форму братскихъ духовныхъ союзовъ. Союзы эти, сообразно своему новому назначенію, немогли уже быть, какъ прежде, выдѣленной изъ общества нормой: принявъ на себя значеніе общественной силы, они должны были подчинить себѣ всю систему народной жизни и, потому, въ лицѣ своихъ членовъ, которые разсматривались, какъ *старшіе* изъ народа, они стали на степень полнаго народнаго представительства, со всѣми правами и обязанностями общественной власти.

Такимъ образомъ сложилась на нашемъ западѣ форма общественной жизни, въ высшей степени своеобразная и самородная. Отличаясь отъ всѣхъ корпоративныхъ общинъ отсутствіемъ тѣсной исключительности, а отъ нашей земельной общины болѣе духовнымъ началомъ соединенія, братскіе союзы представляютъ особенный типъ частнаго общественнаго самоуправленія, едва ли не самый близкій къ христіянскому общественному идеалу и, потому, самый способный для поддержанія въ народѣ правильныхъ началъ развитія. Будучи основаны на краеугольномъ нравственномъ началѣ, на евангельской любви, имѣя центромъ соединенія храмъ Божій, они не враждуютъ ни съ какими внѣшними отношеніями и прилагаются ко всякому строю государственнаго механизма. Можетъ быть ни въ чемъ такъ не выразилось свойство русскаго племени подчинять внѣ-

шнюю сторону жизни внутреннимъ ея требованіямъ и ни въ какой другой формѣ не осуществлялось такъ примирительно сочетаніе нравственно-религіозныхъ началъ съ житейскими потребностями, какъ въ братской общинѣ.

Чтобы опредѣлить значеніе братствъ въ жизни, довольно указать, какимъ образомъ обезпечиваются у нихъ и теперь главные элементы общественности: миръ, правда, порядокъ. По своему чисто-христіанскому братскому началу, эти союзы, какъ свидѣтельствуетъ ихъ уставъ и какъ подтверждаютъ нынѣшніе остатки, всецѣло проникнуты духомъ согласія и нигдѣ, можетъ быть, человѣческая личность не пользуется такимъ *внутреннимъ* уваженіемъ къ своему значенію, какъ у нихъ. Ихъ судъ, ввѣренный *старшимъ* братьямъ, и всегда чинимый въ присутствіи братской сходки, неуклонно для всѣхъ обязательной, удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ открытаго судопроизводства, представляетъ, при томъ, въ большей части случаевъ, назначеніе степени взысканія самому обвиненному. Публичный выговоръ, публичное испрошеніе прощенія у братства, денежный штрафъ въ пользу братской кассы, арестъ и, наконецъ, исключеніе изъ братства, при безусловномъ устраненіи тѣлеснаго наказанія — вотъ весь кодексъ ихъ исправительной и карательной системы. Общественное благочиніе, въ самомъ широкомъ смыслѣ, охраняется у нихъ наименѣе формальнымъ и наиболѣе дѣйствительнымъ способомъ круговаго наблюденія братствъ, всѣхъ за каждымъ и каждаго за всѣми. Эту нравственную форму общественнаго благоустройства, существующую только въ нашей артели и въ тѣсномъ кругу частныхъ ассоціацій, братства осуществляютъ въ приложеніи къ цѣлымъ народнымъ массамъ. Общественная благотворительность составляетъ одинъ изъ существенныхъ ихъ атрибутовъ,—народное образованіе одну изъ важнѣйшихъ ихъ цѣлей. *)

Отношеніе церкви къ обществу, въ прежнее время, понималось и принималось братствами въ чисто-апостольскомъ духѣ; церковь не выдѣлялась изъ мірскаго общества, а составляла общество вѣрующихъ, какъ и доселѣ учитъ насъ православная

---

*) См. статью Ѳ. Лебединцева: *Любопытное открытіе въ области жизни*, въ № 2-мъ Вѣстника юго-западной и западной Россіи.

теорія. Потому-то непремѣннымъ центромъ братскихъ союзовъ сдѣлался храмъ Божій. На этомъ основаніи духовенство, какъ и прочіе ихъ члены, состояло подъ братскимъ контролемъ, и назначеніе нетолько священниковъ, но и игуменовъ въ монастыри, принадлежавшіе братствамъ, зависѣло отъ братскаго выбора. Такое отношеніе церкви къ обществу, обезпечивая, съ одной стороны, достоинство и значеніе духовныхъ пастырей, а съ другой, уваженіе и преданность къ нимъ народа, скрѣпляло между ними тотъ союзъ, безъ котораго духовенство всегда падаетъ, а народъ лишается лучшихъ своихъ путеводителей.

Характеръ братствъ, какъ общественной силы, въ высшей степени охранительный. Нѣкоторые, какъ намъ случалось слышать, подозрѣваютъ въ братскихъ союзахъ какую-то политическую ассосіацію. Но такъ могутъ думать только тѣ, которые не знакомы ни съ ихъ прошедшимъ, ни съ ихъ настоящимъ: въ ихъ исторіи не найдется ни тѣни политическихъ ихъ стремленій, ни малѣйшаго признака политическихъ страстей; изъ ихъ типографій не вышло ни одного политическаго памфлета. Общественная сила братствъ всегда имѣла чисто-нравственное значеніе, всегда боролась за одни духовныя начала и оружіемъ строго-духовнымъ—же, а нынѣшніе ихъ остатки блюдутъ исключительно за благолѣпіемъ своихъ храмовъ, за нравственностью своихъ ближнихъ, за посильнымъ пособіемъ ихъ нуждамъ и за ихъ кое-какимъ образованіемъ.

Не въ духѣ вообще русскаго народа характеръ наступательной политической дѣятельности: онъ такъ-же непритязателенъ на политическое значеніе и такой-же неохотникъ до заботъ, имъ налагаемыхъ, какимъ былъ при призваніи Рюрика. У него есть свои внутреннія требованія, свои неизмѣнныя задачи, которыя дороги ему и за которыя онъ готовъ бороться и стоять; но внѣ ихъ круга онъ предоставляетъ жизнь заботѣ поставленнаго имъ надъ собой начала. Отъ этого онъ любитъ это начало такъ положительно и такъ дѣтски ему преданъ и покоренъ. Братскіе союзы составляли и вновь могутъ составить дѣйствительную общественную силу, но только въ смыслѣ охранительномъ, для отпора всего того, что враждебно русскому духу. А какъ общественныя учрежденія, они представляютъ самую лучшую, самую полную форму того начала, которое лежитъ въ основѣ нашего народнаго духа и на которомъ те-

перь такъ мудро заложено устройство нашей народной жизни,— начало частнаго общественнаго самоуправленія. Въ братскихъ союзахъ столько чистоты, искренности, духовнаго достоинства и внутренней правды, что понятна ихъ живучесть въ народной жизни, понятны любовь и довѣріе народа *къ братской державѣ,* *) которая, по выраженію одного нашего ученаго изслѣдователя, есть *благое иго и бремя легкое.*

М. Юзефовичъ.

*) Подъ *державою* у Южно-Руссовъ разумѣлась вообще правительственная власть. Въ братскихъ актахъ говорится: *державы* такого-то цехмистра и т. п.

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ.

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА

И СЫНА ЕГО ВОЛОДИМІРА.

(Продолженіе).

VII.

Идольская ночь.

Въ то время, когда въ городѣ великій князь и великая княгиня торжественно принимали *словъ* древлянскихъ и гостей новгородскихъ и другихъ; въ то время, когда въ обоихъ теремахъ дѣлались приготовленія для торжественныхъ и веселыхъ пировъ и празднествъ, на отдаленномъ отъ града Угорскомъ, происходили совершенно другаго рода приготовленія.

На укромномъ холмѣ Берестоваго, среди лѣса и по откосамъ возвышенія, со стороны Днѣпра жили варяги, принявшіе вмѣстѣ съ князьями Аскольдомъ и Диромъ крещеніе. Во дни великой княгини потомки тѣхъ варяговъ еще болѣе распространили свои осѣдлища, ибо и число ихъ, противъ первоначальнаго положенія, значительно увеличилось. Варяги провожали плывшіе внизъ суда мимо Кіева, въ мѣстахъ опасныхъ, сберегая ихъ отъ крушенія; пробирались и сами они въ Цареградъ на своихъ утлыхъ челнахъ, продавать въ столицѣ Греціи награбленное *рухло* безпечныхъ покупателей, попавшихся въ ихъ руки. Варяги готовили до двухсотъ кораблей. А корабли ихъ были не что иное какъ большіе челны, выдолбленные изъ пня толстаго дерева и обшитые по бортамъ широкими досками. Весла уключины и древка для парусовъ изготовлялись варя-

гами въ чащѣ лѣса. Холстинные паруса шились крещеными на Угорскомъ.

Для какого собственно предпріятія готовилась эта флотилія, кто и куда на ней отправится, ни кому небыло извѣстно. Слухи же на этотъ счетъ носились разные: одни говорили, что великій князь Святославъ отправится въ царство Болгарское; другіе утверждали, что великій князь хочетъ побывать въ землѣ Козарской, иные, что поѣдутъ отъ Руси *слы и гости* въ Любечъ и далѣе въ землю Радимичей и Кривичей, покупать десятки тысячъ кораблей, для похода на Цареградъ, словомъ, толковъ ходило много, а настоящая цѣль приготовленія флотиліи сохранялась великимъ княземъ и великою княгинею втайнѣ. Дней въ пятнадцать корабли уже красовались на синихъ волнахъ Днѣпра, совершенно приготовленные къ дальнему пути. Они стояли всѣ вмѣстѣ у берега Угорскаго, съ высоты котораго, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла флотилія, спускалась зигзаками къ Днѣпру, среди чащи лѣса и по оврагамъ, узкая тропа. Впереди флотиліи стоялъ самый большой корабль, выкрашеный красною краскою и по бортамъ разрисованный разными узорами синяго, желтаго и зеленаго цвѣтовъ. Древко для паруса также было окрашено красною краскою, а весла и уключины синею съ темными полосами. На носу корабля были придѣланы, вырѣзныя изъ дерева, двѣнадцать головъ змѣиныхъ, выходившихъ изъ одного туловища, и каждая голова имѣла разинутую красную пасть съ извилистымъ копьеобразнымъ жаломъ; туловище чудовища проходило подъ носомъ корабля и на кормѣ корабля виднѣлось изображеніе раздвоеннаго чешуйчатаго хвоста, подобнаго рыбьему. Парусъ на этомъ кораблѣ былъ червленной паволоки съ золотымъ узорочьемъ. Кому довелось видѣть этотъ корабль, когда парусъ его былъ распущенъ, тотъ утверждалъ, что корабль приготовленъ для велико-княжеской особы и что флотилія предназначена для морскаго плаванія.

Людъ, отвлекаемый пышными празднествами, ежедневно происходившими во градѣ, а въ особенности въ теремахъ великокняжескихъ, мало стекался къ приготовленной флотиліи; тѣмъ болѣе никого изъ кіевской Руси незанимало такое приготовленіе, что даже небыло никакого слуху, какъ бывало въ минувшія времена, о сборѣ воевъ и дружины велкиокняжеской и дружинъ воеводскихъ. Людъ кіевскій, съ ранняго утра и до

позднаго вечера, ежедневно толпился на дворѣ теремномъ, глазѣя на плясавшихъ подъ музыку *сопѣлей*, *русалій*, трубъ, гуслей, литавръ и прочихъ инструментовъ. Обильно лился стекавшемуся люду хмельной медъ, отъ щедротъ великаго князя; изобильно было и всякихъ *стравъ* для ликовавшаго люда. Каждый ѣлъ, пилъ и веселился, сколько ему было угодно.

Среди ежедневныхъ оргій, въ одинъ день, къ вечеру, великій князь выѣхалъ изъ терема, оставивъ всѣхъ пировавшихъ и строго наказавъ, чтобы и безъ него нисколько неуменшалось веселіе и что онъ скоро возвратится. Однако далеко уже было за полночь, а пировавшіе не могли дождаться князя и многіе изъ нихъ возвратились въ свои домины, а нѣкоторые, приближенные къ великому князю, остались въ теремѣ и, гдѣ кто нашелъ себѣ уголъ приклонить отягощенную хмелемъ голову, тамъ и пріютился. До зори утренней флотилія изготовилась къ отплытію. Гребцы, много разъ пробиравшіеся по Днѣпру въ землю Козарскую и плававшіе по морю, заняли мѣста на корабляхъ. Пришелъ на берегъ изъ Угорища, самый отборный людъ изъ дружины великой княгини, именно тѣ нарочитые мужи, отроки и мечники, коихъ она брала съ собою, когда ѣздила по своимъ землямъ установлять *уставы и уроки*. Пришла *гридба* изъ дружины великаго князя и всѣ заняли свои мѣста ни корабляхъ. Все уже было готово къ отплытію, и какъ ночная темнота не позволяла различать предметы въ самомъ близкомъ разстояніи, то почти на каждомъ кораблѣ и на берегу горѣли огни; однакоже, не смотря на огромные клади, пылавшія по берегу, мракъ покрывалъ всю окрестность. Угорище, съ его дремучимъ лѣсомъ, воставало отъ берега Днѣпра къ небу черною стѣною, вершина коей терялась въ мракѣ. Днѣпра не было видно и только плескъ его водъ показывалъ, что людъ стоитъ у его брега. Живописно отражались въ водахъ Днѣпра многочисленные огни горѣвшіе на корабляхъ, а еще живописнѣе бросали на воды свой свѣтъ огромныя кладки, пылавшіе по береру. Всѣ ожидали какого-то лица изъ великокняжескаго дома; ожиданіе было тихое и торжественное. И вотъ среди густоты угорскаго лѣса, среди глубокаго мрака, заблистало нѣсколько огней отъ пылавшихъ *цѣхъ*. Огни медленно спускались съ высоты Угорскаго къ берегу Днѣпра, у того мѣста, гдѣ стояла флотилія. Бывшіе на флотиліи, увидѣвъ эти

огни, радостно заговорили. Среди люда, стоявшаго на берегу и ожидавшаго отплытія флотиліи послышались слова идетъ, идетъ великая княгиня.—Вотъ она сходитъ съ горы, къ берегу Днѣпра. Вотъ *цери*, которыя несутъ впереди и сзади ея...

Мало по малу огни церь, то блиставшіе, то исчезавшіе въ густотѣ лѣса, яркимъ пламенемъ заблистали уже на песчаномъ берегу Днѣпра и среди несшихъ церы всѣ увидѣли великую княгиню, великаго князя и княжичей. Попъ Григорій осѣнилъ флотилію крестомъ, который несъ онъ въ рукахъ. Великій князь и княжичи простились съ великою княгинею на берегу. Великая княгиня, сопровождаема шестью ея старшими ордынями и восемнадцатью младшими, да около сорока *гостьми*, многократно ѣздившими въ Цареградъ, за покупкою поволокъ, фофудій, разнаго узорочья, честныхъ камней, вина и всякого заморскаго добра, взошла на свой корабль, а за нею и всѣ остальныя лица, принадлежавшія къ флотиліи, такъ, что когда всѣ усѣлись по кораблямъ, то оказалось, что сторонняго люда, который бы изъ любопытства собирался на берегу, вовсе небыло. Одна только женщина, окутанная въ синюю эпончицу, блуждала по берегу, простирала съ воплями руки къ отплывавшей флотиліи и произносила какія то моленія, но на нее никто не обратилъ вниманія.

Дружно ударили гребцы веслами и флотилія стройно начала спускаться внизъ по Днѣпру.

Великій князь, окруженный княжицами и нѣкоторыми изъ приближенныхъ своихъ, при свѣтѣ цѣръ, держимыхъ гридами, долго, долго стоялъ у брега Днѣпра, слѣдя взорами за удалявшеюся флотиліею; и когда огни флотиліи, одинъ за другимъ, начали скрываться за возвышенностію лѣсистаго берега, онъ глубоко вздохнулъ и задумался. Исчезъ и послѣдній огонекъ флотиліи; великій князь быстрыми шагами подошелъ къ конямъ, привѣденнымъ на берегъ для него и княжицей. Онъ быстро вскочилъ на своего коня, княжицы послѣдовали его примѣру, и при свѣтѣ церь кальвакада поѣхала въ градъ, пробираясь по крутизнѣ и узкими и извилистыми тропами, среди густаго лѣса.

Въ ту пору великій Волчій Хвостъ, посадивъ впереди себя Костаря, ѣхалъ съ нимъ верхомъ, среди лѣса, съ твердымъ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, отыскать мать свою, и,

какъ крещенную, принесть въ жертву Перуну и тѣмъ исполнить долгъ истаго славянина. Врожденная свирѣпость нрава, питаемая идольскимъ изувѣрствомъ, влекли его къ такому противуестественному дѣлу.

»Зачѣмъ Олель жила съ крещеными, зачѣмъ крестилась, »для чего заботилась объ участи невинной Юніи, зачѣмъ она »учила ее молиться, какъ молятся крещеные, зачѣмъ наконецъ, »Юнія своимъ свѣтлымъ, невиннымъ образомъ поразила лютое »сердце его«,—вотъ вопросы, терзавшіе сердце Волчаго-Хвоста, вотъ побужденія, по его мнѣнію, весьма, уважительныя для того, чтобы лишить жизни родную мать.

Среди мрака, по неровному пути, конь спотыкался, не смотря на то, что конь былъ *добри*. Костарь шатался то въ одну, то въ другую сторону; кости въ плечахъ его хрустѣли, ремени у доски скрипѣли. Волчій-Хвостъ кипѣлъ злостью.

—Сиди крѣпче, проклятый песъ! И безъ тебя мнѣ страшно въ этомъ темномъ лѣсу. Пора ночная, теперь черные духи то и дѣло ходятъ среди этого лѣснаго мрака, проговорилъ Волчій-Хвостъ, толкнувъ въ правый бокъ Костаря.

— Чего тебѣ бояться со мною?

— Да, ты также *черно-богъ*, только такой, что тебя и щенокъ не боится; а мнѣ страшно. Слышишь ли, какъ сверху деревьевъ кличетъ *Дивя?* Морозъ подиралъ по кожѣ Храбла. Въ чащѣ лѣса, въ отдаленіи, дѣйствительно слышались крики гридни, сопровождавшей великаго князя. Донеслись эти крики и до ушей Костаря и его печенѣжское сердце затрепетало, забылъ и онъ, въ ту минуту, что онъ знаменитый печенежскій кудесникъ, и куда дѣвалась вся прыть, вся самоувѣренность въ свое чародѣйское могущество и діавольскую силу! Струсилъ и сильно струсилъ Храблъ; вѣдь Дивъ, да Черно-богъ, да всякая чертовщина и діавольщина—не то, что приученный христіанинъ, надъ которымъ Волчій-Хвостъ могъ показать и свою силу, и свою волю.

Среди ночной темноты, въ непроходимой густотѣ лѣса, вдругъ блеснули сотни огненныхъ, извилистыхъ, какъ змѣи, полосокъ и отдаленные крики послышались ближе. Волчій-Хвостъ и Костарь совершенно растерялись. Вѣтви деревъ зацѣплялись за спинную доску Костаря и еслибы Волчій-Хвостъ, при всей своей идольской трусости и суевѣріи, не сохранилъ столько

отважности, чтобы придерживать Костаря одною рукою, то печенежскій кудесникъ давно лежалъ бы на землѣ.

А зловѣщіе звуки, да безпрерывные змѣйчатые огни все болѣе и болѣе трогали Хробла и, наконецъ, онъ совершенно отдался во власть идольскаго суевѣрія и трусости.

— Стой, тихо произнесъ Волчій Хвостъ лучше слѣземъ съ коня, дадимъ ему отдохнуть, а сами, покуда уймется эта діавольская свадьба, спрячемся подъ кусты. Часъ не ровенъ, чего добраго наскочитъ Черно-богъ и на насъ, тогда ужъ не жди пощады.

— Ты правду говоришь: Перунъ не сойдетъ съ стояла и не явится сюда насъ спасать.

— Ты же самъ печенежскій черно-богъ, чего же дрожишь, какъ листъ на осинѣ?

— Давы и черно-боги кіевской Руси не то что наши черно-боги и діаволы. Они меня незнаютъ; вѣдь почему и боюсь я всего, что происходитъ здѣсь.

Въ густотѣ лѣса вновь кое-гдѣ заблистали огненныя полоски и Хроблу, и Костарю послышалось какъ будто бы чтото тяжелое съ трескомъ свалилось съ вершины дерева на землю.

— Тсъ... тсъ.... молчи, пропадемъ?

И оба храбрые вытязи припали къ землѣ и подползли подъ кусты, притаивъ дыханіе.

Огни блистали все ярче и ярче, крики раздавались все ближе и ближе, по временамъ былъ слышенъ трескъ вѣтвей и стукъ какъ бы о стволы деревъ. Все это ужасно пугало Хробла и Костаря. Но вотъ все въ мигъ исчезло; какъ будто вся *діавольская чертовщина* провалилась въ преисподнюю ада, и на нѣсколько мгновеній воцарилась такая тишина, что даже ни одинъ листокъ не нарушилъ ее шелестомъ своего паденія.

—Я всю чертовщину заклялъ. Не страшись Хроблъ, теперь мы безопасны.

—Да, невидно и неслышно ничего, сказалъ Хроблъ, выбухнувъ большую массу, спершагося въ груди отъ испуга, воздуха.

— Мы смѣло можемъ встать и ѣхать.

— Пожалуй, поѣдемъ, хотя мнѣ и страшно, чтобы черно-боги не притаились и чтобы намъ не попасть случайно въ ихъ когти.

—Не страшись, я клятву положилъ на всю чертовскую, діавольскую и лѣсную силу.

—Страшно, но надобно отсюда убираться, — робко проговорилъ Волчій Хвостъ, взялъ Костаря за руку, подвелъ его въ темнотѣ къ коню, подсадилъ его на коня, усѣлся самъ за нимъ на сѣдло, робко подобралъ повода и поѣхалъ. Конь, какъ бы сочувствуя суевѣрію и страху своихъ сѣдоковъ, съ боязнею и храпѣньемъ медленно подвигался впередъ.

Ѣдутъ молча и безпрестанно—то Костарь, то Волчій Хвостъ—осматриваются по сторонамъ. Вотъ выѣхали они на поляну. Утренній свѣтъ былъ еще такой синій, какимъ окрашиваются предметы, если смотрѣть на нихъ днемъ, сквозь толстое синее стекло. Трусость неоставляла Волчьего Хвоста, все еще дрожъ пробѣгала по его тѣлу, все еще мерещились ему дивы, черно-боги, діаволы. Не боится Хроблъ мучить крещеныхъ, но страшна для него діавольщина, страшна невыразимо. Дрожитъ, какъ осиновый листъ и Костарь, а его то поганая перуновская Русь считала также за діавола, да и самъ Костарь увѣрялъ людъ, что бѣсовщина и діавольщина, и лѣшіе, и водяные и вѣдьмы, и упыри, и дивы, и песьеголовцы, и мавки, и русалки—всѣ въ его власти.

Храбрецы подъѣхали къ Угорищу. Востокъ ярко зарумянился. Въ природѣ была очаровательная тишь и великолѣпіе. Еще ни одна птичка не спорхнула съ вѣтки, на которой провела ночь, и не защебетала; даже листочекъ травки, покрытый ожерельемъ жемчужной росы, не шелохнулся и ни одна капелька съ него не упала на земь. У толстаго береста, Хроблъ остановилъ коня, слѣзъ съ него, ссадилъ Костаря, и оба осторожно начали спускаться къ Аскольдовой могилѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ обрисовались домины крещеныхъ, а въ маленькихъ оконныхъ продушинахъ доминъ сверкали огоньки. Изъ ближайшихъ доминъ до слуха Волчьяго Хвоста и Костаря долетали стоны и рыданія.

— И здѣсь нѣтъ покоя, произнесъ Хроблъ.

— Вѣроятно и здѣсь недоброе творилось въ ночь; навѣрно Черно-богъ ходилъ и здѣсь. Чтожъ мы будемъ здѣсь дѣлать?

— Какъ, что! Вотъ въ этой доминѣ живетъ попъ, а въ тѣхъ крещенные, а вотъ, видишь ту домину, надъ кото—

рой такая густая тѣнь отъ береста и кругомъ ея высокіе кресты? Въ той доминѣ живетъ крещенка-мать моя. Подойдемъ, ка къ той доминѣ.

Волчій Хвостъ пошелъ впередъ, за нимъ потянулся, переваливаясь съ ноги на ногу, Костарь. Хижина, на которую указывалъ Хроблъ стояла у самаго оврага, глубокаго и широкаго, по дну котораго клокоталъ, скрывая струи свои въ зелени травы и водяныхъ цвѣтовъ, горный ручей. Среди долины, на небольшомъ возвышеніи, сложенномъ изъ дикихъ камней, тускло горѣли тонкія сухія вѣтьви дерева. Клубы сѣраго дыма, волнуясь по хижинѣ, закрывали отъ взоровъ Хробла сидѣвшихъ у огня. Долго стоялъ Хроблъ у оконной отдушины домины, желая разглядеть — кто находится въ доминѣ, но желаніе его не удовлетворялось: сквозь густую пелену дыма ничего онъ не увидѣлъ. Въ досадѣ на свою неудачу, онъ крикнулъ:

— Кто живой, выйдите сюда!

Говоръ, долетавшій изъ долины до слуха Хробла, мгновенно утихъ. Голосъ Волчаго Хвоста былъ хорошо знакомъ крещеннымъ; всѣ страшились велико-княжескаго отрока, почти столько же, какъ Хроблъ страшился черно-бога, лѣшихъ и всякой другой славянской діавольщины.

— Крещенные отозвитесь!

Молчаніе не прерывалось. Огонекъ началъ потухать.

— Двери отобью и силою войду, если не отворите, завопилъ Хроблъ.

Молчаніе, мертвое молчаніе по прежнему господствовало въ доминѣ.

Хроблъ сильно сердился. Угрозамъ его не было конца. Долго стоялъ онъ у оконной отдушины, наконецъ, потерявъ терпѣніе, подошелъ къ утлой двери и раза два ударилъ въ нее кулакомъ. Послѣ того внутри домины послышалось оханье, кряхтѣнье и удушливый кашель, дверка домины за скрипѣла на вервяхъ и отворилась. Изъ домины вышелъ глубокій, сѣдой какъ мохъ и дрожащій всѣмъ тѣломъ, старикъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ горѣвщую вѣтвь, взятую изъ очага. Бѣлая срочица и такіе же порты, подпоясанные узкимъ ремнемъ, составляли весь его нарядъ.

Босоногій, онъ казался какимъ то привидѣніемъ.

— Что тебѣ надобно? Хриплымъ голосомъ спросилъ старикъ.

— Здѣсь моя мать?

— Кто она такая?

— Олель!

— Такой здѣсь нѣтъ и небыло.

— Такъ ли?

— Право такъ. Да теперь здѣсь почти никакого нѣтъ люда изъ молодыхъ, почти всѣ поплыли съ матушкой великой княгиней въ Грецкую землю.

— Какъ, развѣ княгиня уже поѣхала въ море?

— Поѣхала, сыночекъ мой, поѣхала съ Божіимъ благословеніемъ въ Грецкую землю сокровища себѣ добывать и всю свою челядь, гридницъ, бояришенъ и бояринь и много нарочитыхъ людей забрала съ собою. Поѣхали съ нею слы и гости отъ великаго князя къ царю греческому. И далеко до зари, какъ кораблики матушки нашей великой княгини заборроздили днѣпровскія волны. Дай Господи благополучное ей возвращеніе во градъ свой.

— Вотъ какъ! Костарь, а Костарь!

Костарь, разбитый безпокойною ѣздою и ослабленный страхомъ всеночной тревоги въ лѣсу, лежалъ на землѣ и начиналъ дремать. Услышавъ зовъ Хробла, онъ нехотя поднялся и, качаясь, подошелъ къ нему.

— Великая княгиня, въ эту ночь, со всѣми своими гридницами, бояришнями, боярынями и челядью пустилась въ море.

— Такъ ли?

— Истинну тебѣ говорю, произнесъ старикъ, бросивъ почти потухшую вѣтвь на землю.

— Незнаешь ли, старче, взяла ли великая княгиня отроковицу, которую когда то младенцемъ еще нашли на порогѣ домины попа вашего?

— Юнію?—само-собою взяла.

— Да, Юнію.

— Взяла, взяла, да какъ же она могла не взять самой любимой, самой доброй отроковицы своей?

— А ту женщину, которая всегда ходила за Юніею?

— Древлянку то?

— Древлянку!

— Кажись, взяла. Да что вы меня старца спрашиваете, вы сами людъ *дворовый*, лучше меня все должны знать.

— Ничего не знаемъ; мы даже не знали, что и великая отправилась въ море.

Старикъ покачалъ головою и съ увѣренностію присовокупилъ.

— Отправилась, сыночекъ мой, отправилась съ Божіею помощію.

— Много ли здѣсь осталось крещеныхъ изъ приближенныхъ къ великой?

— Да почти что никого. Вотъ остался я, дряхлый старичишка, да моя слѣпая старушоночка, да еще одинъ хромой, а то всѣ нашли мѣсто на корабликахъ. Какъ же, мой родимый, случай то какой удобной; можно увидѣть градъ царя Константина, дѣло не шуточное, первый въ свѣтѣ градъ.

— Ну и попъ уѣхалъ.

— И попъ уѣхалъ.

— Ктожъ ее провожалъ?

— Великій князь съ дружиною своею и съ воеводами и нарочитыми людьми и со всѣми теремными. За день до отъѣзда мы слышали, что великая княгиня отправится въ море, но никакого провожанья не будетъ и во градѣ оповѣщенія объ отъѣздѣ великой не велѣно дѣлать, потому что великая отправится въ море, такъ что Русь градская не будетъ вѣдать не только годины, но и дня, когда великая княгиня пустится въ море. А какъ только кораблики княжнины поотъѣхали отъ берега и великій князь утерялъ за темнотою изъ виду кораблики княгинины, такъ и пріѣхалъ къ намъ и оставилъ десятокъ гридней въ доминѣ попа, чтобы они оберегали насъ крещеныхъ отъ поруновой Руси и стерегли больницу отъ нападеній идольщиковъ до возвращенія великой княгини.

— Оставилъ десять гридней, вотъ какъ? Во время разговора Хробла съ старикомъ, среди лѣса раздался пронзительный вопль и повторился нѣсколько разъ, потомъ онъ перешелъ въ какое то дикое завыванье, плачь и наконецъ въ громкій страшный хохотъ, разносившійся на далекое пространство, среди безмолвія въ лѣсу, и поражалъ своими потрясающими душу звуками каждаго, до слуха коего только касался.

Затрепетало сердце и Хробла, не могъ и онъ равнодушно перенесть раздававшійся вопль и хохотъ.

— Кто такъ страшно воетъ?

— А, вотъ, прости Господи, поганка некрещеная. Людъ баетъ, что она мать Юніи, да Богъ одинъ знаетъ, такъ ли это. Она здѣсь и днюетъ и ночуетъ: все убивается за Юніей; а вотъ какъ повезли, говорятъ, Юнію отсюда во градъ, въ великокняжескій теремъ, такъ эта безумная на взрыдъ и день и ночь рыдала да голосила по лѣсу и не только люду крещеному не дала уснуть покойно, но и маленькая пташка въ лѣсу не могла найти покоя отъ ея воплей и стенаній. Все голосила: Юнія моя дочь, мое рожденіе, мое дѣтище—зачѣмъ вы оторвали ее отъ моего сердца, она одна осталась у меня, дайте хоть мнѣ взглянуть на нее,—и Боже, воля Твоя святая, ужъ что она не приговаривала, ужъ какъ она ни причитывала свое дѣтище, если точно Юнія ея родное дѣтище...

— Гдѣ-же она живетъ, гдѣ спитъ?

— Богъ вѣдаетъ, мы не ходимъ по ея слѣдамъ.

— А кормится гдѣ?

— Извѣстно отъ міра—подаяніемъ: великая княгиня жалуетъ ее всякимъ рухломъ и стравъ даетъ; да и попъ тоже, да и мы, грѣшные, когда подойдетъ къ доминѣ нашей. Да что говорить, извѣстно бѣдная съ ума спятилась, дѣло видное. Господь, можетъ быть и помиловалъ бы ее, еслибъ приняла крещеніе святое и бросила свою всю пакость идольскую; такъ нѣтъ, собака, упрямится, не желаетъ просвѣтить душу крещеніемъ, какъ попъ Григорій ее ни уговариваетъ. Вотъ, какъ песъ, безъ вѣры она и погибнетъ.

Волчій Хвостъ съ язвительною улыбкою посмотрѣлъ на Костаря; Костарь, какъ оселъ, захлопалъ своими уродливыми длинными ушами, и оба въ одно мгновеніе разразились адскимъ хохотомъ. Старецъ смутился, но вскорѣ пришелъ въ себя и простодушно спросилъ:

— Вы, сыночки, кажись, и сами нюхаете падаль у идольскаго требища?

Хроблъ и Костарь продолжали неистово хохотать.

— Вы, дѣти мои, держите законъ Руси?

— Богу грома и молніи поклонялися и такихъ какъ ты и помоложе, въ жертву ему приносимъ, сказалъ Костарь.

— Ужъ ваши идольскія жертвы: кровь да огонь. Дѣло ваше нечисто.

— Да, дѣдушка и тебя бы можно принесть въ жертву богамъ нашимъ, да кажись ты ужъ черезъ чуръ сухой сухарь.

— Э, дѣтушки, у меня то ни жиру, ни мяса,—кости да кожа.

— Да, такъ, ты правъ. Однакоже, старинушка, укажи намъ, гдѣ бы отыскать эту крикушку, которая голоситъ по Юніи.

— Развѣ не слышите, какъ она еще все воетъ; ну вотъ спуститесь съ этого пригорка и на откосѣ этого же холма вы непремѣнно ее встрѣтите и распросите, что захочите.

— Такъ она не крещеная?

— Куда вамъ, дѣтушки, еще бы такая безумная да приняла святое крещеніе! говорю вамъ: она какъ звѣрь какой— рыскаетъ въ лѣсу по ночамъ, ищетъ Юніи и ужъ дошла до того, что непремѣнно хочетъ задушить или убить Юнію при первой встрѣчѣ съ нею и за что, какъ бы вы думали?—За то, что Юнія крещеная. Ужъ какъ ни увѣщевалъ ее и попъ Григорій и даже великая княгиня, такъ нѣтъ, не ту пѣсню поетъ. Дочь мнѣ возвратите, она у меня одна. Было уменя три ихъ, козарка двухъ убила. Отдайте же вы мнѣ мою дочь! Такъ кричитъ она и день и ночь и мы всѣ ее боимся. Вотъ она увидѣла, что Юнію взяла съ собою великая княгиня, вотъ и голоситъ цѣлую ночь.

— Спасибо тебѣ, старинушка, за всѣ вѣсти. Будь покоенъ, мы тебѣ никакого зла не сдѣлаемъ; иди въ свою домину.

Старикъ поклонился, вошелъ въ хижину и заперъ за собою дверь.

Хроблъ и Костарь, разговаривая объ отъѣздѣ великой княгини, осторожно, среди густой зелени кустовъ, спускались съ вершины холма внизъ, къ Днѣпру, коня они оставили на прежнемъ мѣстѣ.

Пройдя по одной сторонѣ глубокаго оврага, они спустились къ самому берегу Днѣпра, волны коего смѣшались съ золотомъ и пурпуромъ утренней зари и тихо плескались о золотистый песчаный берегъ. На пространномъ зеркалѣ водъ Днѣпра не было уже видно ни одного кораблика изъ флотиліи Великой Княгини; шныряли, правда, у береговъ, то тамъ, то здѣсь, на душегубкахъ, отважные рыбаки и надъ головами ихъ стрѣлами мелькали кричавшія крячки.

Нѣсколько минутъ стояли они у самыхъ водъ, любуясь

картиною Днѣпра и уже готовились было вновь подыматься по своей тропѣ на высоту Угорскаго, какъ вдругъ Костарь схватилъ Хробла за лѣвое плечо и другою рукою указалъ вдаль, по берегу Днѣпра, на стоявшую также у самыхъ водъ женщину съ поднятыми къ небу руками и что то тихо произносившую, какъ бы молитву или какія другія таинственныя слова. Она была въ рубищѣ и почти до половины тѣло ее было обнажено, а волосы длинными прядами разсыпались по плечамъ и спинѣ.

— Это должно быть Алла,—сказалъ Костарь.

— Такъ, это она, подойдемъ къ ней; но надобно быть осторожными, чтобъ она насъ не замѣтила.

— Конечно.

И тихо, межъ кустами, начали они пробираться къ женщинѣ. Потомъ Хроблъ ускорилъ свои шаги и даже началъ бѣжать, Костарь не могъ слѣдовать за нимъ и, переваливаясь съ бока на бокъ, далеко отставалъ. Много разъ Хроблъ пріостанавливался, поджидалъ его, но напрасно: такому ли иноходцу можно было поспѣшать за Хробломъ, да еще по узкой извилистой тропинкѣ, на которой, что шагъ то и препятствіе—или камень, или пень дерева, или широкій ручей, кои надобно или обходить или перебираться черезъ нихъ?

Вотъ Хроблъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ женщины, онъ видитъ отчаянное выраженіе ея лица, видитъ этотъ неестественный пылающій румянецъ на исхудавшихъ щекахъ, этотъ пламенный блуждающій взглядъ; замѣчаетъ ея стройныя ноги, обнаженныя почти выше колѣнъ, на коихъ кожа изрѣзана и исколота колючими кустарниками и остріями камней. Костарь остановился и прислушивается къ шопоту женщины и внятно слышитъ ея слова:

— «Юнія, о Юнія! ты крещенная, ты Перуна забыла, о, смерть, смерть тебѣ!.. растерзаю, разрублю я тебя сама, на мелкіе куски.. отдамъ тебя на съѣденіе волкамъ. Отдамъ тебя на растерзаніе псамъ.... Юнія, Юнія, мечты моего сердца, моя жизнь... моя свѣтлая заря... Юнія, Юнія, посмотри, я плачу, припади ко мнѣ......»—И потомъ неистово закричала: отдайте мнѣ дочь мою, отдайте мнѣ Юнію!....

— Алла! произнесъ Хроблъ, находясь шагахъ въ десяти отъ нее.

Женщина быстро оглянулась въ сторону, откуда послыша-

лось ея имя и, увидѣвъ Хробла, пустилась бѣжать и въ мгновеніе скрылась отъ его взоровъ въ густотѣ кустовъ.

Хроблъ пустился за нею въ догонку. Вотъ бѣгутъ они отъ одного куста къ другому и, то видитъ онъ Аллу, то теряетъ ее въ густотѣ вѣтвей. Кажется, стоитъ только сдѣлать два—три шага, чтобы схватить бѣгущую женщину, но усилія Хробла напрасны. Вотъ она уже на полугорѣ, еще два шага, и Алла, кажется, будетъ въ его рукахъ, но вдругъ Алла поворотила въ лѣво, потомъ мелькнула направо отъ тропинки и исчезла. Хроблъ остановился, осмотрѣлся вокругъ, потомъ разъ десять обошелъ ту чащу, въ которой исчезла Алла, перешарилъ каждый кустъ, все напрасно: Алла исчезла какъ привидѣніе. Пораженный такимъ явленіемъ, Хроблъ впалъ въ раздумье, въ головѣ его мелькнула мысль, что то была не Алла, а бѣсовское навожденіе, что надъ нимъ еще продолжаются ночныя проказы лѣшихъ и чернобога. Думая такъ, онъ присѣлъ на стволъ свалившагося дерева, покрытый ярко зеленымъ мохомъ и поджидалъ прихода Костаря, котораго онъ громко призывалъ къ себѣ.

Скоро прибрелъ и Костарь, запыхавшись, и повалился на бревно отъ усталости. Онъ тóлько пыхтѣлъ и немогъ слова произнести не только слушать разсказъ Хробла о чудесномъ исчезновеніи Аллы.

— Ну, ну, отдохни, печенѣжскій песъ, ты порядочно измучился. Это тебѣ не жертвы приготовлять богу Перуну!

— Молчи, проговорилъ, пыхтя, Костарь.—Не упоминай о Перунѣ. Перунъ богъ града, а здѣсь другіе боги разсердятся, что ты мнѣ чести не воздаешь и успѣха никакого не будетъ.

— Да, вотъ и эта женщина, это была не Алла, воля твоя, это было привидѣніе.

— Мара какая.

— Да, мы въ недобрый часъ выѣхали изъ града, намъ нигдѣ не посчастливилось.

— Вотъ передо мной была, вотъ я ее почти уже хваталъ, и вдругъ не стало, не стало какъ той молніи, которая разрѣзываетъ тучи и мгновенно исчезаетъ, поразивъ зрѣніе мертвеннымъ своимъ свѣтомъ. Ужъ не могла же Алла, какъ птица, перелетѣть чрезъ этотъ отваленный холмъ и скрыться на Аскольдовой.

— Конечно, не могла. И я вѣрю, что это была не Алла,

а только привидѣніе; а ну ка еще вдвоемъ осмотримъ всѣ кусты,—сказалъ Костарь.

Хроблъ всталъ съ пня, Костарь за нимъ, и еще разъ обошли и внимательно осмотрѣли каждый кустикъ, каждую былинку и ничего не нашли. Досадуя на неудачу, они начали пробираться прежнею дорогою на Угорское. Костарь, по обыкновенію, отставалъ отъ Хробла, который сильно на него за то сердился. Уже Хроблъ подходилъ къ коню, а Костарь только что подымался на высоту.

— Пусть тебя лѣшіе задушатъ, хромая собака,—мнѣ тебя не ждать, сердито проговорилъ на печенѣжскомъ языкѣ Хроблъ, вскочилъ на коня и поѣхалъ скорою рысью..

Не скоро прибрелъ Костарь къ тому мѣсту, у котораго стоялъ конь Хробла.

— Нѣтъ коня, уѣхалъ поганый Хроблъ,—сердито проворчалъ Костарь и заскрежеталъ зубами. О, еслибы Костарь могъ догнать Хробла, онъ разбилъ бы ему голову.

Проведши ночь безъ сна, до крайности изнеможенный, Костарь повалился на мягкую, зеленую мураву и скоро захрапѣлъ. Никто не тревожилъ его сна; на то мѣсто, гдѣ онъ спалъ рѣдко рѣдко заходилъ человѣкъ, и то только во время звѣриныхъ ловль. Далеко за полдень проснулся Костарь, протеръ красное око свое кулакомъ, взялъ толстую вѣтвь и, опираясь на нее, тихо побрелъ къ Перевѣсищу, а оттуда въ свою домину.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МѢСТНЫЕ ВОПРОСЫ.

I.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдніе три, четыре года въ провинціяхъ нашихъ произошла огромная перемѣна. Въ нихъ пробудилась жизнь, возникла дѣятельность и мѣстные интерессы стали могущественно заявлять свои права на вниманіе и уваженіе къ себѣ. Самыя отношенія провинцій къ столицамъ измѣнились. Настоятельность нуждъ и потребностей мѣстной жизни, особенности ея условій заставили искать способовъ къ ихъ удовлетворенію въ тѣхъ средствахъ, какія представляетъ эта жизнь,—вызвали самодѣятельность въ умахъ, привыкшихъ вдохновляться внушеніями столицъ, принудили вглядываться и вдумываться въ окружающее, подвергать изученію и изслѣдованію явленія мѣстной жизни, и сознательнѣе относиться къ нимъ. Помимо вопросовъ, волнующихъ все наше общество, явились мѣстные вопросы, выросшіе на почвѣ извѣстной мѣстности, имѣющіе въ ней свои корни, требующіе для своего разрѣшенія знанія мѣстныхъ условій, изученія мѣстной почвы, ея формаціи и наслоенія, степени производительности и способности къ воспринятію различныхъ насажденій.

Всѣ эти измѣненія въ провинціяхъ произошли вслѣдствіе появленія въ ихъ жизни новой стихіи, которая доселѣ оставляема была совершенно безъ вниманія или презираема нашею наносною цивилизаціею, какъ грубый, сырой матеріалъ, несозрѣвшій еще до способности воспринять ея великія блага. Въ однообразномъ механизмѣ нашихъ провинцій видны были только чиновники, да помѣщики; все остальное сливалось въ какую-то темную, безразличную массу, осужденную, казалось, на вѣчный, не пробудный сонъ и годную только для экспериментовъ, какими могли удостоить

ее наши цивилизаторы въ своей отеческой заботливости объ общемъ благѣ. Но, когда масса эта услышала завѣтный призывъ къ жизни,—все пришло въ движеніе. Въ наше сознаніе вошло новое понятіе, въ нашу совѣсть—новая обязанность, въ нашу практическую дѣятельность—новая стихія,—народъ, какъ полноправный членъ одной семьи, хотя и съ званіемъ меньшаго брата. Эта стихія оказалась такъ могучею и сильною, что однимъ своимъ появленіемъ на свѣтъ, она раздвинула границы нашего умственнаго горизонта, опрокинула наши тощіе, мертворожденные идеалы и потребовала радикальной перестройки того непрочнаго и шаткаго зданія, которое воздвигнуто было нашими цивилизаторами не только безъ участія этой стихіи, но и безъ ея вѣдома и сознанія.

Очень естественно, что особенности мѣстной жизни и мѣстные интерессы почувствовались прежде всего на окраинахъ государства, гдѣ оно соприкасается съ иными племенами и народностями, съ чуждымъ намъ бытомъ и общественнымъ строемъ; гдѣ разнородные элементы, втянутые въ общее движеніе неотразимою силою притяженія, при естественномъ ростѣ и развитіи могучаго государственнаго организма Руси, еще находятся въ состояніи броженія и представляются соединенными съ нимъ только механически, а непретворенными стихійными началами русской жизни и незакрѣпленными тѣмъ цементомъ гражданственности, который сплачиваетъ разнородныя племена неразрывными узами единства цѣли и интерессовъ человѣческаго развитія.

Въ числѣ окраинъ нашего отечества, съ правами на вниманіе общества къ особенностямъ ихъ жизни и интерессовъ, пальма первенства принадлежитъ, по всей справедливости, **западному краю.** Въ этомъ краѣ началось политическое и гражданское развитіе Руси; здѣсь она приняла христіанство и въ волнахъ Днѣпра, этой священной для насъ рѣки, обладаніе которою сдѣлалось потомъ предметомъ продолжительной распри двухъ славянскихъ народностей,—впервые русскій народъ крестился водою и духомъ, здѣсь впервые восприняты тѣ начала нашей цивилизаціи, которыя легли въ основу дальнѣйшаго развитія Руси, и отсюда послѣдовало первое столкновеніе ея съ другимъ, сосѣднимъ, славянскимъ

организмомъ, зародившимся на западъ отъ нея,—столкновеніе, изъ котораго возникла упорная вѣковая борьба, проходящая черезъ всю исторію Руси какимъ-то громаднымъ стимуломъ для ея единенія и сплоченія въ необъятную массу, какимъ-то химическимъ реактивомъ, заставлявшимъ родственные элементы съ неотразимою силою притяженія стремиться къ органической связи между собою, и которая, прошедши разнообразныя фазисы въ теченіи тысячелѣтняго существованія Руси, является въ современную намъ эпоху подъ именемъ польскаго вопроса.

Что же это за борьба, которая длится цѣлымъ рядомъ вѣковъ, и что это за вопросъ, который ведетъ свое начало изъ такой туманной исторической дали? Неужели ему суждено тяготѣть надъ Русью вѣчнымъ дамокловымъ мечемъ и оставаться вѣчно неразрѣшимою задачею и разорительнымъ наслѣдствомъ, передаваемымъ отъ поколѣнія поколѣнію, безъ возможности когда либо ликвидировать это тягостное наслѣдство?

Еще въ памятную нашему поколѣнію эпоху, когда вопросъ этотъ поднятъ былъ съ гордою отвагою и надменною самоувѣренностію польской шляхты, и въ потокахъ братской крови надѣялся найдти себѣ разрѣшеніе,—великій поэтъ нашъ противупоставилъ ему другой вопросъ, на который отвѣтъ дастъ исторія. Возражая на клеветы враговъ Россіи, онъ указалъ, гдѣ кроется сущность вопроса:

Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ—вотъ вопросъ.

Съ этой поры прошло уже 30 лѣтъ и многое измѣнилось внѣ насъ и въ насъ самихъ; но вопросъ остался въ одномъ и томъ же положеніи. Съ какихъ сторонъ ни стали бы его разсматривать, разрѣшеніе его неизбѣжно сводится къ предложенной поэтомъ дилеммѣ; къ спору между моремъ и ручьемъ. На это исторія дала положительный отвѣтъ, вопросъ разрѣшенъ ею безвозвратно: изъ двухъ равносильныхъ въ началѣ родниковъ суждено было сдѣлаться Руси—моремъ, Польшѣ—ручьемъ. Это было результатомъ дѣйствія, еще недостаточно объясненныхъ наукою, тѣхъ міровыхъ законовъ исторіи, которые управляютъ судьбами человѣческихъ обществъ съ такою же правильностію, съ какою

физическій міръ управляется своими законами. Это рѣшеніе провидѣнія, судъ Божій надъ народами, и безрасудно было бы надѣяться передѣлать его по своему хотѣнію.

Всматриваясь внимательнѣе въ тысячелѣтнюю борьбу Руси и Польши, возникшую одновременно съ зарожденіемъ ихъ на востокѣ Европы, увидимъ, что вѣковая распря ведется за преобладаніе въ славянскомъ мірѣ и споръ идетъ о томъ, какой изъ двухъ организмовъ долженъ представлять его въ общемъ движеніи человѣчества къ достиженію указанныхъ ему провидѣніемъ цѣлей.

Разбросанныя на обширномъ пространствѣ восточной Европы славянскія племена проводятъ вѣка до исторической жизни въ хаотическомъ броженіи и пребываютъ въ состояніи зародышей. Вслѣдствіе разныхъ мѣстныхъ и историческихъ причинъ, эти зародыши начинаютъ между VI и IX вѣками развиваться въ отдѣльные организмы: на исторической сценѣ появляются различныя славянскія народности; но только тремъ изъ нихъ суждено было занять видное мѣсто въ исторіи.

Чешская народность, прежде другихъ стихій славянскаго міра успѣвшая организоваться, разцвѣла пышнымъ и роскошнымъ цвѣтомъ; но разрозненная и оторванная отъ южныхъ славянскихъ племенъ и отъ востока, откуда она уже приняла христіанство и начатки цивилизаціи, вторженіемъ Венгровъ и занятіемъ ими дунайской долины,—послѣ упорнаго сопротивленія народа, отстаивавшаго славянскія демократическія формы своего быта, подавлена была германскимъ элементомъ, окатоличена и онѣмечена въ высшихъ своихъ слояхъ.

За Чехами явились **Ляхи** и **Русь**. Первые въ самомъ началѣ своего организованія, черезъ Моравію и Богемію, пришли въ столкновеніе съ нѣмецкимъ элементомъ и сильно подчинились его вліянію. Ляхи приняли отъ Нѣмцовъ католическую религію и начала западной цивилизаціи и стали вносить ихъ въ общественный бытъ свой, усвоивая себѣ духъ и принципы, легшіе въ основу развитія западнаго міра, и постепенно ослабляя и заглушая въ себѣ коренныя, общія всѣмъ славянскимъ племенамъ основы быта.

Русь, получившая первую органическую завязь отъ варяж-

скаго элемента, не внесшаго въ нее никакой крѣпкой преобладающей стихіи, а напротивъ быстро слившагося съ нею,—подобно Чехамъ и Моравамъ принимаетъ христіянство и начатки цивилизаціи отъ востока и крѣпко держится общеславянскихъ основъ быта.

Съ перваго момента появленія на исторической почвѣ ляшской и русской народностей возникла между ними борьба, которая и проходитъ черезъ всю тысячелѣтнюю исторію ихъ.

Характеръ этой борьбы—наступательный, со стороны Ляховъ, и оборонительный—со стороны Руси. Наступленіе, порывъ сообщенъ былъ Ляхамъ духомъ той цивилизаціи, въ основаніи которой лежали завоеваніе, свобода личности и враждебное отношеніе къ власти. Оборона и защита отъ нападеній, безъ всякихъ завоевательныхъ стремленій, соотвѣтствовали духу русской народности, которой чуждо было завоеваніе и въ которой основами быта были поземельная община и дружелюбное отношеніе къ власти, добровольно призванной и принятой.

При такихъ противуположныхъ началахъ развитія, оба зараждавшіеся организма не могли оставаться въ мирѣ и согласіи, но должны были, въ силу роковой исторической необходимости, вести борьбу до тѣхъ поръ, пока непобѣдитъ и не восторжествуетъ одно изъ борющихся началъ. Вся исторія Польши и Руси подтверждаютъ этотъ выводъ.

Уже при первой централизаціи Пястовъ, Поляки являются въ Руси съ завоевательными цѣлями. Болеславъ Храбрый первый овладѣваетъ, въ началѣ XI в., столицею ея, Кіевомъ, и по преданіямъ польскихъ лѣтописцевъ, въ страстномъ нетерпѣніи вступить въ эту „матерь городовъ русскихъ,“ ударомъ о золотыя ворота, выщербливаетъ свой мечь, подаренный ему въ Гнѣздно Германскимъ Императоромъ Оттономъ III-мъ. Этотъ выщербленный мечь становится потомъ драгоцѣннѣйшимъ наслѣдіемъ польскихъ королей и суевѣрнымъ источникомъ завоевательныхъ надеждъ польской шляхты. Болеславъ, занявши Кіевъ подъ предлогомъ помощи русскому князю Святополку, располагается здѣсь какъ въ завоеванной странѣ, но не надолго,—Поляки скоро были изгнаны. Они возвратились сюда однако опять во второй половинѣ того же

XI в., подъ предводительствомъ Болеслава Смѣлаго, успѣвшаго было завладѣть Волынью и Кіевомъ; но своимъ невыносимымъ отношеніемъ къ побѣжденнымъ, поляки возстановили противъ себя населеніе и вторично были изгнаны изъ Руси. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіи двухъ столѣтій, раздробленныя на мѣлкія княжества, безпрерывно воевавшія между собою изъ родовыхъ счетовъ, Польша и Русь ведутъ мелкую борьбу по поводу столкновеній, которыя возникали изъ родственныхъ споровъ между князьями обѣихъ государствъ, пораждавшихъ взаимныя притязанія на владѣніе частями пограничныхъ къ Польшѣ областей Руси. Галиція въ особенности получила печальную привиллегію сдѣлаться предметомъ этихъ притязаній. Пользуясь обстоятельствами, польскіе князья безпрерывно присваиваютъ себѣ то ту, то другую часть ея. Въ свою очередь русскіе князья, отражая вторженіе поляковъ, проникали въ глубь Польши и завоевывали себѣ тамъ города, но немогли ихъ удержать за собою.

По мѣрѣ того, какъ Русь, порабощенная татарами, слабѣла, дробилась и утрачивала политическую связь между своими частями, поляки вторгались въ ея области и завладѣвали ими. Первою жертвою дробленія, этой несчастной розни въ неокрѣпшемъ еще русскомъ организмѣ, сдѣлалась крайняя западная область Руси, Галиція, которая послѣ неудачной попытки составить отдѣльное самостоятельное владѣніе, въ половинѣ XIV в., пала подъ напоромъ польскаго элемента. Остальная часть южной Руси, хранившая въ себѣ болѣе задатковъ органическаго развитія, связываетъ свою судьбу съ Литвою, и, подобно Галиціи, пытается образовать отдѣльное самостоятельное цѣлое подъ именемъ Литовско-русскаго княжества, но напрасно. Отсутствіе внутренней организующей силы неотразимо влечетъ ее туда, гдѣ эта сила жила и получила внѣшнее блестящее развитіе вслѣдствіе напряженія, сообщеннаго ей началами западной цивилизаціи. Въ концѣ XIV в. Юж. Русь подвергается одинаковой съ Галиціею судьбѣ: подъ видомъ федеративнаго союза, она поступаетъ во владѣніе Польши. Такимъ образомъ польскій элементъ, пользуясь раздробленіемъ Руси, съ неутомимою настойчивостію, шагъ за шагомъ, проникаетъ въ области ея и какъ бы вливается, подобно жидкости, въ

каждую трещину русскаго тѣла, какую дѣлаетъ въ немъ внутреннее органическое разстройство или враждебный ударъ извнѣ. Но, къ счастію, элементъ этотъ неимѣлъ силы проникать глубоко во внутрь и долженъ былъ ограничиваться поверхностью. Разлившись на ней, онъ употреблялъ напряженныя усилія, чтобъ просочиться черезъ поры организма къ источникамъ его жизни, но тутъ встрѣчалъ всегда тупое и тѣмъ не менѣе упорное сопротивленіе.

Заимствовавши общественныя начала западной цивилизаціи, Польша восприняла ихъ какъ-то болѣзнено. Аристократическое начало развилось у ней до уродливой крайности и обратилось съ одной стороны въ католическій фанатизмъ, а съ другой—въ олигархію и полнѣйшее рабство народа, уничтожившія общину и отнявшія у ней поземельную собственность. Тѣже самыя общественныя начала, сопровождавшіяся въ приложеніи къ славянской стихіи такими печальными результатами, на западѣ, гдѣ онѣ органически выросли изъ почвы, привели совершенно къ инымъ последствіямъ. Тамъ регуляторомъ взаимнаго дѣйствія этихъ началъ явилась королевская власть, принявшая подъ свое покровительство общіе интересы и угнетенный народъ; въ Польшѣ королевская власть неустояла противъ аристократіи и сдѣлалась безсильною для общаго блага и для защиты народа отъ гнета шляхты. Невстрѣчая ни противудѣйствія, ни регулирующаго элемента, болѣзненное развитіе этихъ началъ, а вмѣстѣ органическое неустройство Польши росло съ ужасающею скоростію, и то, что было источникомъ жизни и цивилизаціи на западѣ, въ Польшѣ сдѣлалось источникомъ неизлѣчимаго общественнаго недуга, приведшаго ляшскій организмъ къ гибели. Но, чѣмъ сильнѣе этотъ недугъ овладѣвалъ ею, чѣмъ глубже проникалъ во внутрь, тѣмъ настойчивѣе и страстнѣе стремилась Польша привить свою болѣзнь Руси, и тѣмъ враждебнѣе относилась къ ней. Инстинктивное чувство жизни и самосохраненія аастављали Русь противупоставлять такимъ стремленіямъ всѣ свои силы и всю энергію. Это возбуждало и напрягало Русь и вело къ развитію ея организма.

Овладѣвши лучшими, но ослабѣвшими частями русской земли на югѣ, Польша съ увлеченіемъ и страстью принялась за ассими-

лированіе ихъ: въ этой цѣли она изобрѣтаетъ религіозную унію, раздѣлившую народъ на два враждебные стана, и полонизируетъ дворянство, отдѣливши его такимъ образомъ отъ массы народа. Но оставалась еще одна независимая часть Руси на сѣверѣ, обнаруживавшая болѣе упругости и сопротивленія, чѣмъ на югѣ. Туда Польша стремится внести принципы своего развитія посредствомъ завоеванія и уединенія этой части отъ общенія съ образованнымъ міромъ.

Послѣ подчиненія Польшѣ юга и запада Руси, на далекомъ сѣверовостокѣ, подъ отрезвляющими градусами сѣверной широты, посреди бѣдной и суровой природы, стала развиваться и рости та часть русскаго организма, которой суждено было сосредоточить въ себѣ всю силу Руси, все, что было въ ней могучаго и жизненнаго, что имѣло будущность и право на жизнь. Пріютившись въ дикомъ и суровомъ углѣ восточной Европы, сѣверная Русь, подъ гнетомъ Татаръ, начала и съ изумительною настойчивостію продолжала великое дѣло собранія русской земли. Отрѣзанная отъ сообщенія съ образованнымъ міромъ—Польшею на западѣ и Татарами—на югѣ, С. Русь поддерживала съ великими затрудненіями только моральную связь съ Византіею; но въ XV в. Византія окончательно пала предъ исламизмомъ и изъ своего богатаго наслѣдства завѣщала Руси теократическій принципъ власти. Онъ отвѣчалъ религіознымъ понятіямъ народа и удовлетворялъ настоятельной потребности объединенія и собранія земли, и потому привился здѣсь легко и вошелъ въ жизнь С. Руси какъ могущественное организующее начало. Въ то время какъ Византія рушилась подъ ударами Турокъ, С. Русь, подъ вліяніемъ этаго начала, освободилась отъ Татаръ; но двухвѣковое господство ихъ оставило въ ней глубокіе слѣды: оно заглушило тѣ скудные начатки цивилизаціи, которые Русь, вмѣстѣ съ зерномъ жизни, успѣла унести съ собою съ юга, и внесло въ жизнь ея значительную долю дикости и варварства. Эта-то Русь, получившая названіе **великой**, по сравненію съ остальными частями, и **московской**, по центру, изъ котораго развивалась, загнатая къ Ледовитому морю и въ сибирскія тундры, явилась страшнымъ и грознымъ соперникомъ господства Польши на востокѣ Европы. Противъ этаго-то

соперника, грубаго, невѣжественнаго, лишеннаго, повидимому, всякихъ средствъ къ защитѣ, Польша выступаетъ въ бой, вооруженная пособіями западной цивилизаціи и усиленная захваченными частями русской земли. Казалось, бой былъ неровный и не представлялъ никакихъ шансовъ успѣха для Московіи, какъ стала называть ее Европа. Во всѣхъ непріязненныхъ столкновеніяхъ двухъ соперниковъ искуство, смѣлость и отвага были на сторонѣ Поляковъ; Москвитяне только и умѣли, что сопротивляться, и всю свою силу и энергію выказывали единственно въ страдательномъ сопротивленіи.

Овладѣвши почти всѣмъ теченіемъ Днѣпра, Польша стала на пути сообщенія Руси съ образованнымъ міромъ и отрѣзала ее отъ всякихъ сношеній съ нимъ. Съ какимь-то вѣщимъ предчувствіемъ неминуемой опасности, по темному побужденію инстинкта самосохраненія, Польша употребляла всѣ усилія, что бы недать Московской Руси доступа къ образованному міру, и если соглашалась подѣлиться съ нею плодами западной цивилизаціи, то неиначе, какъ подъ условіемъ принятія ея въ тѣхъ самыхъ формахъ, въ какихъ она сама ее приняла, т. е. подъ условіемъ насилія свободѣ совѣсти и жизни и расшатанія народныхъ основъ быта. Съ непреоборимымъ отвращеніемъ и съ непобѣдимымъ упорствомъ отвергаемы были сдѣлки на подобныхъ условіяхъ, предлагавшіяся Польшею въ разное время и въ разнообразныхъ видахъ и формахъ. Моск. Русь готова была скорѣе окончательно одичать, замерзнуть и принять прозябательную форму, нежели вступить въ союзъ съ Польшею на началахъ ея жизни. Чѣмъ-же объяснить это дикое упрямство, эту непонятную приверженность къ формамъ быта, непредставлявшимъ, повидимому, никакихъ условій человѣческаго развитія по понятіямъ запада, въ виду блестящихъ и соблазнительныхъ результатовъ развитія Польши изъ западныхъ началъ? Неужели М. Русь была создана только для пассивнаго повиновенія деспотической власти, для возращенія въ себѣ всякихъ видовъ рабства,—личнаго, общественнаго и умственнаго, и неужели немогли поколебать ее, покрайнѣй мѣрѣ съ утилитарной точки зрѣнія, плоды западной цивилизаціи, такъ ярко выставлявшіеся въ развитіи шляхетской личности и образованія

въ Польшѣ, съ которою она была въ безпрерывныхъ сношеніяхъ? Съ точки зрѣнія запада и въ особенности польской шляхты, это легко объясняется грубостію и невѣжествомъ. Но мы думаемъ, что причина этаго факта лежитъ далеко глубже. Исторія представляетъ намъ доказательства, что Русь чувствовала сильную потребность образованія и общенія съ образованнымъ міромъ находила также необходимымъ для себя, какъ воздухъ для дыханія. Вся трудная исторія Московскаго государства выражаетъ только два движущія мотива его дѣятельности: собраніе земли, побѣжденіе внутренней розни, и проложеніе путей къ сообщенію съ цивилизованнымъ міромъ, откуда текли свѣтъ, наука и искуство. Труднымъ и медленнымъ процессомъ Русь достигаетъ того и другаго только въ послѣднія два столѣтія. Но на пути этихъ стремленій Польша всегда становилась непримиримымъ врагомъ ея. Послѣ неудачныхъ попытокъ утвердиться при балтійскомъ морѣ, Русь вынуждена была искать себѣ выхода къ сообщенію съ западною Европою по льдамъ Ледовитаго моря; но этотъ путь былъ слишкомъ далекій, существовавшій только нѣсколько мѣсяцевъ въ году, трудный и опасный, при тогдашнемъ состояніи мореплаванія, что бы черезъ него могли установиться правильныя сношенія Руси съ Европою и удовлетворить съ каждымъ годомъ болѣе сознаваемой потребности общенія съ нею.

Отрѣзанная отъ западной Европы, порабощенная въ лучшихъ и ближайшихъ къ ней частяхъ своихъ, Русь въ послѣднемъ своемъ бѣдномъ и суровомъ убѣжищѣ казалась Польшѣ легкою добычею. Почти одновременно, въ XVII ст., Польша, повидимому, близка была къ осуществленію своихъ страстныхъ стремленій на югѣ и сѣверѣ Руси: тамъ унія дѣлала свое дѣло и высшій классъ населенія открыто становился уже на сторону Польши; здѣсь нежданною помощницею ея явилось смутное время. Эпоха послѣдняго сильнаго броженія розни въ русскомъ организмѣ, смутное время представило Польшѣ самый благопріятный случай для приведенія въ исполненіе задушевныхъ желаній и завоевательныхъ плановъ. Съ помощію лже-царя Поляки заняли Москву и обратили ее въ кучу пепла и развалинъ. Послѣ изумительныхъ подвиговъ мужества, храбрости и неподражаемаго геройства, Смо-

ленскъ палъ отъ истощенія и голода, но герои защитники его нехотѣли отдаться въ плѣнъ полякамъ и взорвали себя на воздухъ. Защита Смоленска, послѣдней точки опоры Руси на Днѣпрѣ и послѣдняго оплота отъ польскихъ вторженій, составляетъ одну изъ величайшихъ страницъ исторіи русскаго народа, и должна была показать стремившимся господствовать надъ нимъ полякамъ, какая великая сила и какая несокрушимая энергія жила въ этой суровой Московской Руси.

Съ паденіемъ Москвы и Смоленска, посреди общаго безпорядка и розни, дѣло Руси казалось окончательно проиграннымъ. По занятіи послѣдняго политическаго центра самостоятельной Руси въ началѣ XVII в., Польша является полновластнымъ распорядителемъ судебъ восточнаго славянскаго міра. Начала западной жизни, въ лицѣ Польши, по видимому, превозмогли славянскіе основы быта. Московскіе бояре избрали царемъ польскаго королевича и, въ виду всеобщей анархіи въ русской землѣ, готовы были принести тяжелыя жертвы изъ своихъ вѣрованій и убѣжденій, соглашаясь на религіозныя уступки полякамъ—побѣдителямъ. Польша уже торжествовала свою побѣду: несокрушимый защитникъ православія и народности русской патріархъ Гермогенъ уморенъ голодомъ; развѣнчанный царь съ лучшими людьми отправленъ плѣннымъ въ Варшаву, чтобы потомъ подвергнуться тамъ унизительной церемоніи представленія польскому королю; толпы шляхты спѣшили въ страшную прежде для нея Московію, чтобъ при всеобщемъ разрушеніи взять себѣ львиную долю добычи, а вслѣдъ за шляхтою готовился къ отправлинію въ варварскую, схизматическую страну цѣлый легіонъ отцовъ іезуитовъ, этихъ неутомимыхъ піонеровъ папства, абсолютизма и абскурантизма. Но именно въ эту смутную эпоху, поставившую, казалось, Русь въ безвыходное положеніе, поляки и должны были испытать первое сильное разочарованіе, за которымъ послѣдовалъ длинный рядъ болѣе горькихъ и ѣдкихъ разочарованій; именно тогда и выказалась вся жизненная сила, все превосходство чисто славянскихъ основъ предъ извращенными вліяніемъ запада началами жизни Польши. Эпоха нашего народнаго униженія была началомъ нашего великаго торжества. Польша неожиданно для себя встрѣтила энергическое сопротивленіе

въ безмолствовавшихъ доселѣ массахъ народа, т. е. именно тамъ, гдѣ коренились основы славянскаго быта. И какое электрическое дѣйствіе производитъ на эти инертныя массы стремленія Польши насильственно внести въ ихъ жизнь мертвящія начала, подъ дѣйствіемъ которыхъ она сама уже начала разлагаться! Сѣверъ отвѣчалъ на это возстаніемъ всей земли и изгнаніемъ поляковъ; югъ далъ подобный же отвѣтъ нѣсколько позднѣе, и въ потокахъ крови и ужасахъ междуусобной войны завоевываетъ свою независимость отъ Польши и соединяется съ сѣверною Русью. Такимъ образомъ достигнувши растлѣнія и извращенія основныхъ началъ своего быта, Польша въ XVII в. явилась выполнителемъ уже отрицательнаго назначенія своего для славянскаго міра, въ которомъ собственно и состоитъ дальнѣйшая исторія ея: стремленія и притязанія Польши сдѣлались стимуломъ единенія русской земли, сплоченія разрозненныхъ частей ея и укрѣпленія русскаго организма.

Изъ страшнаго потрясенія Русь вышла сильною и могучею, въ самой себѣ нашла средства побѣдоносно отразить враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ и прекратить безнарадье. Смутное время было искупительною жертвою органическимъ болѣзнямъ, порожденнымъ въ Руси несчастными обстоятельствами ея исторіи, и поворотнымъ событіемъ въ борьбѣ ея съ Польшею. Съ прекращеніемъ смутъ началось обратное движеніе Руси къ западу и постепенное возсоединеніе разрозненныхъ частей ея, захваченныхъ Польшею. Недалѣе, какъ черезъ 40 лѣтъ послѣ изгнанія Ляховъ изъ Москвы, послѣдовало соединеніе великой и малой Руси, а черезъ 30 лѣтъ спустя послѣ того, заключенъ былъ московскій миръ, установившій р. Днѣпръ границею между соперничествующими государствами и возвратившій Руси, на лѣвомъ берегу Днѣпра, ея первую столицу и народную святыню—Кіевъ. Говорятъ, что послѣдній великій король Польши, Янъ Собѣскій, подписывая этотъ миръ во Львовѣ, заплакалъ. Король патріотъ предчувствовалъ гибель своего отечества.

Только съ ослабленіемъ Польши открылась для Руси возможность достигнуть цѣли вѣковыхъ ея стремленій—тѣсныхъ сношеній съ западомъ и заимствованія оттуда плодовъ его цивили-

заціи. Геніемъ и энергіею великаго царя Руси, этаго величественнаго типа русской натуры, воспроизведшаго въ одной своей личности всѣ достоинства и недостатки своего народа въ извѣстный историческій моментъ его развитія, прорублено окно въ западную Европу и открытъ въ Русь доступъ свѣту и освѣжающему воздуху цивилизаціи; но вмѣстѣ съ этими необходимыми для жизни Руси элементами, тѣмъ же самымъ окномъ проникали въ нее злые міазмы, разрушительно дѣйствующіе на организмъ. Съ начатками западной цивилизаціи перенесены были въ Русь и принципы общественной жизни запада. Въ примѣненіи къ нашимъ условіямъ и формамъ быта, они стали производить тоже дѣйствіе, какое оказали уже въ Польшѣ: порабощеніе и закрѣпленіе народныхъ массъ, отдѣленіе отъ нихъ высшаго образованнаго класса, стремившагося во что бы то ни стало отречься отъ своей національности и сдѣлаться нѣмецкимъ или французскимъ, но только не русскимъ, и воинственные порывы были слѣдствіемъ усвоенія Руси этихъ началъ. Привитіе ихъ къ быту, удержавшему исконныя общеславянскія основы, но своеобразно сложившемуся и уже окрѣпшему, повело ко многимъ уродливымъ явленіямъ въ жизни Руси; но тѣмъ не менѣе приведенная въ движеніе вплывомъ западныхъ началъ, она быстро пошла къ могуществу и расширенію своихъ предѣловъ до естественныхъ границъ. Черезъ столѣтіе послѣ московскаго мира, Польша прекратила свое политическое существованіе и въ наслѣдіе завѣщала—сынамъ своимъ горечь сожалѣнія о безумно растраченномъ богатствѣ и безплодныя мечты и надежды на возвращеніе ихъ, а странамъ, въ которыхъ распространялось ея господство,—ненависть къ своему когда-то славному имени и глубокія общественныя язвы, составляющія источникъ того тяжелаго недуга, которымъ страдаютъ эти страны современи вторженія въ нихъ польскаго элемента и отъ котораго доселѣ не могутъ избавиться.

Гибель Польши была не менѣе прискорбнымъ историческимъ явленіемъ, какъ и гибель Богеміи, въ особенности для славянскаго міра. Съ паденіемъ этихъ двухъ государствъ у огромной семьи западныхъ славянъ отнята была возможность самостоятельнаго развитія изъ коренныхъ основъ ихъ быта и на цѣлыя сто-

лѣтія задержано правильное прогрессивное движеніе славянской цивилизаціи. Но кого же въ этомъ винить, кромѣ исторіи и тѣхъ неизмѣнныхъ законовъ, которые установлены Провидѣніемъ для жизни человѣчества? На сколько виноваты въ этомъ грустномъ фактѣ Нѣмцы на западѣ, Русь на востокѣ? Не было ли въ этомъ скорѣе вины, или правильнѣе,—причинъ такому факту въ жизни этихъ двухъ славянскихъ организмовъ,—причинъ не внѣ, а внутри ихъ самихъ? Неизмѣнили ль они тѣмъ кореннымъ началамъ, которыя положены исторіею въ основу славянской стихіи, и изъ которыхъ единственно, какъ изъ зародыша, они могли достигнуть полнаго органическаго развитія? На сколько понятіе о нравственности въ частныхъ человѣческихъ отношеніяхъ примѣнимо къ жизни политическихъ обществъ и въ какой степени можетъ имѣть здѣсь приложеніе теорія вмѣненія?—Во внѣшнемъ мірѣ мы видимъ ежедневно повторяющіяся передъ нашими глазами явленія, что высшіе организмы живутъ на счетъ низшихъ. Подобное явленіе мы замѣчаемъ и въ исторіи человѣческихъ обществъ. Онѣ раждаются безъ участія въ томъ ихъ воли и сознанія, живутъ пока имѣютъ внутреннюю силу для жизни и, какъ скоро эта сила истощается, умираютъ, разлагаясь на элементы, которые входятъ въ составъ другихъ обществъ, другихъ политическихъ организмовъ, на сколько же можно примѣнить къ этимъ явленіямъ нравственныя понятія и какой нравственный кретерій можетъ быть принятъ для оцѣнки подобныхъ явленій? Организмъ возникъ, жилъ и умеръ, вслѣдствіе ли естественнаго истощенія жизненныхъ силъ или потому, что долженъ былъ обратиться въ средство питанія и развитія высшаго организма. Какое же тутъ нравственное мѣрило для оцѣнки появленія и исчезновенія организма? Вѣчные законы мірозданія дѣйствуютъ безстрастно и безучастно ко всему живущему на землѣ и несознаютъ мукъ и болей, которыя испытываютъ живыя организмы подъ этимъ дѣйствіемъ.

Польша имѣла несчастіе испытать на себѣ безучастное дѣйствіе этихъ непреложныхъ законовъ человѣческихъ обществъ. Она измѣнила своему историческому призванію, уклонилась въ своей жизни отъ коренныхъ основъ славянской стихіи, въ развитіи которыхъ и состояла ея задача, и должна была умереть.

Образовавшись на демократическихъ началахъ, присущихъ всему славянскому міру, Польша развивалась и росла, пока эти начала въ ней дѣйствовали; но съ постепеннымъ подавленіемъ ихъ и введеніемъ въ политическую и общественную жизнь Польши чуждыхъ славянской стихіи началъ германо-романской цивилизаціи, возникшей и развившейся на совершенно иныхъ отъ славянскихъ народовъ основахъ, она постепенно начала упадать и уже съ XVI в. начался процессъ той мучительной агоніи, при послѣднихъ судорожныхъ движеніяхъ которой мы теперь присутствуемъ. Время господства демократическихъ принциповъ и демократическаго устройства въ Польшѣ было временемъ славы и блеска ея; но по мѣрѣ того какъ католическо-аристократическіе принципы, съ своими естественными слѣдствіями религіознымъ фанатизмомъ и олигархіею, проникали глубже въ ея организмъ и охватывали всѣ общественныя отправленія его, блескъ этотъ потухалъ, а вмѣстѣ угасала и жизнь, сулившая, казалось, славянскому міру такую свѣтлую будущность и обѣщавшая, повидимому, такъ много прекраснаго впереди. Польша неимѣла недостатка въ своевременныхъ предостереженіяхъ и пророческихъ предсказаніяхъ своихъ государственныхъ людей. Стоитъ припомнить только рѣчь кардинала—короля, Яна Казиміра, на варшавскомъ сеймѣ 4 Іюня 1661 г., въ которой онъ съ какимъ-то пророческимъ ясновидѣніемъ предсказалъ раздѣлъ Польши; но съ неудержимою роковою силою она стремилась въ бездну. Съ усвоеніемъ западныхъ принциповъ и формъ жизни, Польша утратила свое значеніе для славянскаго міра; Русь крѣпко держалась основъ своего быта и успѣла сохранить ихъ подъ игомъ Татаръ, деспотизмомъ московскихъ царей и позднѣе подъ наброшенными ей преобразованіями Петра западными формами, коснувшимися только поверхности русской земли, но неуспѣвшими, къ счастію, проникнуть внутрь и извратить народную жизнь такъ, какъ извратили онѣ ее въ Польшѣ. Въ Руси сосредоточилась такимъ образомъ вся сила и вся мочь славянской стихіи, и въ этомъ единственно тайна ея могущества и ее великое историческое призваніе. Польша должна была неизбѣжно уступить этой непреоборимой силѣ и съ зачатками своей исторической жизни влиться своеобразнымъ ручьемъ въ русско-

славянское море. Такова была историческая судьба Польши и и таково назначеніе Руси, уясняющіяся теперь съ каждымъ ретрограднымъ порывомъ первой къ прошлому и съ каждымъ прогрессивнымъ шагомъ послѣдней впередъ.

Послѣ своего паденія Польша тщетно усиливается подняться при пособіи романскаго элемента. Ровно черезъ 200 лѣтъ послѣ изгнанія поляковъ изъ Москвы, они являются въ хвостѣ новаго крестоваго похода запада противъ Руси подъ предводительствомъ величайшаго военнаго генія новыхъ временъ. Послѣдовали разореніе и сожженіе Москвы, подобное тому, какое было въ 1612 г., подобное же возстаніе русской земли, изгнаніе враговъ и затѣмъ наступательное движеніе Руси на западъ. Торжествующая, побѣдоносная Русь беретъ подъ свое покровительство Польшу и открываетъ ей возможность къ самостоятельному существованію и развитію сохранившихся еще внутреннихъ силъ ея. Великодушіе Руси такъ далеко было простерто, что полякамъ сдѣланы были жертвы и предоставлены преимущества на счетъ ея самой, даже возникла мысль объ уступкѣ Польшѣ русскихъ областей, состоявшихъ нѣкогда подъ ея владычествомъ, чтобы такимъ образомъ укрѣпить федеративный союзъ двухъ славянскихъ государствъ. Такъ невѣрно понимали тогда исторію, такъ легко цѣнили народные интересы и такъ неясно и слабо сознавалась еще историческая роль Руси въ славянскомъ мірѣ! Но Польша не имѣла терпѣнія долго оставлять въ заблужденіи своего простодушнаго покровителя: кровавымъ возстаніемъ она заплатила ему за его великодушіе. Ничтожная въ собственныхъ средствахъ, почерпавшая всю силу свою въ демократическихъ началахъ и въ родственныхъ народностяхъ, вошедшихъ въ союзъ съ нею на этихъ началахъ, она подняла знамя бунта во имя той же шляхетской свободы, которая заставила уже бывшія съ нею въ союзѣ народности отдѣлиться отъ ней послѣ кровавой борьбы, и потому всѣ усилія ея связать дѣло свое съ дѣломъ народа оказались безплодными. Попытка поляковъ произвести возстаніе въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ окончилась ничтожными „рухавками“ шляхты. Народъ остался вѣренъ своимъ преданіямъ и своей исторіи и вспышка шляхетскаго патріотизма была легко подавлена.

Казалось бы, этотъ грустный опытъ долженъ былъ отрезвить опьяненіе шляхетскаго патріотизма и разсѣять мечты о воскресеніи трупа Рѣчи Посполитой; казалось бы неудачная попытка воззвать къ жизни отжившее должна была вразумить поляковъ, что исторія произнесла уже свой окончательный приговоръ сопернической борьбѣ двухъ славянскихъ организмовъ и споръ не можетъ болѣе длиться; оставалось только покориться непреложному рѣшенію исторіи и соединеннымъ народамъ, рука объ руку, дружно идти къ указанной ею цѣли; но вѣрно для уясненія этой цѣли, для успѣшнѣйшаго достиженія ея, по требованію вѣчныхъ законовъ жизни человѣческихъ обществъ, необходимо еще разъ подняться этому вопросу, что бы движеніемъ его сообщилась Руси снова та искра электричества, которая пробѣгала по ней благотворно въ тяжелыя годины испытаній; чтобы пробудилась и воздѣйствовала въ ней единящая сила, которая въ виду опасности сплочивала ее въ неодолимую массу; чтобы единство Руси созналось въ самую важную для ней эпоху выхода на новый широкій путь прогресса; чтобы исчезли въ Руси послѣдніе остатки розни, этаго грустнаго наслѣдія многострадальной исторіи ея, и чтобы такимъ образомъ заявленіемъ спора по рѣшенному дѣлу Польша еще разъ оказала намъ великую и послѣднюю услугу, за которую признательное потомство отдастъ ей должную дань справедливости. Но такая оцѣнка польскаго вопроса принадлежитъ потомству, а намъ, современникамъ, заинтересованнымъ въ спорѣ, живущимъ подъ впечатлѣніями минуты, подвергающимся разнообразнымъ вліяніямъ жизни, намъ суждено съ волненіемъ и тревогою переживать различные перепетіи борьбы, увлекаться, возмущаться, негодовать, радоваться и страдать, словомъ, переходить черезъ разнообразныя ощущенія, изъ которыхъ слагается жизнь индивидуумовъ.

Обманувшись въ своихъ расчетахъ и надеждахъ, оздобленная своею неудачею, шляхта во множествѣ покинула родную почву и, разсѣявшись по лицу западной Европы, начала ту грустную повѣсть безпріютнаго скитальничества, унизительнаго пресмыканія и нищенства у сильнаго и богатаго запада, непримиримой ненависти, злостной вражды, возмутительнѣйшихъ клеветъ,

ярости и бѣшенства противъ Руси,—которую не разъ приходилось намъ читать съ чувствомъ глубочайшаго омерзѣнія. Начались яростные памфлеты, запрудившіе политическую литературу запада возмутительнѣйшимъ уродованіемъ исторіи, этнографіи и статистики, самою наглою ложью и циническимъ глумленіемъ надъ всѣмъ, что только зовется на человѣческомъ языкѣ истиною. И чего не выдумывали на Русь эти перебѣжчики славянскаго міра! Все, что могли внушить только неудовлетворенная страсть мести и безсильной злобы и создать болѣзненно настроенное воображеніе и воспаленное состояніе мозга,—все это систематизировалось по новѣйшимъ западнымъ теоріямъ, разливалось желчью и ядомъ по Европѣ и входило широкою струею въ разслабленное и обезсиленное глубокою внутреннею болѣзнію тѣло польской народности. Но этой нравственной отравы было недостаточно для озлобленной ненависти эмигрировавшей шляхты: распространяя ее систематически, она толпами высылала на родную почву отравителей, которые являлись здѣсь въ качествѣ мучениковъ шляхетской свободы, провозвѣстниковъ близкаго искупленія отъ египетскаго плѣна и пророками воскресенія изъ мертвыхъ и будущаго счастія великой шляхетской націи. Въ тоже время она призывала на помощь всѣ силы неба и ада, неразбирая средствъ, несправляясь ни съ исторіею, ни съ требованіями разсудка и логики, ни съ голосомъ совѣсти и условіями человѣческой нравственности; будила остывавшую вражду запада къ славянству, пугала его воображеніе страшными призраками панславизма и новаго варварскаго вторженія въ цивилизованную Европу въ цѣли истребленія и разрушенія всего, что создано тысячелѣтіями усилій человѣчества и водворенія на развалинахъ цивилизаціи господства дикой силы; разжигала страсти, вражду и ненависть въ Европѣ къ Руси и съ лихорадочною поспѣшностію являлась въ каждомъ враждебномъ противъ нея лагерѣ то застрѣльщикомъ въ передовой цѣпи, то руководителемъ и совѣтникомъ, направлявшимъ удары враговъ на родную почву. Страшно возмущающее душу явленіе, но къ сожалѣнію, не первое въ исторіи: отживающее поколѣніе было свидѣтелемъ подобнаго печальнаго явленія въ той націи, къ которой издавна обращены всѣ симпатіи и надежды польской эмиграціи.

Съ нею имѣетъ много сходства французская эмиграція конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія. Но иногда, посреди этой витовой пляски шляхетскаго патріотизма, достойнаго лучшей участи, слухъ нашъ поражали скорбные стоны и вопли, выходившіе изъ души и сердца лучшихъ сыновъ несчастной Польши, и мы, кого они считали своими злѣйшими врагами, неразъ внимали имъ съ глубокимъ сочувствіемъ и соболѣзнованіемъ. Ни клеветы, ни ненависть не возмущали насъ, но насъ трогали эти вырывавшіеся изъ глубины души вопли, они находили въ сердцѣ нашемъ отзывъ и сотрясали въ немъ сочувственныя струны. Мы видѣли ихъ только несчастными, и во имя ихъ несчастія, прощали имъ наши оскорбленія и забывали скорбныя, кровавыя страницы въ нашей обоюдной исторіи. Но это благородное движеніе души спьяненная ненавистію каста спѣшила убить у насъ въ самомъ зародышѣ, безстыдствомъ лжи и наглымъ обращеніемъ съ исторіею и чувствами нашей народной чести.

Что же, какіе результаты этихъ танталовскихъ усилій?— Они теперь на лицо предъ всѣмъ образованнымъ міромъ. Въ переживаемый нами моментъ, мы встрѣчаемся съ ними лицомъ къ лицу. Изъ туманныхъ областей фантазіи и нервныхъ сотрясеній они явились на свѣтъ во всей своей отвратительной наготѣ.

Въ теченіе 30 лѣтняго періода, прошедшаго со времени польскаго возстанія, когда польская эмиграція напрягала всѣ усилія надъ безплоднымъ и неблагодарнымъ дѣломъ гальванизованія труна Рѣчи посполитой, Русь отдалась спокойной и глубокой внутренней работѣ, вдумываясь въ свое прошедшее и стараясь разгадать свое будущее. Трудъ былъ великъ и подвигался медленно, а между тѣмъ внѣшнее развитіе Руси продолжало идти тѣмъ же ложнымъ путемъ, на какой оно выведено было реформою Петра. Возраставшее политическое могущество Руси возбудило зависть и опасеніе запада. Составилась страшная коалиція, которой суждено было разсѣять многіе призраки въ Руси и указать ей истинный путь развитія. Мы отошли теперь отъ событій восточной войны на столько, что можемъ уже видѣть, какое благотворное, отрезвляющее дѣйствіе онѣ имѣли на Русь. Коалиція заставила ее, отказавшись отъ призраковъ, выйдти изъ глубокаго сосредоточе-

нія и начать ту эру преобразованій, которыя стали очищать широкій и прямой путь къ выполненію исторической задачи ея. Нѣмецкій кафтанъ, сшитый для Руси Петромъ, давно уже сдѣлался тришкинымъ кафтаномъ. Русь выросла изъ него и ей давно нужно было платье, соотвѣтствующее ея росту, которое нестѣсняло бы естественнаго развитія ея организма, не подавляло бы внутреннихъ силъ сдавливающими внѣшними формами, заимствованными зря и чуждыми условіями его жизни, а давало бы просторъ и свободу его естественнымъ движеніямъ. Потребность эта сознана и рядъ преобразованій начался великою и безпримѣрною въ исторіи соціальною реформою, совершающеюся въ нашихъ глазахъ съ такимъ изумительнымъ спокойствіемъ и съ тѣмъ здравымъ смысломъ, который, по выраженію Гизо, составляетъ геній народовъ.

Такое высвобожденіе Руси изъ подъ насиловавшихъ ее внѣшнихъ чуждыхъ формъ, задерживавшихъ только ея естественный ростъ и развитіе, вступленіе на путь истиннаго прогресса и призывъ къ гражданской жизни и общественной дѣятельности милліоновъ порабощенной массы должны были бы, казалось, встрѣтить искреннее сочувствіе всего цивилизованнаго міра, и въ особенности славянскаго, представляя для него въ этомъ знаменательномъ явленіи великіе задатки будущаго самостоятельнаго развитія. Такъ это и встрѣчено тѣми историческими обществами, упредившими насъ въ гражданскомъ развитіи, въ которыхъ хранится сила жизни и которымъ исторія сулитъ еще долгое существованіе; но не такъ отозвалось на это польское шляхетское общество, и во главѣ его, польская эмиграція. Паденіе системы, питавшей надежды ея на истощеніе жизненныхъ силъ русскаго колосса, и новая начатая Русью жизнь болѣзненно отозвались въ этомъ обществѣ. Великое жизненное явленіе въ Руси было смертнымъ приговоромъ для шляхетскихъ принциповъ; струя свѣжей живой силы, начинающей вливаться въ организмъ Руси, явилась химическимъ реактивомъ, разлагающимъ на составные элементы отживающее и распадающееся общество.

Западная коалиція на защиту магометанства противъ славянскаго элемента возбудила великія надежды въ польской эмиграціи. Съ лихорадочными усиліями она спѣшила образовать свои

легіоны и умоляла западныя державы перенести войну на территорію покойной Рѣчи посполитой; но ей суждено было, къ длинному ряду заблужденій и разочарованій въ надеждахъ подняться при содѣйствіи могущественныхъ средствъ запада, присоединить еще одно самое горькое разочарованіе. Уроки прошлаго, по видимому, остались безплодными для шляхты и она должна была получить еще новый тягостный урокъ. Дѣло обошлось безъ польскихъ эмиграціонныхъ легіоновъ, война окончилась не такъ, какъ ожидала и надѣялась шляхта, вопросъ о воскресеніи Рѣчи Посполитой остался нетронутымъ и разочарованіе эмиграціи было полное и глубокое.

Между тѣмъ какъ эмиграція должна была растаться съ такъ долго лелѣемою надеждою возродить Рѣчь Посполитую при помощи запада, Русь вступила на новый путь, обѣщающій всему славянскому міру возрожденіе его на коренныхъ присущихъ ему началахъ. При такомъ положеніи вещей, нашъ крестьянскій вопросъ послужилъ картелемъ для эмиграціи. Въ виду неминуемой для себя опасности, она рѣшилась, не полагаясь болѣе на западъ и расчитывая на нравственную поддержку общественнаго мнѣнія Европы, по примѣру Италіи, испробовать собственныхъ силъ за свое отверженное всѣми дѣло. Тогда начались яростная революціонная пропаганда, гальванизированіе массъ фанатизмомъ религіознымъ и патріотическимъ, разжиганіе политическихъ страстей и дикихъ инстинктовъ массъ. Плодомъ этой горячечной дѣятельности эмиграціи были варшавскіе безпорядки, предупредившіе только нѣсколькими днями обнародованіе великаго акта русской жизни, манифеста 19 Февраля. За первымъ безпорядкомъ послѣдовалъ рядъ другихъ возмутительнѣйшихъ дѣйствій, которымъ радовалась клерикальная партія на западѣ, но отъ которыхъ съ негодованіемъ отворачивалось здравое общественное мнѣніе Европы.

Связь польской революціонной пропаганды съ крестьянскимъ дѣломъ у насъ очевидна и не можетъ подлежать сомнѣнію для ...ѣхъ, кто имѣлъ возможность наблюдать результаты и проявле... на мѣстѣ. Разсчетъ былъ дальновидный, но фальшивый, вслѣд... ...бокаго невѣденія стремленій и потребностей народныхъ, ... бывшаго плодомъ продолжительнаго умышленнаго иска-

женія нашей обоюдной исторіи, на которомъ были воспитаны цѣлыя поколѣнія поляковъ. Эмиграція была убѣждена, что освобожденіе крестьянъ произведетъ въ Руси волненія и смуты, которыми она и надѣялась воспользоваться для своихъ цѣлей. Западный край, съ своимъ польскимъ дворянствомъ и инертною, загнанною массою сельскаго населенія, представлялъ ей, по видимому, всѣ ручательства за успѣхъ, но и на этотъ разъ эмиграція обманулась въ своихъ расчетахъ. Съ неудачами росли озлобленіе и ярость эмиграціи и ея фанатическихъ прозелитовъ. Въ отвѣтъ на слова примиренія и великодушія власти, она послала убійцъ, въ надеждѣ поддержать свое отверженное дѣло револьверными выстрѣлами изъ за угла и измѣнническими ударами кинжала. Остававшаяся доселѣ чистою отъ подобныхъ преступленій народность польская опозорена озлобленными сынами ея и страницы тысячелѣтней исторіи польской запятнаны неизгладимымъ позоромъ и безчестіемъ. Тяжелая сѣть тайныхъ обществъ, организуемыхъ эмиграціею, какъ страшный полипъ, налегла на польскую народность и начала высасывать изъ ней жизненные соки. Убійство возведено въ догматъ и явились отцы католической церкви, которые, освѣщая этотъ догматъ именемъ религіи любви и мира, стали предлагать свои услуги для канонизированія убійцъ.

Таковы были плоды шляхетско-революціонной пропаганды эмиграціи въ Царствѣ Польскомъ. Посмотримъ, къ чему привела она въ западномъ краѣ.

II.

Обращаясь къ проявленію польскаго вопроса въ западномъ краѣ, мы увидимъ, что здѣсь онъ былъ повтореніемъ тѣхъ же самыхъ явленій, которыми сопровождалось варшавское движеніе, только въ меньшемъ размѣрѣ и съ менѣе печальными послѣдствіями. По плану эмиграціи и ея друзей, территорія Царства Польскаго должна была служить центромъ движенія, изъ которого ему слѣдовало распространяться по всѣмъ бывшимъ и фатціямъ Рѣчи Посполитой. Западный край, по убѣжденію іотическое

агитаторовъ, былъ самою удобною средою для распространенія движенія. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не имѣлось въ виду ни одного серьезнаго препятствія къ проведенію польско-шляхетскихъ тенденцій; небыло ни одного элемента, обладавшаго достаточною внутреннею силою, чтобы противустать давленію шляхетства и дать отпоръ ему тѣмъ же оружіемъ, какимъ оно дѣйствовало; небыло ни нѣмцевъ, какъ въ Познани, ни образованнаго класса русиновъ, какъ въ Галиціи, а было напротивъ въ полномъ цвѣтѣ и силѣ наслѣдіе вѣковаго господства Рѣчи Посполитой: ополяченное дворянство, защищавшее и поддерживавшее свою принятую національность со всею ревностію прозелитизма, обезсиленное и униженное духовенство, нейтральный еврейскій элементъ, готовый всегда покоряться сильнѣйшей сторонѣ, и громадная масса народа, правда чуждая ополяченному дворянству, если не по происхожденію, то по языку и религіи, и даже враждебная ему по историческимъ преданіямъ и сословному антагонизму; но все же это была не болѣе, какъ грубая, инертная масса, необладавшая никакою нравственною силою для сопротивленія. Недаромъ шляхетство цѣлыя вѣка трудилось, чтобы убить въ ней всякую жизнь и всякое сознаніе. Потопивши въ потокахъ крови послѣднія усилія и протесты массы, заключившія въ XVIII ст. двухвѣковую борьбу ея за свою народность, шляхетство воспользовалось могущественными средствами нашей централизаціи и господствовавшими тогда въ государственной сферѣ понятіями, что бы закрѣпить свою власть надъ побѣжденною массою туго затянутыми узлами привилегій, и казалось, только тогда она и достигла цѣли вѣковыхъ усилій своихъ. Побѣжденная народность была крѣпко связана и опутана со всѣхъ сторонъ, какъ паутиною, нитями рабства, фанатизма и невѣжества, придавлена гнетомъ возмутительнѣйшихъ привилегій, загната и забита плетьми и дисциплинами ржонцовъ и экономовъ, панськими и полицейскими розгами и всякими другими проявленіями грубой силы, обращена въ рабочую силу, употреблявшуюся на истощеніе родной почвы для выгодъ и удобствъ немногихъ избранныхъ изъ пришлой касты и прозелитовъ ея, заперта въ узкихъ предѣлахъ касты, изъ которой небыло выхода. Египетская неволя массы была тяжела и все

существованіе ея тянулось мрачною и безразсвѣтною полосою нищеты и горя. Казалось, духъ жизни отлѣталъ отъ ней и она близка была обратиться въ трупъ, надъ которымъ побѣдитель готовился совершать анатомическія сѣченія. Шляхта повсюду видѣла пассивную покорность, отупѣніе, сырой матеріалъ, готовый принять форму, какую ей угодно будетъ дать ему. При такомъ порядкѣ вещей защитницею дѣла массы являлась только одна администрація; но съ нею шляхта давно уже освоилась; она знала ея слабыя стороны и умѣла искусно ими пользоваться; при томъ же, администрація располагала одною матеріальною силою, а могла ли эта послѣдняя съ успѣхомъ бороться съ силою нравственною, которую въ одной себѣ и предполагала шляхта? Оставалось грубой матеріальной силѣ противупоставить моральную, и успѣхъ казался несомнѣннымъ. Самообольщенная, упоенная ложными надеждами, шляхта съ презрѣніемъ бросила перчатку русскому обществу. По всѣмъ рыцарскимъ правиламъ этой новаго рода дуэли, оно подняло ее, вѣжливо и съ достоинствомъ раскланявшись съ своимъ противникомъ.

Первый напоръ его былъ смѣлъ и отваженъ, но неотличался ни энтузіазмомъ, ни одушевленіемъ, какія даетъ только моральная сила убѣжденія въ правотѣ защищаемаго дѣла и какія проглядывали, до нѣкоторой степени, въ варшавской агитаціи. И очень естественно: въ Царствѣ агитація имѣла по крайней мѣрѣ подъ собою историческую почву; въ западномъ краѣ шляхта, вопреки всѣмъ усиліямъ заглушить въ себѣ внутренній голосъ совѣсти, немогла несознавать, что начинаетъ борьбу за несправедливое и отвергаемое нравственнымъ чувствомъ дѣло. Здѣсь на каждомъ шагу она встрѣчала живое опроверженіе своимъ стремленіямъ; здѣсь все, начиная отъ хлопа и оканчивая мѣстами и урочищами, напоминавшими народу о его вѣковой борьбѣ съ шляхетствомъ, было ему живымъ укоромъ и невольно подрывало его силы и энергію. Внутренній разладъ неотразимо вливался въ душу шляхты и парализировалъ ложныя внушенія фанатизма и навѣяннаго извнѣ убѣжденія. Плодомъ такаго душевнаго состоянія могла быть только аффектація, фальшъ и ложь, бравурство и фатство. Такимъ на самомъ дѣлѣ и было шляхетское патріотическое

движеніе въ западномъ краѣ. Мы видѣли эти панихиды, съ мученическими вѣнками изъ иммортелей на катафалкахъ, національными кокардами и польскимъ гербомъ, посредствомъ которыхъ старались выставить мучениками шляхетской свободы темныя личности, погибшія въ уличныхъ безпорядкахъ; слышали эти гимны о возстановленіи Польши и низложеніи русской тираніи, распѣвавшіеся торжественно въ костелахъ, воздвигнутыхъ на русской землѣ, упитанной русскою кровію и облитой кровавымъ потомъ длиннаго ряда поколѣній русскаго народа; видѣли кресты, торжественно ставившіеся на дорогахъ и перепутьяхъ той же земли въ память тѣхъ же мучениковъ и въ доказательство, что тутъ не Русь, а Польша; видѣли трауръ съ плёрезами и безъ плёрезъ, желѣзные кресты на груди, ременные пояса и множество другихъ символическихъ знаковъ, какъ выраженіе солидарности мѣстной шляхты съ дѣломъ эмиграціи; читали разнообразныя патріотическія посланія, воззванія, внушенія и наставленія; знали тайныя пружины, дѣйствовавшія въ этомъ шляхетскомъ карнавалѣ, подземные подкопы и мины, искусно подводившіеся, чтобы взорвать на воздухъ народную крѣпость,—и изъ всего этаго вынесли самое тяжелое впечатлѣніе. Въ этомъ движеніи было много шуму, эффекта, картинности, нахальства, аффектаціи, притворства, лжи, раздутаго фанатизма, тупаго и безсмысленнаго подражанія; но ни искры здраваго смысла, ни тѣни нравственной силы, движущей людьми, ни намека на плодотворную живучую идею, которая могла бы собрать подъ одно знамя ту разнородную толпу, на которую шляхта старалась дѣйствовать и въ которую желала провести свои возрѣнія и понятія. Всѣ напряженныя усилія взволновать и поднять ее оказались тщетными; движеніе не могло проникнуть далѣе шляхетскаго пролетаріата, этаго печальнаго наслѣдія Рѣчи Посполитой въ западномъ краѣ, составляющаго одну изъ самыхъ гнойныхъ язвъ его. И къ какимъ страннымъ противурѣчіямъ, къ какимъ уродливымъ аномаліямъ приводила здѣсь эта агитація! Ополяченное дворянство спѣшило совершать свои польскія манифестаціи въ моментъ, когда русское правительство, обнародывавши актъ освобожденія крестьянъ, призывало это дворянство къ устройству быта находившейся подъ его господствомъ

массы русскаго народа на началахъ полюбовнаго соглашенія. Шляхта пользовалась съѣздами для выбора изъ среды своей мировыхъ посредниковъ, что бы отправить торжественныя панахиды по уличнымъ героямъ Варшавы, распѣвала польскіе патріотическіе гимны въ костелахъ, когда въ имѣніяхъ ея стояли экзекуціями русскія войска, для охраненія матеріальныхъ интерессовъ шляхты, и когда дѣло шло о пробужденіи въ народѣ чувства законности и самосознанія. Шляхетскій пролетаріатъ, переполнявшій всѣ канцеляріи мѣстной администраціи края, и получавшій всѣ средства къ существованію отъ правительства, воображая, что уже настаетъ вожделенное господство Рѣчи Посполитой, поспѣшаетъ расположить въ свою пользу новыхъ властителей и заслужить ихъ милость участіемъ въ манифестаціяхъ лично или черезъ свои семейства. Фанатизированныя ксендзами женщины и наэлектризованная послѣдними молодежъ являлись руководителями демонстранцій и безпорядковъ. При нравственномъ извращеніи, произведенномъ въ шляхетствѣ пропагандою эмиграціи, все извратилось въ немъ. Женщины и дѣти исполняли дѣло мущинъ. Съ замѣною ролей послѣдовалъ какъ бы обмѣнъ въ различіи половъ, возрастовъ и ихъ взаимныхъ свойствъ. Женщины и дѣти явились смѣлыми, мужественными и энергичными; мущины—робкими, боязливыми и застѣнчивыми существами. Первыя смѣло шли на опасность, послѣдніе прятались за кринолины и за дѣтей, выдвигая ихъ впередъ, какъ крѣпостные туры, подъ непріятельскіе выстрѣлы и изрѣдка высовываясь изъ за нихъ, чтобы сдѣлать незамѣтный выстрѣлъ и скрыться. Смѣшное и вмѣстѣ жалкое зрѣлище! Изъ этой унизительной для человѣческаго достоинства комедіи вышла чистою только польская женщина. Она осталась по крайней мѣрѣ вѣрна самой себѣ, но потомки и пріемыши гордой Рѣчи Посполитой не выказали и тѣни доблестей своихъ предковъ. Мы видѣли здѣсь нѣсколькихъ представителей мѣстной шляхты, которые, по заранѣе условленному плану, съѣхавшись въ день годовщины польскаго возстанія въ одинъ костелъ, пропѣли тамъ посреди многочисленной публики патріотическій гимнъ о возстановленіи Польши, и потомъ, когда ихъ офиціально спросили, принимали-ль они участіе въ пѣніи, они имѣли смѣлость отречься и

оправдываться такими изворотливыми объясненіями, которыя могли бы сдѣлать честь любому посѣдѣвшему въ составленіи ябедъ приказному. И вотъ такіе то личности не только не предаются общественному позору, не только ничего не теряютъ въ общественномъ мнѣніи шляхты, но еще дѣлаются героями ея и выставляются защитниками „ойчизны". Бѣдная же эта ойчизна, если ей суждено защищаться такимъ геройствомъ! Намъ не разъ приходилось слышать шляхетскія оправданія такимъ дѣйствіямъ, которымъ нѣтъ имени на языкѣ порядочнаго общества. Видно воспитаніе добродушныхъ отцовъ іезуитовъ глубоко въѣлось въ нравы и понятія шляхты. Несмотря на то, притязанія ея были безграничны; ей казалось уже недостаточнымъ Рѣчи Посполитой по Днѣпръ; нѣтъ, шляхетская республика должна была, по ихъ понятіямъ, какъ сфинксъ изъ пепла, возродиться въ тѣхъ предѣлахъ, до какихъ когда-либо доходила шляхта въ своихъ наѣздахъ.

Но когда посреди такого воинственнаго пыла шляхты совершенно случайно и неожиданно пробѣгала легкая зыбь по народному морю, на которомъ шляхта являлась, по видимому, неустрашимымъ плавателемъ,—какую тревогу поднимала она въ этихъ смѣлыхъ мореходахъ, какой паническій страхъ распространяла между ими! Они воображали уже, что хляби морскія готовы разверзнуться и поглотить ихъ въ своей безднѣ. Сооруженіе на берегахъ Днѣпра скромной могилы малорусскаго поэта Шевченка и невинные буквари Кулѣша произвели такой ужасъ посреди шляхты, что она долго не могла опомниться, и единственно для успокоенія ея, администрація вынуждена была посылать на мѣсто могилы Шевченки отрядъ войскъ. Позволительно спросить: гдѣ же эта нравственная сила, съ которою мѣстная шляхта хотѣла гордо выступить противъ Руси?—Увы, ея небыло въ самой основѣ шляхетскаго дѣла, неоткуда было ей взяться, когда шляхта вздумала выполнить это дѣло по указамъ эмиграціи. Уже при самомъ началѣ агитаціи мѣсто нравственной силы заняла партія демагоговъ, которая дѣйствовала на польское общество терроромъ, и посредствомъ угрозъ и публичныхъ оскорбленій заставляла себѣ повиноваться несочувствующую агитаціи часть польскаго населе-

нія. Разбитіе оконъ въ польскихъ домахъ, не слѣдовавшихъ предписаніямъ эмиграціи—предаваться общей національной печали; порченіе и обливаніе ѣдкими кислотами платьевъ женщинъ, являвшихся не въ траурѣ, и разнообразныя личныя оскорбленія были средствами выполненія повелѣній эмиграціи. Дерзость этой партіи доходила до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ края оскорбленія дѣлались и русскимъ женщинамъ за то, что онѣ не носили, подобно полькамъ, трауръ. Но ничто не помогало. Масса осталась холодною, равнодушною и, по старой привычкѣ, молчаливою. Непонимая ни причинъ, ни побужденій агитаціи и видя театральныя представленія, разыгрывавшіяся шляхтою публично, крестьяне объясняли ихъ по своему, толкуя между собою, что панахиды отправляли паны по барщинѣ, а въ костелахъ пѣли молитвы о возвращеніи ея. На всѣ великолѣпныя обѣщанія и прельщенія шляхты масса отвѣчала полнѣйшимъ недовѣріемъ и презрительною холодностію. Да и странно было бы ожидать другихъ результатовъ. Шляхта могла забыть свое прошлое и не вспоминать исторію, но не могла заставить сдѣлать тоже народъ, который сохранялъ память о прошломъ въ живыхъ преданіяхъ, передававшихся отъ поколѣнія къ поколѣнію, и несъ еще на себѣ всю тяжесть этой печальной исторіи. Только фанатизмъ, невѣжество и ослѣпленіе страстей могли не видѣть этого.

Между тѣмъ въ русскомъ обществѣ начинался уже электрическій токъ, сообщенный ему польскимъ движеніемъ и такъ плодотворно подѣйствовавшій на него. Это направленіе тотчасъ же выразилось въ литературѣ. Сочувствія къ шляхтѣ ни съ какой стороны не оказалось. Она убѣдилась наконецъ, что въ западномъ краѣ почва подъ нею слишкомъ непрочна, слишкомъ зыбка, чтобы можно было надѣяться найдти въ ней опору при такомъ образѣ дѣйствій. Предпринятая въ предписанной эмиграціею формѣ агитація оказалась очевидно несостоятельною: не достигая никакихъ положительныхъ результатовъ, она вела только къ безплоднымъ жертвамъ. И вотъ агитація вступаетъ въ новый фазисъ: она принимаетъ на себя смиренный видъ и усиливается поддѣлаться подъ жизнь и юридическія формы. Явилась мода на украинофильство. Шляхта стала заявлять вниманіе и уваженіе (конечно на словахъ)

къ украинской народности; псевдо-хлопоманія стала распространяться въ шляхетскихъ кружкахъ и въ стадѣ начали появляться волки въ овечьей шкурѣ ([1]). Шляхта поздно убѣдилась, что мало надѣлала въ краѣ поляковъ, и съ ревностью и единодушіемъ, которыми отличаются, надо отдать справедливость, всѣ ея дѣйствія, принялась за работу, непренебрегая ни чѣмъ, что могло только послужить къ успѣшнѣйшему ея ходу. Надо сознаться, что этотъ новый родъ дѣятельности шляхетской пропаганды чреватъ опасностями для спокойствія края, и нужно полное вниманіе и строгая бдительность со стороны русскаго общества, чтобъ не дать развиться и укорениться злу. Но при всемъ томъ, шляхта очевидно сознаетъ всю трудность этой работы въ виду пробужденнаго вниманія нашего общества и пробуждающагося сознанія массы. И вотъ зараждается мысль о новой уніи, соотвѣтствующей современнымъ понятіямъ и условіямъ жизни,—**административной уніи западнаго края съ Царствомъ Польскимъ.** Провозвѣстникомъ этой идеи явилось подольское дворянство въ извѣстномъ адрессѣ своемъ, составленномъ на послѣднихъ выборахъ въ Каменцѣ въ сентябрѣ прошлаго года.

Въ этомъ замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ актѣ, шляхта, напоминая „о торжественномъ и добровольномъ соединеніи Руси съ Польшею люблинскимъ договоромъ и о принятіи цѣлыми поколѣніями Руси формъ родственной цивилизаціи, завѣряя въ своемъ искреннемъ участіи въ окончательномъ устройствѣ крестьянскаго вопроса, связаннаго будто бы съ вѣковыми усиліями Польши къ расширенію гражданскаго достоинства и свободы, и отвергая всякую мысль о перевѣсѣ племени или сословія, приписываетъ существующій въ краѣ раздоръ народностей господствующей только въ последніе полувѣка политикѣ и видитъ исключительное, ведущее къ выходу изъ этого положенія средство въ возстановленіи административнаго единства Польши, со включеніемъ въ составъ ея западнаго края, и съ полнымъ уваженіемъ

([1]) Желающихъ ближе ознакомиться съ упоминаемымъ здѣсь явленіемъ въ жизни западнаго края отсылаемъ къ статьѣ: «Что такое хлопоманія», помѣщенной въ 5 кн. Вѣстника З. и Ю. З. Россіи.

правъ вызваннаго на поприще общественной дѣятельности мѣстнаго сельскаго населенія. Въ заключеніе свидѣтельствуя о тождественности своихъ потребностей, преданій, понятій о гражданской и религіозной свободѣ съ польскими, проситъ объ уніи края съ Царствомъ, принимая свое желаніе, за одно всеобъемлющее желаніе края, и приводя въ оправданіе его тотъ доводъ, что шляхта въ общеніи съ Польшею видитъ основаніе дальнѣйшаго саморазвитія какъ польской, такъ и **украинской народности**".

Читая это изумительное сплетеніе лжи и софизмовъ, незнаешь, чему больше удивляться, полнѣйшему ли пренебреженію къ исторіи и дѣйствительности, или наивности и поддѣльному простодушію, съ которыми шляхта, „выражая свое всеобъемлющее желаніе края", старается прикинуться невиннымъ ребенкомъ, только что вступившимъ въ „сей исполненный хитрости и обмана свѣтъ".

Что же это? новая бравура или заблужденіе? Хитрость или простодушіе? злая насмѣшка или дальновидная проба силы нашего общественнаго мнѣнія, крѣпости и цѣльности нашего народнаго тѣла? Неужели шляхта серьезно вѣритъ въ добровольность акта соединенія и, въ значеніе его въ современной дѣйствительности, въ связь нашего крестьянскаго вопроса съ вѣковыми усиліями Рѣчи Посполитой къ расширенію правъ и свободы шляхетства на счетъ другихъ сословій, въ причину національнаго раздора въ краѣ будтобы вслѣдствіе политики только послѣднихъ 50 лѣтъ? Неужели она серьезно надѣялась, что правительство и общество наше не только повѣрятъ всему этому на ея слово, но и увѣруютъ въ искренность смиреннаго намѣренія шляхты недумать о перевѣсѣ племени или сословія, въ истинность основанія дальнѣйшаго саморазвитія украинской народности и во всеобъемлющее желаніе края, а увѣровавши во все это, убѣдившись доводами шляхты въ причинахъ болѣзни въ краѣ, такъ таки сейчасъ и приметъ предлагаемый шляхтою способъ леченія? Слишкомъ было бы наивно останавливаться на подобныхъ предположеніяхъ.—„А умыселъ туть былъ иной". Басня нашего безсмертнаго Крылова повторилась въ широкихъ размѣрахъ въ сферѣ не частной, а общественной жизни. Музыканты-то трудились, что бы плѣнить своимъ искусствомъ сосѣда. „Мы, конечно, хлопочемъ о польской наці-

ональности, но не забываемъ, замѣчай, и украинской народности: обѣщаемъ ей полную свободу развитія, но..... разумѣется, въ союзѣ съ Польшею. Смотри Украйна, какія жертвы мы готовы принести тебѣ! Мы отказываемся отъ всего, чѣмъ доселѣ только и существовали и что завѣщано намъ всею исторіею нашей шляхетской національности: отъ перевѣса нашего племени и сословія, т. е. мы готовы для твоего развитія совершить самоубійство, и за все за это требуемъ только одного ничтожнаго вознагражденія,—**унія съ Польшею.** Не будь же, Украйна, такъ эгоистична, подѣлись съ нами своими малоруссами. Зачѣмъ же хочешь сдѣлать изъ южной Руси одну только малороссію и не позволяешь намъ устроить здѣсь хоть немного Польши. Видишь, какъ мы о тебѣ хлопочемъ; неупрямся же и позволь намъ побольше надѣлать поляковъ, чтобы и намъ не было обидно, и когда мы достигнемъ этаго, почувствуемъ подъ собою твердую почву, тогда.... о тогда мы отлично заживемъ и станемъ дружно развивать наши народности".

Вотъ та сокровенная мысль, которая подвинула шляхту къ составленію этаго страннаго и, по видимому, нелѣпаго акта; вотъ гдѣ его квинтъ-эссенція. Юридическія формы, какими она воспользовалась для проведенія адресса, были не болѣе, какъ орудія и средства для преданія ему большей гласности. На официальный успѣхъ шляхта, конечно, не надѣялась; но расчитывала на успѣхъ въ извѣстной средѣ своихъ сосѣдей, для обозначенія народности которыхъ уже и изобрѣтенъ ею особенный терминъ, устраняющій различныя раздражительныя воспоминанія. Слово Русь, такъ ненавистное шляхтѣ и звучащее ей вѣчнымъ укоромъ, изгоняется изъ языка ея. Является **украина, украинская народность, украинцы и украинофильство.** Временный географическій терминъ, выработавшійся въ русскомъ языкѣ, какъ обозначеніе извѣстнаго положенія географическихъ границъ, принимается за обозначеніе цѣлаго племени, имѣющаго собственное родовое имя и собственную исторію. Украйны Руси и Польши давно уже перемѣнились, перенесены исторіею въ иныя, далекія отъ прежнихъ мѣста, и то, что составляло нѣкогда украйну Рѣчи Посполитой, составляетъ теперь живую часть русскаго организма, отъ котораго она не можетъ быть отдѣлена безъ уничтоженія его самаго; но шляхта, живущая

единственно преданіями прошлаго, усиливается возвратить его хоть на основаніи географическаго термина и подчинить послѣднему самую жизнь. Да и въ самомъ дѣлѣ, было бы уже слишкомъ рѣзкимъ противурѣчіемъ прошлому и настоящему, слишкомъ великою несообразностью для польской шляхты въ вызывающемъ сочувствіе у недовѣрчиваго и упрямаго сосѣда актѣ говорить о развитіи русской народности въ единеніи съ шляхетскою Польшею.

Незнаемъ, что чувствовалъ и думалъ сосѣдъ, для котораго разыгрывалась эта музыкальная піэса. Онъ молчитъ и доселѣ не заявилъ своего мнѣнія объ искусствѣ музыкантовъ, какъ сдѣлалъ это сосѣдъ Крылова; но по нѣкоторымъ признакамъ, искусство ихъ не потрачено даромъ. Оно подѣйствовало на извѣстный болѣзненный нервъ сосѣда и произвело одно изъ грустныхъ явленій шляхетской пропаганды въ западномъ краѣ.

Вскорѣ послѣ адресса въ Кіевѣ появились наклѣенными въ разныхъ мѣстахъ города пасквили и предостереженія, въ которыхъ отъ имени „тайнаго славянскаго общества 9-ти судей", подъ угрозою увѣчья и смерти, предписывалось нѣкоторымъ мѣстнымъ дѣятелямъ, принимавшимъ участіе въ обсужденіи польско-русскаго вопроса въ краѣ, „перемѣнить образъ дѣйствій, раздражающій двѣ славянскія народности южнорусскаго края". Говорятъ, будто это общество составлено изъ трехъ элементовъ—польскаго, малорусскаго и великорусскаго; но какъ оно не открыто и только въ предостереженіяхъ заявило о своемъ существованіи и о своихъ цѣляхъ; то о немъ носятся въ публикѣ самые разнообразные толки, изъ которыхъ нельзя составить себѣ никакого вѣрнаго и опредѣленнаго понятія. Говоря о составѣ общества, мы повторяемъ только общую молву, которая можетъ быть и невѣрна и ошибочна; но самое названіе общества славянскимъ и заявленная имъ цѣль устранять раздраженіе въ краѣ славянскихъ народностей даютъ нѣкоторое основаніе такой молвѣ. Не можетъ однако подлежать сомнѣнію, что подобное явленіе могло возникнуть здѣсь только подъ вліяніемъ польской пропаганды. На это указываютъ самыя средства, избранныя обществомъ для достиженія цѣли. Онѣ одинаковы съ тѣми, которыя приняты тою же пропагандою въ Варшавѣ, съ нѣкоторыми мѣстными оттѣнками. Примѣнять эти сред-

ства здѣсь общество намѣрено нѣсколько гуманнѣе и по степенямъ кодексовъ варварскихъ временъ; сначала увѣчье, а потомъ уже, если наказанный неисправится,—смерть; предостереженія же составляютъ уступку современнымъ понятіямъ и указываютъ на присутствіе въ тайномъ обществѣ элементовъ, менѣе возбужденныхъ и фанатизированныхъ, чѣмъ польскій.

Намъ нечего распространяться объ этомъ „славянскомъ обществѣ“, противномъ всѣмъ стіхіямъ славянскаго духа. Оно говоритъ само за себя. Мы должны были указать на него, какъ на одно изъ новѣйшихъ мѣстныхъ проявленій польско-русскаго вопроса и какъ на послѣдній фазисъ его развитія. Зараженный польскій элементъ могъ сойдтись только съ зараженнымъ элементомъ русскаго организма. Изъ этаго болѣзненнаго соединенія нельзя было ожидать здоровыхъ жизненныхъ явленій. Заявленіемъ средствъ дѣйствія „славянское общество“ само произнесло приговоръ себѣ, хотя провозглашенная имъ цѣль и могла бы заслуживать сочувствія всѣхъ благомыслящихъ людей.

Имѣя вь виду результаты, къ которымъ пришли революціонная пропаганда шляхетской свободы и послѣдовательное развитіе шляхетскихъ принциповъ въ Царствѣ Польскомъ и въ западномъ краѣ, смѣемъ предложить всѣмъ друзьямъ польско-шляхетской національности вопросъ: могутъ ли они серьозно вѣрить въ жизненность общества, догматизирующаго убійство, и въ законность принциповъ, поддерживаемыхъ такими средствами? Имѣетъ ли задатки жизни и будущности общество, въ которомъ возможны подобныя противуобщественныя явленія, и не есть ли это предсмертныя муки его агоніи?

Но слѣдуетъ ли заключить, что съ гибелью этого общества должна погибнуть и цѣлая польская народность?—Нисколько. Въ органическомъ тѣлѣ, вслѣдствіе извращенія естественныхъ отправленій его, могутъ развиваться уродливыя и болѣзненныя явленія; но если въ этомъ тѣлѣ сила жизни велика, она побѣдитъ болѣзненное разстройство, а польская народность, какъ свидѣтельствуетъ ея исторія, имѣетъ еще много жизненныхъ силъ, и мы искренно

желаемъ ей возрожденія, котораго она можетъ достигнуть только разорвавши всякую солидарность съ шляхетскими преданіями и обратившись къ тому богатому роднику народныхъ силъ, изъ которыхъ она черпала свое могущество въ первую половину своего существованія до эпохи окончательнаго торжества въ Польшѣ католическо-аристократическихъ принциповъ; заявляемъ наше глубокое сочувствіе ко всѣмъ правительственнымъ мѣрамъ, предпринятымъ въ послѣднее время въ цѣли возрожденія Польши, и гуманнымъ дѣйствіямъ власти, не связывающей никакою солидарностью болѣзненныя явленія растлѣннаго общества со всѣмъ, что есть здороваго и жизненнаго въ польской народности. Мы убѣждены, что съ возрожденіемъ ея на присущихъ всему славянскому міру началахъ, исчезнутъ наши недоразумѣнія и несогласія, и антогонизмъ нашъ превратится только въ благородное соревнованіе въ развитіи и поднятіи народныхъ массъ изъ того глубокаго паденія, въ которое ввергнулъ ихъ, между прочими несчастными обстоятельствами, и нашъ вѣковой споръ за гегемонію въ славянскомъ мірѣ; исчезнутъ и завоевательныя мечты, питаемыя эмиграціею въ шляхетскомъ обществѣ по поводу различныхъ преданій и событій нашей обоюдной исторіи ([1]).

Въ отношеніи къ западному краю разрѣшеніе мучительнаго вопроса представляетъ болѣе затрудненій, чѣмъ въ Царствѣ. Здѣсь предстоитъ еще долгая и трудная борьба народностей, пока умственное и матеріальное развитіе призванной къ жизни массы кореннаго населенія края не рѣшитъ само собою этаго нескончаемаго историческаго спора. Пріобрѣтеніе этимъ населеніемъ поземельной собственности, матеріальное благосостояніе и образованіе создастъ изъ него такую силу, съ которою не въ состояніи

([1]) Одинъ изъ польскихъ историковъ-патріотовъ, разсказывая легенду о выщербленномъ мечѣ Болеслава, между прочимъ выражаетъ надежду, что онъ появится «въ эпоху возрожденія Польши свободной, независимой и въ своей прежней цѣлости»; а повѣтствуя исторію московской капелы, въ которой хранились нѣкоторое время бренные останки умершаго въ Польшѣ развѣнчаннаго царя Шуйскаго, и современной картины, изображавшей представленіе Шуйскаго королю Сигизмунду, восклицаетъ: «ничто не погибаетъ въ воспоминаніяхъ исторіи и въ памяти поляковъ и придетъ непремѣнно время, когда поляки возмутъ обратно у Москвы, Петербурга и другихъ городахъ Россіи все, что принадлежитъ имъ!»

будетъ бороться никакая шляхетская пропаганда. Этою будущностью кореннаго населенія опредѣляется и будущность мѣстной польской шляхты: ей придется или слиться съ народомъ или, при удержаніи своихъ принциповъ до послѣдняго издыханія, покинуть навсегда негостепріимную территорію и искать себѣ другой обѣтованной земли.

Сама жизнь естественнымъ своимъ развитіемъ указываетъ уже мѣстной шляхтѣ путь къ выходу изъ того ненормальнаго положенія, въ которое она поставлена исторіею. Умственная дѣятельность, возбужденная въ русскомъ обществѣ самосознаніемъ и обращеніемъ къ источникамъ національной жизни, и напряженная послѣднею польскою агитаціею, неосталась безплодною и для шляхетскаго общества. Она заставила его провѣрить свои историческія свѣденія и принятыя на вѣру воззрѣнія и понятія, внимательнѣе всмотрѣться въ свое положеніе въ странѣ и отдать себѣ отчетъ въ требованіяхъ, заявлявшихся прежде безсознательно, по праву сильнаго и привычкѣ. Послѣдствіемъ этаго было появленіе раскола въ шляхетскомъ обществѣ, пропитанномъ крайними аристократическими и ультрамонтанскими тенденціями: изъ него начала выдѣляться демократическая партія молодыхъ и свѣжихъ людей, которые, сознавая свою кровную связь съ южнорусскимъ народомъ, не могли примирить въ своемъ сознаніи и совѣсти родственныхъ чувствъ къ нему съ притязаніями польской шляхты, и дорожа своими убѣжденіями, вынуждены были разорвать съ нею всякую связь. Большинство шляхты, оставшееся вѣрнымъ своимъ преданіямъ, было сильно скандализировано этимъ расколомъ и съ ожесточеніемъ стало преслѣдовать новыхъ раскольниковъ, приписывая имъ самыя опасныя революціонныя идеи и стремленія. Раскольниковъ этихъ шляхта, въ знакъ презрѣнія чувствъ ихъ къ хлопской народности, назвала **хлопоманами**.

Партія истинныхъ, но не мнимыхъ хлопомановъ приняла своимъ девизомъ уваженіе къ народу и его національнымъ интересамъ и содѣйствіе умственному развитію его по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ. Хлопоманы составляютъ передовыхъ людей въ шляхетскомъ обществѣ, уразумѣвшихъ современныя требованія жизни, и они одни изъ этаго общества имѣютъ будущность. Все

здоровое въ немъ, непораженное еще въ корнѣ мертвящими принципами шляхетства, сознаетъ жизненность и истину провозглашенной ими идеи и благородство знамени, подъ которое они собираются, и рано или поздно должно, покинувъ пораженный заразою станъ шляхты, стать подъ это знамя и идти туда, куда поведутъ ихъ высшія потребности народа, исторія, нравственный долгъ и общественная совѣсть.

Это—новаго рода унія, выработанная самою жизнію, а несозданная религіознымъ фанатизмомъ и правительственною политикою, подобно брестской уніи, которою Польша хотѣла насильственно привязать къ себѣ Русь. Она не требуетъ никакихъ сдѣлокъ съ совѣстію, никакихъ уступокъ постороннимъ цѣлямъ, никакаго насилія ни нравственному чувству, ни жизни. Она сдѣлаетъ себя прозелитовъ, несмущая ихъ совѣсти, а напротивъ возвышая все нравственное существо ихъ, безъ огня, меча и какого-бы то ни было насилія, матеріальнаго или моральнаго, даже безъ **страха,** заставившаго, по сознанію мѣстнаго польскаго публициста Грабовскаго, южно-русское дворянство перейдти въ католичество въ эпоху народнаго возстанія въ южной Руси. Съ партіею, располагающею такими живыми нравственными силами, не возможно будетъ бороться шляхтѣ, питающейся принципами, нетолько отжившими, но уже гніющими и могущими сообщить лишь смертельную заразу, а не поддержать жизнь. Слабое развитіе партіи хлопомановъ будетъ служить только доказательствомъ страшнаго, болѣзненнаго пораженія всѣхъ жизненныхъ соковъ мѣстнаго шляхетскаго общества и крайняго истощенія его силъ. Но отъ хлопомановъ, хранящихъ въ себѣ такіе богатые задатки будущности, нужно тщательно отличать **псевдохлопомановъ,** которые составляютъ прямыхъ наслѣдниковъ и послѣдователей брестскихъ уніатовъ и пользуются народнымъ костюмомъ и рѣчью только какъ средствомъ къ привитію народу той же заразы, для защиты себя отъ которой онъ пролилъ уже столько крови.

Таковы явленія, которыми сопровождалось развитіе въ западномъ краѣ польско-русскаго вопроса. Указывая ихъ, мы неразъ высказывали убѣжденіе о смертельномъ пораженіи польско-шляхетскаго общества и о его агоніи. Кто имѣлъ случай наблю-

дать эти явленія ближе, надѣемся, придетъ къ сходнымъ съ нашими убѣжденіямъ; неимѣвшіе же такого случая, въ виду извѣстныхъ всѣмъ послѣдствій этой агоніи, не могутъ, конечно, придти къ заключенію, что умирающаго слѣдуетъ оставить въ покоѣ и предоставить покончить съ нимъ самой природѣ; но могутъ подумать, что опасности для живыхъ нѣтъ, и успокоившись на этой, отвѣчающей нашей славянской лѣни, мысли, махнуть рукою —и сказать: „не изъ чего горячиться и ломать стулья.“ Противъ этой-то мысли мы и считаемъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ въ заключеніе къ нашему очерку. Опасность есть такая же, какая существуетъ вообще отъ заразы, распространяемой разлагающимся организмомъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще входятъ съ нимъ въ соприкосновеніе здоровые. Отъ подобныхъ опасностей обыкновенно устраиваются карантины, требующіе бдительности и внимательности со стороны карантиннаго начальства, но еще въ большей степени отъ самыхъ тѣхъ, кто находится близко отъ заразы. Для этаго необходимо предостерегать объ ней всѣхъ, чтобы каждый, зная опасность, прежде всего берегъ самъ себя. Нравственный карантинъ и предостереженія необходимы для всего населенія края, а чтобы эти предостереженія были дѣйствительны, нужно позаботиться объ охраненіи матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ его, что-бы оно побуждалось не извнѣ, а извнутри себя къ самосохраненію; цѣлое же русское общество, въ качествѣ карантиннаго начальства, должно съ полнымъ вниманіемъ и бдительностію зорко слѣдить за исполненіемъ карантиннаго устава и не ослабѣвать ни на минуту въ исполненіи своихъ обязанностей.

Самонадѣянный вызовъ сдѣланъ шляхтою нашему обществу; онъ честно принятъ и слѣдуетъ честно довести бой до конца. Дѣло идетъ о сообщеніи смертельной заразы такой части нашего организма, которая гибельно отзовется во всей его цѣлости.

III.

Но польскимъ вопросомъ, не смотря на всю важность его для края, неисчерпывается еще наша мѣстная общественная жизнь. Въ связи съ этимъ вопросомъ становится на очередь **вопросъ малорусскій**, остающійся въ тѣни потому только, что все наше вниманіе поглощено первымъ вопросомъ. Большинство нашего общества не вѣритъ даже въ существованіе этаго вопроса, называетъ его „хохлофильствомъ“ и считаетъ это не болѣе какъ увлеченіемъ нѣсколькихъ энтузіастовъ мѣстнымъ патріотизмомъ и возведеніемъ мѣстныхъ областныхъ интересовъ на степень интересовъ народныхъ. Всѣмъ извѣстно, говоритъ это большинство, что есть малорусское племя, малорусское нарѣчіе, малорусскіе обычаи и нравы и даже малорусскіе стихи и проза; но какой-же тутъ вопросъ и въ чемъ онъ можетъ состоять? Никто не думаетъ опровергать существованіе всего того, что только зовется малорусскимъ, и препятствовать свободѣ его жизни и развитія; и только распространившаяся у насъ въ послѣднее время страсть изъ всего дѣлать вопросы могла создать въ болѣзненно—настроенномъ воображеніи какой-то несуществующій въ жизни малорусскій вопросъ.

По видимому и здравый смыслъ, и логика, и сама жизнь на сторонѣ большинства; но тѣмъ не менѣе вопросъ существуетъ, поддерживается и развивается меньшинствомъ съ одушевленіемъ, настоятельно напрашивается въ жизнь и волею–неволею занимаетъ въ ней мѣсто; а дѣлаясь явленіемъ жизни, онъ не можетъ и не долженъ быть оставляемъ безъ вниманія, изученія и изслѣдованія.

Мы не беремся ни изслѣдывать этотъ спорный вопросъ, ни дѣлать попытки къ его разрѣшенію,—это выходило-бы за предѣлы нашего очерка и нашихъ намѣреній; но отдавая себѣ отчетъ въ явленіяхъ нашей мѣстной жизни, мы не могли не указать на него, какъ на дѣйствительный фактъ, и заявленіемъ существованія этаго факта опровергнуть заблужденіе большинства.

Большинство, полагая быть безпристрастнымъ и хладнокровно утверждая существованіе малорусскихъ племени, нарѣчія, стиховъ и прозы, въ своей невинности и не подозрѣваетъ, что имен-

но этимъ утвержденіемъ оно само-же и ставитъ тотъ вопросъ, въ существованіе котораго невѣритъ.

Большинство говоритъ: малорусское племя; извините,—не племя, „а народъ,“ возражаютъ ему; малорусское нарѣчіе,—„языкъ,“ поправляютъ его; малорусскіе стихи и проза,—извините, „малорусская литература,“ снова возражаютъ ему. Начинается споръ, приводятся доказательства pro и contra. Предметами спора дѣлаются малорусскій народъ, малорусскій языкъ и малорусская литература. Эти три тезиса становятся источниками горячаго диспута.

Малоруссы, утверждаетъ меньшинство съ запальчивостію, есть не племя только, но народъ въ смыслѣ націи, имѣющій свою особенную отъ общерусской народность, свой характеръ, особенности своеобразнаго быта, свою исторію и свои преданія. Народъ этотъ обладаетъ не нарѣчіемъ только общерусскаго языка, но дѣйствительнымъ малорусскимъ языкомъ, выражающимся какъ въ жизни, такъ и въ особой литературѣ, которая, въ числѣ создавшихъ ее дѣятелей, считаетъ, кромѣ нѣсколькихъ талантливыхъ писателей въ прозѣ, и одного великаго поэта.

Противъ такихъ тезисовъ большинство возражаетъ:

Что малоруссы никогда не были народомъ въ смыслѣ націи, и тѣмъ менѣе теперь могутъ быть имъ. Слово Русь есть собирательное имя тѣхъ славянскихъ племенъ, для которыхъ варяжскій элементъ былъ только историческою завязью, оплодотворяющимъ сѣменемъ, вызвавшимъ къ жизни и развитію эти племена, находившіяся въ состояніи зародышей. Онъ далъ имъ имя, религію, начатки цивилизаціи и сознаніе племеннаго единства. Подъ оплодотворяющимъ дѣйствіемъ этаго элемента всѣ эти племена составили одинъ народъ, который назвался **Русью,** а обытаемая ими земля стала называться **русскою землею**, въ противуположность другихъ земель, славянскихъ и не славянскихъ;

Что у этаго народа, называющагося съ самаго зарожденія нашей исторіи **русскимъ,** была и есть не только одна религія, но и одинъ языкъ, сколько бы при этомъ несуществовало нарѣчій, поднарѣчій, идіомовъ и жаргоновъ, однѣ преданія и одна исторія, не смотря ни на какія случайности ея, временно разрывавшія единство народной жизни;

Что названія **малая** и **великая Русь** не болѣе, какъ только фикціи, изобрѣтенныя для обозначенія географическаго, историческаго и моральнаго отношенія частей одной и той же русской земли, но никогда эпитеты—малая и великая не выражали двухъ особенныхъ народностей, такъ какъ не выражали этаго понятія названія той же самой Руси по цвѣтамъ: была красная и бѣлая Русь и въ противуположность имъ явилась черная Русь. Подобные эпитеты въ свое время, т. е. когда они въ первые стали прилагаться, были не болѣе, какъ качественныя прилагательныя, усвоенныя извѣстнымъ частямъ русской земли вслѣдствіе различныхъ причинъ, потерявшихъ теперь для насъ всякій смыслъ. Такое обозначеніе извѣстными качественными именами земли своей, какъ чего-то цѣлаго, недѣлимаго, составляетъ характеристическую черту русскаго народа и языка и теперь еще мы называемъ нашу Русь „святою, дорогою, матушкою“, и другими подобными качественными именами;

Что названіе **малая Русь**, произшедшее отъ сравненія съ сѣверною Русью, гдѣ жилъ старшій изъ властвовавшаго въ Руси рода князей и гдѣ была вся ея сила, удержалось только въ извѣстной, сравнительно незначительной части русской земли, возвращенной отъ Польши по московскому миру, а затѣмъ все заднѣпровье и вся Галиція сохранили одно только родовое имя Руси безъ того эпитета, который прежде обозначалъ всѣ эти части Руси, вмѣстѣ съ теперешнею Малороссіею, однимъ словомъ малой. Въ современную намъ эпоху, когда родилась мысль о малорусской народности, не могли связать уже прежнимъ эпитетомъ эти части и должны были для этого употребить географическій терминъ, обозначающій извѣстное географическое положеніе единой Руси, и назвать сказанныя части не малая, а просто—**Южная Русь**. Здѣсь прилагательное **южный** имѣетъ значеніе не болѣе того, какое имѣли въ свое время названія: малый, бѣлый, червонный, и вся разница только во времени и понятіяхъ: тогда географическое положеніе частей обозначалось цвѣтами и пространствомъ; теперь оно обозначается однимъ географическимъ терминомъ;

Что основывать притязанія на особенную народность на одномъ только случайномъ географическомъ терминѣ есть болѣе не-

жели увлеченіе мѣстнымъ патріотизмомъ, есть крайняя нелѣпость и безуміе, ибо не могутъ же серьезно утверждать, что къ подобному притязанію существуютъ другія какія либо данныя. Скажутъ: сходство нарѣчія, называемаго малорусскимъ языкомъ, но это все таки не болѣе какъ сходство, которое тѣмъ болѣе теряется, чѣмъ далѣе подвигаемся къ югу и западу отъ Малороссіи, такъ что въ Галиціи и Бѣлоруссіи оно дѣлается только общимъ сходствомъ съ общерусскимъ языкомъ, выработаннымъ общею русскою жизнію;

Что къ подобнымъ натяжкамъ, какъ притязанія на народность, основанныя на случайномъ географическомъ терминѣ, можетъ прибѣгать только польская шляхта, которая не имѣетъ возможности опереться ни на что другое, и только въ ея интерессахъ, да въ интерессахъ іезуитовъ утверждать и доказывать, что Украйна есть особенная народность, неимѣющая ничего общаго съ Сѣверною Русью, которая будто бы сложилась изъ Туранъ, Финовъ, Татаръ и разной другой сволочи, и что хлопскія нарѣчія, которыми говоритъ 9-ти милліонное населеніе западнаго края, суть только поднарѣчія польскаго языка; но со стороны сыновъ Руси, это было бы безуміемъ или преступленіемъ, смотря потому, на сколько въ подобныхъ натяжкахъ участвуетъ сознаніе;

Что у одного русскаго народа есть и долженъ быть одинъ только русскій языкъ, выработанный его трудною исторіею, сложившійся изъ разныхъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ русскаго организма,—языкъ, къ которому нельзя примѣнить ни одного изъ тѣхъ эпитетовъ, какія прилагались когда бы то ни было къ извѣстнымъ частямъ русской земли, котораго нельзя назвать ни велико, ни мало, ни бѣло, ни красно-русскимъ и въ которомъ теперь никакимъ химическимъ анализомъ невозможно опредѣлить, что и изъ какой именно части русской земли или изъ какого древнеславянскаго племени вошло въ составъ его. Онъ слагался и вырабатывался вмѣстѣ съ народною жизнію и сдѣлался органомъ выраженія этой жизни и мысли. На немъ говоритъ и пишетъ все, что только сознаетъ себя русскимъ, неисключая изъ того числа и тѣхъ, кто силится создать особенную малорусскую народность. Имъ выражается умственная, нравственная и общественная жизнь русскаго народа на всемъ необъятномъ пространствѣ, на кото-

ромъ онъ разселился, безъ отношенія къ географическимъ очертаніямъ и этнографическимъ особенностямъ. На немъ есть русская литература и на немъ произнесено великое слово свободы для милліоновъ порабощенныхъ массъ. Въ выработкѣ этаго слова и этой литературы участвовали всѣ Руссы безъ отношенія къ тому, гдѣ они живутъ—на сѣверѣ или югѣ, востокѣ или западѣ, какимъ нарѣчіемъ или идіомомъ говорятъ у себя дома и какимъ имянуются тамъ эпитетомъ, пространственнымъ или цвѣтнымъ. Въ этомъ общемъ для всей Руси дѣлѣ не принимала, къ сожалѣнію, участія только одна часть русской земли, обозначенная съ первыхъ временъ нашей исторіи цвѣтомъ—красной, и не принимала именно вслѣдствіе насильственнаго разрыва ея съ цѣлымъ, главною причиною котораго была таже польская шляхта, которая прикидывается теперь такъ дружелюбною къ украинской народности, но и тамъ съ развитіемъ народнаго самосознанія лучшая и образованнѣйшая часть народа стремится усвоить себѣ выработанный общерусскою жизнію языкъ, видя въ этомъ единственный залогъ своего самостоятельнаго развитія и возстановленія духовнаго единства съ цѣлою Русью, а не съ тою или другою мѣстностію ея, въ которой господствуетъ то или другое нарѣчіе;

Что историческіе памятники слова, дошедшіе до насъ изъ эпохи, предшествовавшей подчиненію южной Руси Польшѣ, немогутъ быть отнесены ни къ одному изъ господствующихъ нынѣ нарѣчій, и подымать теперь споръ, на какомъ нарѣчіи написаны Несторова лѣтопись, Русская правда или Слово о полку Игоревомъ,—на велико, мало или бѣло-русскомъ,—было-бы праздною, вздорною рѣчью;

Что подчиненіе южной Руси Польшѣ, принесши горькіе плоды для ея общественной и соціальной жизни, не осталось безъ вліянія и на языкъ, который, судя по дошедшимъ до насъ изъ этой эпохи памятникамъ, уже близокъ былъ обратиться въ польскій вмѣстѣ съ обращеніемъ въ поляковъ дворянства и съ уніею духовенства, но былъ удержанъ отъ поглощенія польскимъ языкомъ только крѣпкимъ инстинктомъ народности въ массѣ, тянувшей не туда, куда охотно шли и южнорусское дворянство и козацкая войсковая старшина, а къ сѣверу, гдѣ масса эта, въ равной для

всѣхъ деспотической власти московскихъ царей, видѣла себѣ защиту отъ аристократической олигархіи;

Что съ эпохи подчиненія южной Руси Польшѣ собственно и началась выработка той особенности малорусскаго нарѣчія, которую усиливаются теперь возвесть до особенности самостоятельнаго языка, но которая однакожъ во все время своего развитія неуспѣла создать ничего сильнаго и оригинальнаго, въ чемъ запечатлѣвалась бы особенность малорусской народности, а выразилась прежде всего въ какой-то вавилонской смѣси нарѣчій, посреди которой очевидно было господство только однаго языка—польскаго. Съ той же эпохи дальнѣйшее развитіе русскаго языка и русской народности не могло уже совершаться на югѣ, а должно было перейдти на сѣверъ, гдѣ сосредоточилась вся жизненная сила Руси,—и вотъ почему русскій языкъ сблизился съ нарѣчіемъ, господствующимъ на сѣверѣ, а не на югѣ, гдѣ сохранялась еще пассивная сила сопротивленія, упадавшая и ослабѣвавшая отъ постояннаго напора польско-аристократической стихіи, но не оказывалось никакихъ организующихъ началъ, которыя сосредоточили бы эту силу, дали ей цѣль и развитіе. Если особенность малорусскаго нарѣчія получила потомъ смыслъ и значеніе, если она и выразилась въ нѣсколькихъ произведеніяхъ переживаемой нами эпохи, въ которыхъ вѣетъ и свѣжестью, и юморомъ, и поэзіею южнорусской природы; то все это явилось уже тогда, когда русскій языкъ и русская литература достигли самобытности при совмѣстномъ дѣйствіи и трудахъ опять таки всѣхъ русскихъ безъ отношенія къ географическимъ и этнографическимъ особенностямъ русской земли;

Что Гоголь, сдѣлавшійся выразителемъ одного изъ важнѣйшихъ моментовъ развитія русской литературы, вышелъ изъ сердца той южной Руси, для которой усиливаются теперь создать особенный языкъ и литературу, а онъ никогда небылъ бы тѣмъ Гоголемъ, который дорогъ всѣмъ, въ комъ живетъ русскій духъ, бьется русское сердце и зрѣетъ русская мысль, если бы вздумалъ писать на малорусскомъ нарѣчіи. Самъ малорусскій поэтъ Шевченко, изъ котораго изступленные почитатели его сдѣлали себѣ какого-то идола, вышедши изъ среды порабощеннаго южнорусска-

го народа, въ своихъ поэтическихъ думахъ, образахъ и картинахъ воспроизводилъ только чувства и преданія его, незаходившія далѣе борьбы народной съ Польшею за независимость, и если стихъ его звучалъ иногда грустнымъ упрекомъ современному разладу нашей жизни, то все же въ этомъ было общее родное намъ всѣмъ чувство, а не свойственное какой-то особенной народности. Тотъ-же Шевченко, выходя изъ области непосредственнаго чувства и поэзіи и обращаясь къ обычному теченію жизни, долженъ былъ употреблять не малорусское нарѣчіе, а русскій языкъ, на которомъ и писалъ свой дневникъ и задушевныя письма къ друзьямъ, малороссамъ-же. То-же самое дѣлаютъ и послѣ Шевченка всѣ, обрабатывающіе и развивающіе такъ называемую малороссійскую литературу, и если пишутъ расказы и повѣсти по малороссійски, то единственно для удовольствія собственнаго и своего кружка, потому-что другихъ потребностей на эти произведенія не оказывается, да надѣемся и не окажется;

Что несмотря на всѣ усилія создать изъ малорусскаго нарѣчія особенный языкъ, оно остается все таки тѣмъ, чѣмъ есть въ сущности, т. е. видоизмѣненіемъ общерусскаго языка,—чему простое и практически наглядное доказательство, невдаваясь въ филологическія тонкости, можетъ увидѣть всякій, кто потрудится любое изъ стихотвореній Шевченка, въ которомъ восторженные поклонники его видятъ художественные образцы малорусскаго слова и послѣднюю ступень его развитія, прочесть съ обыкновеннымъ русскимъ произношеніемъ словъ, и тогда къ изумленію своему убѣдится, что цѣлыя страницы этихъ стихотвореній написаны общеупотребительнымъ русскимъ языкомъ съ примѣсью только нѣсколькихъ мѣстныхъ, областныхъ словъ, и все дѣло въ произношеніи, какое придается словамъ;

Что особенная литература на такомъ видоизмѣненіи языка невозможна, когда самъ языкъ еще живетъ полною жизнію, растетъ и крѣпнетъ, дѣлаясь съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе необходимымъ органомъ расширяющагося народнаго сознанія. Да такой литературы и нѣтъ въ дѣйствительности, потому что литература не есть же выраженіе чувствъ, мнѣній и убѣжденій только одной какой-либо партіи образованнаго класса народа, а

выраженіе всей его умственной дѣятельности, какъ исторической индивидіульности. Если въ послѣднее время и появились малороссійскіе стихи и проза; то это не болѣе, какъ частныя проявленія извѣстнаго, пришедшаго извнѣ вліянія на цѣлый образованный классъ у насъ, неимѣющія никакой органической связи съ народною жизнію, несоставляющія нисколько литературы, какъ продукта народной мысли и народнаго творчества,—и только тщеславное желаніе поднять мѣстныя явленія на высоту общихъ историческихъ, заставляетъ энтузіастовъ малорусской народности нѣсколько искръ поэзіи, нѣсколько проблесковъ мѣстныхъ талантовъ посреди кучи самой жалкой посредственности, изощряющей свое малорусское слово въ произведеніяхъ, читаемыхъ только своими авторами, возводить въ достоинство литературы и начинать ея исторію отъ шуточнаго перевода „Энеиды“ Котляревскаго, а въ Квиткѣ, этомъ баринѣ писавшемъ на мужицкомъ языкѣ для потѣхи малороссійскихъ пановъ видѣть родоначальника настоящей современной малорусской литературы, въ Шевченкѣ же—величайшаго генія, имѣющаго міровое значеніе, предъ которымъ должна померкнуть слава не только нашихъ Пушкиныхъ и Гоголей, но и Шекспировъ, Шиллеровъ, Гете и тому подобныхъ. Вотъ до какихъ несообразностей доводитъ энтузіастовъ увлеченіе фальшивымъ патріотизмомъ;

Что не имѣя возможности связать свою псевдо-литературу съ прошлымъ, дать ей историческую почву, и не находя никакихъ питательныхъ соковъ для поддержанія ея въ настоящемъ, энтузіасты всѣ свои надежды возлагаютъ на будущее и съ лихорадочною поспѣшностію хлопочутъ о распространеніи въ народѣ грамотности на малорусскомъ языкѣ, истощаютъ всѣ свои силы надъ сочиненіями для него нравственныхъ, юмористическихъ, историческихъ и разныхъ другихъ разсказовъ, въ которыхъ можетъ быть и есть многое изъ взглядовъ и убѣжденій партіи, да нѣтъ и признаковъ народныхъ воззрѣній и народнаго пониманія. Въ видахъ своеобразнаго развитія какого-то малорусскаго народа дѣлаютъ складки на учрежденіе конкурсса, для составленія учебниковъ на малорусскомъ нарѣчіи къ употребленію народа, и переводятъ на это нарѣчіе Евангеліе. Что-жъ всѣ эти стремленія значатъ? Къ чему онѣ ведутъ?—Очевидно, къ обосо-

бленію нарѣчія—въ языкъ, къ обособленію племени—въ народъ. А развѣ это обособленіе возможно безъ обособленія политическаго или безъ насильственнаго раздѣленія народнаго тѣла и его смерти? Малороссійскіе энтузіасты считаютъ себя Самсонами, у которыхъ еще не выросли подрѣзанные волосы; но какъ только волосы подрастутъ, то они надѣются имѣть на столько силы, чтобъ потрясти храмъ. Пусть эти энтузіасты не забываютъ, что еслибы имъ и удалось, чего мы впрочемъ никогда не надѣемся, потрясти храмъ, то они же первые погибнутъ подъ его развалинами;

Что, наконецъ, энтузіасты эти очень ошибаются, если воображаютъ, что мы желаемъ дать перевѣсъ одному племенному элементу передъ всякимъ другимъ, предоставить ему исключительное господство надъ всѣми прочими съ насиліемъ жизни, съ подавленіемъ ея творческихъ позывовъ и стремленій, съ учрежденіемъ официальной монополіи; напротивъ, мы далеки отъ всего этого, мы желаемъ имъ полнаго простора и свободы, и еслибы за ними оказалось преимущество зиждущей, творческой силы, мы нисколько бы не пожалѣли, когда то, что они называютъ великорусскимъ, обратилось въ малорусское. Мы увидѣли бы въ этомъ только фазисъ нашего историческаго развитія, рѣшеніе и приговоръ жизни, противиться которому не имѣемъ никакихъ побужденій. Да дѣло-то въ томъ, что этой творческой, организующей силы никогда небыло въ южнорусскихъ племенахъ, оттого они и попадали въ зависимость отъ другихъ народовъ. Нѣтъ этой силы и теперь, и несоздать ее энтузіастамъ, волнующимся только и „плѣнной мысли раздраженіемъ;“

И что вся болѣзненная дѣятельность ихъ, въ послѣднемъ результатѣ, можетъ внести только замѣшательство въ жизнь и лишнюю преграду ея свободному развитію, какъ мы это и видимъ уже въ набрасываніи народу малорусской грамоты. Народъ желаетъ и охотно учится общерусской грамотѣ и на навязываніе ему во чтобы-то нистало малорусской грамоты смотритъ какъ на попытки омужичить его; но восторженные энтузіасты увѣряютъ его, что при обученіи ему необходимо мѣстное нарѣчіе, чтобъ лучше понять и легче усвоить себѣ общерусскую грамоту. И вотъ, имѣ-

сто обученія одному языку является обученіе на двухъ языкахъ. На одномъ изъ нихъ не установлена еще азбука и образователи его ведутъ еще споръ между собою, какой слѣдуетъ принять алфавитъ: глаголицу, кирилицу или гражданку, а принявши эту послѣднюю, какъ уловить оттѣнки говора народнаго, и сочиняютъ для этаго цѣлыя ноты, разыгрывая ихъ каждый по своему. А между тѣмъ услужливая шляхта составила уже букварь съ латинскимъ алфавитомъ, освященнымъ употребленіемъ стольких вѣковъ и у стольких народовъ, въ томъ числѣ и славянскаго племени, и обязательно предлагаетъ свои услуги для обученія и нравственнаго развитія народа. И бѣдный народъ, аттакуемый со всѣхъ сторонъ, незнаетъ, кому вѣрить и за что взяться. Къ чему же можетъ повести эта путаница? Стройнаго изъ этого ничего не можетъ выйдти, и выйдетъ только хаосъ и смута, а шляхтѣ только того и нужно, чтобъ легче было въ мутной водѣ рыбу ловить; да выйдетъ еще изъ этаго загражденіе народу путей къ умственному развитію; ибо допуская возможное торжество малорусской партіи въ обученіи народа, можно спросить: что въ состояніи она предложить для умственной и нравственной пищи народа со всею такъ громко титулуемою малороссійскою литературою? Неужели она думаетъ покончить все воспитаніе народа на стихахъ Шевченки, да собственнаго издѣлія разсказахъ и повѣстяхъ,— или надѣется до тѣхъ поръ, пока народъ научится грамотѣ, создать ему собственнаго издѣлія литературу, которая замѣнитъ собою и русскую и польскую, и всякую другую литературу? Да развѣ это возможно? Развѣ усиліями нѣсколькихъ, хотя бы и талантливыхъ людей можетъ быть создано въ два, три года то, что создается вѣками исторической народной жизни? При всей своей самонадѣянности энтузіасты должны бы остыть и отрезвиться отъ своего упоенія передъ положительною невозможностію выполненія такой задачи; но живя только въ мірѣ фантазій, не имѣющемъ ничего общаго съ міромъ дѣйствительности, они не видятъ или нехотятъ видѣть этой невозможности, и волнуются, шумятъ и безплодно тратятъ молодыя силы, стараясь взвалить себѣ на плечи гору, когда этихъ силъ не хватаетъ, чтобъ поднять одинъ камень на ней. Они находятъ своихъ прозелитовъ, но только между людь-

ми, питающимися, подобно имъ самымъ, фантазіями, а не дѣйствительными интерессами жизни. Весь ничтожный успѣхъ ихъ держится единственно на недоразумѣніи, на темнотѣ и неясности ихъ стремленій, прикрываемыхъ громкими фразами, обоятельно дѣйствующими на молодой, неопытный умъ. Зазрѣнія въ офиціальности, которыя, они щедро бросаютъ на убѣжденія и дѣйствія нашего большинства и которыя, по особеннымъ условіямъ нашего развитія, всегда встрѣчаются съ довѣрчивостію въ обществѣ, служатъ имъ щитомъ, прикрывающимъ ихъ тощія идейки, и вмѣстѣ дающимъ имъ возможность къ самому существованію.

Но всѣми такими возраженіями и доводами меньшенство не колеблется. Съ истинно малорусскимъ упрямствомъ оно настаиваетъ на справедливости своихъ тезисовъ и, задѣтое за живое доводами и обвиненіями большинства въ сепарастическихъ стремленіяхъ, отвѣчаетъ, съ своей стороны обвиненіями его въ стремленіяхъ къ насильственному унитаризму, къ безсмысленной унификаціи, къ монополизированію одного элемента на счетъ другихъ, къ крайней централизаціи и единоображенію, производящему только уродство или идіотство, къ бездушной формальности, къ подавленію указными формами всѣхъ силъ и отпрысковъ народной жизни, къ уничтоженію въ самомъ корнѣ ея творческой силы, къ наряженію въ офиціальный мундиръ вѣрованія, мысли и слова; обвиняетъ большинство въ казенномъ россійскомъ патріотизмѣ и, какъ послѣдній аргументъ, приводитъ угрозу обвиненія большинства въ доносѣ. Въ свою очередь, большинство колеблется подъ тяжестію такихъ обвиненій,—и спорящіе стороны расходятся съ своими убѣжденіями, вынося изъ спора только взаимное охлажденіе, а нерѣдко и раздраженіе.

Но не смотря на то, у спорящихъ сторонъ есть однако пунктъ, на которомъ онѣ сходятся и гдѣ исчезаетъ всякое разномысліе между ними. Пунктъ этотъ— польскій вопросъ въ краѣ. Притязанія шляхты на господство въ немъ, такъ безцеремонно заявленныя, одинаково возмущаютъ и большинство и меньшинство. Въ чувствѣ отвращенія къ такому господству, общемъ обѣимъ сторонамъ, и въ сознаніи общей опасности лежитъ причина согла-

сія ихъ въ первомъ и важнѣйшемъ интерессѣ края, хотя по отношеніямъ къ другимъ интерессамъ его, онѣ, повидимому, и расходятся, безъ надежды когда либо покончить свой споръ. Такимъ образомъ и въ послѣднемъ, современномъ намъ фазисѣ своего развитія, польскій вопросъ является для Руси тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для ней въ продолженіи всей ея исторіи,—стимуломъ, движущею силою единенія и сплоченія Руси и поглощенія племенной или мѣстной розни, унаслѣдованной съ самой колыбели нашей исторической жизни. Отрицательное значеніе польскаго аристократическаго элемента въ судьбахъ славянскаго міра еще разъ призвано провидѣніемъ исполнить свою роль. Пожелаемъ искренно и горячо, чтобъ это *былъ* послѣдній призывъ, но не помянемъ его словомъ вражды и ненависти, не отвѣтимъ проклятіемъ на проклятія, которыя шлетъ намъ шляхта, выполняя свое назначеніе.

Обращаясь къ малорусскому вопросу, предоставляемъ читателю судить, на чьей изъ двухъ спорящихъ сторонъ справедливость и истина. Съ своей стороны, раздѣляя во многомъ убѣжденія большинства, мы однако не можемъ согласиться съ нимъ въ томъ значеніи, какое оно придаетъ этому вопросу. Онъ невыросъ органически изъ жизни, какъ польскій вопросъ, и не имѣетъ въ ней никакихъ корней. Онъ возникъ подъ вѣяніемъ той же западной жизни, подъ вліяніемъ которой уже давно совершается наше развитіе. Стремленія къ національности на западѣ отозвались въ нашемъ обществѣ и были источникомъ появленія у насъ, почти одновременнаго, двухъ національныхъ партій: **славянофиловъ** на сѣверѣ, и **украинофиловъ**—на югѣ. Обѣ партіи не избѣгли увлеченій: у славянофиловъ были русская наука, гніющій западъ и надежды на обновленіе погибающаго міра русскою стихіею; у украинофиловъ существуютъ теперь подобныя же надежды, но только въ меньшихъ размѣрахъ. Славянофилы надѣялись обновить русскою стихіею цѣлый міръ; украинофилы надѣются малорусскою стихіею обновить и переродить сначала русскій организмъ, а потомъ уже и все славянство. Обѣ партіи заявили свое существованіе пристрастіемъ къ прошлому народа и преувеличенными надеждами на его силы, вѣрою въ его великую

будущность и нетерпимостью ко всякимъ другимъ элементамъ развитія, кромѣ тѣхъ, которые сохранены народомъ въ зародышномъ состояніи цѣлыми и неповредимыми отъ самихъ разнообразныхъ внѣшнихъ вліяній, какимъ подвергалась народная жизнь въ продолженіи труднаго процесса сложенія и организованія народнаго тѣла; обѣ начались съ моды на народный костюмъ, но скоро отъ поверхности пошли въ глубь народной жизни. Увлеченія славянофиловъ прошли, но въ результатѣ онѣ привели къ плодотворнымъ послѣдствіямъ: къ уразумѣнію смысла и творческихъ позывовъ народной жизни; выработанныя ими понятія и воззрѣнія на эту жизнь сдѣлались достояніемъ нашего общества, увеличившимъ его умственный капиталъ, и освѣтивши темныя мѣста нашей исторіи, указали обществу прямой путь къ дальнѣйшему развитію. Всѣ истинно любящіе свое отечество ждутъ и надѣются подобныхъ же результатовъ и отъ малорусской партіи, предполагая въ основѣ ея живую, плодотворную идею о своеобразности народнаго развитія, и на увлеченіе нѣкоторыхъ энтузіастовъ смотрятъ, какъ на неизбѣжное послѣдствіе односторонняго развитія идеи.

Обѣ партіи выражаютъ не болѣе, какъ обращеніе образованной и развитой части нашего общества къ народу, сознаніе несостоятельности заимствованныхъ извнѣ и чуждыхъ намъ формъ развитія и знаменательный поворотъ въ немъ къ источникамъ народной жизни, изъ которыхъ только мы и можемъ почерпнуть освѣженіе и укрѣпленіе нашихъ силъ. Фактъ одновременнаго проявленія подобныхъ стремленій на сѣверѣ и югѣ указываетъ только на части нашего организма, въ которыхъ сильно развита жизнь и въ которыхъ поэтому становится виднѣе біеніе жизненнаго пульса. Остается желать простора и свободы жизни и довѣрчиво покориться ея творческой силѣ. Если этой силы окажется болѣе на югѣ, нежели на сѣверѣ Руси; то нечѣмъ тутъ смущаться: послѣдуетъ только перемѣщеніе силы туда, гдѣ она можетъ плодотворнѣе проявиться; если же на югѣ ея вовсе нѣтъ, какъ полагаетъ большинство, то никакія теоріи и утопіи не создадутъ ее. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ, вмѣстѣ съ большинствомъ, пожелать, чтобы утопіи не употребляли во зло предъ-

ставляемый имъ просторъ, не насиловали жизни и не извращали ся нормальнаго движенія.

А. Воронинъ.

КІЕВЪ.

8 Января 1863 года.

ЗАМѢЧАНІЯ

на Проэктъ общаго Устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ Университетовъ. С. П. б. 1862. Часть I. страницъ 479, и Ч. II. стр. 533.

Въ концѣ 1861 года особенная Коммисія при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія составила проэктъ новаго устава университетовъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія откровенно, честно и благородно предложило этотъ проэктъ разсмотрѣнію публики, и просило всѣхъ, интересующихся этимъ дѣломъ, сказать съ полною свободою свое мнѣніе объ этомъ проэктѣ. Многія лица, изъ нашего образованнаго общества, доставили въ Министерство свои *замѣчанія* на проэктъ, и вотъ теперь изданна книга, содержащая всѣ эти *замѣчанія*.

Такимъ образомъ—эта объемистая книга, въ двухъ частяхъ, перейдетъ въ потомство, какъ памятникъ того образа мыслей объ университетскомъ образованіи, какой свободно и ясно выразился у насъ во второй половинѣ XIX столѣтія между образованнѣйшими людьми нашего отечества, и вмѣстѣ—какъ новый памятникъ той отрадной истины, что наше православное духовенство (говоря вообще) всегда стояло и стоитъ несравненно выше, по своему просвѣщенію, нежели всѣ свѣтскіе передовые. Оскорбляться за это никому не прилично, но мы всѣ должны еще благодарить за это Бога.

Статьи этой книги, принадлежащія преосвященному *Антонію* смоленскому, преосвященному *Макарію* харьковскому, протоіерею *Добротворскому*, архимандриту *Іосифу*, архимандриту (нынѣ Епископу) *Саввѣ* и профессорамъ московской духовной академіи, и *духовенству кіевской епархіи*, по свѣтлости взгляда, по логической послѣдовательности и отчетливости, и по истинному христіанскому богомудрію, такъ высоко отстоятъ отъ всѣхъ прочихъ статей, какъ небо отъ земли.—Дѣло идетъ о *преобразованіи университетовъ*, т. е. не болѣе не менѣе, какъ о просвѣщеніи нашего будущаго поколѣнія, и

слѣдовательно о счастьи Россіи; а за исключеніемъ вышепоимянованныхъ духовныхъ лицъ, всѣ прочіе вкладчики мнѣній и замѣчаній въ эту книгу, какъ будто напередъ уже согласились между собою и окончательно рѣшили: *не требовать отъ университета христіански—нравственнаго воспитанія юношества, а предоставить ему (университету) только преподаваніе наукъ въ современномъ ихъ объемѣ и духѣ, впрочемъ безъ всякаго контроля надъ преподающими и слушающими.* Для доказательства нашихъ словъ, не указываемъ на страницы книги, чтобъ не оскорбить чью-либо личность; но всякъ, читавшій внимательно эту книгу, подтвердитъ, что мы говоримъ правду.—Какъ нѣкоторая, извѣстная личность боится ладону, такъ и одно, *самое главное* «Замѣчаніе» въ этой книгѣ явно обнаружило свою боязнь и какъ будто ненависть къ *богословію,* утверждая, что преподаваніе этой науки въ университетѣ есть только «обязательное или необязательное decorum», а потомъ безъ церемоніи назвало *преподаваніе богословія* даже „*вреднымъ*“. Но—благодаря Бога—противъ этого нечестиваго парадокса всѣ возстали, и вмѣсто уничтоженія богословія, всѣ требуютъ усилить преподаваніе онаго чрезъ прибавленіе двухъ или трехъ помощниковъ нынѣшнему профессору богословія. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи выскочило одно „*мнѣніе*“, по наружности кажущееся будто дѣльнымъ и основательнымъ (опять не указываемъ страницъ, чтобъ никого не оскорбить), но выкинувшее слѣдующую затѣйливую требовательность, *чтобъ нашихъ православныхъ богослововъ, прежде допущенія къ профессорской каѳедрѣ въ университетѣ посылать за границу, для усовершенствованія въ богословіи, въ католическихъ и протестантскихъ университетахъ*.... Sat sapienti.

Отстоявши преподаваніе богословія въ университетѣ, казалось бы, надобно было общими силами отстоять и то необходимое требованіе здраваго ума, общественной жизни и пользы государственной, чтобъ университетъ, кромѣ научнаго образованія, старался о нравственномъ образованіи студентовъ. Нѣтъ! Это святое требованіе какъ будто нарочно и преднамѣренно упущено изъ виду. Всѣ вкладчики „*замѣчаній*“ (повторяемъ), кромѣ духовныхъ лицъ, какъ будто предварительно условились: *устроить университетъ именно такъ, чтобъ онъ былъ только учебно-образовательнымъ, но отнюдь не христіанскимъ нравственно-воспитательнымъ заведеніемъ.* Нормальный возрастъ студентовъ указанъ, въ проэктѣ и въ замѣчаніяхъ на проэктъ, отъ 17 лѣтъ. Составители „замѣчаній“

увѣрены, что въ этомъ возрастѣ юноша уже кончилъ свое христіански-нравственное воспитаніе, и въ дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла можетъ свободно быть предоставленъ „*самовоспитанію*“. Не можетъ быть чтобъ вы, господа, сами никогда не были юношами, и чтобъ вы забыли, что именно около 17-ти лѣтъ человѣческой жизни начинается самый опасный *возрастъ страстей* и увлеченій, пробуждаются животныя стремленія, и человѣкъ молодой, окруженный со всѣхъ сторонъ соблазнами, стоитъ въ нерѣшимости: чѣмъ ему быть, только ли животнымъ разумнымъ, или и духовно-нравственнымъ существомъ? Это—самое обыкновенное время нравственнаго паденія. И—въ этомъ-то самомъ опасномъ кризисѣ его жизни, вы хотите предоставить его „*самовоспитанію*“*?!!* Что это такое: вы умышленно смѣетесь надъ человѣчествомъ? Или—вовсе не знаете природы человѣческой?..

Вся забота университетскаго начальства о нравственномъ поведеніи студентовъ ограничивается (по проэкту устава и по замѣчаніямъ) только тѣмъ, что пока студенты будутъ находиться въ аудиторіяхъ, въ клиникѣ университетской, въ лабораторіи, въ библіотекѣ, и вообще „въ зданіяхъ университетскихъ“, то проректоръ или инспекторъ, съ его помощниками, будетъ наблюдать, чтобъ они не свистали, не кричали, не буянили, и вообще не безчинствовали,—только! А за стѣнами университета дѣлай они себѣ, что хочешь,—до ихъ поведенія университету нѣтъ никакого дѣла,—на то есть городская полиція. И такъ—городская полиція теперь должна будетъ принять на себя отъ университета всѣ воспитательныя заботы о студентахъ?!. Трудно выдумать насмѣшку надъ студентами и надъ университетомъ, которая была бы злѣе этой насмѣшки.... И вѣдь всѣ, кромѣ духовенства, согласились, что этому такъ и должно быть; поспорили только немножко о томъ, *кому* приличнѣе смотрѣть за поведеніемъ студентовъ въ стѣнахъ университета, одному ли изъ профессоровъ съ именемъ *проректора*, или особенному чиновнику съ именемъ *инспектора:* вопросъ, какъ видите, чрезвычайно важный, надъ которымъ стоитъ поломать голову!—Одни съ важностью говорятъ, что эта обязанность должна быть возложена непремѣнно на профессора—проректора, потому что профессоръ всегда можетъ имѣть болѣе нравственнаго вліянія на студентовъ, нежели особенный чиновникъ, называемый инспекторомъ. А другіе, съ неменьшею важностью, утверждаютъ, что „мелкія полицейскія обязанности“ смотрѣнія за поведеніемъ студентовъ въ зданіяхъ университета вовсе неприличны важному званію

профессора, и унизили бы его въ глазахъ студентовъ, и т. п. Чему хочешь, тому и вѣрь,—вотъ таково все наше резонерство, и и бишь вся наша философія.

Богъ наказалъ насъ, за наши грѣхи, особеннымъ родомъ нравственнаго недуга, состоящаго въ томъ, что *мы не умѣемъ различать злоупотребленіе предмета отъ самаго предмета, подвергшагося злоупотребленію, и—вмѣсто истребленія злоупотребленій, истребляемъ самый предметъ, невинный, но злоупотребленный*. По этой логикѣ выходитъ такъ: ежели кто-нибудь застрѣлился изъ пистолета, то непремѣнно надобно уничтожить всѣ пистолеты. Такъ точно мы и дѣлаемъ съ преобразованіемъ нашихъ университетовъ. *Не умѣло*, или *не хотѣло* университетское начальство совладать съ *корпораціей студентовъ*, не умѣло руководить эту юную корпорацію къ добру, къ нравственности, къ христіанству, къ царствію Божію; вотъ и зашумѣла молодая корпорація, и, оставленная собственному произволу, надѣлала множество проказъ... Ну, у насъ сейчасъ готово радикальное средство противъ всего этого: уничтожить корпорацію студентовъ во всѣхъ отношеніяхъ, и даже *въ церковномъ отношеніи!* Это точь-въ точь напоминаетъ премудрую манеру Фамусова:

„По—моему, что дѣло, что не дѣло,—
Подписано, такъ съ рукъ долой“!—

Логично ли это? Справедливо ли, полезно ли это?.. Чтобъ уничтожить всякую корпорацію студентовъ, чтобъ не допускать ихъ ни до какихъ сходокъ и собраній, мы... уничтожаемъ и студенческій приходъ при университетской церкви въ каждомъ изъ нашихъ университетовъ, *кромѣ Дерптскаго университета, отстоявшаго свою церковь и свой приходъ*. Странно сказать, мы какъ будто боимся, чтобъ студенты *не сходились* даже въ одну церковь молиться Богу и говѣть въ установленное время; т. е., хотя мы не пишемъ особаго параграфа въ уставѣ о томъ, что студенты не обязаны собираться въ университетскую церковь на богослуженіе, и университетское начальство не обязано смотрѣть за исполненіемъ ими христіанскихъ обязанностей говѣнія и т. п., но по смыслу проэкта устава, это именно выходитъ такъ. Вышелъ студентъ изъ аудиторіи,—ну, пускай идетъ себѣ, куда хочетъ, пускай живетъ какъ хочетъ, и ведетъ себя, какъ хочетъ: университетъ предоставилъ ему два дальнѣйшія средства нравственнаго совершенствованія—*самовоспитаніе и самоуправленіе*, и—подобно Пилату, умываетъ свои руки... Ужъ не придется ли закрыть и университетскія церкви? Вѣдь прихожанъ

не будетъ въ этихъ церквахъ, — зачѣмъ же и имъ оставаться? Развѣ для одного *„необязательнаго decorum“*, какъ изъяснился нашъ *„знаменитый педагогъ“* о преподаваніи богословія въ университетѣ. Вотъ до какого несчастнаго прогресса мы нечувствительно дошли и доходимъ....

Чтобъ отдохнуть отъ этихъ грустныхъ впечатлѣній, производимыхъ проэктомъ новаго устава университетовъ и большинствомъ „Замѣчаній“ на проэктъ, заключимъ нашу статью выпискою изъ „Замѣчаній“ нашихъ достойныхъ пастырей церкви.

„Проэктъ устава университетовъ упускаетъ изъ виду болѣе важное чѣмъ научное развитіе, средство къ достиженію цѣли высшаго образованія — это нравственно-религіозное воспитаніе учащихся. Истинное высшее образованіе состоитъ не въ одномъ только научномъ развитіи и въ пріобрѣтеніи познаній, но и въ образованіи свойствъ, составляющихъ добраго гражданина и христіанина. Университетъ, по новому проэкту, совершенно отклоняетъ отъ себя нравственный надзоръ за учащимися, предоставляя его внѣ зданій университета полицейскимъ властямъ (§ 125). — Вѣроятно, такая мѣра вызвана оказавшеюся на опытѣ несостоятельностью подобнаго надзора и затруднительностью его при многочисленности разсѣянныхъ по всему городу студентовъ. Но такъ какъ благотворности и пользы нравственнаго надзора вообще (въ принципѣ) отвергать нельзя, то желательно было бы, чтобы коммисія для преобразованія университетовъ прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ такой крайней мѣрѣ, какъ предоставлять полиціи наблюденіе за студентами, позаботилась объ изысканіи болѣе дѣйствительныхъ мѣръ нравственнаго надзора, чѣмъ прежнія, не разрывая нравственной связи студентовъ съ университетомъ и внѣ зданій онаго“.

„Проэктъ устава университетовъ вмѣняетъ преподавателямъ въ обязанность только *„излагать предметъ согласно съ современнымъ требованіемъ науки“* (§ 84). — „Въ такомъ предписаніи, кромѣ односторонности (потому что современность есть, конечно, очень важное, но *не единственное* достоинство преподаванія), заключается и неопредѣленность. Современность не исключаетъ разнообразія и даже противорѣчія въ научныхъ воззрѣніяхъ. Какого же изъ одинаково-современныхъ, но противныхъ между собою воззрѣній обязанъ держаться преподаватель? Имѣетъ ли право, подъ предлогомъ обязательнаго требованія современности, профессоръ Богословія въ университетѣ слѣдовать теоріямъ раціоналистовъ? А профессоръ Фило-

софіи — держаться воззрѣній Фейербаха, Мишелота и др.? Профессоръ Права и Политической Экономіи - слѣдовать Прудону и соціалистамъ, и т. п? Нельзя не сознаться, что такое неопредѣленное требованіе современности преподаванія, стѣсняя съ одной стороны свободу тѣхъ преподавателей, которые хотѣли бы идти далѣе даннаго состоянія науки, съ другой, для преподавателя неблагонамѣреннаго можетъ служить предлогомъ, подъ видомъ современныхъ теорій, распространять ученіе, противное цѣли истиннаго, основаннаго на религіозныхъ и нравственныхъ началахъ образованія".

„Проэктъ устава университетовъ не упоминаетъ о необходимости исполненія важнѣйшихъ церковно-христіанскихъ обязанностей, какъ-то: посѣщенія церкви, исповѣди и причащенія св. Таинъ. Въ распредѣленіи неучебнаго времени (§ 22) не назначено даже времени для говѣнія" ([1]).

„Въ проэктѣ устава университетовъ, послѣ понятія объ университетѣ, *не указана его цѣль*. Опредѣленіе цѣли само собою дало бы твердое основаніе для устава университетскаго, и всѣ положенія, поколику имѣли бы связь и вытекали бы изъ понятія о цѣли, были бы ясны и логичны. Безъ этого, въ проэктѣ многое представляется недовольно—яснымъ и основательнымъ, но чисто—произвольнымъ, а многаго и недостаетъ. Опытъ даетъ новое побужденіе къ тому, чтобы въ самомъ началѣ *новаго устава* непремѣнно была ясно опредѣлена *цѣль университетовъ*. Въ послѣднее время въ университетахъ произошли волненія и столкновенія съ правительствомъ, обнаружившія въ нихъ развитіе духа очень не добраго. Конечно, этимъ университеты показали, что *они не знаютъ, или забыли и потеряли изъ виду истинную цѣль своего учрежденія*. Почему же при составленіи новаго устава упущено изъ виду, прежде всего, указать то, что забыто или совсѣмъ было незнаемо, а между тѣмъ необходимо"? ([2]).

«Въ объяснительной Запискѣ къ проэкту устава университетовъ *(но все-таки не въ проэктѣ самаго устава)* наконецъ цѣль за университетами признана лишь учебная — *„образованіе молодыхъ людей съ серьезнымъ научнымъ направленіемъ"*. Достаточно ли этого? Рѣшительно недостаточно. Образованіе науками не есть само по себѣ цѣль, но предполагаетъ цѣль впереди и есть только средство къ цѣли. Слѣдовательно

([1]) Часть I. стран. 461 и 462.

([2]) По самой простой причинѣ: „слона-то я и не примѣтилъ!"

и университеты, если они возьмутъ на себя только образованіе науками молодыхъ людей, хотя бы то и серьезное, они не будутъ доводить до настоящей цѣли. Претендуя имѣть огромное вліяніе на общество, они непремѣнно должны предположить своею цѣлію образованіе молодыхъ людей именно для этого общества не просто съ серьезнымъ только научнымъ направленіемъ, но съ добрымъ и полезнымъ направленіемъ практическимъ для служенія обществу, должны приготовлять хорошихъ, умныхъ и полезныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ жизни и службы общественной. Почему же ясно не указать такой цѣли въ уставѣ университетскомъ, съ тѣмъ, чтобы къ этой именно цѣли вели учащіе и шли учащіеся"?..

„Весь проэктъ устава развитъ такъ, что опредѣлены правила лишь для учебной части, а о воспитательной почти и помину нѣтъ. Но хорошо ли это? Гдѣ же будетъ воспитываться значительная часть юношества, если университеты не берутъ этого на себя? Полагается, что въ университетъ будутъ поступать 17-лѣтніе юноши: неужели можно думать, что въ 17 лѣтъ юношѣ уже не нужно воспитательное руководство? Едвали это раціонально и гуманно. Отцы и матери, отпуская за сотни верстъ дѣтей въ университетъ, находятся въ крайней опасности за нихъ, потому что тамъ нѣтъ никакого попеченія объ ихъ нравственномъ воспитаніи. Опытъ оправдываетъ этотъ страхъ родителей за дѣтей своихъ".

„Наблюденіе за студентами лежитъ на обязанности университета только въ зданіяхъ и учрежденіяхъ онаго, внѣ же сихъ мѣстъ студенты подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общихъ основаніяхъ. Такое положеніе вытекаетъ естественно изъ ограниченія цѣли университетовъ одною учебною стороною. Но справедливо ли это, и по совѣсти ли университетское начальство сбрасываетъ съ своихъ плечъ попеченіе о студентахъ внѣ стѣнъ университетскихъ, и предоставляетъ ихъ одной полиціи? Конечно, это бремя не легкое, но тѣмъ не менѣе обязательность его такъ очевидна, что отрицать ее невозможно, и, сбрасывая оное съ себя, университетское начальство напрасно будетъ думать, что оно чрезъ то освобождается отъ отвѣтственности предъ Богомъ, предъ правительствомъ и предъ отцами юношей, воспитывающихся въ университетахъ. Какъ! учебное учрежденіе, на которое правительство не жалѣетъ издержекъ и жалованья, ожидая оттолѣ благовоспитанныхъ, добрыхъ и полезныхъ слугъ государству, куда отцы за сотни верстъ отпускаютъ дѣтей, не имѣя возможности сами продолжать тамъ надъ ними свое нравствен-

ное вліяніе,—*это учрежденіе торжественно въ своемъ уставѣ отрицается отъ всякаго наблюденія и заботы о своихъ питомцахъ внѣ стѣнъ своихъ, и сбрасываетъ оныя на руки полиціи!!*. Отъ чего же Дерптскій университетъ не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ наблюденія за студентами и за стѣнами своими?.. Какъ угодно, а Дерптскій университетъ справедливѣе и полнѣе сознаетъ свои обязанности къ своимъ воспитанникамъ, и въ семъ отношеніи весьма бы слѣдовало сообразить съ его уставомъ новый общій университетскій уставъ".

„Дерптскому университету, между прочимъ, предоставляется составлять особый евангелическо-лютеранскій церковный приходъ со всѣми правами и обязанностями, установленными для такихъ приходовъ. Приходъ этотъ имѣетъ церковь, принадлежащую къ числу зданій университета. Прискорбно видѣть, что въ нѣмецкомъ лютеранскомъ университетѣ не забыли о своей церкви, и нашли нужнымъ въ уставѣ упомянуть объ обязанностяхъ къ ней сословія университетскаго; *а русскіе православные университеты и помину о своей церкви не сдѣлали въ проэктѣ своего устава*, хотя извѣстно, что въ каждомъ университетѣ есть свой храмъ въ самыхъ зданіяхъ университетскихъ. Почему же бы, по примѣру дерптскаго устава, и въ уставѣ русскихъ университетовъ не сказать такъ: „*Всѣ православнаго исповѣданія учащіе и учащіеся въ университетѣ составляютъ одинъ церковный приходъ, имѣющій свою приходскую церковь въ университетѣ, относительно которой и исполняютъ всѣ христіанскія обязанности*", и проч... Скажутъ, что это само собою разумѣется. Но дерптскій университетъ не довольствовался же этимъ, что само собою разумѣется, а не лишнимъ нашелъ сказать о томъ въ своемъ уставѣ. Съ другой стороны, очень хорошо извѣстно, какъ на самомъ дѣлѣ худо знаютъ и исполняютъ это само собой разумѣемое. Почему же не напомнить о томъ и въ уставѣ русскихъ университетовъ, и зачѣмъ умолчаніемъ подавать соблазнъ, и внушать мысль, что отношенія къ церкви и учащихъ и учащихся въ университетѣ есть дѣло вовсе стороннее и безразличное, что симъ пренебрегаетъ и за ничто считаетъ само начальство университетское и даже правительство, которое должно утвердить новый уставъ университетскій?.. Скажутъ еще, что исполненіе христіанскихъ обязанностей и отношеніе каждаго къ своей церкви есть дѣло совѣсти и свободы, и отнюдь не терпитъ принужденія. Кому не извѣстна эта стереотипная фраза? Но дѣло совѣсти и свободы

есть и ученье, однакоже пишутся правила и указываются обязанности и учащимъ и учащимся; однако же для успѣха ученья назначаются экзамены, даются награды успѣвающимъ, предоставляются права успѣшно-кончившимъ ученье, т. е. все дѣлается, чтобы споспѣшествовать ученью и возбуждать болѣе къ нему ревности. Почему же лишать немощную еще совѣсть и свободу юношей, да и не юношей только, но нерѣдко и зрѣлыхъ мужей, въ дѣлѣ религіи, такой необходимой помощи и возбужденія, каковы — напоминаніе о долгѣ, внушеніе, примѣръ, что все отнюдь не есть принужденіе для совѣсти и свободы, а только побужденіе, безъ котораго природа наша ни въ чемъ добромъ успѣвать не можетъ? (¹).

Довольно выписывать.—Цѣлуемъ мысленно руку святителя, написавшаго эти золотыя строки, и отъ всего сердца желаемъ, чтобъ его слова не остались *гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ*. Слава Тебѣ, Боже, за наше православное, умное и вѣрное Тебѣ духовенство, умѣющее право правити слово Твоея истины!—Теперь, ежели духовенство не отстоитъ правъ нашихъ юношей на христіанское нравственно-воспитательное образованіе въ университетахъ, то мы, отцы, не знаемъ уже, куда посылать нашихъ дѣтей для высшаго образованія...

Одинъ изъ отцовъ.

P. S. Въ заключеніе всѣхъ „*Замѣчаній*" на проэктъ новаго устава россійскихъ университетовъ, напечатаны „*мнѣнія совѣтовъ университетовъ по вопросу о допущеніи лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ лекцій*", и о томъ, „*могутъ ли женщины быть врачами въ Россіи?*"

Только московскій да дерптскій университеты рѣшились сказать слѣдующее слово въ защиту своихъ студентовъ отъ этого послѣдняго искушенія и соблазна: „*совмѣстнаго со студентами слушанія профессорскихъ лекцій лицами женскаго пола не должно допускать ни подъ какимъ предлогомъ, потому что оно можетъ имѣть вредное вліяніе на успѣшный ходъ занятій молодыхъ людей, обучающихся въ университетѣ*".

Дай Богъ, чтобъ и эти слова не остались *гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ!...*

(¹) Часть II. стран. 432—443.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

КОШКИ и ОБЕЗЬЯНЫ.

(БАСНЯ).

Былъ лѣсъ вблизи окраины полей.
Въ тотъ лѣсъ издавна Кошки забѣжали,
Порасплодились тамъ, и одичали,
И звали лѣсъ отчизною своей.
А по окраинамъ особая порода
Проказницъ – Обезьянъ жила;
Порода ихъ была такого рода,
Что каждая изъ нихъ сейчасъ переняла
У Кошекъ голосъ ихъ и всѣ кошечьи нравы.
Сперва для шутки и забавы
Мяукать по-кошечьи стали,
Потомъ совсѣмъ ихъ говоръ переняли.
И соблюдая интересъ
Филологической науки,
Должны сказать мы, что окраина и лѣсъ
Давно подобные ужъ издавали звуки.—
Чрезъ нѣсколько годовъ случилось такъ, что вдругъ
Всѣ Кошки начали бѣситься.
Зачѣмъ и отъ чего такой недугъ,
Никто не могъ добиться,
Но Кошки бѣсятся, метаются, визжатъ,
И недаютъ чрезъ лѣсъ проходу.
Ну, какъ мартышкамъ же унять свою природу,
И бѣшеннымъ Котамъ не подражать?..
Не удержались, и—давай, изъ подражанья,
Выдѣлывать кошечьи всѣ кривлянья,

Кричать, метаться, выть, визжать,
И бѣшенныхъ точъ-въ точъ собою представлять.
Безумные! Зачѣмъ же *вы* дурите?
Да наконецъ скажите:
Чего же вы хотите?—
„Мы автономію хотимъ имѣть"—
Громада Обезьянъ дала отвѣтъ.—
Лѣсничій видя зло, задумалъ крѣпку думу:
Что дѣлать съ Кошками? Изъ лѣса выгнать ихъ!—
И—сколько ни было кривлянья, визга, шуму,
Онъ выгналъ бѣшенныхъ изъ всѣхъ лѣсовъ своихъ:
Не могши оцѣнить добра привольной жизни,
Пошли искать себѣ другой отчизны
Въ лѣсахъ другихъ.—
А съ Обезьянами онъ такъ распорядился:
Чтобъ зло пресѣчь,
Ловить ихъ повелѣлъ и розгами посѣчь:
Лекарство вѣрное,—весь гомонъ прекратился.

И. К. (1).

---

(1) Чья это Басня? Въ доставленномъ намъ спискѣ подписано, какъ видите И. К. Подъ этою фирмою печатались прежде въ журналахъ **Басни Крылова**. И эта Басня ужъ не принадлежитъ ли покойному **дѣдушкѣ** Ивану Андреевичу?.. Не имѣя возможности сказать объ этомъ что-либо вѣрное, мы, для уясненія дѣла, готовы этимъ пріобрѣтеніемъ подѣлиться съ прочими нашими журналами и газетами, и рады будемъ, ежели какой нибудь журналъ или газета перепечатаютъ у себя эту Басню.

Редакторъ.

ПРИМѢЧАНІЕ НАБОРЩИКА. Упражняясь съ давняго времени, своимъ—разумѣется—особеннымъ образомъ, въ русской литературѣ, осмѣливаюсь и я сказать мое мнѣніе, что эта Басня едвали не принадлежитъ нашему незабвенному баснописцу **Ивану Крылову**; по крайней мѣрѣ мнѣ изъ долговременной практики извѣстно, что литературная фирма „И. К." всегда означала **Ивана Крылова**.

II.

ДВѢ СЕСТРЫ.

(Апологъ).

Родныя сестры двѣ были,
Противнаго совсѣмъ между собою нрава.
Меньшая—горда, величава,
Не слыша подъ собой земли,
По волюшкѣ своей пустилась,
На цѣлый свѣтъ распутствомъ отличилась,
И стала притчею для всѣхъ.
Посмотришь на нее,—и жаль и смѣхъ!
„Погибшее, и ужъ не милое творенье",—
А гоноръ у нея и тонъ—на заглядѣнье!...
Другая старшая сестра,
Чернорабочею жила,
И долго у себя не видѣла добра;
Но за ея труды и за ея терпѣнье
Прославилъ Богъ ее на удивленье:
Откуда что взялось,—
Хозяйство у нея на славу разрослось;
Почетъ, богатство, сила,—
Всѣмъ старшая взяла, и горе все забыла.
Вотъ—младшая сестра, собравши духъ,
Испитая, разбитая вся въ пухъ,
До старшей приползла, и старшей въ ноги бухъ!
„Сестрица—матушка! не дай вконецъ загинуть!
Клянусь всѣ шалости покинуть!
Спаси меня; тебя, какъ мать,
Клянусь любить и почитать,
Не выходя по вѣкъ изъ-подъ твоея власти;
Спаси и сохрани отъ всякія напасти!"
Отозвалась въ сестрѣ родная кровь,—
И старшая къ меньшой явила всю любовь:

Ее въ свои объятья заключила,
Оправила ее, и ободрила,
И раны всѣ ей залечила.....
Ну, какъ же младшая сестра,
За столько ей нежданнаго добра,
Сестрицѣ старшей отплатила?..
Увы... нельзя было и ожидать..
Едва оправилась сейчасъ забушевала!
Хотѣла у сестры имѣнья часть отнять,
Противъ сестры всю дворню взбунтовала,
И въ часъ ночной, подкравшися какъ тать,
Давай дѣтей сестры душить и умерщвлять!....
. . . .
Ужасная произошла тревога!
Что дѣлать съ бѣшенной?.. Вотъ, старшая сестра,
Какъ ни была добра,
Рѣшилась наконецъ быть строга:
Сестру, забывшую и честь и стыдъ и Бога,
Связала по рукамъ и по ногамъ,
И отдала въ бедламъ.
Тамъ голову у ней обрили,
И на цѣпь бѣшенную посадили.

И. К.

Дружескій совѣтъ г. Редактору Вѣстника юго-западной и западной Россіи.

Уважая цѣль и характеръ вашего изданія, намъ не хотѣлось бы встрѣчать въ немъ и тѣхъ небольшихъ обмолвокъ, которыя не мирятся съ его достоинствомъ и открываютъ иногда критикѣ довольно законный поводъ къ заподозрѣнію самой истины. Мы разумѣемъ въ настоящемъ случаѣ примѣчаніе самаго почтеннаго редактора Вѣстника къ статьѣ г. Еремѣева „Замѣчанія по поводу" и проч. (6 я книж. Отд IV, стр. 210, 11, 12), слѣдующую за нею статейку г. И. К - го (стр. 226—231) и „Слово русскаго къ русскимъ" (стр. 262, 63, 64). Въ первомъ, по нашему мнѣнію, допущены излишнія для дѣла преувеличенія, вторая могла бы и неявляться на страницахъ Вѣстника, третье могло бы избавить русскихъ отъ нѣкоторыхъ совѣтовъ своихъ. Вотъ причины, почему мы такъ думаемъ:

1). Г. Редакторъ напрасно думаетъ, что въ 30 годахъ всѣ почти чиновническія мѣста въ Петербургѣ были въ рукахъ поляковъ и лицъ, учившихся въ духовныхъ заведеніяхъ. „Мы знаемъ, что этого *всѣ почти* нельзя доказать ни раціонально, ни статистически. Для бѣдныхъ и застѣнчивыхъ молодыхъ людей, безъ протекціи, связей, спеціальнаго юридическаго образованія, безъ издержекъ не рѣдко на вояжъ въ столицу и первоначальное въ ней обзаведеніе,—трудно было выдерживать соперничество съ людьми другаго званія, состоянія, развитія и положенія общественнаго. Могло быть такихъ людей въ столицѣ довольно, даже много, но сказать, *почти всѣ* едвали не будетъ—сказать слишкомъ много. Великое имя Сперанскаго, отъ частаго повторенія, можетъ опрофанироваться.

Ни сколько не унижая образованія духовнаго, раздѣляя даже то убѣжденіе г. Редактора Вѣстника, что ни въ одномъ учебномъ заведеніи не развиваютъ такъ мыслящей силы *человѣка*, какъ въ духовно учебныхъ (особенно высшихъ) заведеніяхъ и что изъ этихъ заведеній молодые люди выходятъ способными на все и даже весьма скоро усвояютъ любую

спеціальность, случайно встрѣтившуюся на колеѣ ихъ жизни,— мы все-таки находимъ, нѣсколько преувеличеннымъ то мнѣніе почтеннаго Редактора, что „всѣ почти лучшіе профессора разныхъ заведеній были и есть семинаристы, (конечно г. Редакторъ такъ ихъ называетъ по первоначальному образованію,) что рѣдкій изъ директоровъ гимназій не воспитывался въ семинаріи. И мы знаемъ, дѣйствительно многихъ и профессоровъ и директоровъ, получившихъ первоначальное образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и мы не прочь отъ того мнѣнія что славою своею и фундаментальностію развитія они, быть можетъ, обязаны этимъ заведеніямъ, но все-таки, скажемъ снова, что фраза г. Редактора Вѣстника слишкомъ обобщена. Въ этомъ можно убѣдиться изъ данныхъ, имѣющихся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Сознаемся, что мы ихъ не провѣрили (это трудъ слишкомъ громоздкой) и что наше сомнѣніе въ показаніи г. Редактора основано на личныхъ нашихъ наблюденіяхъ и свѣденіяхъ.

На счетъ объема и метода обученія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ мы тоже не вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе почтеннаго Редактора Вѣстника. Оставляемъ въ сторонѣ усиліе и преимущество пріемовъ къ развитію *головы* въ этихъ заведеніяхъ и утверждаемъ, что семинарское образованіе ни вѣтвистѣе, ни окончательнѣе гимназическаго. Правда, въ семинаріяхъ сообщается спеціальность по части Богословія (какъ и должно быть въ спеціально-теологическомъ заведеніи), которое проходится чуть не поверхностно въ гимназіяхъ, но за то въ послѣднихъ несравненно съ большею полнотою и оконченностію проходятся точныя науки и языкознаніе, чѣмъ въ первыхъ. Медицина и агрономія, (просмотрѣнныя и г. Редакторомъ) едвали не по имени только извѣстны въ семинаріяхъ, а изъ философіи въ семинарскомъ курсѣ остались только вспомогательныя науки ея—логика и психологія. Словесность русская не такъ преподается практически, какъ увѣряетъ г. Редакторъ; учебники, указанныя духовно-учебною администраціею, существуютъ для всѣхъ предметовъ. Касательно несостоятельности поголовнаго обвиненія современнаго духовенства въ неразвитости, мы вполнѣ согласны съ г. Редакторомъ и торжественно сознаемся, что мы не на сторонѣ обвиняющихъ.

2). О Герценѣ нужно было или говорить много, говорить дѣло, или ничего. Это такая личность, авторитетность которой не можетъ быть подорвана тѣми пріемами полемическими, которыми думалъ настращать Герцена г. И.—К—ій.

Ну, что для Герцена *анаѳема* церковная, эпитеты—*сатанинскій, богомерзкій, антихристъ?* Подобная полемика слишкомъ много даетъ пищи остроумію и кощунству атеиста, слишкомъ много предоставляетъ шансовъ для одержанія побѣды надъ г. К—имъ, сражающимся тѣмъ именно оружіемъ, которое менѣе всего можетъ *ранить* его противника.

3). Въ „Словѣ русскаго" можно было бы обойтись безъ приглашенія русскихъ къ „дѣлежу своихъ наблюденій и открытій съ властію". Ремесло доносчика,—ремесло не совсѣмъ честное. *У власти* есть свои средства къ производству наблюденій и открытій; частные лица могутъ впадать въ ошибки и своимъ вмѣшательствомъ въ это дѣло могутъ затруднять иногда и самую власть. *П—ъ.*

Эта замѣтка прислана въ редакцію Вѣстника при слѣдующемъ письмѣ: „Я удвою мое уваженіе къ Вѣстнику, если онъ отведетъ мѣсто на своихъ страницахъ этой замѣткѣ. Прибавлю, что высказанные въ ней резоны раздѣляютъ со мною многіе разумные читатели и почитатели Вѣстника, желающіе, чтобы въ этомъ прекрасномъ изданіи не было ничего, понижающаго его уровень". Другъ великой и святой идеи Вѣстника *П—ъ.*

Примѣчаніе Редактора: Благодаря г. П—а за его уваженіе къ Вѣстнику, за лестный о немъ отзывъ и ту довѣренность, которая заявлена въ письмѣ его и замѣткѣ, мы скажемъ въ свою очередь, безъ всякаго жеманства, что Вѣстникъ точно богатъ любовію къ пользамъ нашей народности и что добросовѣстно, безъ заднихъ мыслей, безъ желчи къ личностямъ, высказанное мнѣніе, хоть и противное убѣжденіямъ Вѣстника, всегда найдетъ радушный пріютъ на его страницахъ. Это и потому, что Вѣстникъ ратуетъ за истину, а истина не боится никакихъ противорѣчій. При всемъ, впрочемъ, благородствѣ тона и добросовѣстности намѣреній, которыя заявлены въ замѣткѣ г. П—а, мы не вездѣ и не вполнѣ съ нимъ согласны. Вотъ причины, которыя даютъ намъ право на это разномысліе.

1). Касательно фундаментальности образованія въ духовно учебныхъ заведеніяхъ, г. П—ъ вполнѣ согласенъ съ редакторомъ Вѣстника. Разногласіе у нихъ выходитъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, достовѣрность которыхъ главнымъ образомъ опирается на латинской сентенціи: *penes autorem fides.* Ни та ни другая сторона не закрѣпила своихъ положеній данными статистическими. То и другое мнѣніе главнымъ об-

разомъ опирается „на личныхъ наблюденіяхъ и свѣденіяхъ“ г. П—а съ одной и редактора Вѣстника съ другой стороны. Послѣдній, не имѣя права голословно отрицать убѣжденій перваго, проситъ у него на столько же съ своей стороны снисхожденія и къ своему убѣжденію, увѣряя г П—а, что это убѣжденіе заявлено, по совѣсти, согласно личнымъ наблюденіямъ и увѣренности редактора Вѣстника—и кромѣ того основано на организаціи бывшаго педагогическаго института. Поэтому, если бы Вѣстникъ и погрѣшилъ, при оцѣнкѣ *семинарскаго* (разумѣя, конечно, подъ именемъ его и академическое) образованія въ отношеніи къ *statu quo*, то онъ погрѣшилъ не умышленно и погрѣшилъ не много, въ отношеніи къ тому времени и мѣсту, въ которыхъ сложились его убѣжденія. Тѣмъ менѣе резонно можно уличить редактора въ намѣреніи обидѣть какое либо другое образованіе, при оцѣнкѣ духовнаго, по крайнему своему убѣжденію. Онъ имѣлъ въ виду одну только сторону медали, избѣгая на сколько то было возможно, разсмотрѣнія обратной ея половины.

2). Если смотрѣть на статейку г. И. К—го подъ угломъ зрѣнія г. П—а, то мнѣніе его объ этой статейкѣ будетъ вполнѣ основательно. Но въ томъ то и дѣло, что на нее можно и должно смотрѣть совсѣмъ иначе. а). Эта статейка не задавалась тенденціей—уничтожить Герцена; скромная ея задача былъ легкій очеркъ этой личности и бѣглый взглядъ на его ученіе и затѣи. Статейка отдѣльной силы, точно, имѣетъ немного. И редакція Вѣстника ни однимъ словомъ не намекнула на то, чтобы этотъ бѣглый очеркъ, рѣшающій вопросъ: „кто такой Герценъ“?, составлялъ произведеніе особой капитальности, мѣтившее на полное ниспровerженіе широкой теоріи и практики этого силача въ дѣлѣ отрицанія и разрушенія. Этотъ очеркъ явился въ Вѣстникѣ, какъ предисловіе къ статьѣ объ ученіи этаго авторитета, болѣе широкой и окончательной, какъ характеристика личности, проливающая нѣкоторый свѣтъ на истолкованіе того психическаго явленія, которое поражаетъ вниманіе друзей человѣчества всякій разъ, какъ только оно устремляется на безпримѣрную испорченность ума и сердца чудовища, болѣе извѣстнаго подъ именемъ, пріобрѣвшимъ славу Герострата,—Искандера ([1]). b). Религіозный взглядъ г. И. К—го на личность, слово и дѣло Герцена мо-

([1]) Статья эта помѣщена въ настоящей книжкѣ, отд. IV. подъ заглавіемъ: „Ворона въ соколиныхъ перьяхъ“.

жетъ быть объясненъ или личнымъ настроеніемъ духа автора статейки, или тѣмъ, что Герценъ стоитъ въ болѣе враждебномъ отношеніи къ нашей вѣрѣ, чѣмъ народности, менѣе маскируетъ свое ожесточеніе противъ первой (какъ физически беззащитной), нежели послѣдней,—или потому, наконецъ, что въ западномъ краѣ Россіи польскіе пропагандисты распространяютъ вокругъ себя—и словомъ и дѣломъ—разную искандеровщину и могутъ увлекать иногда въ сѣти погибели тѣхъ людей, для которыхъ религіозное начало составляетъ (какъ и должно быть) авторитетъ непререкаемый, а судъ церкви—приговоръ окончательный, ужасный. с). Редакція Вѣстника, сдѣлавшая своею задачею дѣла религіи—на столько же, какъ и народности, и потому, въ числѣ своихъ читателей и протекторовъ, имѣющая много лицъ духовнаго сословія, не имѣла особыхъ причинъ устранять религіозный взглядъ статейки на дѣло Герцена и браковать тѣ эпитеты, которые напрасно не понравились г. П—у. Герценъ можетъ, пожалуй, глумиться надъ этими эпитетами, но надъ чѣмъ же онъ не глумится? Г. И. К—ій, при составленіи очерка Герцена рѣшительно не имѣлъ въ виду личнаго его мнѣнія объ этомъ очеркѣ, не для него начертаномъ, а разсчитывалъ на отвращеніе къ нему русскихъ православныхъ, и потому клеймилъ его тѣми метками, которыя всего сильнѣе могутъ возбудить въ этихъ людяхъ презрѣніе и негодованіе къ заклейменному. Мы даже позволяемъ себѣ думать, что и г. П—ъ, болѣе по привычкѣ, нежели по убѣжданію, смотритъ слишкомъ легко на *отсѣченіе* гнилаго члена отъ здороваго тѣла Христова, извѣстное подъ именемъ *анаѳемы*. Мы даже увѣрены, что и самъ Герценъ не могъ достигнуть такой степени бездушія, чтобы не ощущать боли, при этой грозной, торжественной, соборной, моральной казьни. Пусть себѣ на всю Европу хохочетъ онъ надъ слабостію, отсталостью и проч. этой кары; искренности его хохота мы не повѣримъ; мы будемъ слышать въ немъ тотъ адскій хохотъ, который исторгаетъ изъ груди нѣкоторыхъ несчастныхъ не радость, а невыносимую боль физическую или моральную, и которымъ они хотятъ заглушить или облегчить свои ужасныя страданія.

3). На счетъ открытія *власти* замѣченыхъ патріотомъ (кто бы онъ ни былъ) покушеній на спокойствіе и цѣлость нашего отечества, мы стоимъ съ г. П—мъ на точкахъ зрѣнія радикально другъ другу противоположныхъ. Мы,

признаемся, не сознаемъ даже ясно, что хочетъ сказать г. П—ъ и чѣмъ можетъ быть объяснено его заблужденіе. Если законъ трактуетъ, наравнѣ съ преступникомъ, человѣка, знавшаго о преднамѣренномъ умыслѣ (хотя бы воровствѣ, не говоримъ убійствѣ) противъ какого нибудь частнаго лица и непринявшаго зависящихъ отъ него мѣръ къ предотвращенію преступленія; то что сказать о преступности, о виновности предъ закономъ и обществомъ того человѣка, который, будто на зло своей націи, бережетъ про себя тайну открытаго имъ какаго нибудь замысла демагоговъ, не далекаго отъ своего проявленія—въ аттрибутахъ всякой смуты—огнѣ, крови, разрушеніи? Не преступнѣе ли онъ, смотрѣвшій на приближеніе общественнаго злосчестія съ самообладаніемъ сторонняго, хладнокровнаго наблюдателя,—не преступнѣй ли, говоримъ, онъ самаго злоумышленнаго, дѣйствующаго, обыкновенно, подъ увлеченіемъ сильной страсти, нерѣдко туманящей самый свѣтлый умъ, искажающей и насилующей добрыя стремленія самой сильной воли? Если всѣ мы, присягая на вѣрность Государю, или точнѣе-отечеству, клялись Богомъ—всемогущимъ доносить кому слѣдуетъ объ открытыхъ нами тайныхъ обществахъ, о подмѣченныхъ вблизи себя злоумышленіяхъ, направленныхъ къ ниспроверженію законнаго порядка вещей; то что сказать о *гражданинѣ*, который ставитъ свое жалкое предубѣжденіе выше самаго законнаго, серьознаго и святаго обязательства,—то что сказать о христіанинѣ, который готовъ поглумиться надъ правдою всемогущаго *Бога*, лишь бы заявить свою подражательность мнѣніямъ слабоумныхъ и развращенныхъ *людей*, имѣющихъ своеобразныя воззрѣнія на религію и разныя отношенія и обязательства? Мы вполнѣ увѣрены, что г. П—ъ не прослѣдилъ настоящаго вопроса своимъ умомъ, а подхватилъ на счетъ его бродячую сентенцію, не взвѣсивъ ея ародоксальности и злонамѣренности. Теперь наплодилось много людей, которые находятъ для себя удобнымъ строгое инкогнито на счетъ ихъ дѣйствій и замысловъ, и которые распространяютъ свое адское ученіе—невмѣшательства частныхъ лицъ въ ихъ затѣи. Составивъ какое-то уродливое понятіе о чести (другихъ, а не своей) они говорятъ: „какое вамъ дѣло шпіонничать за нами? Это будетъ несообразно съ вашимъ достоинствомъ и званіемъ. Пусть полиція заботится объ открытіи разныхъ злоумышленниковъ“. Если эту теорію поставить яснѣе, она явится въ такомъ видѣ: „Какое вамъ дѣло смотрѣть, какъ мы точимъ мечь противъ

Россія? Это дѣло васъ не касается. Отъ полиціи-то мы съумѣемъ спрятаться, а вы должны безмолвно ожидать созрѣнія нашихъ плановъ и любоваться тѣми ужасами, которые послѣдуютъ за развитіемъ нашей теоріи. Когда мы готовимся къ сѣянію смутъ, къ рѣзнѣ, сепараціямъ, вы трактуйте Россію, какъ идею, какъ понятіе отвлеченное. Это пустяки, что, въ примѣненіи мысли къ дѣлу, будутъ послѣ страдать тѣ недѣлимыя, изъ которыхъ слагается цѣлость Россіи, будутъ страдать живые люди, въ томъ числѣ и вы, тупо и безучастно относившіеся къ затѣямъ въ то время, когда однимъ движеніемъ пальца и языка можно было остановить ихъ ростъ и осуществленіе. Вы вѣдь люди частные, сторонніе: какое-жъ вамъ дѣло мѣшаться въ затѣи злоумышленниковъ. Иное дѣло наше! Мы хоть тоже люди частные, никѣмъ и ничѣмъ неуполномоченные на нарушеніе цѣлости и спокойствія Россіи, но на насъ никто не смѣетъ обращать вниманія, пока мы не сдѣлаемъ того, что намъ нужно. Пусть только ни одинъ членъ 65-мильонной семьи не перечитъ развитію нашихъ замысловъ, не смѣетъ доносить на насъ своему правительству, и мы поведемъ все это стадо туда, куда намъ угодно и куда оно пойдетъ на погибель самому себѣ,—мы перерѣжимъ въ одиночку всѣхъ недовольныхъ нашими утопіями и демагогіей. Вы слѣдовательно должны держаться глупѣйшаго понятія о чести, вамъ нами внушеннаго и обезпечивающаго нашу безопасность. Шпіонничать, ковать на васъ цѣпи, собирать шайку почислительнѣе, поразнузданнѣе-дѣло наше, а ваша глупая честь должна сторониться отъ нашего безчестія по дальше, должна уважать наши тайны и не смѣть никому и пикнуть о томъ, что мы затѣваемъ пожары, усобицы, варѳоломѣевскія ночи, собираемся перерѣзать вашей чести горло. Если бы даже кто либо изъ раскаявшихся злоумышленниковъ явился къ вашей чести и хотѣлъ открыть и предотвратить названные недавно мелочи, толкайте его прочь, съ достойнымъ вашей чести негодованіемъ, чтобы не имѣть дѣла со шпіономъ, измѣнникомъ; пусть варѳоломеевскія ночи совершаются безъ помѣхи. Иначе воспроизведете вы древнее *„слово и дѣло“*, иначе вы станете на одну доску съ фискаломъ по службѣ, сплетникомъ по призванію, съ доносчикомъ на взятку секретаря, на волокитство судебнаго слѣдователя за женой вашего противника, на прижимки квартальнаго, продѣлки станового и проч. и проч.“

Какова, г. П—ъ, теорія, въ которой Мирославскіе со-

поставлены съ квартальными? А между тѣмъ она очерчена здѣсь слишкомъ блѣдно, развита лишь на половину (¹).

Редакторъ Говорскій.

(¹) „Слово русскаго къ русскимъ“ и проч. названо изъ разныхъ мѣстъ Россіи пророческимъ. Мы далеки отъ дерзости примѣнять его къ себѣ въ буквальномъ его значеніи, а все-таки смѣемъ сказать, что, вслѣдствіе постояннаго напряженнаго вниманія, устремляемаго на нашихъ враговъ, мы получили способность видѣть во мракѣ и довольно безошибочно гадать о будущемъ въ сферѣ задачи нашего изданія.

ДУМА

русскаго, при взглядѣ на послѣднія событія въ Царствѣ Польскомъ.

Въ одномъ отрывкѣ, вызванномъ рядомъ польскихъ покушеній, затѣй и злодѣйствъ, очерченныхъ въ VI книжкѣ Вѣстника, мы выразились, между прочимъ, такъ: „кто укажетъ черту, гдѣ остановится польское буйство и притязаіе“. (¹) Мы не назовемъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми почитателями Вѣстника словъ этихъ пророческими,—онѣ только результатъ вѣрнаго пониманія тактики и психической патологіи польскихъ революціонеровъ, онѣ только слѣдствіе продолжительнаго и серьезнаго изученія характера лицъ и событій, возвысившаго насъ до предчувствія тѣхъ явленій, которыя для равнодушнаго наблюденія казались несбыточными, тѣхъ опасеній, которыя казались для нѣкоторыхъ порожденіемъ пугливой фантазіи и располагали ихъ къ саркастической улыбкѣ и усвоенію намъ названія мечтателей. Мы видѣли, что нашимъ врагомъ израсходованы уже всѣ средства къ моральной съ нами битвѣ, безъ замѣтной пользы для польскаго дѣла; мы видѣли, что у нихъ уже не осталось ничего тайнаго для насъ, мы поняли значеніе тѣхъ передовыхъ выстрѣловъ, которые экзальтиро-

(¹) „Слово русскаго къ русскимъ“ и проч. Вѣст. кн. VI, стран. 263.

вали толпу; мы были увѣрены, что моментъ перенесенія битвы изъ міра идей и тенденцій въ міръ явленій—приближался, что всѣ мы стали ближе къ всеобщей вспышкѣ умоизступленныхъ демагоговъ. И вотъ наше предчувствіе воплотилось въ мірѣ чувствъ, предположеніе обратилось въ фактъ совершившійся.

Мы находимъ теперь излишнимъ и запоздалымъ пускаться въ повтореніе газетныхъ извѣстій о послѣднихъ событіяхъ въ Царствѣ Польскомъ; онѣ не наше дѣло, да мы предполагаемъ ихъ извѣстными нашимъ читателямъ, цѣль настоящей думы совсѣмъ иная.

1). Всякому изъ насъ извѣстны тѣ громкія названія, тѣ напыщенныя фразы, которыми польскіе революціонеры драпируютъ уродливость своихъ идей, тенденцій и злодѣйствъ; многимъ знакомы тѣ софизмы, экзальтаціи, тѣ богохульныя сближенія, которыми злодѣи хотятъ заглушить вопли не совсѣмъ уснувшей совѣсти—своей и другихъ. Ни miłość ojczyzny, ни równość i niepodległość, ни воображаемое угнетеніе, ни возстановленіе Польши, ни изувѣрское ученіе о законности убійства [1] русскихъ, — ничто , ничто, никакая натуга мысли и воображенія, никакое историческое сопоставленіе не сдѣлаютъ современнаго остервенѣнія польскихъ мятежниковъ ни менѣе безчестнымъ, ни менѣе беззаконнымъ,—это остервенѣніе на вѣки пребудетъ образчикомъ буйства противъ самой законной и гуманной власти,—глумленія надъ правами божескими и человѣческими, подражанія дикимъ взрывамъ средневѣковаго изувѣрства,—убійствамъ, извѣстнымъ теперь даже у дикарей только по преданію,—характеръ его, говоримъ во всеуслышаніе Европы,—злодѣйство, самое гнусное злодѣйство.

Мы хотѣли отвратить наши взоры отъ тѣхъ ужасовъ, которыми преисполнена катастрофа злодѣяній, душегубствъ, осквернившихъ недавно польскую землю и воздухъ, запятнавшихъ человѣчество, заявившихъ звѣрскій протестъ противъ европейской цивилизаціи, поглумившихся надъ началами и разума и христіанства; но эти ужасы, какъ голова медузы, невольно приковываютъ къ себѣ наше вниманіе, пугаютъ воображеніе, исторгаютъ изъ очей слезы, изъ груди проклятіе. Мы ищемъ

(1) Смотр. Вѣстн., книжка 5, Отд. IV, стран. 131, 132 съ примѣчаніемъ. Въ этомъ примѣчаніи сказано между прочимъ, что въ одной Варшавѣ издается 3 подземныхъ газеты, возбуждающихъ патріотовъ къ вооруженному возстанію; теперь въ Варшавѣ, за исключеніемъ захваченной газеты Ruch, издается еще 5.

въ исторіи страницъ, болѣе кровавыхъ, болѣе безобразныхъ, и не находимъ. Намъ хотѣлось бы, чтобы изувѣрство польскихъ демагоговъ было не безпримѣрно, помирило насъ съ настоящимъ, хоть опытами прошедшаго, не ужасало насъ исключительностію злодѣянія, — и желаніе наше напрасно. Нероны и Діоклитіаны были друзья человѣчества, въ сравненіи съ изувѣрами польскими. Тѣ, по крайней мѣрѣ придавали своимъ поступкамъ нѣкоторый видъ законности, поставляли осуждаемыхъ, какъ государственныхъ преступниковъ, предъ лицемъ суда, оставляли время для христіанскаго приготовленія къ переходу въ жизнь загробную, боролись съ христіанствомъ, какъ началомъ, осуждавшимъ на смерть всѣ элементы языческаго міра; а польскіе христіане, словно одержимые водобоязнію, ринулись на терзаніе неповинныхъ христіанъ, и своимъ звѣрствомъ превзошли не только всѣхъ дикарей и язычниковъ, но даже всѣхъ животныхъ. Въ генварскихъ ужасахъ польской трагедіи воспроизведены всѣ отвратительныя явленія изъ жизни прошедшаго: въ нихъ вы найдете и образчики авто-да-фе и пытокъ инквизиціи, и вареоломеевской ночи, и чудовищнаго вѣшанья человѣка на его собственныхъ кишкахъ, и глумленія надъ мертвымъ тѣломъ русскаго героя (¹) и всевозможныхъ самыхъ гнусныхъ, самыхъ изувѣрскихъ убійствъ, отъ которыхъ не удержали руки убійцъ ни короткое знакомство, ни дружба, ни полъ, ни возрастъ, ни беззащитное положеніе, ни даже единство вѣры и національности. Да обрушится и месть людей и гнѣвъ Бога правосуднаго на головы злодѣевъ.

И кто же стоялъ въ главѣ изувѣровъ Царства Польскаго? Тотъ кто былъ виновникомъ едвали не всѣхъ изувѣрствъ, записанныхъ въ исторіи Европы, — католическій (польскій) ксендзъ! Онъ и экзальтировалъ польскихъ недорослей и женщинъ разными возмутительными гимнами, процессіями, жалобными службами, символическими предметами, онъ и догматизировалъ (говорятъ za błogosłowieństwem świętego ojca) ученіе о всевозможномъ истребленіи русскихъ и всѣхъ тѣхъ, которые не сочувствуютъ варварскимъ тенденціямъ—революціонныхъ—демагоговъ (²), онъ успокоивалъ совѣсть убійцъ,

---

(¹) Генерала Черкасова, кишки котораго были отосланы въ Варшаву, а трупъ представленъ начальству революціоннаго комитета, въ доказательство точности исполненія его приговоровъ.

(²) Смотр. Вѣстникъ, книж. 5. Отд. IV, стран. 131, 132, съ примѣчаніемъ.

уполномочивалъ ихъ именемъ какой-то религіи на спокойное исполненіе кровавыхъ приговоровъ революціоннаго комитета надъ своими сосѣдями, друзьями и единовѣрцами, онъ возбуждалъ своихъ прихожанъ къ возстанію противъ власти и Россіи, къ ночному убійству военныхъ русскихъ воиновъ, онъ обращалъ храмъ Божій въ ружейный заводъ, въ сборище демагоговъ, электризовалъ ихъ изувѣрскими проповѣдями о ядѣ, мечѣ, огнѣ, и съ каѳедры стрѣлялъ изъ револьвера въ тѣхъ, которые не могли скрыть своего ужаса и негодованія, внимая этой чудовищной проповѣди въ храмѣ христіанскомъ, собственною рукою рѣзалъ невинную женщину—католичку, коротко знакомаго русскаго офицера, оставлялъ свою паству, чтобы словомъ и дѣломъ поддерживать звѣрскій фанатизмъ и кровожадность мятежническихъ шаекъ, онъ, онъ ....., но кто исчислитъ всѣ герестратовскіе подвиги, по части истребленія изувѣровъ, извѣстныхъ подъ именемъ ксендзовъ! Это ли представители христіанства, это ли жрецы безкровной жертвы, это ли служители Христа, молившагося на крестѣ за своихъ распинателей, это ли христіане! Закроемъ глаза наши, чтобы невидѣть этихъ чудовищъ. Ихъ мѣсто предъ требищемъ Молоха, а не предъ престоломъ незлобиваго Іисуса. Но и самъ Молохъ отвратился бы отъ нихъ съ омерзѣніемъ, еслибъ имѣлъ сознаніе.

Чтожъ это значитъ? Какъ и чѣмъ объяснить такое звѣрство священниковъ Христовыхъ? Ужели католичество освящаетъ и узаконяетъ все то, что составляетъ исключеніе изъ наблюденій о кровожадности лютыхъ звѣрей, (1) что называется злодѣйствомъ даже у язычниковъ! Не скорѣе ли нужно допустить ту мысль, что польскій ксендзъ поглумился надъ католичествомъ, привнесъ грязь и смрадъ своихъ страстей во святое и умиротворяющее ученіе кроткаго Іисуса? Намъ бы отъ всей полноты души хотѣлось успокоиться на этой послѣдней мысли, намъ бы хотѣлось обвинить людей, а не принципъ; мы даже знаемъ, что въ существѣ этаго принципа нѣтъ ничего грѣшнаго, разрушительнаго, что въ немъ только миръ, истина и жизнь. Но чтожъ это значитъ, что нѣтъ въ исторіи христіанскихъ народовъ ни одной кровавой страницы, ни одной революціи, содержаніе которой не было бы продиктовано представителями католичества, нѣтъ ужаса, въ главѣ котораго не стоялъ бы съ крестомъ въ одной и съ орудіемъ пытки или

---

(1) По замѣчанію охотниковъ самое свирѣпое, самое голодное животное, не всегда бросается на соннаго человѣка.

казьни въ другой рукѣ патеръ, ксендзъ, какъ гдѣ его называютъ? Что это значитъ, что католичество никогда не довольствовалось мирнымъ путемъ убѣжденія, кроткимъ снисхожденіемъ къ разновѣрію сосѣда, а всегда навязывало себя всѣмъ съ судорожными натугами, животнымъ насиліемъ, кровавою расправою, при малѣйшемъ знакѣ разномыслія? Не значитъ ли это того, что съ безгрѣшнымъ ученіемъ Христовымъ творцы католичества хотѣли помирить свой грѣхъ и страсть, идолослуженіе своему *я?* Не значитъ ли это того, что къ ученію небесному они привнесли земляныя цѣли, и потому должны преслѣдовать ихъ съ усиліями плоти и крови? Не значитъ ли это того, что католическое духовенство—прежде всего дипломаты, политики, а уже послѣ всего, pro forma, священники Христовы, или точнѣе—*лицедѣи* церковныхъ обрядностей; что преобладаніе внѣшнее, *власть отъ міра сего*, радикально противоположная ученію Кроткаго о смиреніи, должна была повести къ антихристіанскимъ средствамъ, должна была сочинить отвратительное правило: *цѣль оправдываетъ средства?* Чуть ли не такъ! Нужно только замѣтить здѣсь мимоходомъ то, что у представителей католичества и цѣль бываетъ часто грѣховна и средства преступны.

Мы не говоримъ, чтобъ инниціатива злодѣйствъ польской революціи, заставившихъ содрогнуться отъ ужаса всѣхъ друзей человѣчества, принадлежала исключительно ксендзу: люди стоящія въ главѣ настоящаго революціоннаго движенія не имѣютъ никакихъ религіозныхъ убѣжденій, кромѣ отрицательныхъ,—ксендзъ, говоримъ, не всегда и не вездѣ являлся главой возстанія; но та доля участія, та роль, которая заказана ему въ послѣдней драмѣ, выполнена имъ съ такимъ изувѣрствомъ, такою натуральностію бѣшеннаго тигра, которыя превзошли ожиданія самыхъ свирѣпыхъ демагоговъ, и которыя, должно быть, вызвали единодушныя рукоплесканія всего ада. Народъ польскій насколько могъ противился и насиліямъ и обольщеніямъ пана и изувѣрскимъ внушеніямъ и подстреканіямъ ксендза. Едвали можно указать и одинъ образчикъ обдуманнаго, холоднаго убійства, запятнавшаго неповинною кровію руки польскаго простолюдина. Въ немъ еще не изсякла кровь славянина, не уснула совѣсть христіанская, онъ еще не забылъ, что русскіе—его братья по крови христіане, что русское правительство ничего не оказало ему, кромѣ благодѣяній. Буржуазія вообразила себя панами и, преслѣдуя миражи, указанные ей ксендзомъ и паномъ, увлекались подсказаннымъ ей негодованіемъ и патріотизмомъ, по случаю

рекрутскаго набора, безъ мысли рынулась въ слѣдъ ихъ на стезю кровавыхъ событій. Даже весьма значительная часть благонамѣренныхъ и благоразумныхъ дворянъ эмигрировала отъ своихъ же собратій, или пріютилась подъ защитой твердынь Варшавы.

И когда же разразились кровавыя событія въ Царствѣ польскомъ! Именно тогда, когда ихъ меньше всего нужно было ожидать; когда русское правительство терялось въ изобрѣтеніи средствъ къ поднятію благополучія Польши, когда она стала на пути гуманныхъ реформъ и административныхъ, и судебныхъ, и этнографическихъ, и сословныхъ, когда она была на одинъ только шагъ отъ полнаго счастія, отъ самой разумной автономіи. А сколько было преподано напрасно заядлой и неразумной Польшѣ первоначальныхъ уроковъ вразумленія и снисхожденія, сколько было заявлено богоизбраннымъ Королемъ польскимъ и человѣколюбивымъ Его Братомъ опытовъ великодушія и забвенія прошедшаго! Сколько было прощено или почти не наказано мятежныхъ и безпокойныхъ головъ, которыя въ другой націи познакомились бы съ картечью или гильотиной! Тогда какъ въ сборѣ крамольниковъ были десятки тысячь, только 5 человѣкъ погибло отъ неизбѣжныхъ въ тѣснотѣ столкновеній съ безоружными возстановителями порядка и общественнаго спокойствія. И фанатизмъ изувѣровъ причислилъ ихъ къ лику мучениковъ! Какъ же теперь назвать тѣхъ, которые были задушены сонные, сожжены живыми, повѣшены на собственныхъ кишкахъ, которыхъ терзали живыми и глумились надъ мертвыми? Предъ этими мучениками погибшіе въ варшавскомъ столкновеніи не болѣе, какъ уличные крамольники, весьма естественно подвергшіеся той участи, которой они сами искали. Еслибъ они были даже казнены, ихъ смерть была бы нормальною карою преступниковъ.

2). Когда Апостолъ Петръ отсѣкъ мечемъ ухо архіерейскому Малху, незлобивый Спаситель міра сказалъ ему: *возврати мечь твой въ его мѣсто*, и прибавилъ: *ибо всѣ взявшіе мечь мечемъ погибнуть* (Мѳ. XXVI, 51, 52). Апостолъ Петръ могъ увлечься, но не могъ не исполнить воли Господа. Пользуясь этимъ мѣстомъ божественнаго Писанія, мы не думали укорять гордящихся преемственнымъ наслѣдіемъ власти и званія Первоверховнаго за то, что изъ высокихъ добродѣтелей Петра, его наслѣдники воспользовались едвали не однимъ его поступкомъ съ Малхомъ, что изъ богатаго наслѣдія Петрова имъ едвали не достался одинъ его мечь,—мы обра-

тили вниманіе на это обстоятельство въ жизни апостола Петра потому, что оно вѣрно характеризуетъ послѣднія событія въ странѣ убійствъ и противленій. Въ словахъ Іисуса Христа, укротившихъ ревность не по разуму одного изъ учениковъ Его, случайная заповѣдь соединилась съ пророчествомъ или лучше истолкованіемъ нормальнаго исхода явленія,—основанною на опытѣ и законѣ возмездія оцѣнкою поступка Петрова и естественныхъ его послѣдствій. Что сказалъ Спаситель Петру, то относится и ко всѣмъ христіанамъ—не по одному имени: и къ настоящимъ врагамъ нашимъ Онъ вопіетъ: возвратите мечи свои въ ихъ мѣсто! Но враги наши враги Христа не наслѣдовали послушанія Петрова,—они глумятся надъ Его волею; умножаются, обагряются новою кровію неповинныхъ христіанъ (не Малховъ, не забудьте!..), и надъ ними конечно, исполнится пророчество Христово,—рано ли поздо ли, взявшіе мечь, мечемъ погибнутъ,—погибнутъ, какъ сами вызвавшіе мечь на свои головы, погибнутъ даже не вопреки мысли незлобиваго, небеснаго Учителя и погибель ихъ не будетъ со стороны нашей ни жестокостью, ни нечестіемъ, а нормальнымъ слѣдствіемъ самозащищенія и возмездія.

Но единовременнаго обузданія буйства и варварствъ, запятнавшихъ въ послѣднее время землю польскую, слишкомъ мало для того, чтобы положить на будущее время конецъ смутамъ и кровопролитіямъ. Опытъ доказалъ, что ни системою суровости и возмездія, ни мѣрами гуманности и великодушія нельзя образумить польскихъ патріотовъ, нельзя сдѣлать ихъ ни миролюбнѣе, ни благодарнѣе, ни разумнѣе, ни послушнѣе. Кромѣ безчисленныхъ конфедерацій, усмиренныхъ въ концѣ прошлаго столѣтія русскими войсками, въ теченіи 70 лѣтъ поляки 3 раза подымали оружіе противъ русскихъ, три раза бились въ рядахъ непріятелей Россіи, произвели 3 варѳоломеевскихъ ночи, совершили безчисленное множество частныхъ варварскихъ убійствъ, мѣстныхъ смутъ, происковъ и нестроеній. И чѣмъ больше благодѣтельствовала Россія Польшѣ, чѣмъ гуманнѣе, прогресивнѣй и христіаннѣе относилось къ ней русское протекторство, тѣмъ менѣе она была благодарною, менѣе способна была цѣнить великодушіе людей, никѣмъ и ничѣмъ къ ней не обязанныхъ, кромѣ любви христіанской, тѣмъ наглѣе становились ея притязанія, коварнѣе, буйнѣй и заядлѣй отношенія къ своей благодѣтельницѣ. 31-й 61—63 годы наглядно доказали, что ни благость Александра I, ни гуманность Александра II не сдѣлали поляковъ ни разумнѣе, ни дружелюбнѣе, что по мѣрѣ умноженія къ нимъ люб-

ви и незлобія со стороны Россіи они увеличивали свою злобу къ ней и безпричинное ожесточеніе, что только мѣры Николая I могли бы удерживать на нѣкоторое время буйство польской шляхты въ предѣлахъ порядка и спокойствія края. Но такъ какъ мѣры сжимательныя—мѣры не раціональныя, такъ какъ закладывать отверстіе волкана, значитъ только увеличивать разрушительную силу горячихъ веществъ, пожирающихъ внутренность сопки, отсрочить зло только на время, сдѣлать гибельнѣе и обильнѣе выбухновеніе лавы; такъ какъ мѣры сжимательныя возбуждаютъ напряженность отношеній, ведущихъ только къ ожесточенію и скрытію зла во внутрь съ одной, и къ судорожнымъ натугамъ и поминутнымъ опасеніямъ — съ другой стороны, то во имя непобѣдимой послѣдовательности, закрѣпленной длиннымъ рядомъ фактовъ весьма яснаго характера, нужно положить однажды навсегда конецъ выбухновенію волкановъ на русскую почву изъ сопки, извѣстной подъ именемъ Царства Польскаго.

Нельзя ли достигнуть этой цѣли, даровавъ Польшѣ самобытное существованіе? Нужно быть такими мечтателями, какъ творцы мятежей польскихъ, нужно быть увлеченнымъ страстью до умопомраченія, чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ положительно. У Польши нѣтъ *ровно никакихъ* элементовъ для жизни самобытной, тогда какъ ихъ болѣе чѣмъ нужно и для саморазрушенія и для произведенія смутъ въ окраинахъ. И въ какихъ границахъ вы возстановите ее? 1815 года? Но это будетъ цѣлое безъ частей, государство безъ границъ, безъ матеріальныхъ средствъ къ существованію, общество безъ народа и гарантіи своего спокойствія, единодушія и счастія, территорія безсвязно торчащая, словно лягушка въ скалѣ, между тремя великими державами. Не возстановить ли Польшу въ границахъ 1772 года? Для кого—не лучше ли? Для Польши? *Можетъ быть* для нея это былобъ и лучше, да надолго ли, да не будетъ ли это — сдѣлать слишкомъ много чести для Польши? Стоитъ ли она уступки со стороны Россіи любезной сосѣдки современныхъ введенію въ ней христіанства областей русскихъ, временно подпавшихъ было подъ иго польское? Не поведетъ ли это къ такимъ ломкамъ, отъ которыхъ затрещитъ Европа, прольются рѣки крови, въ которыхъ легче всего могутъ утонуть сильнѣйшіе? И изъ-за чего всѣ эти ужасы? Чтобы возстановить гнѣздо революцій, шляхетское самоволіе, изувѣрство фанатиковъ, прессировку холопа, чтобы воздвигнуть съ полсотни крѣпостей по окраинамъ безпокойной сосѣдки и обуздывать

ея задоръ и наѣзды 300,000 арміи? Безъ боя, безъ утраты честнаго имени Россія не можетъ, вѣдь, уступить Польшѣ своихъ родныхъ, отъ временъ до-историческихъ, областей; безъ мильонной арміи и Польша не можетъ удержать въ своей зависимости этихъ областей и не допустить хозяина къ отобранію своей собственности. А Польшѣ ли тягаться съ Россіею въ какихъ бы мечтательныхъ границахъ не улеглась первая? Есть еще возможныя для Польши границы,—это границы 1795 года. Но исторія доказала, что и онѣ для нея неудобны. Хоть эти границы и уже предыдущихъ, но затрудненія Польши, при возстановленіи ихъ, усложняются. Если онѣ будутъ возстановлены вооруженною рукою, то крошечная Польша объявитъ вѣчную войну—ни больше—ни меньше—какъ тремъ великанамъ—сосѣдкамъ. Въ этихъ границахъ она могла просуществовать только 20 лѣтъ, а при настоящихъ своихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, при разладѣ мирной цивилизаціи Европы съ дѣйствіями—очертя голову—Польши, она не просуществуетъ въ нихъ беззаботно и одного года. Вообще—какія бы границы ни установились для самобытія Польши, онѣ будутъ слишкомъ *прошедши*, слишкомъ *подвижны*, *незаконны*, *опасны*, *воображаемы*. Вотъ, въ какихъ отношеніяхъ всегда находится мечта къ действительности!

За тѣмъ въ силу тойже послѣдовательности, закрѣпленной ясными фактами, остается одно средство къ погашенію вѣчныхъ смутъ, разгорающихся въ Польшѣ и разливающихся во внѣ ея,—это средство то самое, которое, по великодушію Умиротворителя Европы въ началѣ настоящаго вѣка, опоздало цѣлымъ полвѣкомъ, то самое, которое предложено было Благословенному въ 1815 году Европой, но отъ котораго онъ отказался, со сродною ему благостію и не памятозлобіемъ,—это праведная казнь предводителей возмущенія, изгнаніе изъ Европы шляхты, взятой съ оружіемъ въ рукахъ, конфискація имѣній всѣхъ политическихъ преступниковъ и затѣмъ—созваніе конгресса въ Петербургѣ изъ представителей 5 великихъ державъ и уничтоженіе на картѣ Европы словъ: *Царство Польское*, безъ которыхъ никто ничего не пріобрѣтетъ, ничего непотеряетъ, особенно народъ польскій и благонамѣренное дворянство Польши. Другаго средства для упроченія международнаго спокойствія, для наказанія варваровъ, поправшихъ недавно все святое и законное,—нѣтъ, Еслибъ у польскихъ демагоговъ былъ одинъ только мѣсяцъ жизни—январь 1863 го-

да, и тогда эта мѣра была бы справедливою и благоразумною, но отнюдь не жестокою.

3). Россія увѣрена, что взглядъ Европы на дѣло польское не долженъ расходиться съ ея взглядомъ. Европа должна видѣть въ немъ проявленіе самаго варварскаго буйства демагогіи, вопіющаго о самыхъ рѣшительныхъ и окончательныхъ мѣрахъ обузданія и вразумленія. Она должна видѣть не возстаніе польское противъ власти законной, а выраженіе протеста революціоннаго начала противъ statu quo всей Европы, объявленіе демагогіей войны противъ всего законнаго, святаго, спокойнаго, разумнаго, борьбу разнузданности съ порядкомъ, сильныхъ страстей съ разумомъ. Относиться Европѣ къ подобному явленію равнодушно значитъ слишкомъ мало дорожить своимъ благосостояніемъ, слишкомъ легко цѣнить международныя права и отношенія, слишкомъ рисковую затѣять игру для человѣчества. На территоріи польской могутъ сгруппироваться всѣ, кому терять нечего, всѣ искатели приключеній, всѣ продажныя руки и души, враги нормальнаго строя европейскихъ обществъ, всѣ любители атрибутовъ разрушенія, и, если ихъ истребительной силѣ всѣ друзья мира и человѣчества не противоставятъ силы обуздывающей, умиротворяющей, созидающей, кто знаетъ, какъ далеко, какъ широко, можетъ шагнуть буйство демагогіи! На дѣло Россіи съ Польшею Европа должна смотрѣть, не какъ на дѣло чужое, а какъ на свое собственное дѣло. Нѣтъ факта въ исторіи, который доказалъ бы, что человѣкъ, отуманенный сильною страстію можетъ остановиться на полдорогѣ и сказать: довольно! Страсть только можетъ кричать впередъ, впередъ, пока не достигнетъ своего самоистребленія, можетъ только катиться быстро на крутой покатости пока не рухнетъ въ бездну. Ужели Европа и доселѣ не убѣдилась въ той истинѣ, что Россія не подала Польшѣ никакого повода къ ожесточенію, что всѣ плаксивыя жалобы предъ Европой послѣдней на первую были не болѣе выполненія сценической роли, что въ заявленіи фактовъ, которыми она хотѣла обвинить Россію въ жестокости—или звонкія и пустыя фразы, общія мѣста, или ложь и клевета, отъ перваго слова до послѣдняго, что всѣ придирки и притязанія Польши къ Россіи лишены всякаго основанія, стоятъ внѣ всякаго права и даже условій здраваго смысла и что и конецъ, послѣднія событія въ Царствѣ Польскомъ такого свойства, что нужно не имѣть ни ума, ни сердца, нужно не имѣть никакихъ правъ на человѣческое достоинство тому, кто не отвернется съ негодованіемъ отъ

польскихъ изувѣровъ, внесшихъ въ страницы европейской исторіи 60 годовъ XIX столѣтія такія явленія, которыя были бы варварскими и въ XV, и на островѣ Таити, на берегахъ Ореноко.

Мы даже не думаемъ, чтобы заявленные въ нѣкоторыхъ заграничныхъ прессахъ отзывы въ пользу частностей или общности польскихъ движеній, были голосомъ націй, выраженіемъ общественнаго мнѣнія; иначе эти націизаставили бы насъ усумниться въ ихъ честности, миролюбіи и безпристрастіи. Въ этихъ отзывахъ, весьма сомнительнаго происхожденія, такъ много натяжекъ, грубыхъ историческихъ и дипломатическихъ невѣрностей, тонъ ихъ такъ раздражителенъ, такъ невѣренъ дѣйствительности явленій, что мы видимъ (въ нихъ не гласъ народа, а враждебные правому дѣлу и нормальному строю Европы отрывочные звуки не многихъ дамагоговъ, стоящихъ въ личныхъ интимныхъ отношеніяхъ къ польскимъ агитаторамъ, или въ одинаковомъ съ ними, демагогическомъ настроеніи мыслей и желаній. Мы не исчисляемъ здѣсь тѣхъ заблужденій, въ которыя волей-неволей вовлечена была европейская публика касательно характера польско-русскихъ отношеній—прошедшихъ и настоящихъ. Если Европа потрудится провѣрить изуродованные злостію, легковѣріемъ и коварствомъ польскихъ революціонеровъ факты изъ источниковъ болѣе чистыхъ и достовѣрныхъ, нежели польскіе, она скоро убѣдится, что ее обманывали самымъ наглымъ, самымъ безчестнымъ образомъ. И въ нашемъ изданіи указано много образчиковъ нелѣпыхъ притязаній, лжи и клеветы, разчитывавшей на легковѣріе, обманъ и сочувствіе польскому дѣлу Европы. Не угодно ли Европѣ, для вѣрной оцѣнки современныхъ явленій Царства Польскаго, хоть вообразить среди себя отношенія подвластныхъ ей областей, подобныя тѣмъ въ какихъ теперь находится Польша къ Россіи, не угодно ли ей поставить себя на мѣсто Россіи и сказать, по совѣсти, какъ бы она отнеслась къ подобнымъ явленіямъ? Не думаемъ, чтобъ она отказалась отъ Индіи, Алжира, тѣмъ болѣе Шотландіи, Ирландіи, Бретаніи, Савоіи и проч. и проч, потому только, что тамъ увеличилось crescendo мятежное настроеніе противъ statu quo, убито нѣсколько начальниковъ, невинныхъ гражданъ, заявлено нѣсколько неосновательныхъ и дерзкихъ адресовъ, организована революціонная шайка, выросшая въ толпу изъ десятковъ тысячь, унизившаяся до варѳоломеевской ночи и невѣроятныхъ злодѣяній. А чего не желаешь себѣ, того не желай и другому.

Если Европа подумаетъ, что указанныя выше, радикальныя мѣры къ предотвращенію польскихъ революцій на будущее время, могутъ угрожать ея равновѣсію, то она обнаружитъ незнаніе Россіи и легковѣрно подастся навѣянному ей со стороны опасенію. Равновѣсія въ Европѣ, понимаемаго въ обширномъ смыслѣ, никогда не было съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Россія, а между тѣмъ кто болѣе страдалъ отъ кого,—Европа ли отъ Россіи, или Россія отъ Европы? Вотъ ужъ полвѣка территорія Россіи превышаетъ 20,000 квадратныхъ миль территорію остальной Европы, а народонаселеніе первой чуть-чуть не равняется третей части народонаселенія послѣдней, а между тѣмъ, подала ли Россія хоть однажды серьезныя опасенія на счетъ утраты равновѣсія Европы? Въ теченіи этого времени она только два раза отбивалась отъ чуждыхъ притязаній, да нѣсколько разъ отмстила свою обиду, отстояла честь, защитила православіе, укротила одно буйство и на 14 лѣтъ отсрочила другое. Панславянизмъ, завоевательные виды Россіи—суть утопіи, подсказанныя Европѣ клеветниками Россіи. Завоеванія радикально противорѣчатъ обширности русскихъ владѣній, характеру русской народности и православія. Девизъ Россіи—миръ и спокойное наслажденіе дарами Провидѣнія. Это нація земледѣльцевъ, въ умѣ и сердцѣ которой никогда не западали и не западутъ разрушительныя тенденціи. У нея довольно счастія реальнаго для того, чтобы не гоняться за фантастическимъ, довольно своихъ дѣлъ, чтобы не мѣшаться въ сосѣднія, довольно своего добра, чтобы не желать чужаго. Вся исторія Россіи доказываетъ, что она врагъ завоеваній, что съ нѣкоторыхъ сторонъ пригодили къ ней незначительныя области отъ случайностей, инціатива которыхъ была внѣ завоевательныхъ тенденцій со стороны Россіи и что съ одной стороны она и доселѣ недосчитывается одной, своей родной, прекрасной области и не домогается ея. [1].

---

[1]) По мнѣнію нѣкоторыхъ заграничныхъ органовъ, Россія поступила незаконно въ отношеніи къ Польшѣ и вызвала ее къ настоящему буйству своимъ беззаконнымъ рекрутскимъ наборомъ, отяготѣвшемъ на одной шляхтѣ (однодворцахъ) и буржуазіи. Раздѣляя вполнѣ убѣжденія **Journal de St. Petersbourg**, высказанныя имъ по поводу этого обвиненія, мы прибавимъ отъ себя только то, что характеръ польскаго, рекрутскаго набора былъ со стороны русскаго правительства такою мѣрою, которая бы съ одной стороны парализовала дѣйствія революціонеровъ и сократила число ихъ, а съ другой дала возможность доброму нашему, из-

Извѣстіе изъ Ниццы.

Намъ пишутъ изъ Ниццы, что нѣкоторые члены русскаго общества, до 30 особъ обоего пола, дали тамъ 6-го февраля н. с. обѣдъ Г. М. Семену Николаевичу Сулимѣ, въ изъявленіе сочувствія какъ къ патріотическимъ литературнымъ трудамъ его [1]), такъ и къ установившимся отношеніямъ между нимъ и кіевскою археографическою коммиссіею, избравшею его своимъ членомъ. Обѣдъ этотъ былъ данъ въ залѣ Hôtel de la Grande Bretagne. Почти всѣ русскіе, находящіеся въ Ниццѣ, желали принять въ немъ участіе; но онъ былъ ограниченъ только дружескимъ кружкомъ близко знакомыхъ г. Сулимы, чтобъ не дать ему характера политическаго. Не смотря, однакожъ, на это, тамошнее польское общество нашло нужнымъ взволноваться, какъ смѣютъ des aristocrates moscovites давать обѣдъ à l'Ukrainien, и распространили слухи о польской демонстраціи. На это, разумѣется, русскіе не обратили никакого вниманія и обѣдъ состоялся. Хотя онъ былъ вызванъ всего болѣе чувствомъ **русскаго народнаго единства,** но о полякахъ и политикѣ на немъ не было ни слова, а были сказаны рѣчи: В. В. С-мъ, о значеніи въ обществѣ и родинѣ русскихъ женщинъ (главныхъ виновницъ обѣда) и М. Н. К-мъ, землякомъ

гнанному и забитому панскимъ деспотизмомъ народу отдохнуть и оправиться въ объятіяхъ свободы отъ прежнихъ насилій и полнѣй убѣдить ея въ любви къ нему и попечительности русскаго правительства.

[1]) С. Н. Сулима писалъ въ Nord'ѣ подъ именемъ Ukraïnien и Petit Russien, и издалъ нѣсколько брошюръ на французскомъ языкѣ по русско-польскому вопросу. Теперь онъ принялъ на себя знакомить иностранную публику съ изслѣдованіями кіевской археографической коммиссіи.

Украинца, въ которой онъ благодарилъ его за труды, а собраніе за сочувствіе къ Западной Руси. Послѣ обѣда, по вызову одной дамы (гр. А. В. А-ной), все общество поѣхало къ В. В. С-ну и по **щедрому** примѣру той-же дамы, сдѣлало подписку „въ пользу вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ смерти воиновъ, падшихъ подъ ножемъ убійцъ." Было собрано тутъ-же болѣе 2000 фр.; въ слѣдъ за тѣмъ почти на столько же подписались русскіе, не бывшіе на обѣдѣ, и подписка, при отправленіи въ Кіевъ письма, еще продолжалась. Предположено, по окончаніи подписки, деньги отправить прямо къ военному министру.

Дѣлясь съ нашей публикой этимъ извѣстіемъ, мы позволяемъ себѣ присоединить и свой голосъ къ голосу земляка нашего М. Н. К-го, чтобъ поблагодарить отъ души нашихъ сестеръ и братьевъ, за выраженное къ намъ сочувствіе, не потому, чтобы оно, какъ семейное чувство, нуждалось **для насъ самихъ** въ какомъ нибудь заявленіи, а потому, что **чужіе,** не знающіе насъ и слушающіе нашихъ враговъ, ожидаютъ отъ насъ разъясненія, въ которомъ мы не въ правѣ имъ отказывать. Какъ ни незыблемы связи нашего народнаго единства, какъ ни скрѣплены онѣ исторіей, географическимъ положеніемъ и нравственными началами, а все же не слѣдуетъ намъ пренебрегать общимъ мнѣніемъ Европы, извращаемымъ нашими врагами, и въ этомъ отношеніи, **живыя** заявленія русскихъ за границей, подобныя здѣсь описанному, могли бы служить самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на наглую ложь всѣхъ пановъ Духинскихъ передъ публикой, для которой наша Русь пока все еще terra incognita.

Кіевлянинъ.

16 февраля 1863 г. Кіевъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ КАМЕНЦА ПОДОЛЯНИНА.

Благодаря юго-западному Вѣстнику, мы достаточно познакомились съ преславутымъ адресомъ подольскаго магнатства, гдѣ высказалась вся мудрость и ученость нашей доморощенной аристократіи, помноженной всѣхъ на одну голову. Чего тамъ не

было высказано, Создатель ты мой!., и все это какъ будто бы хитро и мудро... Прочитавъ этотъ адрессъ, иной, пожалуй, не зная, что дѣлается въ нашей благословленной Подоліи, могъ бы подумать, что тамъ стоитъ только крикнуть изъ за угла какому нибудь шляхтичу: „bracia! pójdziemy na moskalów,“ — и весь подольскій народъ — отъ мала до велика — готовъ бы послушаться этого голоса, чтобы русскій подольскій край переродить въ Польшу, о которой и слышать мы не хотимъ, а вмѣсто двухглаваго русскаго орла, поставить одноглавый бѣлый польскій, при представленіи котораго поднимается въ душѣ, каждый разъ, такъ много безотрадныхъ и мрачныхъ воспоминаній... Мы говоримъ, что иной могъ бы подумать... да и какъ тутъ не подумать чего нибудь подобнаго? Въ адрессѣ на Высочайшее имя, такъ сказать, всѣмъ подольскимъ дворянствомъ (шутка ли это!) сказано было, что желаніе присоединить подольскій край къ Польшѣ и ввести въ этомъ краѣ законы и правленіе, разумѣется, сеймовой конституціи „есть всеобъемлющее желаніе края.“ Согласитесь, господа, что ложь въ подобнаго рода адрессахъ не только невозможна, но даже и не мыслима: лгать на самаго себя, обманывать другихъ для какихъ бы то ни было цѣлей, — пошлинькихъ или высокихъ, можетъ каждый, кто чувствуетъ въ себѣ къ этому призваніе и находитъ себя способнымъ; но лгать на цѣлую народность предъ лицемъ всей цивилизованной Европы, это больше чѣмъ сплетня, — пусть себѣ каждый наречетъ этотъ поступокъ такимъ именемъ, какое найдетъ болѣе приличнымъ и характернымъ для паньскаго гонóру. Сказать такую неправду на весь подольскій народъ было вамъ весьма легко, гг. польскіе магнаты, но почему вы, прежде, чѣмъ задумали написать это, не прислушались къ дѣйствительному желанію народа, къ его стремленіямъ и его взгляду на васъ? Нашъ народъ вотъ какъ смотритъ на васъ: „съ паномъ говори, а за пазухою камінь держи.“ Еслибы вы были поближе къ нашему народу, еслибы вамъ, хоть когда нибудь на досугѣ вашей праздной жизни, пришла мысль въ голову ознакомиться съ жизнью подольскаго народа, надъ которымъ столько лѣтъ господствовали наши отцы и дѣды, вы никогда бы ничего подобнаго не сказали. Да, не любитъ васъ подольскій народъ

и ему даже въ голову какъ прежде, такъ и теперь, никогда не приходитъ того мечтательнаго желанія, которое всплыло и теперь еще такъ сильно бродитъ только въ головахъ пановъ, гоноровыхъ поляковъ и безпардонной шляхты. Высказанное въ вашемъ адрессѣ настолько же имѣетъ въ себѣ нравственности, какъ тѣ устныя индульгенціи, которыя, будто бы безплатно раздаются ксендзами на исповѣди, и именно, что каждый полякъ, убившій одного русскаго, получаетъ прощеніе всѣхъ грѣховъ на пять лѣтъ. Мы не хочемъ и не думаемъ даже вѣрить въ этотъ безчеловѣчный обманъ, но только высказали его кстати, какъ ходячее у насъ мнѣніе, которое можетъ напугать и пугаетъ не одного.

Нашъ простолюдинъ, когда узналъ теперь о польскихъ движеніяхъ, онъ вскипаетъ гнѣвомъ при одномъ имени **ляха** и желаетъ какъ бы ему, хоть на время, сдѣлаться **козакомъ,** чтобы при этомъ удобномъ случаѣ отплатить своему недругу,—вѣдь на его спинѣ не зажили еще рубцы, безчеловѣчно проведенные панскими нагайками. Такую же любовь питаетъ ко всѣмъ полякамъ и подольскимъ панамъ и все наше мѣщанство. Желанное сочувствіе ихъ мечтамъ и всеобъемлющему quasi-желанію нашего народа, какъ разъ и кстати и въ пору было высказано обществомъ каменецкаго мѣщанства и русскимъ мѣщанствомъ 9-го февраля 1863 года. Вѣсти, сообщаемыя теперь въ газетахъ о польскихъ дѣлахъ, интересуютъ каждаго какъ грамотнаго, такъ и неграмотнаго и нашъ Каменецъ, въ послѣднее время, только и говоритъ, что о полякахъ, да о польскихъ дѣлахъ, а новости, негазетныя, а мѣстныя, самородныя, выростаютъ иногда въ самыхъ чудовищныхъ образахъ пугалищъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Многіе, вслѣдствіе разнесшагося у насъ слуха о пожарѣ, который долженъ быть непремѣнно въ половинѣ февраля, объ огромнѣйшей шайкѣ поляковъ, которые будтобы думаютъ уже скоро перешагнуть австрійскую границу; перетрусили не на шутку. Да, трудно сказать, какъ тутъ не бояться, когда люди дѣйствуютъ какъ-то изъ за угла, именно какъ разбойники. Ихъ образъ дѣйствованія можетъ наплодить много мошенниковъ, подъ именемъ поляковъ, домагающихся вольности... Но я ужъ слиш-

комъ заговорился и кинулъ то, о чемъ началъ. Послѣднія извѣстія о дѣйствіяхъ поляковъ въ Польшѣ, гдѣ высказалось столько безчеловѣчной средневѣковой жестокости католика къ православному и русскому войску, возбудили искреннее и пламенное желаніе у каменецкаго мѣщанства и купечества, чтобы отслужена была панихида за всѣхъ невинно убитыхъ въ Польшѣ православныхъ воиновъ. Обратившись къ городскому головѣ, они просили его, чтобы онъ предложилъ преосвященному отслужить такую панихиду. Въ субботу 9-го февраля, въ присутствіи многочисленнаго собранія народа всѣхъ сословій, всего мѣщанства и купечества, были отпѣты мѣстнымъ архіереемъ сначала благодарственный молебенъ Господу Богу съ колѣнопреклоненіемъ, а потомъ панихида и пропѣта вѣчная память „за всѣхъ невинно пострадавшихъ русскихъ воиновъ отъ неистовства польскихъ мятежниковъ." Мы отъ души радуемся этому явленію и передаемъ это извѣстіе какъ доказательство, что въ нашемъ народѣ полякъ никогда не найдетъ себѣ сочувствія для осуществленія задуманныхъ имъ плановъ. Вы не можете сказать, гг. поляки, что нашъ народъ радуется успѣхамъ русскаго воинства, молится и желаетъ имъ успѣха въ будущемъ и считаетъ васъ своими врагами, по приказанію сверху,—нѣтъ, это онъ дѣлаетъ самъ, по своему внутреннему убѣжденію и по крайнему своему несочувствію къ вамъ. Видно, нашъ простой народъ лучше васъ пановъ знаетъ, по преданію, исторію своего края, помнитъ хорошо ваши прежнія отношенія къ нему, когда у каждаго, даже бездомовнаго, **бурковаго** шляхтича, только и было на устахъ, что **вольность** да **nie pozwalam**, а на самомъ то дѣлѣ, выступалъ одинъ деспотизмъ и буйство распущеннаго панства, которое не можетъ смыслить себя безъ хлопства,—видно нашъ народъ знаетъ, что подольскій край никогда не былъ польскимъ и не можетъ быть такимъ!!!.....

М. февраль. Каменецъ-Подольскъ.

Подолянинъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ

Редакціи »Вѣстника югозападной и западной Россіи.»

Редакція Вѣстника не разъ уже была обвиняема и ясно и намеками, и на словахъ и въ печати за то, что она будто бы есть органъ правительства. Одинъ изъ литературныхъ паяцовъ назвалъ даже редактора-издателя Вѣстника **сыщикомъ**. Теперь мы сочли нужнымъ объясниться съ нашими читателями, по поводу этого крайне несправедливаго обвиненія и отвѣтить на два вопроса: на сколько оно состоятельно въ своей идеѣ, и въ какомъ оно стоитъ отношеніи къ Вѣстнику.

I.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ среди насъ возникло странное мнѣніе, что думать согласно съ правительствомъ значитъ ошибаться, значитъ желать Россіи не того, что для нея полезно,—идти путемъ ретрограднымъ. Мысль эта, скажемъ съ обычною намъ ясностію, лишена всякаго основанія и даже смысла. Чтобъ она не была софизмомъ, нужно предположить или то, что правительство желаетъ Россіи одного зла, или то, что оно постоянно ошибается въ выборѣ средствъ къ устроенію ея блага. Не думаемъ, чтобы оппозиція нашего правительства въ состояніи была доказать какъ первую посылку этой дилеммы, такъ и послѣднюю. Въ любви истинной, святой къ Россіи русскаго правительства можетъ сомнѣваться только тотъ, кто судитъ о немъ по себѣ, кто неспособенъ предположить въ другомъ ни искренности убѣжденій, ни безкорыстія дѣйствій, ни благородства стремленій, кто желалъ бы, чтобы правительство менѣе любило Россію,

оставило ее на время внѣ своей родственной опеки и предоставило ее на произволъ тѣхъ людей, любовь которыхъ хуже ненависти и которые, при искренности даже убѣжденій и безкорыстія тенденцій, моглибы оказать Россіи услугу не лучше той, какую оказалъ пустыннику Мишенька, согнавшій муху у друга ударомъ въ лобъ булыжникомъ, со всего размаху могучей лапы. Это сближеніе привело насъ къ второй посылкѣ нашей дилеммы,—оно наглядно убѣждаетъ насъ въ томъ, что люди берущіеся поправлять quasi ошибки правительства, обвиняющіе его въ ненормальности средствъ къ благополучію Россіи, берутся за дѣло для нихъ темное, не безъ эгоистическихъ, а порой и демагогическихъ тенденцій. Мы не говоримъ, чтобы правительство было рѣшительно всеобъемлюще и непогрѣшимо, чтобы корпорація, состоящая изъ людей никогда не сдѣлала ни одной ошибки; а только увѣряемъ, что она способна дѣлать ошибки слишкомъ рѣдко, менѣе каждаго изъ насъ порознь и даже въ совокупности, что, въ дѣлѣ созиданія блага Россіи, ошибки со стороны правительства—исключеніе, а со стороны частныхъ лицъ—правило. Это весьма естественно. Правительство есть спеціалистъ, вполнѣ изучившій средства къ достиженію въ данный моментъ возможнаго счастія Россіи. Оно относится къ дѣлу спокойно, безстрастно, разумно. Оно слагается изъ людей, стоящихъ во главѣ интеллигенціи; оно дѣйствуетъ въ коалиціи, и ошибки одного недѣлимаго замѣчаются и поправляются другимъ, оно можетъ впадать въ прегрѣшенія только невольныя [1]). Совсѣмъ инымъ характеромъ бываютъ запечатлѣны ошибки частныхъ лицъ! Онѣ весьма часто суть порожденія страстей, результатъ осязательнаго невѣжества, тщеславнаго желанія прапорщиковъ, критикующихъ Наполеона, или мухи, усѣвшейся на рогахъ вола и воображающей, что **„и онѣ пахали;“** онѣ большею частію — промахи вразсыпную, взаимно уничтожающіе сами себя. И тутъ мы не обобщаемъ нашей мысли. И частныя лица могутъ скромно и разумно заявлять свои мнѣнія,

---

[1]) Мы здѣсь отличаемъ ошибки правительства отъ прегрѣшеній администраціи, которыя поминутно старается устранить правительство.

разногласныя съ тою или другою мѣрою правительственною, и мнѣнія эти могутъ быть весьма основательны, и правительство на столько прогрессивно, что не просмотритъ резоннаго взгляда на дѣло развитыхъ и добросовѣстныхъ членовъ общества и настолько честно, что отказывается нерѣдко отъ своего намѣренія, когда замѣчаетъ, что истина не на его сторонѣ. Слѣдовательно тотъ парадоксъ, что убѣжденія частныхъ лицъ не смѣютъ сходиться съ убѣжденіями правительства, подсказанъ нѣкоторой части нашей публики или революціоннымъ направленіемъ или слабоуміемъ.

Предположимъ, что правительство путемъ логики и опыта пришло къ извѣстному заключенію и что въ этомъ заключеніи неодолимая истина: я тѣмъ же путемъ, независимо отъ мнѣнія правительства, не имѣя даже понятія объ его убѣжденіи, мѣрѣ, пришелъ къ той же истинѣ; чтожъ, ужели я долженъ отказаться отъ вопіющей истины потому только, что она можетъ быть истиной и по мысли правительства? Правительство, напр., убѣждено, что религія есть душа народа, что до тѣхъ поръ, пока религіозный элементъ проникаетъ жизнь народа, онъ могучъ, счастливъ, долговѣченъ; ужели я долженъ думать иначе, чтобы не имѣть несчастія сойтись въ убѣжденіяхъ съ правительствомъ? Правительство думаетъ, что послѣднія событія въ Царствѣ Польскимъ запечатлѣны характеромъ самаго варварскаго буйства, самаго звѣрскаго остервенѣнія, ужели я не могу думать объ этихъ событіяхъ также? Да куда же мы зайдемъ, если захочемъ идти врознь съ правительствомъ и установимъ правило не сходиться съ нимъ въ убѣжденіяхъ даже случайно? Ни болѣе ни менѣе какъ въ бездну самаго разрушительнаго нигилизма, въ отрицаніе всего разумнаго, честнаго, законнаго, святаго.

II.

Но сходиться съ правительствомъ въ убѣжденіяхъ теоретическихъ и практическихъ, еще не значитъ быть органомъ правительства. Мы указали и доказали естественность этой гармоніи въ мнѣніяхъ, внѣ всякихъ заднихъ мыслей и меркантильныхъ побужденій. Мы даже гордимся, если наши мнѣнія такъ совпали съ мнѣніями правительства, что люди близорукіе, несо-

собные возвышаться до честнаго отношенія къ истинѣ и добру, считаютъ насъ эхомъ правительства. Мы еще не такъ испорчены умомъ и сердцемъ, чтобы разногласіе съ правительствомъ считать безусловною нормою раціональности убѣжденій и противорѣчіе истинѣ, высказанной правительствомъ, девизомъ литературной дѣятельности. Торжественно заявляемъ, что мы свободные ратники за правое дѣло, хоть и не своевольные, что мы отстаиваемъ принципы, внушенные намъ собственною нашею совѣстію, независимымъ ни отъ кого, кромѣ чести и истины, умомъ и чувствомъ, что нашему девизу—**истина** мы можемъ измѣнить только по недоразумѣнію, но не съ умысломъ, подъ стимуломъ задней мысли, посторонняго вліянія.

Если какое угодно убѣжденіе можетъ имѣть свой органъ, если разныя либеральныя партіи группируются возлѣ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, ужели одно наше правительство не имѣетъ права на то, на что имѣетъ его всякій, одно оно должно быть лишено средствъ къ самозащищенію, когда ему нужно защищаться и защищать отъ оппозиціи противъ истинъ и правилъ, на которыхъ оно старается создать возможно большое благо общества? Смотря на вопросъ этотъ съ нормальной точки зрѣнія, нужно даже согласиться, что только органъ правительства, какъ выраженіе идеи порядка и благоустройства общественнаго, и есть тотъ единственный органъ, которому безусловно должны сочувствовать всѣ друзья истины и счастія, съ которымъ соглашаться весьма естественно и благородно и съ которыми расходиться,—значитъ быть врознь съ тѣми благородными стремленіями, съ тѣми резонными убѣжденіями, которыя протежируетъ для нашего блага заботливое правительство, Такимъ образомъ, быть органомъ правительства, значитъ быть органомъ самыхъ раціональныхъ убѣжденій, самыхъ законныхъ тенденцій; такимъ образомъ изданіе, которому правительство,, или точнѣе друзья порядка и защитники истины—сдѣлаютъ честь выбора своимъ органомъ, можно только гордиться этой честью, а не отрекаться отъ нея изъ угожденія какому-то модному, хоть и безсмысленному, если не злонамѣренному софизму. Но, къ сожалѣнію, нашъ журналъ не удостоенъ этой чести и мы, во имя святой истины, еще разъ торжественно

заявляемъ нашимъ читателямъ, что издаемъ его съ полною самостоятельностію и независимостію не только отъ правительства, но и отъ всякихъ другихъ вліяній, задачу его развиваемъ съ полною свободою, на основаніи только нашихъ собственныхъ убѣжденій—быть можетъ и согласныхъ съ убѣжденіями правительства и частныхъ благомыслящихъ лицъ (которыхъ, слава Богу, въ Россіи огромное большинство), и наконецъ матеріальныя средства къ изданію имѣемъ только отъ однихъ многочисленныхъ нашихъ подписчиковъ.

Редакторъ.

ВОРОНА

ВЪ

СОКОЛИНЫХЪ ПЕРЬЯХЪ.

(Посвящается птенцамъ изъ Герценовскаго гнѣзда.)

Въ наше время,—если мы имѣемъ право назвать нашимъ временемъ ту эпоху, съ которой Россія вступила въ новый періодъ своей исторической жизни, — выдвинулась впередъ *гигантская* личность, подобія которой напрасно было бы искать не только между знаменитѣйшими людьми XIX вѣка, столь богатаго событіями, явленіями, изобрѣтеніями, вызванными на свѣтъ Божій геніемъ этихъ людей, но даже между сказочными героями древняго міра, на которыхъ съ недовѣрчивымъ удивленіемъ взиралъ безконечный рядъ нисходящихъ поколѣній.

Личность эта есть никто иной, какъ извѣстный Русской публикѣ псевдо-либералъ, псевдо-патріотъ, псевдо-русскій Александръ Ивановичъ Герценъ, законный родо-начальникъ столь же извѣстной и знаменитой партіи якобинцевъ, называющихся „Молодая Россія.“

Какъ въ природѣ встрѣчаются явленія, причины которыхъ опредѣлить и изслѣдовать мы еще пока не можемъ, какъ причины почему данный предметъ въ природѣ названъ однимъ именемъ, а не другимъ, такъ точно мы не имѣемъ еще возможности объяснить, почему г. Герценъ почитается русскимъ человѣкомъ—по происхожденію, русскимъ патріотомъ по дѣйствіямъ и честнымъ человѣкомъ—по правиламъ.

По имени,—г. Герценъ—нѣмецъ; по мѣсту жительства и спискамъ,—Герценъ—агличанинъ; по своимъ дѣйствіямъ въ отношеніи Россіи и общества г. Герцену—нѣтъ имени.

Печальное и грустное явленіе представляетъ собою г. Герценъ въ настоящее время, но со временемъ, безъ всякаго

сомнѣнія, онъ будетъ собою представлять явленіе вполнѣ назидательное.

Какъ бы то ни было, рѣшаясь говорить о такой знаменитой личности, необходимо сперва опредѣлить, что такое г. Герценъ; но какъ путемъ анализа довольно трудно разрѣшить эту задачу, то мы рѣшаемся избрать систему уподобленій, для чего возвратимся опять таки къ природѣ, представляющей намъ богатый для того источникъ. И такъ—

Когда въ знойное лѣтнее время атмосфера преполняется тяжелыми испареніями и воздухъ становится удушливымъ, то тучи, заслоняющія собою солнце, разражаются отъ накопившагося въ нихъ электричества: оттуда молнія и громъ въ воздухѣ, а на землѣ часто пожаръ и смерть.

Когда въ какой-нибудь мѣстности нарушается законная пропорція между составными частями воздуха, и въ его массу проникаютъ вредныя для органической жизни испаренія и газы, тогда между населеніемъ, водвореннымъ на такой мѣстности обнаруживается чума, холера и разныя другія смертоносныя болѣзни.

Когда въ организмѣ человѣка кровь сгущается и пріобрѣтаетъ остроту, вслѣдствіе-ли употребленія несвойственныхъ его природѣ питательныхъ веществъ, либо сидячей жизни, сырой и темной квартиры, и другихъ причинъ, тогда органъ кожи воспаляется, покрывается сынью и вередами.

Накопленія въ государственныхъ кабинетахъ разнаго рода щекотливыхъ вопросовъ, недоумѣній, честолюбивыхъ замысловъ, экономическихъ и политическихъ соображеній, вызываетъ войну и проч. и проч.

Такимъ образомъ, громъ и молнія, чума, холера, война, сыпь и вереда суть естественныя послѣдствія *преполненія* составляющаго крайнюю и неизбѣжную точку при поворотѣ къ нормальному положенію; а всѣ эти явленія, вмѣстѣ взятыя, могутъ быть опредѣлены однимъ словомъ—«*изверженность*.»

Теперь будетъ весьма понятно, что Россія *преполненная*, вслѣдствіе продолжительнаго застоя, разнаго рода вредными для ея организма началами и элементами, въ смѣломъ и крутомъ поворотѣ къ новой, лучшей жизни, должна была выдержать обыкновенный въ этомъ случаѣ кризисъ и выдѣлить продуктъ, который названъ нами «*изверженностію;*» вмѣстѣ съ тѣмъ, по естественному порядку вещей, небывалое по своей громадной величинѣ и могучему складу государство, должно

было произвести и чудовищную по своей формѣ и свойству изверженность.

И такъ, отыскивая соотвѣтственное для г. Герцена опредѣленіе и разсматривая характеръ дѣятельности этой личности, нельзя несогласится, что г. Герценъ со всѣми своими доблестными сотрудниками, и въ качествѣ родоначальника шайки поджигателей и разбойниковъ, именующейся „Молодая Россія“ есть ничто иное, какъ безобразная и злокачественная *изверженность* Русской земли.

Но къ нещастію, далеко не въ такомъ видѣ представляется гигантская личность г. Герцена въ воображеніи тѣхъ злополучныхъ людей, у которыхъ вся нравственная жизнь, какъ вообще у всѣхъ восточныхъ народовъ, выражается въ формѣ воображенія: фантазіи, лишенной всякаго разумнаго соображенія. Они даже и не подозрѣваютъ, что г. Герценъ кажется великъ, честенъ и благороденъ только потому, что онъ за моремъ, и что если звукъ его „Колокола“ хорошъ, то это кажется потому только, что онъ долетаетъ до нихъ въ невнятныхъ тонахъ, гармонія которыхъ получаетъ совершенно иной смыслъ отъ соприкосновенія честнаго и строгаго критическаго разбора; что листки этого журнала пріобрѣтаютъ особенную для нихъ прелесть только потому, что они составляютъ запрещенный плодъ, нѣчто въ родѣ контрабанднаго товара, неочищеннаго пошлиною цензуры. Но и бубны хороши за горами, и тотъ, кому они не поразили слуховой перепонки на близкомъ разстояніи, останется, пожалуй, въ пріятномъ заблужденіи, что звукъ ихъ также плѣнителенъ, какъ свирѣль пастушка въ зеленыхъ рощицахъ Аркадіи счастливой.

Впрочемъ есть много людей, которые, придерживаясь благоразумной середины и поддѣлываясь поочередно, то подъ ладъ послѣдователей новой школы, то подъ тонъ охранителей стараго порядка, говорятъ, что г. Герценъ есть ничто иное, какъ неисправимый радикалъ, впрочемъ добрый малый, нѣсколько желчный, это правда, но тѣмъ не менѣе горячо преданный дѣлу своей родины, для блага которой онъ избралъ, конечно, путь нѣсколько странный и не совсѣмъ правильный, но во всякомъ случаѣ ясный и опредѣлительный.

Эта „громада словъ въ пустынѣ мысли“—какъ-бы сказалъ непремѣнно всякій дипломатъ-царедворецъ восточныхъ странъ въ отвѣтъ на подобнаго рода опредѣленіе,—есть ничто иное, какъ форма, въ которую облекается легкомысліе и невѣжество, скользящее по одной только поверхности всѣхъ важ-

*

нѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ, а какъ подобнаго рода сужденія и фразы усыпляютъ только бдительность общества и пріучаютъ беззпечно глядѣть на приближающуюся опасность, то такое легкомысленное заключеніе дѣлается равносильнымъ преступленію.

Г. Герценъ слишкомъ уменъ, слишкомъ свѣдущъ, чтобы не понимать всю несообразность проповѣдуемыхъ имъ идей. Онъ знаетъ очень хорошо, что государство, слагавшееся въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія въ формѣ монархической неограниченной, не можетъ такъ же произвольно, легко и своенравно разставаться съ своими историческими преданіями, и мѣнять форму правленія, какъ мѣняетъ покрой своей одежды парижскій франтъ, слѣдящій за малѣйшими видоизмѣненіями вѣтренной моды.

Г. Герцену очень хорошо извѣстно, что съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Россія, всѣ вожатаи бывшихъ безпорядковъ и усобицъ дѣйствовали на чернь именемъ царя, зная, какое магическое дѣйствіе слово это производитъ на народныя массы. Воля, власть, и особа царя были всегда священны для русскаго народа, и безъ всякаго сомнѣнія, останутся таковыми навсегда. Вѣра Православная, Бѣлый Царь и Русь Святая будутъ всегда для насъ родными звуками и призывнымъ сигналомъ,

Впрочемъ утопіи г. Герцена насъ весьма мало интересуютъ, а потому почитаемъ излишнимъ распространяться надъ ними; скажемъ только, что мы слишкомъ хорошаго мнѣнія объ умѣ и образованіи г. Герцена, что бы хоть одну минуту сомнѣваться въ томъ, что онъ нисколько неубѣжденъ въ непреложности проповѣдуемыхъ имъ идей, и что онъ не пишетъ для тѣхъ, которые имѣютъ свое убѣжденіе, какое-бы оно ни было, и въ чемъ бы оно ни было; а потому, по всей вѣроятности, сочиненія его предназначаются исключительно: либо для дѣтей малолѣтнихъ, либо для дѣтей совершеннолѣтнихъ; однимъ словомъ, онъ какъ видно, поставляетъ свой товаръ на тотъ возрастъ, когда еще человѣкъ не можетъ остановиться для разсужденій, и на такія натуры, которыя, остановившись даже, разсуждать не въ состояніи.

Сознаемся чистосердечно, что намъ недостанетъ ни знанія, ни умѣнья, что бы достойнымъ образомъ изобразить подвиги нашего новаго Палладина, храбро ратующаго перомъ для блага, процвѣтанія и славы обожаемой имъ родины; но долгъ гражданина, рѣшившагося вызвать признательность современ-

никовъ къ скромному труженику, какимъ, вѣроятно, хочетъ прослыть нашъ заморскій патріотъ, побуждаетъ насъ сложить хоть крошечный камешекъ къ подножію монумента, долженствующаго обезсмертить его славное имя.

Между тѣмъ, да позволено намъ будетъ, въ видѣ предисловія, разсказать одинъ случай, котораго мы были когда-то очевидцами.

Въ глухомъ закаулкѣ одной изъ нашихъ степныхъ губерній жилъ былъ богатый бояринъ. Управляя лично своимъ громаднымъ имѣніемъ, по заведенному предками обычаю и порядку, онъ довелъ его до возможнаго благоустройства. Славился онъ своимъ благочестіемъ, вполнѣ славянскимъ гостепріимствомъ, строгостію правилъ, а крестьянъ своихъ, съ которыми обращался честно, справедливо и по отцовки, онъ никому не давалъ въ обиду; богатство ихъ у сосѣдей сдѣлалось пословицей, и всѣ завидовали имъ и дивились такой благодати.

Но у боярина этого былъ сынокъ; и не походилъ онъ ни на батюшку, ни на матушку, ни на дѣдушку, ни на своихъ братьевъ, даже на русскаго человѣка не былъ похожъ, даромъ что родился въ Россіи,—такъ себѣ вышелъ онъ какой-то выродокъ, дрянцо-человѣкъ, какъ говорятъ на Руси. Пока былъ малъ, еще ничего, а какъ сталъ входить въ лѣта, то хоть заборъ подпирай. Товарищи его прозвали: кто—„лисій хвостъ.“ кто—„волчій зубъ,“ а кто просто „кошкой;“ каждое изъ этихъ прозвищъ вполнѣ соотвѣтствовало наклонностямъ его натуры.

Пришло время,—снарядили кошку на службу въ столицу; тамъ-то стало ему привольнѣе; шире: отца не было,—значитъ смотрѣть-то за молодцомъ было не кому, а ему не кого было бояться. Таскаясь съ утра до ночи по трактирамъ, театрамъ и разнаго рода увеселительнымъ заведеніямъ, завелъ онъ тѣсную дружбу съ людьми, которые въ обществѣ составляютъ грязный отстой, нѣчто въ родѣ чужеядныхъ растеній, живущихъ на счетъ другихъ породъ растительнаго царства.

Широкая его натура требовала громадныхъ средствъ, а отецъ, какъ бы предчувствуя, что сынокъ его способенъ загуливаться, присылалъ ему лишъ крайне необходимое для приличной жизни молодому человѣку, который, по своему происхожденію и связямъ, принадлежитъ къ высшему обществу.

Однажды, находясь, какъ говорятъ моряки, „на экваторѣ,“ т. е. безъ копѣйки денегъ, онъ разсказывалъ одному изъ самыхъ задушевныхъ своихъ пріятелей образъ жизни, какой ведетъ его отецъ въ деревнѣ, обычаи, порядки, заведенные въ

домѣ, и нравы домочадцевъ, исчисляя при томъ огромныя богатства и капиталы, которыми владѣетъ старикъ; наконецъ, изобразивъ въ самыхъ заманчивыхъ формахъ жизнь, какую бы они могли вести въ столицѣ, располагая хотя бы сотою частію такого громаднаго состоянія, онъ присовокупилъ, что всякій ловкій, рѣшительный и предпріимчивый человѣкъ дорогобы ему далъ за то, чтобы получить отъ него нѣкоторыя указанія, приложеніе которыхъ въ дѣлѣ осуществленія идей извѣстнаго коммуниста *„Бриссота“* надъ его батюшкой могло-бы увѣнчаться блестящимъ успѣхомъ.

Вообрази себѣ, любезный другъ, говорилъ „кошка,“ вѣдь я съизмала изучилъ скрипъ каждой двери и паркетной доски въ родительскомъ домѣ, время когда все засыпаетъ, продолжительность и даже твердость сна батюшки, мѣсто, гдѣ кладетъ онъ на ночь свои ключи, перегородки, ящики и полки въ шкафахъ и сундукахъ, гдѣ хранятся его сокровища, даже глупо-добродѣтельную натуру всѣхъ домочадцевъ, которые скорѣе допустили бы мысль и повѣрили, что барскіе деньжонки пощипалъ какой-нибудь лѣшій или домовой, чѣмъ *баринъ во фракѣ и въ лайковыхъ перчаткахъ*, и къ томуже-чтобы такой казусъ произошелъ подъ ближайшимъ руководствомъ законнаго наслѣдника — сына, во имя какой-то науки, проповѣдующей пользу равномѣрнаго распредѣленія богатства и всѣхъ благъ земныхъ.

Лукаво и обдуманно брошенное зерно, упавши на богатую почву, не замедлило принести обильный плодъ. Другъ молодаго барчука оказался именно такимъ человѣкомъ, какой былъ нуженъ для осуществленія великаго плана, — и вотъ, снарядившись въ путь, они обѣ отправились въ деревню старика-отца, и тамъ, подъ руководствомъ „звѣзды путеводительницы,“ какъ на этотъ разъ прозвалъ кошку его пріятель, все было улажено какъ по писаному; но когда *дорогіе* гости, по прошествіи нѣсколькихъ дней, садились въ экипажъ, чтобы съ награбленнымъ добромъ возвратиться назадъ въ столицу, то другъ кошки, при видѣ почтеннаго старца, напутствовавшаго сына молитвами и крестнымъ знаменіемъ, слыша вопль сбѣжавшейся со всѣхъ угловъ обширнаго барскаго дома челяди, нянюшекъ и мамушекъ молодаго барина, чуть чуть и самъ не прослезился, за что кошка обозвалъ его бабою и сказалъ, что по харктеру ему было бы приличнѣе проповѣдывать поученія въ родѣ масcильоновскихъ, чѣмъ мужественно бороться съ предразсудками общества и дѣйствовать къ ниспроверженію

варварскаго права собственности, и всѣхъ порядковъ и идей, которыми оно поддерживается.

Не станемъ распространяться о послѣдствіяхъ этого знаменитаго подвига, разсказывать, какъ по прошествіи нѣкотораго времени, когда покража была замѣчена, заподозрѣнные въ воровствѣ люди, одни сгнили въ тюрьмѣ, а другіе были сосланы на поселеніе,—какъ потомъ старикъ отецъ умеръ, а громадное состояніе, перейдя въ руки безпутнаго сына, было растрачено; скажу въ заключеніе, что когда послѣдняя копѣйка пошла на карту, кошка обратился въ волка, завербовался въ ополченіе и сложилъ гдѣ-то свою буйную голову въ послѣднюю компанію. Въ этой исторіи замѣчательно одно обстоятельство, что не смотря на то, что такъ много безвинныхъ людей пострадало по случаю украденныхъ денегъ, ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бросить тѣнь подозрѣнія на фракъ и желтыя перчатки.

Признаемся, что всякій разъ, когда встрѣчается гдѣ-либо имя ваше, г. Герценъ, невольно приходитъ на умъ герой нашего разсказа, и такъ и хочется спросить: ужъ не вы ли то самое лицо, о которомъ шла рѣчь? Но нѣтъ, вы во стократъ хуже этой отверженной обществомъ личности, потому что она искупила заблужденія и преступленія своей молодости смертію героя за дѣло своей родины, на что вы по малодушію вашему никогда не будете въ состояніи рѣшиться. Нашъ молодецъ обокралъ своего роднаго отца, а вы, г. Герценъ, обкрадываете честь, славу и доброе имя родины вашей, что несравненно и хуже и преступнѣе,—а какъ, сверхъ того, вы находитесь за моремъ, въ совершенно безопасномъ мѣстѣ и распространяя свои идеи и правила, посредственно загребаете такимъ образомъ жаръ чужими руками, то и въ этомъ отношеніи вы гораздо ниже представленной нами личности, которая хотя и не дѣйствовала лично, но тѣмъ не менѣе подвергалась опасности, попасть въ руки правосудія; наконецъ, для совершенія даже и такого гнуснаго дѣла, надо обладать нѣкотораго рода безстрашіемъ, чтобы равнодушно смотрѣть на казнь, висѣлицу, рисующіяся въ перспективѣ, но въ васъ мы не замѣчаемъ даже и этой позорнаго свойства отваги.—При томъ, какъ видно, вамъ и горя мало; сѣмяна разврата, цинизма, анархіи и безбожія, вами разсыпаемыя, заразили цѣлое поколѣніе молодыхъ и пылкихъ людей, и они рискуютъ ежечасно искупить позорною смертію, ссылкою, либо заточеніемъ зло и вредъ, причиненные ими обществу! Для достиженія вашей цѣли вы

не слишкомъ разборчивы въ выборѣ средствъ. Вамъ необходимъ высокій пьедесталъ, громкое имя, слава, удивленіе толпы, популярность,—и вотъ, вы готовы идти по слѣдамъ Стеньки Разина и Пугачева, лишъ бы натѣшиться удивленіемъ одурачённаго вами общества и подъ конецъ попасть на страницы исторіи, а до того времени заставить правительство бояться васъ, какъ грознаго и опаснаго врага! Но будьте покойны и радуйтесь: исторія найдетъ для васъ мѣсто на своихъ страницахъ, какъ всякое благоустроенное общество находитъ помѣщѣніе для своихъ членовъ, зараженныхъ прилипчивыми болѣзнями и нравственными недугами; чтоже касается правительства, то оно хотя и боится васъ, это правда, но на столько и въ такой степени, на сколько долженъ бояться всякій честный семьянинъ безнравственной женщины, покушающейся войти въ его домъ.

Ужъ не для того ли, чего добраго, вы такъ сильно хлопочите и суетитесь, чтобы прослыть патріотомъ въ родѣ Минина, Пожарскаго, Дмитрія Донскаго? Но позвольте вамъ замѣтить, что люди, снискавшіе себѣ право на это званіе, трудились всю жизнь не для своей славы, а для блага и славы своего отечества; что же вы такое сдѣлали для того, чтобы считать васъ патріотомъ?

Если бы вы только изобличали злоупотребленія частныхъ и правительственныхъ лицъ, несостоятельность административной системы, указывали на несообразности и ошибки дѣлаемыя вѣдомствами и учрежденіями,—однимъ словомъ, если бы вы такъ писали, какъ пишутъ граждане того государства, гдѣ нѣтъ цензуры правительства, а есть цензура чести, совѣсти и долга, тогда никто бы не рѣшился ни порицать, ни укорять васъ; напротивъ, вы могли бы себѣ составить сильную и многочисленную партію въ средѣ порядочныхъ и честныхъ людей, а не въ тѣхъ массахъ, которыя названы нами извержѣнностію. Свобода слова и печати нигдѣ не развита въ такой сильной степени, какъ въ Англіи, а между тѣмъ, не смотря на громадное населеніе этого государства, представляющаго собою самую разнообразную смѣсь людей противуположныхъ направленій, не нашелся однакоже до сихъ поръ ни одинъ человѣкъ, который бы рѣшился въ такомъ оскорбительномъ тонѣ писать объ Англіи и обо всемъ томъ, что составляетъ для англійскаго гражданина отъ лорда до пролетарія предметъ народной святыни, отъ того что такого, который бы дерзнулъ неоказать должнаго уваженія инсигніямъ

народной чести, чернь растерзала бы на улицахъ и закидала грязью.

Вы посвятили очень много времени и труда на то, что бы изучить отечество ваше—землю Русскую, но ученыя изслѣдованія ваши принесли такую же пользу родной землѣ вашей, какую для родительскаго дома принесли свѣдѣнія приведеннаго нами выше сына, который пріобрѣлъ ихъ въ то время, когда былъ еще ребенкомъ и нуждался въ попеченіяхъ родителей и нянюшекъ. Вы дѣйствительно изучили всѣ слабыя стороны, наболѣвшія мѣста, всѣ незакрывшіяся еще язвы злополучной родины вашей, и теперь, скрывшись въ безопасное мѣсто отъ преслѣдованія правосудія, вы, какъ тотъ отверженный Богомъ и людьми сынъ, указываете на эти язвы врагамъ нашимъ! „Вотъ наболѣвшее мѣсто," говорите вы,— „устремляйте въ эту точку ваши удары; вы ее проймете до живаго, до слезъ: она не выдержитъ, застонетъ болѣзненно и рушится въ прахъ, а тогда-бейте ее по головѣ, колите ее въ глаза, жгите ее огнемъ!„ И послѣ того, вы думаете еще называть себя русскимъ патріотомъ, благороднымъ и честнымъ человѣкомъ! Вы для насъ русскихъ тоже самое, что больная овца для стада, тоже самое чѣмъ былъ для родной семьи Хамъ издѣвавшійся надъ своимъ отцемъ, и для цѣлаго рода, чловѣческаго Каинъ, рѣшившійся поднять руку, нанести смертельный ударъ родному брату и впервые обагрить землю человѣческою кровью.

Вы въ вашемъ журналѣ № 146 храбро взываете къ правительству, и въ третій разъ заявляете свое домогательство что бы оно представило на судъ общества, открытія, сдѣланныя Коммисіею по дѣлу о зажигательствахъ въ Петербургѣ, при чемъ корчите видъ, что событіе это возмущаетъ васъ.

Возбуждая этотъ вопросъ, вы дѣйствуете, какъ ловкій дипломатъ, который смѣлымъ и гласнымъ заявленіемъ какой нибудь задушевной идеи, устраняетъ всякое подозрѣніе в своихъ соперниковъ на счетъ степени значенія, какую эта идея имѣетъ для него въ дѣйствительности.

Позвольте васъ спросить, кому, какъ не вамъ, г. Герценъ, принадлежитъ честь иниціативы этого подвига? Не вы ли родоначальникъ пораженнаго проказою общества, которое такъ нахально дерзко прозвало себя Молодою Россіею? Не вы ли, кидая грязью и брызгами вашей ядовитой слюны во все то, что искони было такъ дорого, такъ священно для русскаго человѣка, во все то, чѣмъ гордилась и чѣмъ гордит-

ся земля русская, растлили умъ и сердце молодаго поколѣнія, пріучили его ничему не вѣрить и надъ всѣмъ издѣваться, и вотъ оно, какъ младшее, и потому болѣе энергичное и впечатлительное, вдругъ опередило своего учителя и стало бѣшено проповѣдывать безначаліе, смерть, грабежи, поджоги! Все это идетъ съ вашей легкой руки, доблестный мужъ, надёжа русской земли. Въ этомъ дѣлѣ честь, слава и признательность общества вамъ принадлежитъ безспорно Взгляните на эту нищету и слезы, на пепелъ и обгорѣвшія стѣны десятковъ тысячъ жилищъ! Вслушайтесь въ эти проклятія, вопли къ правосудію Всевышняго, и порадуйтесь въ душѣ, потому что все видѣнное вами, есть дѣло рукъ вашихъ, вашихъ словъ и мысли.

Надо, однакоже, отдать вамъ полную справедливость, г. Герценъ, что выступая на это созданное вами поприще гражданской дѣятельности, вы набрали достойныхъ себя сподвижниковъ, но только ваша шайка, разумѣется, составлена на новыхъ началахъ и въ новой облагороженной формѣ. Въ числѣ ея членовъ, есть много людей благовоспитанныхъ, въ шитыхъ мундирахъ, фракахъ, лайковыхъ перчаткахъ, съ изящными манерами. Предки ваши по ремеслу, вооружались ножами, кистенями, топорами и, за неимѣніемъ болѣе благороднаго оружія, простыми дубинами. Дѣды эти также точно, какъ и вы съ сонмомъ вашихъ сотрудниковъ, разбросанныхъ въ разныхъ государствахъ, боялись дневнаго свѣта, полиціи закона, висѣлицы и плахи; они также, какъ и вы, не помышляли и не заботились о томъ, что бы строить, слагать, создавать, обогощать, благоустроять: это видите, какъ дѣло трудное, не входило въ программу ихъ дѣйствій. Вы же, господа, слѣдуя по той же самой стезѣ, какъ достойные сыны XIX-го столѣтія, отбросили съ презрѣніемъ оружіе вашихъ предковъ и сочли болѣе приличнымъ замѣнить его прокламаціями о прогрессѣ, о либеральности, равноправности, гуманности, толерантности и проч.: странно только, что эти благородныя слова въ своихъ результатахъ ничѣмъ не отличаются отъ дѣйствія кистеней, бердышей и пожарныхъ факеловъ предковъ вашихъ!

Итакъ, съ какой точки ни станемъ разсматривать вашу печальную личность, еще больше утверждаемся въ этомъ убѣжденіи, что съ нашей стороны нѣтъ ни малѣйшаго пристрастія въ признаніи за вами неотъемлемаго права именоваться безобразною извѣрженностію русской земли; но когда подумаешь о числи-

тельности вашей партіи, о фанатизмѣ вашихъ адептовъ, невольно сокрушаешься объ участи злополучныхъ семействъ, куда вы вносите нравственное растлѣніе и начала самаго безотраднаго, грубаго эгоизма! Печальна судьба твоя и страшенъ открывающійся тебѣ путь жизни, молодое поколѣніе! Какая сила, кромѣ Бога, можетъ оградить тебя отъ тлетворнаго дыханія нашихъ доблестныхъ патріотовъ, посселенныхъ внѣ предѣловъ нашего государства! Можно ли ручаться, что этотъ залогъ будущей жизни и силъ нашего отечества, это молодое поколѣніе, которое во всѣхъ другихъ государствахъ поддерживало славу народнаго имени, сражаясь за цѣлость, независимость и благостояніе своей родины и пріорѣтало глубокую признательность соотечественниковъ, что это молодое поколѣніе по своей неопытности, безпечности, и легкомыслію, устремляясь въ отверзтыя врата общественной жизни, не попадетъ въ искусно разставленныя вами сѣти, и послѣ разомъ, вдругъ обѣими ногами вступитъ въ среду, составляющую безобразную и громадную изверженность земли русскія, и мудрено ли что тогда еще болѣе усилятся справедливыя жалобы на то, что молодежь наша не можетъ приносить никакой пользы обществу, потому что по большой части вся она сильно проникнута дурнымъ духомъ и вредными идеями!

Экое твое горе, мать ты наша-земля Русская! Видно такова ужъ судьба твоя, что на почвѣ твоей ни одинъ талантъ, ни одна даровитая натура не сложится въ прокъ, и не созрѣетъ безъ какого либо изъяна! Человѣкъ твой раждается чудо богатыремъ, но въ послѣдствіи то сопьется съ кругу, то загуляется на смерть, то собьется съ пути истиннаго, то вдругъ понесетъ такую околесную, что уши вянутъ слушая. Да и не только съ людьми твоими такая притча дѣлается, но даже съ брошеннымъ на твои нивы зерномъ, которое, благодаря твоему тучному чернозему, другой разъ подымется въ листъ да стебель, и выгонитъ траву что твое дерево, а между тѣмъ отъ нея бѣдному земледѣльцу больше хлопотъ и горя, чѣмъ проку бываетъ!

Тоже самое и на васъ мы видимъ, г-нъ Герценъ! Между тѣмъ, при вашемъ громадномъ талантѣ, всесторонникъ свѣдѣніяхъ, блестящихъ способностяхъ и желѣзной энергіи, если бы по меньше было спѣси, заносчивости, гордости, и по больше тѣхъ качествъ, которыя называются гражданскими доблестями, сколько вы могли бы сдѣлать добра и пользы вашему отечеству, вашей родинѣ Если бы вы любили рус-

скую землю, не такъ, какъ Сатурнъ любилъ своихъ дѣтей; какъ волкъ любитъ овечку, и какъ почтительный сынъ любитъ своихъ родителей, не ужели бы вы несодрогнулись при мысли проповѣдывать реформы, съ факелами пожаровъ и ножами убійцъ въ рукахъ? Будь въ вашемъ сердцѣ одна только любовь къ истинѣ и стремленіе къ пользѣ, добру, а патріотизмъ вашъ безъ всякой примѣси личныхъ интересовъ, ненависти, злобы и желанія вредить правительству, вы, принимаясь проповѣдывать реформы, не могли бы изгнать изъ вашего сердца и ума, того чувства весьма понятной робости и осторожности, какими проникнуты бываютъ родители, поднося своему ребенку лѣкарство, которое, хотя можетъ спасти его жизнь, но въ тоже самое время и убить его, пропорція входящихъ въ него веществъ, неудачно составлена. Вы же какъ поступаете, проповѣдуя новыя идеи и реформы, стремясь разрушить тѣ порядки и понятія, которые медленно и безпрепятственно слагались въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія? Вы дѣйствуете какъ цыганъ коновалъ на ярмаркѣ, безтрепетно берущій въ руку шниперъ, что бы выпустить ведро крови изъ бѣднаго животнаго, которое потому только опустило голову и отказалось отъ жеванія корма, что тяжкій трудъ изнурилъ его силы, для возстановленія которыхъ необходимы только одно спокойствіе и отдыхъ, а не кровопусканія.

Но вы, г: Герценъ, какъ человѣкъ умный и расчетливый разомъ сообразили, что такого рода трудъ и служба, какую несутъ многія тысячи достойныхъ и честныхъ соотечественниковъ вашихъ, не принесетъ вамъ тѣхъ преимуществъ, какими бы вы желали пользоваться,—и вотъ вы, нацѣпивши себѣ на шею колокольчикъ, предпочли бѣжать за блестящею колесницею англійской конституціи, въ качествѣ шаловливаго жеребенка, лягаясь и брызгая грязью въ проходящихъ, предоставивъ на долю соотечественниковъ вашихъ тянуть въ потѣ лица нѣсколько тяжелую, это правда, но все таки свою, родную, телѣгу государственной администраціи, и только издали наслаждаться картиною вашей рьяной побѣжки и звуками бубенчика вашего. Разумѣется, вамъ, гг. реформаторы, наша скромная жизнь будетъ всегда не понутру, потому что для васъ, кромѣ славы, могущей польстить вашему самолюбію, и которую едва ли бы вы могли снискать, живя на почвѣ вашей родины, есть еще и другое побужденіе вполнѣ возвышенное и благородное, заставляющее васъ неукоснительно слѣдовать избраннымъ однажды путемъ. Побужденіе это, есть-чувство

ненависти, а вслѣдствіе того и жажда-мстить русскому правительству, которое во время оно преслѣдовало васъ за ваши юродства и проповѣдываемыя вами анархическія начала,—и что же мы видимъ? Убѣдившись въ невозможности отдѣлить правительство отъ государства и дѣйствовать въ ущербъ интересовъ одного, не причиняя вреда другому, вы махнули рукою и безъ оглядки повели вашу работу, усердно подкапывая двѣ силы и двѣ жизни, отечества и правительства вмѣстѣ, и, не смотря на полное сознаніе безобразія вашей работы, вы не можете лишить себя высокаго наслажденія—удовлетворить вашему тщеславію, хотя бы для того надо было принести въ жертву сотни тысячъ семействъ съ ихъ имуществами. Мы очень хорошо понимаемъ всѣ преимущества и удобства вашего настоящаго положенія. Личная свобода ваша застрахована вполнѣ удовлетворительно, а вы сами, вмѣсто того чтобы добросовѣстнымъ и положительнымъ трудомъ приложить къ общему итогу дѣятельности вашихъ соотечественниковъ свою жертву для блага общаго, вы, метаясь бѣшено на свободѣ, подняли пыль до облаковъ, а легкомысліе и легковѣріе приняло столбъ взвитой вами пыли за гранитную гору, воздвигнутую на прочныхъ и незыблемыхъ основаніяхъ; но когда придетъ время подвергнуть строгому суду обѣ стороны причастныя дѣлу, то ко́го, по вашему мнѣнію, общество будетъ казнить и клеймить позоромъ? Тѣхъ ли, которые впали въ заблужденіе, принявъ миражъ за существенность,—или тѣхъ, которые съ преступною цѣлью устроили этотъ миражъ и, какъ говоритъ русская пословица, напустили туману въ глаза?

Надо полагать, что успѣхъ, какой до сихъ поръ сопровождалъ стремленія ваши—сдѣлаться кумиромъ всей партіи несостоятельныхъ должниковъ правительства и государства, развилъ въ васъ самоувѣренность и нахальство въ такой сильной степени, какая установляется только въ натурахъ, вполнѣ обиженныхъ природою; и вотъ, въ пароксизмѣ этого нравственнаго недуга, набросившаго какъ бы повязку на ваше зрѣніе и на вашу проницательность, вы увѣнчали цѣлый рядъ сумазбродныхъ теорій, проповѣдуемыхъ вами, помѣстивъ въ томъ-же 146 № издаваемаго вами журнала, объявленіе „отъ центральнаго, народнаго, польскаго комитета въ Варшавѣ.“ Въ объявленіи этомъ „Рыбаки“ Варшавскіе, завидя издалека „своихъ,“ и говорятъ „Рыбакамъ“ русскимъ, поселившимся въ Лондонѣ, что-де они считаютъ *священною* для себя обязанностію, *вывести русскую публику изъ заблужденія* на счетъ стремленій

и цѣлей Польши, и потому увѣряютъ *честію*, что стремленія эти чисто либеральныя, что-де въ нихъ, полякахъ, нѣтъ уже ни тѣни шляхетскаго консерватизма,—что, напротивъ, они стремятся къ уничтоженію сословныхъ различій,—что цѣль ихъ есть: а) освобожденіе крестьянъ??! б) возстановленіе Польши въ древнихъ предѣлахъ, с) предоставленіе равноправности, самоправности, свободы совѣсти, и проч. За тѣмъ, объясняя категорически, почему русскіе, для собственнаго своего блага, славы и могущества, должны всѣми силами содѣйствовать имъ, полякамъ, къ осущественію ихъ плана, рыбаки эти говорятъ намъ, русскимъ: „вы, молъ, за то, что мы такъ добросовѣстны, заключите съ нами вѣчный союзъ и отдайте намъ Литву, Бѣлоруссію, Украйну, а мы, въ свою очередь, клянемся и обѣщаемъ, что съ вами, *русскими*, на *нашей польской землѣ*, будемъ жить дружно и мирно *и проч.*

И вотъ, г. Герценъ по прочтеніи этой ноты, въ порывѣ благороднаго патріотизма, проливая слезы умиленія, какъ нѣжный отецъ, завидѣвшій блуднаго сына, возвращающагося въ родительскій домъ, громовымъ голосомъ взываетъ къ Россіи (молодой,) и повелѣваетъ ей немедленно-же отдать Польшѣ всѣ русскія области между Днѣпромъ и Двиною! Поясняя, что для него области эти во все ненужны, что дружескій союзъ съ Польшею, а въ особенности съ „центральнымъ польскимъ комитетомъ въ Варшавѣ,“ онъ признаетъ для себя слишкомъ выгоднымъ и лестнымъ, чтобы спорить и торговаться о такихъ пустякахъ,—въ заключеніе, вѣроятно для сообщенія своей грозной нотѣ нѣкоторой устойчивости и кредита, г. Герценъ обращается къ русскому народу и говоритъ: кто и на этихъ столь выгодныхъ и блестящихъ условіяхъ, не подастъ руки дружбы полякамъ, тотъ не любитъ ни свободы, ни его, Герцена?

Неужели и эта шутовская выходка сосотороны г Герцена не преполнитъ мѣру долготерпѣнія русскаго общества, и оно не отведетъ сочиненіямъ его приличное помѣщеніе въ архивахъ желтаго дома, вмѣстѣ съ скорбными листами, тамъ хранящимися? Чтоже такое значитъ это объявленіе? Неужели и эту ноту его варшавскихъ друзей, съ собственнымъ коментаріемъ, г. Герценъ со временемъ прикажетъ признавать только за „Ноздревскую родомонтаду,“ какъ онъ назвалъ (послѣ Шедоферотьевскаго разгрома) письмо свое къ россійскому послу въ Лондонѣ, барону Брунову.

Всѣмъ извѣстно, что г. Герценъ—„либералъ“ какихъ свѣтъ

не видѣлъ,—что для устройства дѣлъ своей „обожаемой“ Россіи, не пощадилъ бы своего живота,—что, имѣя въ виду благо той же Россіи, онъ бѣжалъ заграницу, не столько для огражденія своей личности отъ придирокъ полицейскихъ чиновниковъ, сколько для того, чтобы имѣть возможность входить во всякое время въ непосредственныя соотношенія со всѣми государственными людьми Европы и вмѣстѣ съ ними обсуждать мѣры, для лучшаго устройства Россіи,—что онъ, Герценъ за дѣло народной равноправности и свободы, готовъ сложить на плахѣ свою голову,—а между тѣмъ вдругъ,—ни съ того ни съ сего, а просто вслѣдствіе отзыва центральнаго народнаго польскаго комитета въ Варшавѣ,—онъ даритъ Польшѣ громадной величины область съ десятью милліонами Русскихъ, не спросясь, угодно ли имъ примкнуть къ той самой Польшѣ, съ которою они пять столѣтій вели самую упорную и ожесточенную борьбу отстаивая свою вѣру, народность, собственность и права!

Фактъ этотъ можетъ быть объясненъ троякимъ образомъ: или г. Герцена *провели* самымъ безстыднымъ образомъ, и онъ, бѣдняжка, какъ всякій благородный и честный человѣкъ, не подозрѣвая, что на свѣтѣ есть люди, способные при случаѣ провести ближняго, чтобы потомъ потѣшиться на его счетъ, попалъ въ раставленные ему сѣти,—или онъ пустилъ въ свѣтъ это объявленіе, какъ „дипломатическую утку“ для какихъ нибудь невѣдомыхъ намъ цѣлей и осуществленія высшихъ политическихъ комбинацій,—или же, наконецъ, онъ напечаталъ это объявленіе, изъ страха навлечь на себя негодованіе и месть членовъ польскаго комитета, который могъ-бы лишить его дружбы и зачислить въ ряды консервативной партіи.

Допустить первое предположеніе мы признаемъ совершенно несообразнымъ; г. Герценъ слишкомъ свѣдущъ, и слишкомъ опытенъ въ житейскихъ дѣлахъ, чтобы вдругъ ни съ того ни съ другаго, повѣрить безусловно заявленіямъ какого-то комитета, который вовсе и не существуетъ, а что онъ не существуетъ, въ томъ насъ увѣряетъ и принимаетъ на себя поручительство и отвѣтственность почтенный редакторъ краковскаго „Часа,“ почти въ каждомъ № издаваемой имъ газеты, кредитъ которой у поляковъ такъ же великъ, какъ у магометанъ стихъ изъ корана; къ тому же, почти всѣ корреспонденты означенной газеты признаютъ даже оскорбительнымъ для народной чести Польши всякое предположеніе о существованіи такого комитета, увѣряя, что совершающимся въ насто-

ящее время революціоннымъ и анархическимъ движеніемъ въ Польшѣ управляетъ одинъ только общій всенародный инстинктъ, основанный на историческихъ преданіяхъ и чувствахъ патріотизма. Здѣсь какъ надо догадываться, одно изъ двухъ: или отзывъ польскаго народнаго комитета къ русскому Коріолану есть какая нибудь дерзкая и неумѣстная штука школьника—гимназиста, желавшаго подтрунить надъ г. Герценомъ, котораго онъ таки и поймалъ на удочку,—или, наконецъ, комитетъ дѣйствительно существуетъ, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ, принимая въ соображеніе энергическія протестаціи „Часа." признающаго подобнаго рода „сборища и шайки" недостойными польской націи и оскорбительными для ея чести, члены этого комитета, въ отношеніи Польши представляютъ собою ничто иное какъ „польскую изверженность", такого же свойства, какъ и продукція русской земли того-же наименованія, смыслъ и значеніе которой мы опредѣлили выше.

Нѣтъ, г. Герценъ! Чѣмъ ближе всматриваемся въ это дѣло, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ томъ, что оно не совсѣмъ чистое и честное и что едва-ли въ этой выходкѣ вашей не кроются какія нибудь темныя политическія комбинаціи, пока еще вамъ однимъ извѣстныя. Но вы горько ошиблись, г. Герценъ, въ вашихъ расчетахъ! Неужели вы полагаете, что мы до такой степени ограничены и недальновидны, что сей часъ-таки, развѣсивъ уши, и повѣримъ тому, что говоритъ вамъ польскій комитетъ, а его систему, составленную для *блага Россіи*, примемъ къ руководству, да еще скажемъ спасибо! Нѣтъ, г. Герценъ; если вы незнали до сихъ поръ, то узнайте, что мы твердо убѣждены въ томъ, что общество, развивавшееся при такихъ условіяхъ, какъ польское, въ теченіи почти десяти вѣковъ, не можетъ вдругъ переродиться, отказаться въ 1862-мъ году, отъ тѣхъ воззрѣній, идей и стремленій, которыя такъ еще были ему по сердцу въ началѣ 1861-го года, которыя проникли въ кровь и плоть, и всосаны съ материнскимъ молокомъ. Повѣрить въ возможность такого крутаго и не бывалаго певеворота въ цѣломъ народѣ, или лучше сказать въ цѣломъ сословіи, сословіи шляхетскомъ, можно было бы въ такомъ только случаѣ, если бы была возможность пересоздавать натуры по произволу и дѣлать флегматикомъ—итальянца, осѣдлымъ—цыгана, восторженнымъ—лапландца, апатичнымъ—испанца, вѣтреннымъ и рѣзвымъ—голандца, толерантнымъ и уважающимъ личность и законы - польскаго шляхтича, честнымъ—человѣка рѣшившагося присвоить чужія деньги и

бѣжавшаго съ ними за границу, чтобы оттуда проповѣдывать безкорыстіе и гражданскіе доблести.

Вы провозглащаете равенство, свободу, предлагаете Россіи учредить конституцію на самыхъ широкихъ основаніяхъ и хотите изъ нея сдѣлать демократическую республику въ родѣ сѣверо-американскихъ штатовъ! Но вы кажется, не хотите себѣ припомнить, во сколько обошлась Франціи подобнаго рода попытка въ 789-мъ году, и умалчиваете о томъ, какого свойства была эта пресловутая свобода въ первой республикѣ, когда главными дѣятелями были подобные вамъ либералы и равноправники! Имена этихъ дѣятелей такое же кровавое и грязное пятно на страницахъ французской исторіи, какое въ русской исторіи будетъ современемъ составлять сочетаніе именъ Пугачева, Стеньки Разина, ваше, и всей честной компаніи, которой вы имѣете честь быть представителемъ и родоначальникомъ; разница между вами и всѣми клевретами вашими, и какимъ нибудь Маратомъ и Робеспьеромъ, есть та, что при всемъ безобразіи и безнравственности этихъ личностей, они все таки не дерзали во имя свободы проповѣдывать раздробленіе Франціи и отчуждать какую нибудь Бретань въ пользу Англичанъ, во вниманіе того и на томъ основаніи, что тамъ поселилось искони нѣсколько англійскихъ семействъ, горланящихъ и домогающихся возстановленія англійскаго правительства, потому что малѣйшій намекъ былъ бы сигналомъ для разъяренной черни, и она закидала бы ихъ грязью и каменьями, какъ предателей отечества! Но вы какъ человѣкъ великодушный, дѣйствующій во второй половинѣ XIX-го вѣка, однимъ почеркомъ пера вдругъ отдѣляете отъ Россіи наслѣдіе Богдана и всѣхъ славныхъ дѣятелей въ исторіи освобожденія западной Россіи отъ польскаго ига; вы хотите попрать славу и разрушить дѣла этихъ доблестныхъ и великихъ людей, повергнуть ихъ въ прахъ и низвести къ уровню разбойниковъ и бунтовщиковъ, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы скромно стать на ихъ мѣсто! Можно ли послѣ того не сопричислить васъ къ лику народныхъ героевъ, чудо-богатырей, Фарлафъ вы этакой новѣйшаго времени!

Возвращаясь къ злополучному 146 №. вашего журнала, въ которомъ вы помѣстили объявленіе "центральнаго польскаго комитета," позвольте замѣтить вамъ г. Герценъ, что вы какъ видно, не приняли даже на себя труда вникнуть внимательно въ содержаніе этого документа, свидѣтельствующаго, что Богъ помрачаетъ иногда разсудокъ гордецовъ, не смотря на то, что

они действуютъ по хитро и зрѣло обдуманнымъ планамъ. Вчитавшись хорошенько въ этотъ замѣчательный документъ, вы не могли бы не замѣтить грубыя противурѣчія, встрѣчающіяся тамъ на каждомъ шагу. Такъ на прим, въ одномъ мѣстѣ члены этого комитета говорятъ: "для насъ нѣтъ Польши раздѣленной, для насъ Польша единая, та, которая состоитъ въ соединеніи Польши, Литвы, и *Руси.*" Значитъ, комитетъ раздѣленіе Польши считаетъ для себя невыгоднымъ, а для интересовъ государства не возможнымъ, и во все не принимаетъ въ соображеніе того, что и намъ, русскимъ, не совсѣмъ выгодно подчиниться тѣмъ же условіямъ и видѣть *Русь* отдѣленную отъ *Россіи.* Вслѣдъ за тѣмъ, вѣроятно что бы замылить намъ глаза и сообщить своей нотѣ *либеральный* колоритъ, комитетъ присовокупляетъ, что "впрочемъ, Литвѣ и Руси, будетъ *предоставлена* полная свобода (какое великодушіе!) распорядиться собою, согласно собственной ихъ волѣ,"—то есть—примкнуть, пожалуй, къ Австріи, Пруссіи, Россіи, не такъ ли? Слѣдовательно, опять таки допускается возможность существованія Польши безъ Литвы и Руси?! Дальше встрѣчается снова фраза загадочнаго и темнаго смысла, въ которой „члены комитета" говорятъ, что они надѣются на „братскій союзъ русскихъ и поляковъ на *нашей польской землѣ,*"—стало быть, по вашему, мы, 10-ть милліон. русскихъ, или какъ насъ называютъ австрійцы и поляки, „русины," живемъ на *землѣ польской* христа ради, какъ пришлецы, какъ гости, какъ колонисты, а потому и выгнать насъ можно въ случаѣ надобности, не такъ ли? Какъ тутъ не вспомнить, что „писано бо есть, погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергу„.

При совершающихся въ настоящее время событіяхъ смѣшно, право, когда подумаешь, что претензіи Польши на западную Россію опираются главнѣйше на жалкомъ актѣ Люблинскаго сейма 1569 года. Кто сколько нибудь знаетъ исторію, тотъ не рѣшится оспаривать, что люблинская унія между Литвою и Польшею, унія, которую подписало добровольно только нѣсколько семействъ шляхты польской и ополячившейся русской, есть ни что иное, какъ блѣдная и туманная тѣнь уніи американскихъ штатовъ,—а между тѣмъ, какіе-же мы видимъ результаты въ настоящее время, когда интересы южанъ столкнулись съ интересами сѣверянъ? Въ свою очередь, врядъ ли найдется кто нибудь изъ людей, знающихъ исторію и этнографію двугъ этихъ государствъ, который бы непризналъ

что между сѣверянами и южанами американскихъ штатовъ гораздо менѣе оттѣнковъ и особенностей, затрудняющихъ взаимную связь и согласіе, какъ между русскими западнаго края и поляками,—и наконецъ, всякій наблюдатель, слѣдящій за ходомъ событій въ тѣхъ же самыхъ двухъ государствахъ, не станетъ отвергать справедливость того факта, что свобода, проповѣдуемая поляками, такая же точно по своему характеру, какъ и та, за которую воютъ сепаратисты, т. е. свобода дѣйствовать по праву сильнаго, свобода обливать сѣрною кислотою тѣхъ, кто не носитъ траура, свобода оскорблять русскихъ женъ и дѣвицъ, и вообще женщинъ другой народности, не подчиняющихся правиламъ и порядкамъ, установленнымъ анархическою партіею:—однимъ словомъ такая свобода, какую вкушали нѣкогда русскіе, находившіеся подъ владычествомъ польши.

Впрочемъ надо сказать правду, что польша съ начала 1861 года совершенно переродилась, и въ ней нѣтъ и тѣни той польши, какою она была въ 1860 году, и прежде. Самъ „Комитетъ" въ нотѣ своей къ г. Герцену говоритъ какъ объ этомъ было сказано выше, что въ насъ уже нѣтъ ни тѣни шляхетскаго консерватизма, что польша стремится къ уничтоженію сословныхъ различій, къ полной свободѣ, вѣротерпимости" и проч. и проч.

Что поляки „стремятся," это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но куда и къ чему,—про то знаетъ одинъ Богъ; что же касается системы ихъ дѣйствій въ настоящій моментъ, то она, какъ слѣдствіе лихорадочнаго, напряженнаго состоянія, никакимъ образомъ неможетъ представлять собою прочнаго залога къ дальнѣйшему ходу дѣлъ потому же пути, ибо въ минуту народнаго движенія, каждая партія старается порисоваться предъ міромъ, сообщить своимъ стремленіямъ характеръ благородства, облечь свои дѣйствія мантіею героизма и такимъ образомъ возбудить къ себѣ сочувствіе народовъ слѣдящихъ за всѣми движеніями издали, въ качествѣ постороннихъ зрителей; такъ и въ настоящей прокламаціи центральнаго польскаго комитета указывается, между прочимъ, на рѣшительное и твердое намѣреніе комитета приступить „къ освобожденію крестьянъ съ землею,"—мысль, безспорно, счастливая, замѣчательная и въ высшей степени благородная,—жаль только, что она не пришла въ голову членамъ комитета 12 лѣтъ тому назадъ: тогда бы онъ былъ на столько впереди правительства русскаго, на сколько это правительство стоитъ

теперь впереди комитета; къ тому же и честь инициативы была бы тоже на его сторонѣ. Впрочемъ, объ этихъ вспышкахъ гражданскихъ доблестей и говорить не стоитъ, потому что въ жизни народовъ, какъ и въ жизни человѣка, бываютъ обстоятельства, когда онъ, такъ сказать, отрекается отъ своей природы; доказательствомъ того могутъ быть случаи, когда трусъ, въ минуту опасности, защищается иногда какъ герой.

Жаль, очень жаль, г. Герценъ, что рѣшаясь печатать вашъ манифестъ, въ которомъ повелѣваете намъ принять безусловно ультиматумъ покровительствуемаго вами комитета, не сдѣлали вы про себя этихъ соображеній и не порылись въ новѣйшей исторіи, чтобы навести справку, нѣтъ ли тамъ какихъ-нибудь фактовъ, для подкрѣпленія кредита вашихъ комитетскихъ друзей, и предлагаемыхъ ими условій; но какъ этого вы не сдѣлали, то позвольте мнѣ указать вамъ на одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ.

Когда въ послѣднюю восточную войну большая половина Европы ополчилась на Россію, и она, напрягая всѣ свои усилія, съ трудомъ отбивалась отъ совокупныхъ и дружныхъ натисковъ своихъ могущественныхъ враговъ, Польша, въ надеждѣ, что наконецъ приближается давно желанный часъ ея возрожденія, встрепенулась на всемъ своемъ пространствѣ и вновь устремила свои жадные взоры на русскія области, находившіяся нѣкогда подъ ея владычествомъ. Желая воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи, какъ самымъ благопріятнымъ моментомъ для осуществленія своихъ плановъ, польская эмиграція предложила Портѣ свое содѣйствіе и домогалась о предоставленіи ей права формировать польскіе легіоны; но какъ учрежденіе этихъ легіоновъ угрожало Австріи тѣмъ, что оно могло вызвать народное волненіе въ Галиціи, то она, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, отстранила отъ себя эту грозу; такимъ образомъ, вмѣсто предполагаемыхъ легіоновъ, эмиграція польская должна была ограничиться разрѣшеніемъ Порты—составить въ Добруджѣ три казацкихъ полка изъ людей всякаго званія, населяющихъ этотъ край, подъ главнымъ начальствомъ Садикъ-Паши (ренегата Чайковскаго). Само собою разумѣется, что всѣ офицеры и полковые командиры набраны были изъ членовъ польской эмиграціи, преимущественно изъ партіи князя Чарторижскаго, сынъ котораго командовалъ однимъ изъ этихъ полковъ,—слѣдовательно въ отрядѣ этомъ вліяніе и кредитъ Чарторижскихъ были весьма значительны.

Казалось бы, что въ такой торжественный моментъ, когда часто самое ничтожное обстоятельство рѣшаетъ судьбу государства, когда Польша болѣе, чѣмъ во всякое другое время, могла ожидать благопріятнаго поворота въ дѣлѣ возстановленія своей независимости, необходимо было бы преодолѣть всѣ свои врожденныя наклонности и, для поддержанія своего кредита, оставить Европу въ томъ убѣжденіи, что проповѣдуемыя ею либиральныя идеи сроднились вполнѣ съ ея природою, и что слова: равноправность, вѣротерпимость, и проч. не суть одни только пустыя звуки въ устахъ польскихъ бродячихъ патріотовъ. И что же? Члены польской эмиграціи, пользуясь удобнымъ случаемъ, своею властію и досужимъ временемъ, приступили къ обращенію служившихъ въ этихъ полкахъ *некрасовцевъ* и другихъ иновѣрцевъ, въ католическую вѣру,— и если бы не вмѣшательство въ это дѣло англійскаго посланника лорда Каннинга, вслѣдствіе представленія нѣкоторыхъ членовъ враждебной Чарторижскому партіи, то безчинства эти вызвали бы непремѣнно кровавыя распри (Смотри «Udział polaków w wojnie wschodniej» Милковскаго стр. 167, 168 и 169-я).

И вы, г. Герценъ, дерзаете послѣ того предлагать намъ, 10 м. русскихъ, поселенныхъ на родной почвѣ нашихъ западныхъ губерній условія какого-то невѣдомаго, невиданнаго комитета, гарантируя вашимъ именемъ исполненіе принятыхъ имъ на себя обязательствъ! Подумали-ль вы объ этомъ, что такого рода посулки, какъ свобода, собственность, равноправность, вѣротерпимость, автономія, бываютъ иногда неосуществимы даже и въ такомъ случаѣ, когда они предлагаются народу могущественнымъ и стройнымъ правительствомъ, потому что тотъ народъ, у котораго были связаны ноги и руки, и была повязка на глазахъ въ теченіи многихъ столѣтій, не въ силахъ и не въ состояніи вдругъ, безъ всякихъ приготовленій, дѣлать прыжки и кувыркаться какъ прыгаютъ и кувыркаются эквилибристы и балетчики, упражнявшіеся въ этихъ движеніяхъ съ измала! Не грѣхъ ли же вамъ такъ издѣваться надъ нами и позорить насъ передъ глазами Европы, которая по неволѣ составитъ о насъ самое грустное заключеніе, принявъ опубликованный вами документъ за образчикъ тѣхъ нелѣпостей, которыми можно еще дурачить насъ, русскихъ, и которыми въ другихъ государствахъ можно только морочить дѣтей и слабоумныхъ! Вѣдь сознайтесь по совѣсти, если-бы этотъ незримый комитетъ, вмѣсто того, что бы домогаться о

напечатанія въ вашемъ „колоколѣ“ его ультиматума, попросилъ бы у васъ взаймы сотню-другую фунтовъ стерлинговъ то, не смотря, что вы владѣете значительными капиталами, вывезенными вами изъ Россіи, что вы, подражая Гарибальди заявляете готовность жертвовать вашимъ благосостояніемъ за дѣло освобожденія народовъ,—все таки вы не ссудили бы вашимъ *«друзьямъ»* этихъ денегъ! Какъ же послѣ того вы рѣшились требовать отъ насъ, чтобы мы ввѣрили и судьбу нашу, и благосостояніе, и жизнь, и честь, и судьбу нашей родины въ руки комитета, которому вы не рѣшились бы ссудить какую-нибудь тысячу рублей, и который если бы и вздумалъ продать на биржѣ свои акціи, то онѣ могли бы только быть предложены въ качествѣ и цѣнѣ той бумаги, какую порядочные люди употребляютъ для..... оклейки своихъ комнатъ подъ обои.

Право, какъ ни разсуждай, какъ ни поворачивай эту,—какъ вы сами называете отливаемыя вами пули,—„Ноздревскую Родомонтаду,“ а все таки въ толкъ невозмешь, какимъ чудомъ Герценъ, Александръ Ивановичь, Искандеръ, человѣкъ не вѣрящій ни въ Бога, ни въ людей, ни въ правительства, скептикъ, атеистъ и разныхъ либеральныхъ идей проповѣдникъ, повѣрилъ безусловно въ заявленіе какого-то комитета и требуетъ, что бы и мы въ свою очередь повѣрили ему безъ всякаго залога и гарантіи.

Теперь необходимо мнѣ сказать вамъ въ заключеніе последнее слово. Въ припискѣ вашей подъ ультиматумомъ покровительствуемаго вами комитета, который, въ своей чистосердечной отеческой заботливости о благѣ и чести Россіи, требуетъ отмежеванія отъ нея западныхъ областей, того широкаго кладбища, гдѣ покоятся кости святыхъ угодниковъ, князей, героевъ и всѣхъ людей русскихъ—предковъ нашихъ,—той земли, гдѣ зрѣютъ сѣмена нашей новой жизни,—вы, г. Герценъ, говорите, что: „тотъ русскій, который и на этихъ основаніяхъ не подастъ руки дружбы полякамъ, тотъ *не любитъ свободы.*

Позвольте вамъ еще разъ напомнить, г. Герценъ, что мы люди и граждане, по этому имѣемъ полное право требовать, что бы съ нами вы обращались, какъ съ людьми и гражданами,—а между тѣмъ, въ порывѣ вашего эгоизма, вы до того забылись, что дерзаете предлагать намъ свободу такого рода и свойства, которую приличнѣе было бы назвать телячьею, овечьею, но ужъ ни въ какомъ случаѣ человѣческою, граж-

данскою. Быть можетъ, что для васъ и поборниковъ вашего дѣла, точно также какъ и для поименованныхъ четвероногхххъ все равно, живете ли вы на англійской, на французской, либо на итальянской почвѣ, лишь бы только вамъ было сытно, тепло да просторно; но мы гордимся именемъ русскихъ, признаемъ главнымъ условіемъ счастія жить на почвѣ нашей родины и дорожимъ честію нашего отечества, — а потому предпочтемъ всегда остававаться подъ собственнымъ своимъ русскимъ правительствомъ, какіе бы ни были его недостатки, трудиться въ потѣ лица надъ введеніемъ въ жизнь дарованныхъ намъ разныхъ полезныхъ учрежденій и новыхъ порядковъ, выжидая терпѣливо улучшеній многое число лѣтъ, чѣмъ подъ чужимъ скипетромъ, подъ чужимъ именемъ вкушать хваленую вами свободу, купленную цѣною чести русской земли и русскаго человѣка; и если вы такую свободу ставите выше всего, что дорого гражданину и всякому человѣку, любящему свое отечество, то оставайтесь себѣ съ друзьями вашими въ Лондонѣ, а объ насъ не безпокойтесь, не хлопочите, и не трудитесь предлагать совѣты въ такомъ родѣ, какіе въ баснѣ Крылова, даетъ своимъ подругамъ, — лисица безъ хвоста.

Александръ Горошковскій.

Одобрено Цензурою 18 Января 1863 г. Въ тип. А М. и Федорова.

СОДЕРЖАНІЕ VII КН. ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.